

В.И. САРИАНИДИ

ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ АФГАНИСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ·
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. И. САРИАНИДИ

ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ АФГАНИСТАНА

*

Материалы Советско-Афганской экспедиции
1969—1974 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

Книга посвящена далекому прошлому Афганистана — III—I тысячелетиям до н. э. В ней рассказывается об археологических открытиях, сделанных Советско-Афганской экспедицией, описываются предметы и памятники материальной культуры (изделия из камня и металла, керамика, архитектурные сооружения и т. п.). Автор пытается воссоздать основные этапы становления и развития хозяйства в эпоху бронзы и раннего железа, а также выявить культурно-исторические связи местного населения с родственными культурами народов советской Средней Азии.

Ответственный редактор

И. Т. КРУГЛИКОВА

Когда были открыты блестящие цивилизации Месопотамии и Египта, Ирана и Индии, представлялось, что именно этими древневосточными центрами и ограничивалась колыбель зарождения цивилизации Старого Света. В самом деле, многие десятилетия археологические раскопки в этих районах приносили все новые доказательства такому предположению, а сенсационные находки памятников древнего искусства, казалось, не оставляли никаких надежд на открытие столь высокой культуры в других областях в системе всего древневосточного мира.

Однако интенсивные археологические исследования послевоенного времени резко изменили наши представления о характере становления и путях развития древневосточной цивилизации.

Блестящие открытия англичан в Анатолии поразили научный мир почти фантастическим величием высочайшей культуры, существовавшей здесь в VII—VI тысячелетиях до н. э. Многогранное искусство Хаджилара и Чатал-Гююка, начиная от настенных фресок и мелкой скульптуры до разнообразных украшений, еще долго будет являться темой углубленного исследования историков культуры, пытающихся под внешней формой вскрыть глубинные мифологические, эпические и религиозные представления людей, обитавших в Южной Анатолии в эпоху неолита и энеолита.

Не столь блестящие, но не менее сенсационные открытия были сделаны в эти же годы на крайнем юго-западе советской Средней Азии. Здесь, в Южном Туркменистане, на узкой кромке плодородных земель, зажатых с одной стороны скалистыми предгорьями Копет-Дага, а с другой — великой среднеазиатской пустыней

Каракумы, складывается во многом самостоятельный древнеземледельческий центр.

Как установлено, уже в VI тыс. до н. э. плодородные оазисы предгорий Копет-Дага были усеяны неолитическими поселками джейтунской культуры. В ходе многолетних раскопок были определены основные признаки этой вновь открытой археологической культуры и намечено ее место в ряду синхронных культур в системе всего Древнего Востока.

Ярчайшую страницу в характеристику джейтунской культуры внесли выдающиеся открытия, сделанные археологом О. К. Бердыевым на поселении Пессиджик. Как оказалось, здесь в пределах, видимо, столичного поселения находилось здание, резко отличающееся от остальных своими обширными размерами, а главное — наличием стенных полихромных фресок, включающих геометрические, зооморфные и антропоморфные изображения.

Это первое, но, безусловно, не единственное святилище, где стенные панно с охотничьими сценами живо напоминают тематически близкие сюжеты фресок Чатал-Гююка, что выделяет Южную Туркмению в число немногих центров древнейшей культуры мирового значения¹.

Лишь безвременная кончина О. К. Бердыева не позволила ему продолжить столь удачно начатые работы по открытию и исследованию памятников древнейшего искусства на территории СССР. О многогранности научного дарования могут свидетельствовать его плодотворные работы в составе Советско-Афганской археологической экспедиции. Наряду с чисто археологи-

¹ Бердыев О. К. Матерьяльная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита. — В кн.: Первобытный Туркменистан. — Ашхабад, 1976.

ческими раскопками все свое свободное время он посвящал изучению быта и нравов туркмен, проживающих ныне в Северном Афганистане, результатом чего явилась написанная им историко-этнографическая монография «Девять месяцев в Афганистане».

Данью светлой памяти археолога О. К. Бердыева, столь много сделавшего в области изучения древностей Средней Азии и Афганистана, и является настоящая работа.

Джейтунская культура дала дальнейший толчок бурному развитию древних земледельцев Южного Туркменистана эпохи энеолита и бронзы. Высказано вполне обоснованное мнение о существовании здесь особого южнотуркменского центра. Эта яркая и во многом самобытная «анауская» культура резко расширила ареал распространения древнейших земледельческо-скотоводческих племен далее в восточном направлении. Создавалось парадоксальное впечатление, что в то время как Иран, Туркменистан, индийский субконтинент все более втягивались в орбиту становления и развития раннеземледельческих культур, территория Афганистана оставалась в стороне от этого процесса. Было очевидно, что такое положение соответствовало не реальному положению вещей, а лишь отражало недостаточность наших знаний о начальных этапах становления древнеземледельческих культур этой части Юго-Западной Азии. В самом деле, лишь в 1922 г. правительство Афганистана впервые предоставило европейским археологам право на проведение раскопок на его территории. И уже эти первые полевые исследования французов на юге страны на поселении Нади-Али показали реальную перспективность поисков здесь древних цивилизаций, что позднее было подтверждено работами американских археологов. В результате этих исследований стало очевидным, что Южный Афганистан, по крайней мере в IV тысячелетии, входил в зону распространения древнеземледельческих культур, а возможно, здесь находился один из самостоятельных центров «культур расписной керамики».

И вместе с тем до самого последнего времени из процесса сложения раннеземледельческих культур выпадал Северный Афганистан, где наиболее древние следы оседло-земледельческой культуры (да и то весьма скудные и отрывоч-

ные) относились к середине I тысячелетия до н. э. Однако благодаря работам совместной Советско-Афганской археологической экспедиции удалось установить, что уже во II тысячелетии до н. э. плодородные оазисы древней дельты р. Балх оказались густо заселенными древнеземледельческим населением, которое обнаруживает преимущественные историко-культурные связи не с югом страны, а с древним Хорасаном.

Стало очевидным, что расположенный в глубинах Азии Афганистан занимал промежуточное положение среди находящихся вокруг него оседло-земледельческих культур. Через его территорию проходили и скрещивались культурные линии связей, идущие в самым разных направлениях. В частности, древняя Бактрия являлась той территорией, где достаточно четко прослеживаются культурные веяния, идущие через Восточный и Центральный Иран вплоть до Луристана и в опосредственной форме — до Месопотамии. Эти параллели, порой еще отрывочные и аморфные, документируются монументальной архитектурой, металлическими изделиями (в том числе художественной бронзой), глиптикой Бактрии и дополняются явно импортными предметами месопотамского происхождения.

С другой стороны, хотя и в меньшей степени, но в той же Бактрии эпохи бронзы имеются косвенные данные, свидетельствующие о южных связях, идущих вплоть до городов хараппской цивилизации долины Инда. Пока еще предполагаемые культурно-исторические связи прослеживаются в самой общей форме и конкретный механизм их взаимодействия является делом будущих углубленных исследований. Вместе с тем их характер далеко выходит за рамки существования населения собственно Бактрии и составляет существенную страницу в истории племен Юго-Западной Азии во II тысячелетии до н. э.

Для примера остановимся на одном весьма существенном вопросе, связанном с начальным этапом распространения и сложения оседло-земледельческих племен Северного Афганистана. Можно считать доказанным, что материальная культура Бактрии и Маргианы была единой (если не сказать идентичной), что и дает право выделить бактрийско-маргианский ар-

геологический комплекс. Точно так же можно утверждать, что появление его здесь шло с запада на восток и что древний Хорасан являлся если не центром происхождения, то той областью, через которую шла магистральная линия расселения.

С другой стороны, вполне определенные и характерные категории вещей, такие как бронзовые туалетные флаконы и булавки, топоры-тесла с выступающей втулкой, зеркала и металлические сосуды и в особенности печати особого «чанхударовского» типа практически в это же время, помимо Бактрии, появляются в постхараппской культуре Джукхар. Если добавить, что в долине Инда вместе с распространением этих категорий изделий по существу полностью исчезают антропоморфная пластика и печати собственно «хараппского типа», то станет вполне осязаемой реальностью взаимосвязь этих явлений. В самом деле, при всей спорности происхождения культуры Джукхар отмеченные соответствия в изделиях бронзы и глиптики с Бактрией еще не дают права заключить об их прямой связи. Помимо северного пути проникновения подобных изделий, существовал, возможно, и южный. Доказательством этого могут служить хотя и скудные, но весьма показательные материалы Белуджистана (зеркало с антропоморфной ручкой) и в особенности инвентарь одной из могил в Мехи, почти полностью копирующий набор погребальных приношений Бактрии. Все еще слабая изученность памятников Южного Ирана препятствует более аргументированному доказательству существования наряду с северным южного пути расселения, но оставляет вполне вероятным предположение об общем для них западном центре происхождения.

Важность поднятых проблем усиливается еще и тем, что рассматриваемые исторические события падают на середину II тысячелетия до н. э., время, с которым специалисты связывают расселение индоиранских племен.

Нет никаких прямых данных, позволяющих связать эти события исключительно с Бактрией, но и нет оснований полностью исключать ее участие в предполагаемых событиях. Косвенным свидетельством тому могут служить виллообразные бронзовые изделия Бактрии, находящие точные соответствия в майкопской

культуре Кавказа и более пока нигде в системе Передней Азии, неизвестные. Не на кавказский ли путь продвижения индоиранцев намекают эти фактические данные, тем более что длинные вилы Сялка (аналогичные таким же из Бактрии) территориально занимают промежуточное место между этими двумя обширными регионами Передней Азии?

С другой стороны, новейшие материалы этой древней страны не только решительно противостоят «среднеазиатскому пути» арийского продвижения, но и ставят проблему взаимоотношения степных и оседло-земледельческих племен на новую ступень их исследования. Не вдаваясь в детали всей проблемы в целом, отметим, что стоянки с керамикой андроновского типа известны теперь не только в непосредственном соседстве с земледельческими оазисами Маргианы, но и Бактрии, однако пока ничто не указывает на их повсеместное взаимное противоборство. И наоборот, так называемая «культура заманбаба» в низовьях р. Зеравшан может рассматриваться как продвижение на север (в поисках новых земель?) оседло-земледельческих племен Бактрии, которые в конечном счете оказались ассимилированными в среде местных степных племен. Очевидно, что и этот вопрос — объект будущих углубленных исследований, новый аспект старой проблемы взаимоотношения степных и земледельческих племен в середине — второй половине II тысячелетия до н. э.

Наконец, новейшие фактические данные выделяют Бактрию в один из немногих центров, где интеллектуальное развитие местного общества достигло чрезвычайно высокого для своего времени развития. Для примера остановимся лишь на одной группе находок, глиптике, в особенности на каменных печатях-амулетах, гравированные рисунки которых в ряде случаев имеют тематическое значение. Уже предварительное рассмотрение показывает, что основная семантическая нагрузка их выражена в противопоставлении, в борьбе положительных (мирные животные, люди, птицы) и резко отрицательных (драконы, чудища) персонажей. Имеется много вариаций на эту основную идею, по существу отражающую борьбу добра и зла, тьмы и света, т. е. в конечном счете ту этно-религиозную систему, которая получит свое

законченное оформление в учении Зороастра. Нет никаких оснований с ненужной поспешностью возводить Бактрию в родину Зороастра, но есть все данные предполагать существование здесь развитых сложных мифологических воззрений, основанных на противоборстве положительного и отрицательного начал, что в переработанном виде могло затем войти в философскую концепцию основоположника новой религии. И, может быть, не случайно из той же Бактрии происходит металлический амулет с изображением (помимо дерева и птиц) верблюда и младенца, возможно отражая эпическую традицию, согласно которой проповедник новой религиозной системы в юности был погонщиком верблюдов, что как будто находит свое отражение в этимологии имени Зороастра.

Сказанного достаточно, чтобы оценить все значение новых прямых археологических фактов, полученных в ходе экспедиционных работ в Бактрии. Настоящая монография представляет собой не более как первичную обработку всего известного материала и по существу является лишь началом будущих углубленных исследований на эту тему. Потребуется многие десятилетия и усилия многих специалистов, чтобы заглянуть в духовный мир бактрийцев, окутанный тьмой бесписьменной истории, но залогом будущих блестящих открытий уже сейчас являются богатейшие коллекции разнообразных памятников древнего искусства, в которых в зашифрованном виде отразились их сложные представления об окружающем и потустороннем мире. И уже сейчас можно утверж-

дать со всей определенностью, что древнейшая Бактрия составляла не периферию, а самостоятельный, оригинальный центр древневосточного мира, являясь ареной многих исторических событий, захвативших Юго-Западную Азию во II—I тысячелетиях до н. э.

Точно так же можно не сомневаться, что эта работа не могла бы быть подготовлена в настоящем виде, если бы автору не оказывалась повседневная помощь со стороны всех сотрудников Советско-Афганской экспедиции. В разные годы, но с одинаковой энергией и энтузиазмом в работах отряда по изучению первобытных памятников с советской стороны принимали участие С. А. Панарин, В. С. Долгоруков и Т. Х. Ходжаниязов, а с афганской — А. Х. Азами, которым автор приносит самую искреннюю благодарность.

Разграбление сотен, если не тысяч могил Бактрии эпохи бронзы привело к тому, что наиболее выдающиеся изделия тореvтики, глиптики, ювелирного дела, некогда входившие в состав погребальных приношений, попали в антикварные лавки Кабула и осели в частных коллекциях Европы, Азии и Америки. Вместе с тем благодаря любезности кабульских антикваров и особенно Джалала Рахмат, Гафура Гуляма, Абдул-Шукура удалось снять пленки, сделать зарисовки и фотографии многих вещей, ныне безвозвратно потерянных для науки. Всех этих антикваров автор также благодарит за понимание и содействие в учете, регистрации и первичной фиксации памятников искусства древнейшей Бактрии.

ВВЕДЕНИЕ

До работ Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) древние памятники Северного Афганистана были изучены в археологическом отношении весьма неравномерно. С одной стороны, в горах Гиндукуша были открыты памятники палеолитического времени, а с другой — на Бактрийской равнине блестящая городская цивилизация античного периода. С целью заполнения этого досадного пробела специальный отряд САЭ с первых же лет своих полевых работ приступил к поискам древних памятников промежуточного периода. В результате на левобережье Амударьи были открыты ранее совершенно неизвестные памятники каменного века (мезолит—неолит), а на аллювиальной Бактрийской равнине — оседло-земледельческие поселения эпохи бронзы.

Отдельные местонахождения и стоянки каменного века в контактной зоне песков и такыров левобережья Амударьи пока еще сравнительно немногочисленны, но представляют для истории науки исключительный интерес.

Думается, что где-то в конце мезолитической эпохи обитатели скальных навесов и пещер северных предгорий Гиндукуша наряду с охотой уже делают первые опыты по занятию примитивным земледелием, свидетельством чего могут являться каменные мотыги. Дикие, а возможно уже частично окультуренные, злаки могли срезаться кремневыми пластинами и затем обмолачивались на каменных зернотерках. Прирученные овца и коза дополняли потребности в мясе, добываемом еще в основном охотой. Казалось бы, налицо все основные предпосылки перехода к оседло-земледельческому способу хозяйства, однако поселения такого типа до сих пор в пределах Северного Афганистана неизвестны. Можно думать, что они еще будут открыты в будущем, однако не исключено и другое предположение, связанное с неблагоприятными экологическими условиями для сложения древнеземледельческого хозяйства.

Хотя со времен Н. И. Вавилова и Д. Д. Бу-

кинича в науке твердо установилось мнение о чрезвычайном разнообразии видов пшеницы в Афганистане, оба автора неоднократно подчеркивали, что основной центр сортового богатства мягкой пшеницы находился в Юго-Восточном Афганистане, где, кстати, были найдены и настоящие родоначальники культурной ржи¹. Более того, оба автора после своей экспедиции в Афганистан прямо указывали, что на Бактрийской равнине отсутствуют географические элементы, необходимые для создания оседлой земледельческой культуры, сколь угодно аналогичной культурам Месопотамии, Египта, Индии. И, наконец, показателен их основной вывод: «Следов интенсивной оседлой высокой культуры, равноценной или хотя бы сходной с великими цивилизациями древности, здесь не удалось найти и, как нам представляется, никогда и не удастся»².

В самом деле, предгорные увалы Северного Афганистана представляют собой слоистые почвы с включением гальки, покрытые большим количеством щебня с гор. Они малопригодны для земледелия, так что и сейчас основным типом хозяйства здесь является полусоседное скотоводство. Отметим также, что отсутствие ледников служит причиной плохой естественной регуляции водного режима рек, зависящих лишь от метеорологических условий, когда, например, малое количество выпавшего снега приводит к иссяканию рек. Горные ручьи и весенние паводки увлекают за собой такое большое количество камня, гальки и щебня, что предгорья и поныне трудны для освоения их под земледелие, так что древний человек поры мезолита, спускаясь с гор, вынужден был не останавливаться в предгорьях, а углубиться дальше в приамударьинские тугай, изобиловавшие дикими животными и рыбой.

¹ Вавилов Н. И. и Букиннич Д. Д. Земледельческий Афганистан. М., 1959, с. 50.

² Там же, с. 102.

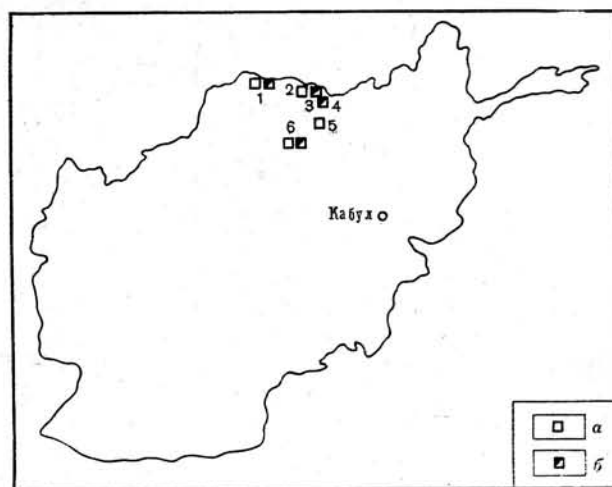
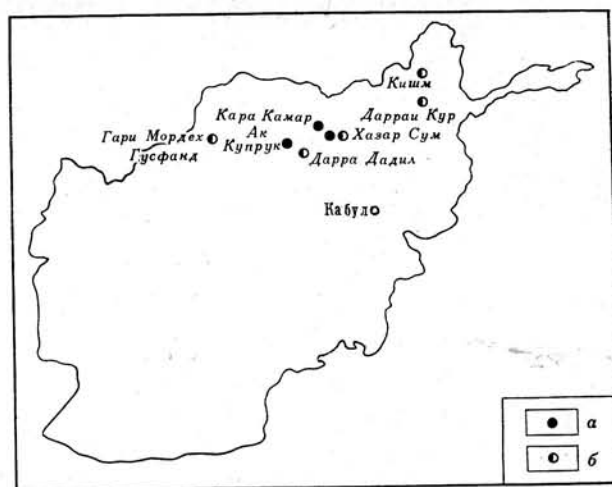

Рис. 1. Схема распространения памятников среднего (а) и верхнего (б) палеолита

В свете сказанного принципиально важного интереса заслуживает открытие Советско-Афганской экспедицией на левобережье р. Амударьи памятников каменного века.

Так, помимо Келифта, единичные кремневые изделия типа удлиненных пластин, концевые скребки, карандашевидные нуклеусы встречаются в урочище Уч-Тепе, к северу от г. Мазари-Шариф; среди них выделяются пластины с боковой выемкой и двусторонней ретушью. Среди единичных находок выделяется пластина с боковой выемкой, видимо, служившая скобелем. С обратной стороны пластина обработана двусторонней ретушью по обоим краям.

Более выразительная коллекция получена была в контактной зоне песков и такыров у дороги, идущей от Ташгузара к Мазари-Шарифу, в 1 км к северу от античного города Топрак-Кала. Это пустыня с песчаными барханами сиреневого цвета, достигающими 2—3 м высоты, с множеством мелкой гальки и речных окаменелых раковин. Местами высятся глинистые останцы, чередующиеся с барханами. Здесь, на выдувах, среди межбархановых гряд были выявлены единичные кремневые изделия, в том числе массивные одноплощадные карандашевидные нуклеусы, много необработанных пластин, отщепов. Среди этой коллекции выделяются несколько орудий, заслуживающих особого рассмотрения,³ в частности пластина со струганой спинкой, с крутой краевой ретушью, что придало орудию сегментовидную форму. Это геометрическое орудие, возможно вкладыш, может быть отнесено к мезолиту.

Найден также обломок острия на пожевидной пластине с крутой, противоположной ретушью. Само острие выделено сверху со стороны брюшка, что придало орудию характерный скос. Снизу, на острие, ретушь нанесена со спинки. Скос придает орудию общую геометрическую конфигурацию, что может указывать на принадлежность его к мезолитической эпохе.

Наконец, имеется пластинка с краевой ретушью, обработанная со стороны спинки крутой мелкой ретушью. Следы сильной сглаженности на ретуши, возможно, указывают, что это нож или вкладыш. Остается добавить, что орудия изготовлены из высококачественного кремня.

Описанная коллекция, по-видимому, относящаяся к позднемезолитическому времени, фиксирует довольно раннее время обживания человеком приамударьинских песков, причем сами орудия указывают на занятие не только охотой (и, возможно, рыболовством), но и, по-видимому, сезонным, примитивным земледелием.

Следующие местонахождения каменного века отмечены по дороге на порт Хайратон в контактной зоне, где такыры сменяются песчаными барханами. Здесь среди барханов, на выдувах, находится развешенная стоянка, усыпанная кремневыми отщепами и отдельными кремневыми орудиями, среди которых выделяются крупные пластины и скребки, в том числе концевые.

Следующий пункт кремневых местонаждений отмечен посередине автодороги между г. Мазари-Шариф и г. Ташкуртан, в северной части Наибабадского оазиса. Всего здесь выявлено три стоянки, из которых наибабадская стоянка 1 располагается на песчаном выдуве, где в радиусе 30 м прослеживается «пятно» россыпи кремневых отщепов и орудий. Последние в основном состоят из крупных плас-

³ Материал просмотрен В. Ф. Старковым, за что приношу ему благодарность.

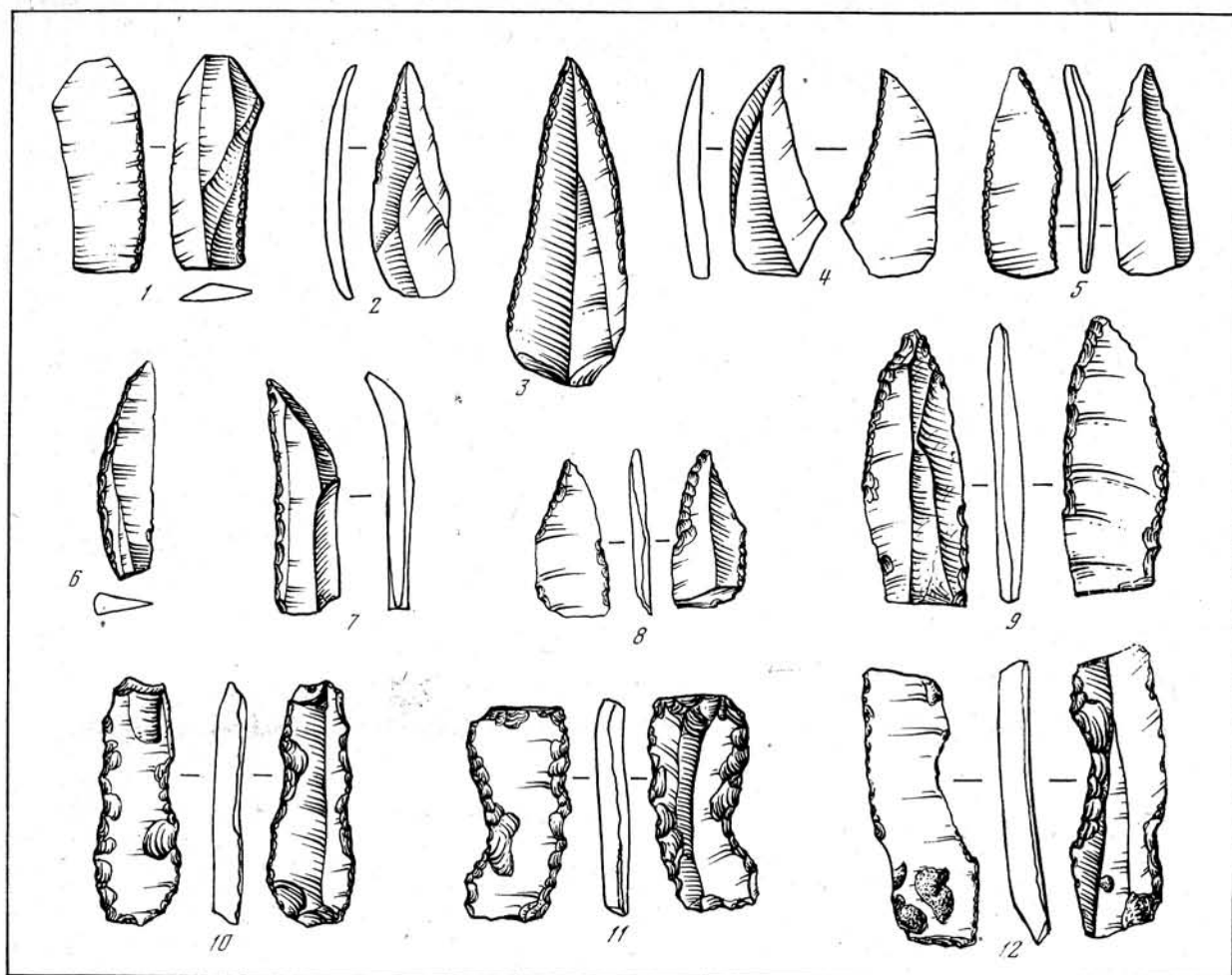

Рис. 2. Каменные орудия приамударьинской неолитической культуры Сиах Риган (1—5), Ташгузар (6—9), Уч-Тепе (10—11), Наибабад-2 (12)

тин, иногда с ретушью, и в меньшей степени — из концевых скребков. Встречены кремневые ядрища, нуклеусы, в том числе карандашевидные.

Наибабадская стоянка 2 располагается в 3—4 км от вышеописанной, на песчаном бугре. Встречены единичные отщепы и пластины из кремня.

Наибабадская стоянка 3 располагается в 4,5 км к северу от асфальтового шоссе, среди выдувов первой песчаной гряды. Здесь в радиусе 30—40 м находится «пятно», сплошь усыпанное кремневыми отщепами, нуклеусами, крупными, изредка ретушированными пластинами и в меньшей степени — концевыми скребками. Выделяются пластины с крутой пильчатой ретушью, возможно, служившие вкладышами от серпов. Кроме того, встречено два фрагмента керамики гончарной лепки, сильно окатанных. Если отметить, что близкие по

форме пластины встречены на рядом расположенных оседло-земледельческих поселениях типа Наибабад 1, относящихся к первым векам I тысячелетия до н. э., то можно допустить позднюю датировку и этого материала. Думается, что стоянки Наибабад 1—3 относятся к пост-неолитическому времени, когда вчерашние охотники, рыболовы и собиратели входят в контакт с традиционно земледельческим населением.

Сразу же отметим, что в 1,5 км от современного селения Наибабад, у самых гор имеется урочище Сангалаг, где отмечено огромное скопление валунов и кремневых галек. Местные жители хорошо знают свойство этого камня, называют его чекмак, т. е. кресало, и до сих пор используют его в быту. Очевидно, что в конкретном районе, при редкости металла, кремль широко использовался с древнейших времен почти до современности, заменяя в определенной степени металлические орудия.

В 15 км к северо-северо-западу от г. Ташкурған находится урочище Сиах-Риган (Черные пески), где опять-таки в контактной зоне

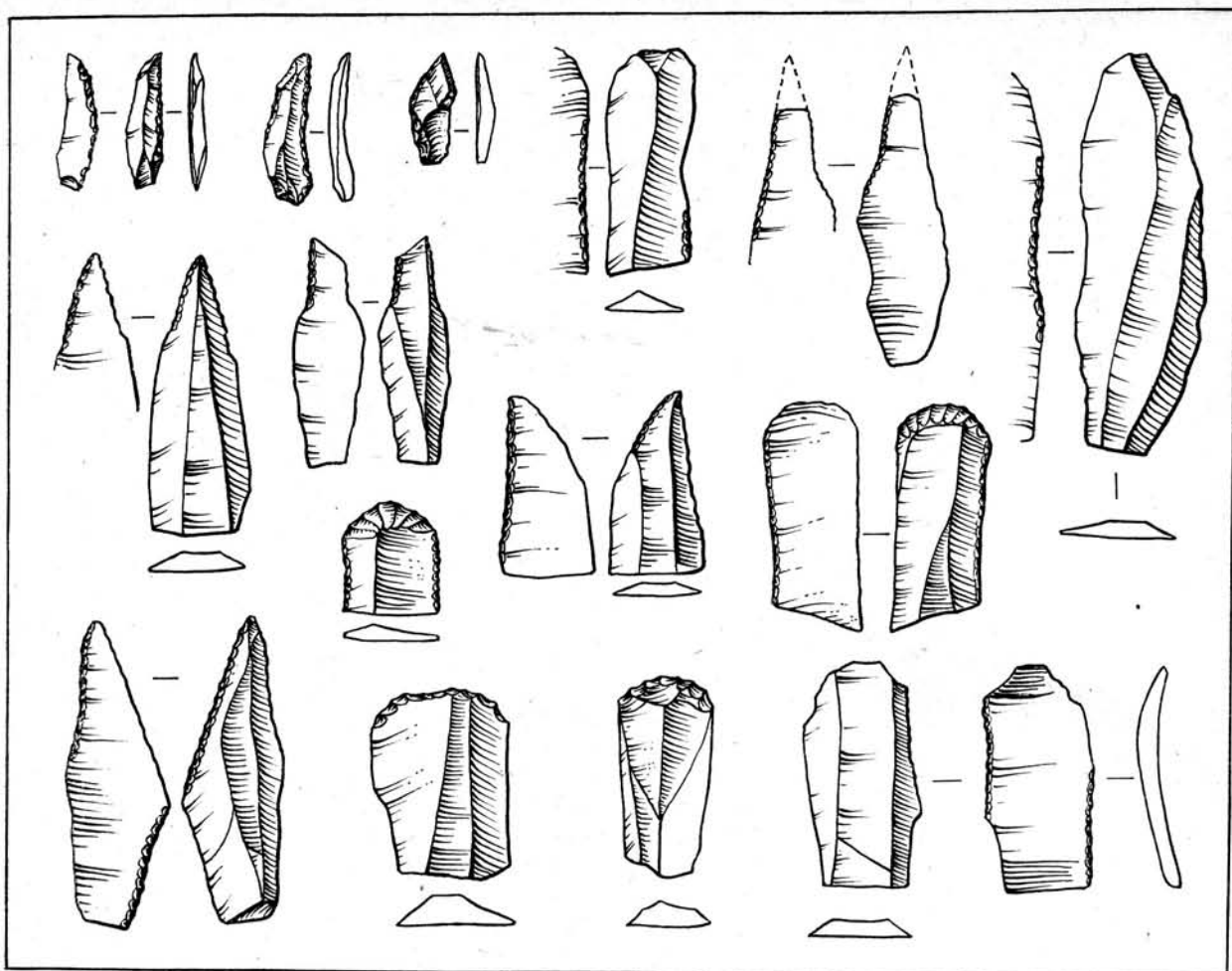

Рис. 3. Сях Риган. Кремневый инвентарь стоянки

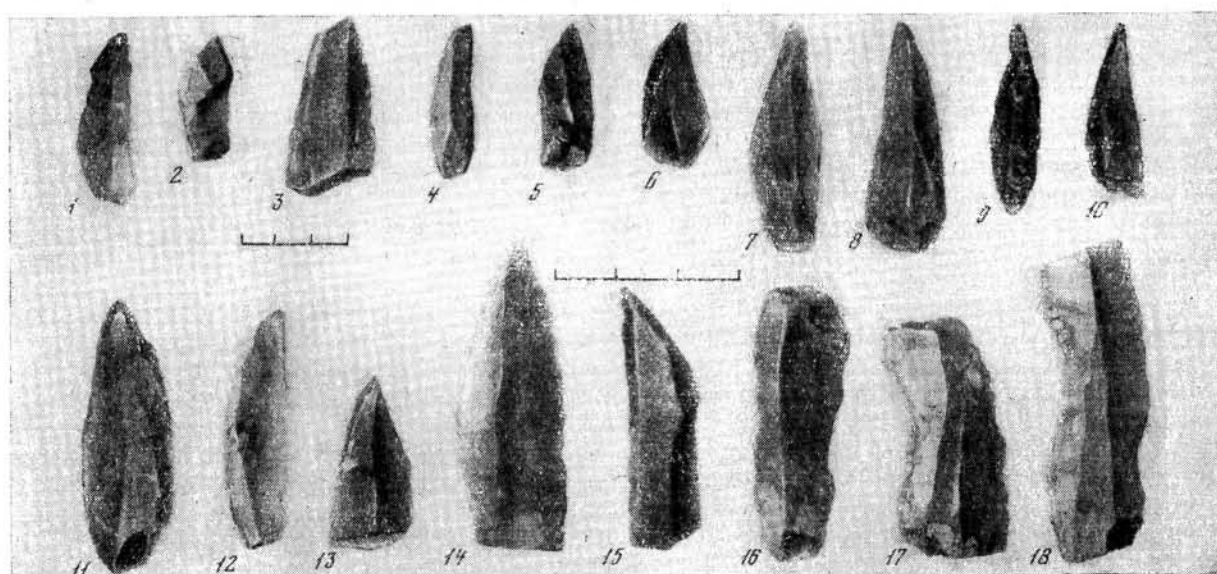

Рис. 4. Кремневые орудия. Сях Риган (1—11). Ташгузар (12—15), Уч-Тепе (16—17), Наибабад-2 (18)

песков и такыров встречены единичные, изолированные кремневые изделия. Орудия представлены в основном пластинами с краевой ретушью; имеются также острия или проколки, возможно сверла, концевые скребки. Характерная особенность орудий заключается в технике обработки противоположащей ретушью (со спины и брюшка), напоминающей аналогичный прием в обработке орудий тапгузарского поиска. На этом стыке начинается первая гряда сыпучих барханов темно-сиреневого цвета (столь характерных для левобережья р. Амударьи), перед которой в широтном направлении тянется глубокая промоина (или сезонное русло), на берегу которой на месте песчаного выдува обнаружена развеечная стоянка площадью 3×2 м, сплошь усыпанная кремневыми отщепами, нуклеусами, орудиями.

Всего собрано свыше 60 орудий, изготовленных из высококачественного кремня коричневатого цвета. Обращают на себя внимание концевые скребки с крутой ретушью, проколки, острия и пластины, нередко с противоположащей ретушью. Большинство орудий представлено крупными ножами, которые могли использоваться для очистки и потрошения рыб. Вместе с тем отдельные изделия могли использоваться в качестве наконечников стрел, как,

например, обломок миниатюрного наконечника с боковой выемкой кельтеминарского облика. Думается, что это стоянка неолитического времени, оставленная охотниками и рыболовами, возможно занимавшимися и примитивным земледелием. Осталось добавить, что на такырах, прилежащих к барханам, наряду с единичными кремневыми изделиями, безусловно находящимися в переотложенном состоянии, встречены мелкие фрагменты окатанной гончарной керамики, скорее всего относящейся к античному городищу Койна-Кала, расположенному в 2 км от первой песчаной гряды.

Последний и наиболее восточный пункт, возможно, фиксируется отдельными кремневыми отщепами, встреченными в 30 км к востоку от г. Ташкуртан, в непосредственной близости от позднесредневекового караван-сарая Абдали Себаглы.

Как видно, левобережье Амударьи от г. Андохя вдоль Келифта и до г. Ташкуртан на расстоянии около 150 км было интенсивно, если не повсеместно, заселено человеком каменного века. Судя по имеющимся данным, обживание бассейна относится по крайней мере к позднемезолитическому времени, но наиболее полно расцветает здесь жизнь в неолитическую эпоху, доживая до постнеолитического времени.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ТИПА ХОЗЯЙСТВА

§ 1. Раннеземледельческие общинники Южного Афганистана

Прогресс археологических открытий последних десятилетий с очевидностью показал, что становление оседло-земледельческой жизни в Юго-Западной Азии носило полицентрический характер. От охоты и собирательства человек постепенно переходит к производству пищи, заложив тем самым основу будущей цивилизации. Культивирование злаков и domestикация животных составляют тот фундамент, который приводит к появлению оседло-земледельческих поселений древних общинников на этой обширной территории. Пшеница и ячмень, овца и коза — вот основные компоненты, составлявшие экономический базис для первых общинников древнего Востока.

Первые оседло-земледельческие поселки концентрируются в горных районах Ирака, Западном Иране, Сирии, Южной Турции и относятся к периоду между 8000—6500 гг. до н. э. Обитатели этих поселков уже знали сырцовую архитектуру, керамику, плетеные изделия, обработку камня. Достаточно развитые идеологические представления документируются культовыми комплексами, нередко с расписными стенами и скульптурными изображениями животных; заупокойные представления подтверждаются наличием специальных могильников и особым ритуалом захоронений. Можно не сомневаться в существовании хотя и примитивной, но социальной формы организации, конкретные проявления которой пока еще вырисовываются в самых общих чертах.

В VII—V тысячелетиях до н. э. арена деятельности древнеземледельческого населения резко расширяется, в частности поселки этого времени уже известны в Центральном и Восточном Иране и на крайнем юго-западе Средней Азии. До сих пор нет единого мнения о характере и причинах столь широкого распространения оседло-земледельческой жизни. Одни авторы склонны рассматривать этот процесс как чисто диффузионный, когда из Западной

Азии далее на запад, восток и юг идет постепенное распространение оседлого образа жизни и производящего типа хозяйства. Другие предполагают исключительно независимый путь, когда местные мезолитические племена сами одомашнивают дикие растения и животных и переходят к оседлому образу жизни. Думается, что более правы исследователи, допускающие существование различных путей сложения раннеземледельческих обществ, обусловленных конкретными экономическими условиями. Так, например, дикая пшеница известна в Афганистане и местные мезолитические племена могли независимым путем domestцировать ее, однако в этой стране неизвестен дикий ячмень и дикая коза, так что их появление здесь следует объяснять как результат диффузии¹.

Такие древнейшие земледельческие поселения, территориально наиболее близкие к Афганистану, известны теперь в Северо-Восточном Иране, в Горганской долине, о чем свидетельствуют нижние слои таких памятников, как Тюренг-Тепе² и Ярим-Тепе³. Материальная культура их ближе всего напоминает археологический комплекс неолитической джейтунской культуры, выявленной на юге Туркменистана⁴ и изученной несравненно лучше⁵, нежели соответствующие иранские поселения.

Памятники джейтунской культуры вытянуты цепочкой вдоль предгорий Копет-Дага и представляют собой поселения с поразительной стандартной планировкой, состоящей из однокомнатных домов, сложенных глиняными цилиндрами. Внутренняя планировка домов так же однообразна и состоит из массивных

¹ Fairervis W. The Roots of Ancient India. New York, 1971, p. 104—105.

² Deshayes J. Ceramiques Peintes de Tureng — Tepe. «Iran», 1967, v. V.

³ Crowford V. Beside the Kara-Su. — «The Metropolitan Museum of Art», 1963, april.

⁴ Сарианиди В. И. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана. — СА, 1970, № 4.

⁵ Массон В. М. Поселение Джейтун. Л., 1971; Бердыев О. К. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад, 1969.

каминов-очагов с примыкающими хозяйственными отсеками. Обитатели джейтунских поселков занимались земледелием (которое составляло основу хозяйства), а на поздних стадиях — скотоводством. Развитая кремневая индустрия включает микроорудия, а также вкладыши от костяных жатвенных ножей; имеются костяные проколки и шилья. Лепная посуда иногда украшалась расписными орнаментами в виде сеток или извивающихся лент. Известна антропоморфная и зооморфная пластика, дополняемая различными каменными и глиняными изделиями, частично культового характера; умершие погребались в скорченном положении. Об идеологических представлениях можно судить по уникальному святилищу на Пессиджик-Тепе, стены которого оказались украшенными расписными фресками со сценами охоты⁶.

Ирано-туркменистанские поселения неолитического времени VI—V тысячелетий до н. э., демонстрирующие переход к раннеземледельческому типу хозяйства, располагаются к северо-западу от Афганистана, но если они и заходили на современную территорию этой страны, то памятники эти остаются еще не открытыми. Вместе с тем можно считать установленным отсутствие памятников столь раннего времени на Бактрийской равнине, так что наиболее перспективными следует считать более западные области.

Оставив районы Северного Афганистана, где нам неизвестны древнейшие оседло-земледельческие поселения, обратимся к югу страны, где экологические условия благоприятствовали сложению производящего типа хозяйства. Н. И. Вавилов в результате личного ознакомления с геоботаникой Афганистана высказал вполне обоснованное предположение о возможности зарождения древнеземледельческого хозяйства в зоне г. Герата, через Кандагар вплоть до юго-восточных районов страны. Последующие археологические обследования блестяще подтвердили эту гипотезу, когда на крайнем юго-востоке Афганистана, в Белуджистане, около г. Кветта, был обнаружен памятник Кили-Гхул-Мухаммад — древнейшее оседло-земледельческое поселение в системе Юго-Восточного Ирана, Афганистана, Белуджистана и долины р. Инд. Это сравнительно небольшое поселение расположено в знаменитой Кветтской долине, в непосредственной близости от подножий гор Мурдар, Заргун и Такату.

К сожалению, раскопки памятника были ограничены современным кладбищем, занявшим большую часть бывшего поселения. Стра-

тиграфический раскоп, заложенный в южной части холма, выявил свиту культурных наслоений, подразделенных на четыре (Кили-Гхул-Мухаммад I, II, III, IV) фазы⁷. Наиболее древняя фаза КГМ-I представлена пятиметровой толщиной культурных напластований, причем, как предполагают, на первых порах обитатели поселка строили хижинки из прутьев, обмазанных глиной, еще не знали посуды, но разводили стада коз и овец, а единичные кремневые вкладыши серпов могут указывать на знакомство с земледелием.

Постепенно жители поселка переходят к строительству домов из сырцового кирпича, а в слое КГМ-II появляется уже грубая лепная посуда с оттиском корзинного плетения, которая затем на поздних этапах сменяется гончарной с простой росписью черного цвета по неангобированной поверхности черепка. Более широко представлены в это время кремневые орудия (пластины, скребки, нуклеусы), появляются каменные орудия в виде проколов.

В слое КГМ-III полностью господствует гончарная расписная керамика, появляются каменные сосуды и медные изделия. Наконец, период КГМ-IV характеризуется высококачественной гончарной посудой (идентичной комплексу Садаат-1) и особенно появлением полихромной росписи; к этому времени в Кветтской долине относится уже свыше 15 памятников. Особый интерес представляет комплекс КГМ-I, датируемый по радиоуглеродному методу 3350 ± 200 гг. до н. э., однако В. Файрсервис специально оговаривает то обстоятельство, что образец происходит из верхней части слоя КГМ-I, так что нижние слои могут относиться еще к V тысячелетию до н. э.

В литературе уже отмечалась⁸ излишняя архаизация общего облика культуры КГМ-I, с чем вынужден был согласиться в своей последней работе и сам руководитель раскопок⁹, объединивший вместе фазы КГМ-I и II в общий культурный комплекс.

Несмотря на ограниченность материала, древнейшие слои Кили-Гхул-Мухаммада имеют принципиально важное значение для понимания истории сложения древнеземледельческих племен не только Белуджистана, но и сопредельных районов. До сих пор этот комплекс выглядит несколько изолированно, что и породило разные гипотезы о конкретных путях сложения в этой части Юго-Западной Азии производящего типа хозяйства. Большинство

⁶ Бердыев О. К. Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений. — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад, 1970, с. 14—32.

⁷ Fairervis W. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. — *APAMNH*, 1956, v. 45, part 2.

⁸ Массон В. М. [реп. на кн.]: W. Fairervis. Excavations. — *CA*, 1960, № 3, с. 348—349.

⁹ Fairervis W. The Roots..., p. 137.

авторов, и в первую очередь В. Фаирсервис¹⁰, предполагают пришлый характер исследуемой культуры, другие не исключают преимущественно местную линию развития¹¹. Казалось бы, дополнительные материалы должны внести ясность, однако открытие новых памятников Центрального Белуджистана, и в первую очередь поселения Анджира, не привели к окончательному решению проблемы в целом. На основании новых материалов древняя история Белуджистана подразделена на несколько периодов¹².

К периоду I относится нижний, «неолитический» слой Анджиры. Отсутствие строительных остатков определяется как свидетельство полукочевых характера самого поселения. Керамика хорошего качества, изготовлена преимущественно на гончарном круге, иногда с хорошим лощением. Единичные расписные фрагменты находят параллели в посуде слоя Кили-Гхул-Мухаммад-II. Много каменных орудий, фаунистический материал представлен в основном мелким рогатым скотом.

К периоду II относится сложение здесь оседлого поселения. Дома построены из сырцового кирпича, на каменных фундаментах. Керамика и каменные орудия того же типа, что и в предыдущем периоде. Увеличивается количество керамики, в том числе ручной выделки и сосудов с корзинным плетением. Соответствия отмечаются в комплексах КГМ-II и III.

Период III — переходный, связан с большими изменениями в культуре и подразделен на три фазы. В фазе 1 предшествующий керамический комплекс встречен вместе с новой посудой типа Тогай и бихромной керамикой типа Амри-Кечи-Бег. В фазе 2 практически исчезает предшествующая керамика периодов I и II. В фазе 3 представлена посуда, отражающая местный вариант культуры Наль. Отсутствие каменных орудий намекает на наличие металла. Наиболее близкие аналогии дает материал КГМ-IV и Дамб-Садаат Кветтской долины.

Период IV частично совпадает с кветтским, на поселении Анджира отмечаются следы экспансии. Наряду с керамикой типа Анджира имеется посуда типа Наль с полихромными орнаментами.

¹⁰ Fairervis W. The Roots..., p. 138; Maccou B. M. [реп. на кн.]: W. Fairervis. Excavations...— CA, 1960, № 3, с. 350.

¹¹ Саруаниди В. И. [реп. на кн.]: Pakistan Archaeology.— CA, 1969, № 1, с. 301; Саруаниди В. И. [реп. на кн.]: W. Fairervis. The Roots...— CA, 1974, № 1, с. 243; Maccou B. M. Древнейший Афганистан.— CA, 1962, № 2, с. 256.

¹² Card B. de. New Wares and Fresh Problems from Baluchistan.— «Antiquity», 1959, № XXXIII; Card B. de. Excavations and Reconnaissance in Kalat, West Pakistan.— «Pakistan Archaeology», 1965, N 2.

Наконец, период V выделен по поверхностному материалу, возможно, отражающему приход нового населения в начале II тысячелетия до н. э. Аналогии имеются в Дамб-Садаат-III и Мундигак-IV. Первооткрыватель этих памятников Б. деКарди вполне убедительно показывает, что поселение Анджира могло быть основано носителями культуры КГМ-II, но в таком случае трудно допустить, чтобы колонисты, хорошо знакомые с домостроительной техникой, вели бы на новом месте полукочевую жизнь. Думается, что, как и на поселении Кили-Гхул-Мухаммад, здесь также ограниченные масштабы раскопок не дали в руки археологов полного объема научной информации и можно почти не сомневаться, что люди периода I уже с самого начала были оседлыми земледельцами.

Очевидно, что в IV—III тысячелетиях до н. э. на территории Центрального Белуджистана идет интенсивное сложение оседло-земледельческих поселений¹³, когда колонисты осваивают наиболее удобные для занятия земледелием оазисы. Предполагаемое расселение племен достигает пределов современного Афганистана, где в это время складываются такие памятники, как Мундигак, Саид-Кала, Дех-Мораси и др. Если выделить наиболее древние материалы Кили-Гхул-Мухаммад-I-III, Анджира-I-II, Мундигака-I и если даже признать отдельные сходные мотивы росписи на керамике таких иранских памятников, как Сялк-III и Гиссар-I, то все это касается более поздних периодов, чем собственно до-керамический комплекс КГМ-I. И поэтому вполне вероятно, что древнейшие поселения Белуджистана и Южного Афганистана обязаны своим происхождением не столько внешним влияниям культур Северного Ирана, сколько местному субстрату. В этой связи отметим близкое сходство геометрических орнаментов Мундигака-I¹⁴ и Кили-Гхул-Мухаммад-III¹⁵, в то время как рисунки «упирающихся» животных¹⁶ находят прямые и бесспорные аналогии в манере исполнения зооморфных мотивов не Сялка-III, а белуджистанской посуды типа Тогай¹⁷.

На территории собственно Афганистана древнейшие оседло-земледельческие поселения известны пока лишь в Кандагарском районе. Подобно крупным рекам Бактрийской долины,

¹³ В. Фаирсервис упоминает 16 памятников этого времени только в Кветтской долине (см.: Fairervis W. The Roots..., p. 138).

¹⁴ Casal J. M. Fouilles de Mundigak.— MDAFA, 1961, t. XVII, v. II, fig. 49, N 2 et 6.

¹⁵ Fairervis W. The Roots..., fig. 31 B.

¹⁶ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 49, N 11, 12.

¹⁷ Card B. de. Excavations and Reconnaissance in Kalat, West Pakistan.— «Pakistan Archaeology», 1965, N 2, fig. 10, N 1—2.

ни р. Гильменд, ни р. Аргандаб еще не могли быть освоены человеком, однако в противоположность северным отрогам Гиндукуша Кандагарская долина изобилует горными ручьями и небольшими речушками, орошающими лесовые предгорные зоны. Уже сейчас здесь открыты памятники интересующего нас времени¹⁸, два из которых подверглись раскопкам: Дех-Мораси и Саид-Кала.

На поселении Саид-Кала были заложены шурфы, углубившиеся на шестиметровую глубину, но не достигшие материка из-за грунтовых вод. Нижние из вскрытых слоев содержали грубую лепную посуду, иногда с отпечатками корзинного плетения. Среди этой массовой посуды встречены единичные гончарные фрагменты, указывающие на знакомство с более передовой техникой гончарного производства. В целом же Саид-Кала демонстрирует местную традицию развития оседло-земледельческих памятников района Тарнак — Аргандаб¹⁹.

В противоположность этому памятнику на маленьком поселении Дех-Мораси удалось вскрыть всю свиту культурных слоев до материка, причем в самых нижних слоях встречены были грубые черепки. Как кажется, руководитель раскопок Л. Дюпре²⁰ несколько архаизирует Дех-Мораси, усматривая в нем полуоседлое поселение. Более прав В. Файрсервис, полностью отнеся его к верхним слоям Саид-Калы.

Но, безусловно, наиболее яркие материалы, касающиеся становления раннеземледельческих общин древнего Афганистана, дали многолетние раскопки под руководством Ж. Касалия в Мундигаке.

Раскопки на холмах А и Б выявили семь основных периодов, подразделенных на субпериоды или фазы. Древнейший слой Мундигака-I мощностью около 4,5 м состоит из пяти фаз, причем в период 1—2 не были встречены остатки жилищ, что, как полагают, может указывать на полуоседлый тип поселения. Это представляется маловероятным²¹, тем более, что уже в третьей фазе выявлены глинобитные, а в четвертой фазе — кирпичные стены на каменных фундаментах. Хотя в первой фазе обнаружено всего два грубых лепных черепка, начиная со второй фазы уже широко представлена гончарная, в том числе расписная, кера-

мика, находящаяся, как полагают, аналогии, с одной стороны, в Белуджистане (КГМ-II-III). а с другой — в северном Иране (культура Чешме-Али). Глиняные фигурки животных появляются в третьей, а людей — в четвертой фазе; практически с самого начала периода I распространяются медные изделия. Хотя, по справедливому мнению Ж. Касалия, поселение было основано людьми, уже далеко шагнувшими вперед в хозяйственном и культурном развитии, возможно не случайно им выделена фаза I, 1, до определенной степени напоминающая докерамические слои Саид-Калы и соседнего Белуджистана. В таком случае эти данные могли бы отражать ту местную стадию становления производящего хозяйства, которая предполагается здесь в V—IV тысячелетиях до н. э.

Следующий период — II также подразделен на несколько фаз, причем уже с самого начала дома возведены из сырцового кирпича и покрыты штукатуркой. Керамика неожиданно становится более грубой, чем в периоде I, повышается количество посуды ручной лепки; появляются грубые каменные печати, продолжают пряслица, костяные и кремневые орудия. Хотя для периодов I—II усматриваются различные иранские аналогии, и в первую очередь в росписи посуды, в целом они находят наиболее близкие параллели в Северном Белуджистане, так что можно говорить об общей традиции происхождения²².

Таким образом, создается впечатление, что предгорные зоны от Белуджистана до южных областей Афганистана служили ареной перехода местных племен к производящей форме хозяйства. Косвенным свидетельством тому могут служить нижние слои Кили-Гхул-Мухаммад и Рана-Гхундай в Северном Белуджистане²³, вплоть до памятников типа Анджиры в Центральном Белуджистане. В пределах собственно Афганистана это могут быть нижние слои Саид-Калы и Мундигака. Однако вскоре эта линия развития была замещена другой, скорее всего идущей из Кветто-Пишинского нагорья, и недаром соответствующие материалы Мундигака-I и Анджиры I—II восходят в конечном счете к белуджистанским, а не иранским комплексам.

§ 2. Расцвет земледельческих общин

Сложившиеся в конце IV тысячелетия до н. э. древнеземледельческие поселки Южного Афганистана постепенно разрастаются в раз-

¹⁸ Fairervis W. The Roots..., Appendix D.

¹⁹ Fairervis W. Preliminary Report on the Prehistoric Archaeology of the Aghan — Baluch Areas. — AMN, 1952, N 1587.

²⁰ Dupree L. Deh Morasi Chundai; A Chalcolithic site in South-Central Afghanistan. — APAMNH, 1963, v. 50, part 2. New York.

²¹ Maccou B. M. [реп. на кн.:] Casal J. M. Fouilles de Mundigak, v. I—II. — MDAFA, t. XVII. Paris, 1961. — CA, 1964, N 4, c. 229.

²² Fairervis W. The Roots..., p. 134.

²³ Судя по поверхностному материалу, к этому периоду могут быть отнесены нижние слои Перяно-Гхундай на крайнем северо-востоке и Дабар-Кот — на юге (см.: Fairervis W. The Roots..., p. 137).

мерах и увеличиваются в количественном отношении. Благоприятные экологические условия способствуют резкому подъему древней экономики, а выгодное расположение на караванных торговых путях стимулирует дальнейший прогресс культуры в целом. Все это как бы подготавливает тот бурный расцвет культуры, который мы застаем здесь к середине III тысячелетия до н. э. Наш краткий обзор этого периода опять начнем с плодородной Кветтской долины, где на уже упоминавшемся поселении Кили-Гхул-Мухаммад в верхнем слое КГМ-IV была встречена керамика, совершенно отличная от нижележащей. По крайней мере двадцать поселений относится к этому времени только в Кветтской долине, где они к тому же выделяются обширными размерами.

Кветтская культура отмечается так далеко на юг, как район г. Калата, и на запад через Мундигак — Саид-Кала до Сеистана. Загадочная кветтская керамика впервые была выделена С. Пигготтом, который относил ее к IV тысячелетию до н. э.²⁴ Однако более полно судить о кветтском археологическом комплексе стало возможным лишь после плодотворных работ в Кветто-Пишинском нагорье В. Файрсервиса²⁵. Земледельцы и скотоводы, люди кветтской культуры обитали в поселках, состоявших из многокомнатных домов, выстроенных из сырцового кирпича. Отличительным признаком этой культуры является великолепная расписная керамика, изготовленная на гончарном круге и покрытая геометрическими орнаментами; реже наносились рисунки животных, птиц, рыб, растений. Распространены были зооморфные и антропоморфные терракотовые фигурки, глиняные печати, медные орудия и украшения, каменные сосуды. По радиокарбонным датам время существования кветтского комплекса падает на вторую половину III тысячелетия до н. э.

Аналогии этому комплексу отмечаются в Рана-Гхундай, Сур-Джангал и Дабар-Кот в долине Лорелай, в Периано-Гхундай в долине Эхоб. В пределах собственно Афганистана не менее близкие соответствия отмечаются в трех из исследованных памятников: Мундигаке-III, Саид-Кала-III, Дех-Мораси.

На поселении Мундигак период III знаменуется появлением керамики кветтского стиля, а также переходом от медных изделий к бронзовым. Вновь широко распространяется гончарная посуда, но украшенная новыми геометрическими мотивами кветтского стиля. Бронзовые проушны топоры, обнаженные жен-

ские сидящие фигурки и каменные печати близки, если не аналогичны, соответствующим материалам кветтского комплекса. Получает распространение новый тип захоронений в коллективных погребальных камерах, напоминающий сходные южнотуркменистанские погребальные обряды, но более раннего, энеолитического времени²⁶.

Новые работы на Саид-Кала, хотя не достигли материка, все же позволили выделить три периода в истории существования этого памятника, а также выявили дополнительные материалы²⁷.

Основной керамический комплекс представлен расписной гончарной посудой, украшенной геометрическим орнаментом. Интересны цилиндрические сосуды, с выделенным поддоном и росписью, близко напоминающие керамику Мундигака-III—IV. Среди импортной посуды выделяются полихромные фрагменты типа Наль, а также обломки посуды хараппского стиля. Терракотовые фигурки животных и, возможно, женские статуэтки, костяные шилья и проколки, серпы с гладким лезвием, бронзовые булавы с биспиральным навершием, перегородчатые печати дополняют общую характеристику археологического комплекса Саид-Кала. В целом материалы Саид-Кала полностью входят в круг известных данных Мундигака-III—IV, лишь несколько расширяя и уточняя вопросы соотношения с культурами Белуджистана.

Не менее важные факты получены в последние годы итальянскими археологами, работающими в Сеистане. Особенно плодотворные исследования проведены экспедицией М. Тоси на огромном поселении — Шахри-Сохте. Поселение сложилось на вершине плоской естественной речной террасы и, как уже отмечалось в литературе, являлось столичным среди других, более мелких памятников, которых здесь выявлено свыше тридцати. По данным М. Тоси, первоначально здесь располагалось раннеземледельческое поселение, которое постепенно переросло в город — один из крупнейших в системе Юго-Западной Азии. Всего в истории существования Шахри-Сохте выделено четыре периода, охватывающих время в пределах 2800—1800 гг. до н. э. Наиболее ранний, энеолитический период I представлен сырцовой архитектурой (кирпичи размером 40×20×

²⁴ Piggott S. A New Prehistoric Ceramic from Baluchistan. — «Ancient India», 1947, N 3, p. 141.

²⁵ Fairservis W. Excavations...

²⁶ Сарьяниди В. И. Геокюрский некрополь. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 102—105; Массон В. М. Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистане и Индии. — КСИА, 1964, вып. 101, с. 3—8.

²⁷ Shaffer J. Preliminary Field Report on Excavations at Said Kala-Tepe. — «Afghanistan», 1971, N 2—3, p. 89—127.

×10 см), керамикой с полихромной росписью, близко напоминающей расписную посуду энеолитического времени Юго-Восточной Туркмении²⁸. Параллельно существует тонкостенная, серая, более характерная для Южного Ирана и Белуджистана; оттиски цилиндрических печатей намечают западные параллели вплоть до Месопотамии.

Периоды II и III относятся уже к эпохе бронзы, когда Шахри-Сохте складывается как подлинный город²⁹. Жилая архитектура представлена многокомнатными домами. В керамическом искусстве отмечается почти полное исчезновение двухцветной росписи, монохромные орнаменты на керамике становятся несколько суше, наряду с геометрическими узорами имеются изображения птиц, зверей, рыб, растений. Серая керамика составляет лишь 5% от всей утвари. Широко представлена зооморфная и антропоморфная пластика, распространяются каменные, бронзовые и керамические печати. Отмечаются связи с периодом Намазга-IV в Средней Азии, Мундигак-IV в Афганистане и Бампур-I—IV в Иранском Белуджистане. Последний период—VI характеризуется почти полным отказом от практики росписи посуды, что связывают с распространением гончарного круга. Возводятся монументальные сооружения типа дворцов, появляются печати, а также антропоморфные статуэтки нового типа.

Маршрутные обследования Афганского Сеистана привели к открытию остатков ряда поселений, практически не сохранивших культурных слоев в связи с интенсивными процессами естественной дефляции^{30—31}. Тем не менее даже по этим незначительным остаткам можно видеть, что это были поселения земледельцев, живших здесь около 3000 г. до н. э. Дома поселков построены из сырцового кирпича, причем в некоторых из них, как считают, могло обитать до тысячи общинников. Широкое использование меди документируется находками ножей, кинжалов, топоров, булавок, бус. Керамика украшается геометрическими орнаментами, реже — рисунками змей и козлов; небольшие сосуды вытачивались из прозрачного алебаstra и темно-зеленого стеатита и также покрывались нарезным орнаментом. Украше-

ния из лазурита, агата и сердолика встречаются в большом количестве, зато найдена всего одна металлическая печать перегородчатого типа.

Хотя металл уже прочно вошел в быт, все еще продолжали употребляться кремневые орудия, свидетельством чему служат прекрасные ретушированные листовидные наконечники стрел, сверла, пластины. Покойников хоронили в скорченном положении в кирпичных цитах, причем заупокойные приношения включали посуду, украшения, орудия и оружие.

Как видно, сеистанские поселения, базировавшиеся на непересыхающих водных протоках, были населены людьми, экономика которых основывалась на земледелии и скотоводстве. Хотя В. Файрсервис относит зарождение первых земледельческих поселков здесь к концу IV тысячелетия до н. э., в его сборах нет материала ранее, чем нижние слои Шахри-Сохте, что заставляет поместить памятники Афганского Сеистана в начало, если не середину III тысячелетия до н. э.

В нашу задачу не входит детальный анализ смены одних керамических стилей другими, некогда распространенными на юге Афганистана и смежных с ним территориях. Не умаляя значения подобных исследований вообще, отметим лишь, что в пределах Афгано-Белуджистанской пограничной зоны работы в этом направлении нередко приводят к путанице и заслоняют общую картину в истории развития местных племен. Так, например, вопрос о сложении керамики типа Тогай породил большую литературу вплоть до сопоставлений с Южным Ираном³², Южным Туркменистаном³³ и Северным Ираном, причем в последнем случае В. Файрсервис, составивший сравнительную таблицу³⁴, допускает запаздывание в распространении ее из Ирана в Белуджистан в 1000 лет! Тем не менее в общей форме наиболее ранние южноафганские керамические комплексы типа Мундигак-I—II показывают преимущественные аналогии с соответствующими материалами Северного Белуджистана, а не Ирана.

Думается, что Кветто-Пишанское нагорье является одним из тех центров, откуда шло расселение местных племен, перешедших к производящему хозяйству и знавших уже примитивное гончарство в виде лепной, часто изготовленной на матерчатом или плетеном корзинном шаблоне грубой посуды. Прогрессивное развитие древнего хозяйства вело к увеличению населения и как следствие — к освоению

²⁸ Tosi M. Сеистан в бронзовом веке — раскопки в Шахри-Сохте. — СА, 1971, № 3, с. 21; Tosi M. Excavations at Shahri-Sokhta Preliminary Report on the Second Campaigns. — «East and West», 1969, N 3—4, fig. 37—38.

²⁹ Tosi M. Excavations at Shahr-i-Sokhta. A Chalcolithic Settlement in the Iranian Seistan. — «East and West», 1968, N 1—2, p. 9—66.

^{30—31} Fairervis W. Archaeological Studies in the Seistan Basin of South Western Afghanistan and Eastern Iran. — APAMNH, 1961, v. 68, p. 1.

³² Cardi B. de. Excavations...

³³ Capuani B. H. [реп. из кн.:] Pakistan Archaeology... СА, 1969, № 1, с. 300—301.

³⁴ Fairervis W. The Roots..., fig. 42.

дополнительных земель, где возникают все новые и новые поселки³⁵. Вначале осваиваются предгорные долины собственно Белуджистана, а вскоре и аллювиальные равнины, в том числе и в районе Кандагара. Сложение сеистанских памятников относится к несколько более позднему времени. Высказано предположение, что сеистанские памятники почти не испытали влияния кветтской культуры³⁶. Это положение теперь должно быть пересмотрено в свете новых материалов, полученных из нижних слоев Шахри-Сохте.

Следующий этап характеризуется интенсивным освоением оазисов, причем археологическим индикатором этого процесса является зона распространения керамики кветтского стиля или близкой к ней.

Как мы могли видеть, поселки с подобной посудой протянулись на многие десятки и сотни километров от Белуджистана, через Южный Афганистан вплоть до Сеистана. В пределах Афганистана пока известно лишь три таких памятника: Мундигак, Саид-Кала, Дех-Мораси, однако не приходится сомневаться в наличии несравнимо большего их количества. Так, в литературе упоминаются памятники около г. Фараха, где у подножий гор и начала пустыни Регистан имеется долина, орошаемая водами р. Фарах-Руд. Один из них — Тепе-Барангуд — сохранил на поверхности черепки с росписью, близко напоминающие посуду сеистанских поселений³⁷. Расписная керамика сходного облика отмечена в местечке Люгар, расположенном между Кабулом и Газни, а также в бассейне р. Кунар³⁸, так что можно не сомневаться в широком географическом диапазоне распространения памятников этого времени.

Более сложен вопрос об истоках кветтской керамики, которая полностью замещает местную грубую лепную посуду. В настоящее время все исследователи единодушны в приходе характера этого конкретного археологического комплекса, усматривая либо иранский, либо среднеазиатский путь происхождения. Более древние талибакусские традиции, прослеживаемые в росписи керамики кветтского стиля, отражают южноиранские связи, однако комплекс основных орнаментальных типов ближе всего напоминает роспись энеолитической посуды южнотуркменских племен рубежа IV—III тысячелетий до н. э. В связи с этим

высказано мнение о преимущественно среднеазиатском компоненте в сложении керамики кветтского стиля, что, однако, не должно исключать и южноиранского аспекта³⁹.

Происхождение кветтской посуды предположительно связывалось с посудой памятников Керманского оазиса⁴⁰, но раскопки на Тали Иблис⁴¹ и особенно Тепе-Яхья⁴² со всей определенностью указывают на Сеистан как на наиболее западный пункт ее распространения. Оба эти памятника содержат в самых нижних слоях грубую лепную посуду, возможно, восходящую к северобелуджистанским традициям круга Кили-Гхул-Мухаммад⁴³, причем в Тепе-Яхья⁴⁴ расписная посуда посткветтского типа, находящаяся близкие параллели в керамике Намазга-IV, появляется уже в слое VA, который, скорее всего, следует отнести не к IV, а к середине III тысячелетия до н. э.⁴⁵

Как видно, памятники с керамикой кветтского типа вытянулись в широтном направлении почти на тысячу километров, образуя три достаточно изолированные группы: кветтскую, кандагарскую и сеистанскую. В настоящее время известно около ста поселений, из которых наиболее ранней является сеистанская группа, где соответствующие материалы типа Шахри-Сохте-I относятся к началу III тысячелетия до н. э., а орнаменты геоксюрского стиля отмечены на 40% учтенной расписной посуде⁴⁶.

Все это дает добавочные основания предполагать сложение керамики кветтского стиля в связи с расселением восточноананских племен, причем предполагаемый путь мог проходить по р. Теджен-Герируд вдоль современной ирано-афганистанской границы. Думается, что сеистанские памятники отражают наиболее ранний этап; их продвижение затем фиксиру-

³⁹ *Саруаниди В. И.* [реп. на кн.:] *Pakistan Archaeology...*, p. 243—244.

⁴⁰ *Tosi M.* Excavations at Shahri-Sokhta. Preliminary..., p. 382.

⁴¹ *Caldwell I.* Investigations at Tali-Iblis. Illinois, 1967.

⁴² *Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe-Jahja, Iran. Cambridge, 1970.

⁴³ *Саруаниди В. И., Панарин С. А.* [реп. на кн.:] *I. Caldwell. Investigations at Tali-Iblis.*— CA, 1971, N 1, c. 278.

⁴⁴ *Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations..., pl. 31.

⁴⁵ *Саруаниди В. И.* [реп. на кн.:] *C. C. Lamberg-Karlovsky. Excavations at Tepe-Jahja.*— CA, 1972, N 4, p. 283.

⁴⁶ *Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M.* Shahr-i-Sokhta and Tepe-Jahja: Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau.— «East and West», 1973, N 1—2, p. 26, fig. 7—13; ср. также уточнение датировок кветтских памятников более ранним временем, чем предполагалось. (*Dales G., Suggested A. Chronology for Afghanistan. Baluchistan and Indus Valley.*— In: *Chronologies in Old World.* Chicago, 1965, p. 276).

³⁵ *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1962, с. 260.

³⁶ Там же, с. 280.

³⁷ *Fairservis W.* The Roots..., p. 116.

³⁸ Сведения любезно сообщены мне директором Института археологии Афганистана доктором З. Тарзи.

ется кандагарскими и в конечном счете кветтскими памятниками.

Как бы то ни было, первая половина III тысячелетия до н. э. знаменуется сложением на юге Афганистана и в смежных областях достаточно большого количества поселков, обитатели которых вели земледельческо-скотоводческое хозяйство. Общая культурная унификация не ограничивается лишь сходством в керамическом искусстве, но прослеживается и в антропоморфной пластике, и в металлических украшениях, и, наконец, что особенно показательно, в близких погребальных обрядах. К сожалению, в кветтской группе погребения встречены не были, зато в кандагарской группе, судя по раскопкам Мундигака, достаточно широко были распространены захоронения в прямоугольных кирпичных гробницах⁴⁷, как считают, оссуариях. Плохо сохранившаяся прямоугольная кирпичная циста была отмечена в Сеистане⁴⁸. Однако теперь, после раскопок в Шахри-Сохте, здесь выявлено несколько типов захоронений, причем погребальные сооружения в виде прямоугольных кирпичных цист являются наиболее распространенными⁴⁹.

Но дело не только в сходных типах погребальных сооружений, но и в близких, если не идентичных, погребальных обрядах коллективных захоронений. Именно коллективные захоронения в кирпичных гробницах являются одним из наиболее характерных признаков геоксюрского археологического комплекса, так что наличие аналогичных погребений в Южном Афганистане весьма знаменательно. В этой связи отметим, что, подобно геоксюрским толосам⁵⁰, коллективные захоронения Мундигака, скорее всего, так же являются результатом последовательного способа захоронения⁵¹, а не оссуариями, как это определяется некоторыми авторами⁵². Думается, что близкие, если не аналогичные, погребальные обряды практиковались жителями сеистанской группы памятников, что выделяет очерченный регион в зону существования особых заупокойных культов, достаточно отличных от обычных захоронений Юго-Западной Азии.

Налицо сходство, исключая случайное совпадение, что в совокупности с аналогиями

в других областях материальной культуры указывает на культурно-историческую близость двух конкретных археологических комплексов: геоксюрского и кветтского. На фоне вышеотмеченных совпадений имеются и отличия, обусловленные в первую очередь контактами с соседними культурами. Наиболее ярко это проявляется в период Мундигака-III, когда на расписной посуде появляются рисунки пипала, а в терракотовой пластике распространяются статуэтки горбатых быков — безусловное свидетельство контактов с культурой Хараппы долины р. Инд.

Вместе с тем в противоположность кветтской и кандагарской группам сеистанские памятники в меньшей степени отражают индийские влияния, зато здесь более заметны ирано-месопотамские контакты. Необходимо указать, что отмеченные внешние влияния имели явно второстепенное значение, так что основу культуры местных племен составлял тот кветтский субстрат, который послужил фундаментом для последующего развития южноафганских племен.

Поселки этого времени невелики по размерам (в среднем 0,5—1 га) и располагаются отдельными компактными группами, нередко с центральным, «столичным» памятником, напоминая в этом отношении геоксюрскую группу энеолитических поселений, составлявших своего рода номовую общину⁵³. По крайней мере два таких памятника — Мундигака и Шахри-Сохте, как считают, позднее перерастают в подлинные города, знаменуя собой включение Южного Афганистана в зону становления городской цивилизации.

§ 3. Становление городской цивилизации

Маршрутные обследования Афганского Сеистана выявили здесь всего несколько небольших холмиков, возможно, относящихся ко второй половине II тысячелетия до н. э. Раскопки одного такого поселения в Гардан-Реги выявили небольшой культурный слой. Находки составляют каменные зернотерки и пестики, кремневые наконечники стрел, бронзовые обломки кинжалов (в одном случае, возможно, топора), круглое зеркало с бортиком, небольшая печать. В стороне от самого поселения выявлен могильник, содержащий скорченные скелеты с преимущественно восточной ориентировкой. Погребальный инвентарь включает гончарные сосуды, изредка покрытые простой геометрической росписью⁵⁴.

⁴⁷ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., pl. X.

⁴⁸ Fairservis W. Archaeological Studies..., pl. 11.

⁴⁹ Biscione R., Bulgarelli G., Piperno M., Tosi M. Shahri-Sokhta. — «Iran», 1973, v. XI, p. 206, pl. XI—XII.

⁵⁰ Сарияниди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. — САИ, 1965.

⁵¹ Masson V., Sarianidi V. Afghanistan in the Ancient East. — «Afghanistan», 1969, N 2, p. 12—13; Kruglikova J., Bader N., Sarianidi V. Afghan-Central Asia Relation in Ancient Time. — «Ariana», 1967, v. 25, N 2.

⁵² Allchin R. and B. The Birth of Indian Civilization. London, 1968, p. 106; Fairservis W. The Roots..., p. 132.

⁵³ Сарияниди В. И. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. — КСИА, 1962, вып. 91, с. 29.

⁵⁴ Fairservis W. Archaeological Studies in the Seistan Basin of South-Western Afghanistan and Eastern Iran. — APAMNH, 1961, v. 48, part 1, p. 72, fig. 34—36.

Несмотря на специальные поиски, предпринятые в этом районе в последние годы, каких-либо крупных памятников обнаружено не было, в то время как в Иранском Сеистане они известны в изобилии. Видимо, прав Г. Далес, объясняющий этот феномен неблагоприятными экологическими условиями⁵⁵ для данного микрорегиона, называемого ныне Афганским Сеистаном.

Тем не менее на территории Афганского Сеистана, в районе Гардан-Реги зафиксированы россыпи расписной керамики вперемежку с отходами от металлообработки, что может указать на существование здесь центра по обработке металла, базировавшегося на естественных залежах меди всего в нескольких километрах южнее, но в пределах Белуджистана⁵⁶. Добавим находки около современного святилища в Шела-Руд и в засыпке современных мусульманских могил алебастровых изделий в виде «миниатюрных колонок» и «тирь» гиссарского типа, указывающие на существование где-то поблизости либо поселения, либо древнего могильника времени Гиссар-III-С.

Но, безусловно, более полные данные, касающиеся урбанизации рассматриваемого региона, дает Иранский Сеистан, где вдоль русла Руди-Биябан цепочкой протянулись свыше 30 поселений эпохи бронзы, среди которых Шахри-Сохте, бесспорно, является столичным центром. М. Тоси убедительно показал, что связи со Средней Азией к этому времени явно уступают непосредственным отношениям с Мундигаком-IV.

Вместе с тем предполагается, что уже в Шахри-Сохте-III и IV на этом месте располагался город, что, однако, требует дальнейшего уточнения. Отметим, что раскопки «ядра города» выявили, безусловно, интересные, по-видимому, двухэтажные, но, скорее всего, частные, а не общественного назначения дома. По общему развитию и облику культуры период III, видимо, отражает ту стадию развития местного общества, когда подготавливалось сложение здесь городского центра. Возможно, даже уже зарождается монументальная архитектура, но еще нет того комплекса признаков, который в совокупности мог бы указывать на подлинную урбанизацию местного общества. И хотя специально отмечается концентрация в одном обособленном месте керамического (Руди-Биябан-2), а может быть, и металлургического производства, пред-

ставляется, что Шахри-Сохте периода III, подобно Мундигаку-III и памятникам периода Намазга-IV в Туркмении, находился на пути сложения поселений городского типа. И лишь верхний слой Шахри-Сохте-IV демонстрирует сложившийся социальный организм поселения, предположительно определяемый как город.

В самом деле, для периода IV на Шахри-Сохте раскопки выявили внушительное здание, условно названное «сожженным дворцом», относящееся к началу II тысячелетия до н. э. Это монументальное сооружение площадью более 500 кв. м сохранило мощные стены, сложенные из сырцового кирпича размером 50 × 20 × 10 см. Внешние контуры комплекса оказались разрушенными процессами дефляции, зато внутренняя сохранность вполне удовлетворительная. Основу планировки составляют квадратные и прямоугольные помещения, соединенные коридорами. На верхний этаж вели две лестницы, ступеньки которых укреплены деревянными брусками.

С существованием этого монументального сооружения совпадает широкое внедрение гончарного круга, когда почти полностью исчезает расписная посуда, появление новых типов печатей, концентрация керамических и, возможно, металлургических горнов, в совокупности указывающих на сложение здесь городского поселения.

В пределах собственно Афганистана процесс сложения городской жизни иллюстрируется все тем же поселением Мундигак, где уже период III показывает дальнейший подъем местной культуры середины — третьей четверти III тысячелетия до н. э. Но подлинный расцвет документируется материалами следующего периода — Мундигак-IV, когда отмечается максимальное обживание всего памятника. Показателем урбанизации, как считают, служили монументальные постройки дворцового и культового назначения, возведенные на руинах сложившихся к тому времени холмов. Именно в это время на холме А отмечается по крайней мере три периода перестроек. По существу от бывшего сооружения сохранился лишь фронтон, прослеженный в длину на 35 м и украшенный некогда полуколоннами. Предполагается, что стена заключала внутри обширный двор, была обмазана или окрашена в белый цвет и имела несколько портиков, ведущих внутрь серии комнат и дворов, часть которых имела прямоугольные очаги-выстилки, поразительно близко напоминающие аналогичные из Южного Туркменистана, где они определяются как культовые⁵⁷.

⁵⁵ Dales G., Flam L. On Tracking Wolly kullis and the Like.— «Expedition», 1969, v. XII, p. 15—23. Отметим, что запустение Южного Сеистана во II тысячелетии до н. э. объясняется засыханием, связанным с перемещением дельты Гильменда на север.

⁵⁶ Dales G. Prehistoric Research in Southern Afghan Seistan.— «Afghanistan», 1972, N 4, p. 14—40.

⁵⁷ Сарияиди В. И. Культовые здания поселений анаусской культуры.— СА, 1962, № 1.

В последний период в северной части двора возводится платформа с нишами и лестницами, ведущими наверх, что, по В. Фаирсервису, в совокупности может указывать на общественное назначение всего этого сооружения. По мнению Ж. Касаля, наоборот, наличие наконечников стрел, ядра и следы сожжения могут свидетельствовать в пользу оборонительного назначения. В целом же все исследователи единодушны в определении архитектуры на холме А как остатков былого дворца местного правителя.

В двухстах метрах от дворца, на соседнем небольшом всхолмлении также сохранились следы необычного сооружения, окруженного обводной стеной, фасированной снаружи острыми выступами или контрфорсами. Внутри к стене примыкает серия квадратных и прямоугольных в плане помещений, полы которых сохранили кирпичную выстилку и местами — очаги. Выделяется одно такое помещение, расположенное в западной части комплекса. В его юго-восточном углу находится каменный квадратный блок, напротив которого располагаются своего рода столики, все вместе покрытые либо штукатуркой, либо окрашенные белым цветом. Примерно в центре помещения располагается очаг на небольшом прямоугольном возвышении, окрашенном красной краской. Рядом имеется своего рода дворик с овальным очагом, несколько возвышающимся над полом.

Вся эта часть древней архитектуры, состоящая из дворика с помещениями, покрыта слоем золы, что свидетельствует об интенсивном использовании очагов. По убедительному мнению Ж. Касаля, это сооружение являлось храмом⁵⁸, причем ярким признаком урбанизации, помимо наличия самой монументальной архитектуры, является тот факт, что, по-видимому, весь Мундигак был окружен оборонительной стеной. Стена, сложенная из сырцового кирпича, на каменном фундаменте, имеет контрфорсы и прослежена почти на 300 м, так что вся она могла представлять собой городскую стену Мундигака конца III — начала II тысячелетия до н. э.

⁵⁸ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., p. 63—65.

Помимо отмеченных наблюдений, весь комплекс периода IV характеризуется дальнейшим развитием и расширяющимися связями с соседними странами. Гончарная керамика сохраняет предшествующие традиции орнаментации кветтского стиля, хотя и видоизменяясь в сторону большей сухости и схематизации рисунков. Достаточно широко распространяются растительные и зооморфные сюжеты, безусловно, навеянные хараппской цивилизацией. О том же свидетельствует и новый тип женских терракотовых статуэток «зхобской богини-матери». Выделяется белая каменная мужская головка, как полагают, близко напоминающая погрудное каменное изображение «жреца» из Мохенджо-Даро.

Каменные печати с гравированными рисунками известны в большом количестве⁵⁹, точно так же как и бронзовые булавки, зеркала, ланцетовидные изделия, крючки. Некоторые формы керамики, как, например, кубки на высоких ножках и отчасти другие изделия, возможно, отражают западные связи, идущие из древнего Ирана, однако они явно уступают восточным параллелям, в особенности северобелуджистанским. Отмеченные новшества не выходят за рамки обычных внешних сношений, и в целом Мундигак демонстрирует местную линию становления и расцвета городской жизни. Высказано мнение, что Мундигак представлял собой небольшой городок, хотя и периферийный, но входивший в круг городской цивилизации Хараппы⁶⁰. Вместе с тем открытие таких городских центров, как Шахри-Сохте и, может быть, Саид-Кала, может указывать на существование иной протогородской зоны, располагавшейся между великими городскими цивилизациями Месопотамии и долиной Инда, о чем будет сказано особо. Здесь же важно отметить сам факт вхождения Южного Афганистана в зону сложения древних городских центров Ближнего Востока.

⁵⁹ В фондах Кабульского музея имеется множество фрагментов каменных, преимущественно стеатитовых печатей этого типа, но неопубликованных.

⁶⁰ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. I. М., 1964, с. 40.

АФГАНИСТАН В ЭПОХУ БРОНЗЫ

§ 1. Памятники эпохи бронзы
Давлетабадского оазиса

Как видно из предыдущего изложения, все наши сведения относительно становления и развития оседло-земледельческой жизни населения Афганистана эпохи энеолита и бронзы относятся исключительно к югу страны. Только начиная со II тысячелетия до н. э. эти процессы захватывают и области Северного Афганистана, где складывается несколько древнеземледельческих оазисов, из которых к настоящему времени известны: Давлетабадский, Дашлинский, Фарукабадский и Ничкинский. Изучение этих оазисов ввело в научный оборот большой, а главное разносторонний материал, еще не ставший достоянием науки в своем полном объеме. Именно поэтому в настоящей главе основной упор делается на характеристику всего облика материальной культуры севера страны, с кратким привлечением хорошо известных и опробованных данных, происходящих с юга (и в первую очередь — Мундигака). Наш обзор мы начнем с давлетабадской группы памятников эпохи бронзы, фиксирующей наиболее западный пункт из всех известных к настоящему времени. Примерно на полпути между городами Меймене и Андхой располагается крупное селение Давлетабад. И именно здесь р. Ширин-Тагао из узкого каньона, зажатого лёссовидным нагорьем, вырывается на ровное плато, ширина которого достигает 6—8 км. Плодородная аллювиальная долина представляла благоприятные возможности как для ведения земледельческого, так и скотоводческого хозяйства. И не удивительно, что около современного Давлетабада располагаются наиболее западные из известных памятников эпохи бронзы Северного Афганистана. В настоящее время здесь открыто пять небольших поселений, вытянутых в цепочку по левому берегу р. Ширин-Тагао; разведочное обследование по правому берегу реки выявило лишь памятники средневекового периода. Очевидно, что рассматриваемые поселения эпохи бронзы базировались на водной магистрали

р. Ширин-Тагао, которая, по крайней мере во II тысячелетии до н. э., протекала несколько западнее относительно ее современного русла.

Вместе с тем показательно, что в предгорьях, окаймляющих долину с обеих сторон, не обнаружены памятники эпохи бронзы, что лишний раз подчеркивает ирригационную направленность древнеземледельческого хозяйства¹. Не исключено, что уже в это время здесь существовали небольшие оросительные каналы, выводившие воду из Ширин-Тагао на прилегающие к ее левому берегу поля. Хотя специальные исследования древней системы ирригации этого района проведены не были, рассматриваемые памятники располагаются в средней части реки, имеющей глубокое русло, что почти полностью исключает паводковые разливы.

Параллельно долине Ширин-Тагао через небольшое нагорье тянется вторая долина, вдоль р. Маймене, однако здесь каких-либо древних памятников обнаружено не было. Видимо, именно долина Ширин-Тагао представляла оптимальные условия для ведения поливного земледельческого хозяйства.

Естественно предполагать, что, хотя на отрезке Давлетабад — Андхой другие памятники эпохи бронзы пока неизвестны, они могут быть обнаружены последующими обследованиями. Вместе с тем следует отметить, что специальные разведки, проведенные от Гератского оазиса вплоть до Давлетабадского, других памятников эпохи бронзы не обнаружили. Правда, в Гератском оазисе бурная р. Герируд так часто меняла направление, что могла полностью уничтожить небольшие поселки интересующего нас времени.

Давлетабадская группа памятников эпохи бронзы включает четыре небольших поселения, получивших условное обозначение: Тикар-1, Тикар-2, Тикар-3 и Тикар-4; поселение Тикар-4 имеет местное название Гирдай-Тепе (Круглый холм). Поселения этого оазиса представляют

¹ Отметим, что даже в настоящее время местное население не практикует посевы под богару.

исключительный интерес потому, что они единственные пока из известных сохранили многометровую стратиграфию культурных слоев, дающую возможность проследить эволюцию керамических комплексов.

Поселение Тикар-1 расположено к юго-западу от селения Давлетабад. Памятник вытянут с севера на юг, сильно запахан и расположен среди современных полей. Его сохранившиеся размеры 75×65 м при высоте 3,5 м. На поверхности, среди вспаханных борозд найдены обломки керамики, в том числе сливы от сосудов типа соусников, не встреченных при раскопках. На памятнике заложено два шурфа: шурф 1 в центре поселения и шурф 2 на его северной окраине, выявившие несколько строительных горизонтов.

Первый (верхний) строительный горизонт сохранился плохо, что отчасти объясняется нарушением культурного слоя запашкой; тем не менее выявлена кирпичная стена и отходящий от нее пол.

Следующий, второй строительный горизонт сохранил толстую стену с отходящим от нее полом, на котором идет слой белой слежавшейся золы. Выше пола идет мощный мусорный слой характерного зеленоватого цвета.

Самый древний, третий строительный горизонт сохранил лишь стену, покоящуюся на материке, состоящем из уплотненных слоев песка, перемежающихся с горизонтальными глинистыми прослоями наносных аллювиальных отложений.

Как видно, центральная часть холма состоит из трех строительных горизонтов, причем самые нижние культурные напластования в целом соответствуют современному уровню окружающей поверхности. Несмотря на немногочисленность находок, вся керамика производит впечатление единого комплекса.

Вся найденная посуда (исключая кухонную) изготовлена на гончарном круге, черепок по преимуществу красного цвета, хорошего обжига, большая ее часть покрыта с обеих сторон светлым ангобом. Среди основных керамических форм имеются вазы (возможно, вазы на ножках), чайники с носиками, глубокие миски, хумы, хумчи с подкошенной придонной частью.

Обращают на себя внимание единичные фрагменты керамики с прочерченным волнистым орнаментом, известным на памятниках Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана.

Кроме керамики, встречены каменные зернотерки, пестики, кремневые желваки со следами отщепов.

Шурф 2 на склоне холма выявил толщу культурных наслоений в 2,5 м, не сохранивших строительных остатков, что не удивительно для окраинной части поселения. Керамический ма-

териал немногочислен и сильно фрагментирован: вся посуда, исключая кухонную, гончарной выделки, отдельные венчики, возможно, принадлежат вазам. В верхнем слое выделяется тонкостенный сосуд с плавным перегибом, идущим к донцу, аналогии которому имеются в Дахистане и Мургабе (Южный Туркменистан). В нижележащих наслоениях встречены единичные фрагменты керамики с нацарапанным орнаментом, а также ножки от высоких ваз. Соотношение абсолютных уровней обоих шурфов показывает, что уже в древности на месте будущего поселения находился естественный бугор, на верху которого и были возведены кирпичные строения; пониженная часть холма в этот ранний период, возможно, являлась местом скопления мусорных слоев.

Поселение Тикар-2 состоит из двух частично распаханых всхолмлений, вытянутых с севера на юг и соединенных пониженной седловиной. Сохранившиеся размеры — 80×50 м при высоте около 2 м.

Шурф выявил сверху очаг с золой, так что, по-видимому, на этом уровне располагались помещения первого строительного горизонта. От второго строительного горизонта сохранились три стены, причем две из них имеют общий пол, состоящий из глиняных промазок с саманом. Культурный слой представлен строительным завалом, в юго-западной части шурфа имеются толстые мусорные слои зеленоватого цвета.

От самого древнего, третьего строительного горизонта сохранилась лишь одна стена, основание которой покоится непосредственно на материке, состоящем из слоев уплотненного песка, перемежающихся с глиняными прослоями, вероятно, аллювиального происхождения.

Керамический материал немногочислен и в целом соответствует комплексу с Тикар-1. Основные керамические формы: вазы, в том числе вазы на ножке, глубокие миски, хумчи, в верхних слоях встречено два фрагмента стенок с прочерченным орнаментом.

Поселение Тикар-3 не раскапывалось. Его размеры — 65×55 м при высоте около 3 м. На поверхности холма встречены обломки ваз, ножки от ваз, хумчи с подкошенной придонной частью, т. е. тот же керамический комплекс, что и на других памятниках.

Тикар-4 (Гирдай-Тепе), наиболее северное поселение в исследуемой группе, в плане имеет почти квадратную форму, размером 100×95 м при высоте 3,8 м. Судя по микрорельефу, поселение, видимо, имело обводные стены; по углам расположены небольшие всхолмления, возможно, остатки башен; центральная часть более пониженная. Еще до раскопок на поверхности были встречены обломки керамики того же типа, что и на вышеописанных поселе-

ниях. Это вазы на ножках, миски, кремневые желваки и наконечники стрел, обломки каменной «колонки».

Шурф на наиболее возвышенной части поселения был доведен до материка и выявил четыре строительных горизонта.

В первом горизонте расчищены стены, имеющие общий пол, что указывает на принадлежность их к одному строительному комплексу. Ямка на полу оказалась забитой костями мелкого рогатого скота, рядом стояла целая кринка и лежали обломки бронзового браслета.

Керамический материал первого строительного горизонта имеет следующие ведущие формы: вазы на ножках, глубокие миски, горшки с плавным и сильно отогнутыми наружу венчиками, хумы с округлыми в сечении венчиками. Характерным признаком столовой посуды следует считать рельефные «воротнички», идущие непосредственно после венчика.

Нижележащий, второй строительный горизонт сохранил кирпичные стены с общим полом, на котором устроено два прямоугольных очага. Следует отметить следующие находки: целый череп кабана-секача и рога джейрана; кроме того, костяной шпатель и биконическое пряслице из зеленоватого стеатита.

Керамический материал немногочислен и включает тонкопрофилированные венчики, но уже (за редким исключением) со слабо выраженным «воротничком», ножки от ваз, миски, хумы, венчики которых выделены кольцевым углублением. Кухонная посуда в основном представлена котлами и горшками.

В третьем строительном горизонте стены не выявлены, однако по всей площади шурфа идет четко выраженный уровень пола, покрытый керамической выстилкой, а в восточной и южной частях сохранились очаги, заполненные золой. Керамические формы в основном повторяют вышеописанные. Некоторые видоизменения отмечаются у венчиков сосудов типа хумчей, которые приобретают удлиненно-вогнутую форму с рельефным выступом по нижней части. Наряду с округлыми венчиками имеются заостренные; «воротнички» столовой посуды менее выражены и более сглажены по профилю. В единичных экземплярах встречены тонкостенные, конической формы краснофонные сосуды с частичным вертикальным лощением и грубые, тяжеловесных форм ножки от сосудов типа ваз. Плоское костяное орудие, залощенное до блеска, дополняет общую характеристику материала третьего строительного горизонта.

Четвертый строительный горизонт мощностью 2,5 м сохранил кирпичную стенку; однако непосредственно на аллювиальных материковых отложениях оконтурилась еще одна, более мощная стена, свидетельствующая о на-

чальном периоде обживания памятника на этом месте.

Показательна керамика, находившаяся непосредственно на материковых отложениях: тонкостенная, хорошего качества и обжига, преимущественно покрытая светло-зеленоватым ангобом, реже — кремовым и красным. Обращают на себя внимание сосуды средних и мелких размеров с треугольным в разрезе венчиком, плавно, почти без перегиба переходящим в тулово сосуда. Выделяется хумча, у которой переход от тулова к дну сильно скошен и имеет «шершавую» поверхность, что характерно для посуды эпохи бронзы.

Не совсем ясным остается вопрос, существовали ли в этот период вазы на ножках. Возможно, они были уже известны, но эта форма еще не стала такой массовой и ведущей, как это наблюдается позднее.

В целом керамическая последовательность на Гирдай-Тепе производит впечатление единого генетического комплекса, развивающегося во времени на протяжении семиметровой толщи культурных напластований. Вместе с тем отдельные формы, присущие ранним слоям, видимо, исчезают на уровне второго строительного горизонта, как, например, цилиндрические сосуды с почти невыделенным венчиком, выявленные в шурфе лишь в самом нижнем горизонте.

Материалы поселений Тикар-1 и Тикар-2 весьма близки, если не сказать идентичны. Их роднит широкое распространение основных керамических форм и в первую очередь — вазы на ножках. Намечается и внутренняя стратиграфия, находящая отражение в наличии в верхних слоях этих двух памятников керамики с процарапанным орнаментом. Показательно также, что в более глубоких слоях подобные фрагменты встречены не были, что, скорее всего, имеет хронологическое различие. В этом отношении показательно отсутствие нацарапанной посуды в Гирдай-Тепе, так что не исключено, что верхний строительный горизонт Гирдай-Тепе соответствует нижним слоям Тикар-1 и 2. Подтверждением тому может служить и различная мощность слоев: на Гирдай-Тепе толщина культурного слоя достигает 7 м, на Тикар-1 и 2 — не более 3 м. Учитывая вышеприведенные наблюдения, представляется возможным подразделить керамический комплекс Давлетабадского оазиса на два хронологических этапа: гирдайский и тикарский. Более ранний, гирдайский этап знаменует начальный этап заселения исследуемого оазиса, когда широко бытует преимущественно гончарная, ничем не украшенная керамика. Ее основные формы: хумчи с подкошенной придонной частью, иногда с песчаной подсыпкой, глубокие миски с высокими, вертикально поставленными бортиками и резким су-

жением придонной части, оанковидные сосуды со слабо выделенным венчиком, вазы на ножках, хумы с округлыми (реже эллипсовидными) в разрезе венчиками.

Частично совпадающий, но продолжающийся и позднее тикарский этап характеризуется в основном теми же формами, но более широко распространяются вазы на высоких ножках и появляется керамика, украшенная процарапанным орнаментом. В таком случае можно допустить, что если поселения типа Гирдай-Тепе свидетельствуют о начальных этапах освоения Давлетабадского оазиса, то памятники типа Тикар-1, 2, 3 указывают на сложение новых, возможно отпочковавшихся от старых, поселений.

В общей форме археологические материалы Давлетабадского оазиса входят в круг сходных комплексов эпохи бронзы Северного Афганистана и южных областей Средней Азии. Так, керамические комплексы Дашлинского оазиса достаточно близко перекликаются с материалами давлетабадской группы, причем, как кажется, эти соответствия более всего отмечаются с материалами строительных горизонтов 1—2 Гирдай-Тепе, так как ни в том, ни в другом комплексе практически еще не представлена керамика, декорированная процарапанным волнистым орнаментом. Предложенная синхронизация документируется также характерными сосудами типа кринки с Гирдай-Тепе, точная аналогия которым имеется в материалах поселения Дашлы-3.

Между рассмотренными двумя оазисами, около г. Шиберган располагается поселение Тилля-Тепе, керамический комплекс которого характеризуется как лепной расписной, так и гончарной посудой. Для керамики наиболее древнего строительного горизонта Тилля-1 весьма показательны тонкостенные, прекрасного качества фрагменты гончарной посуды с волнистым процарапанным орнаментом² и треугольные в разрезе венчики, в ряде случаев со сложным профилем³, близко напоминающим аналогичные профили верхнего слоя Гирдай-Тепе. Указанные параллели, с одной стороны, дают право синхронизировать керамику нижних слоев Тилля-Тепе с посудой преимущественно тикарского периода, с другой — намечают возможность объяснения наличия гончарной керамики в комплексе лепной расписной посуды восточнорасанской культуры.

Столь же показательные аналогии дают памятники Южного Туркменистана, где посуда времени Намазга-V (первая половина II тыся-

челетия до н. э.) до определенной степени перекликается с северо-афганской, причем в первую очередь отмечается сходная светлоангобированная фактура черепка. Полное отсутствие посуды с процарапанным орнаментом в керамическом комплексе Намазга-V дает основание сопоставлять его с ранними слоями памятника типа Гирдай-Тепе, хотя отмечаемые соответствия носят самый общий характер, намечая лишь контуры возможных аналогий и очерчивая территорию распространения сходных археологических комплексов.

Следующий период — Намазга-VI при сохранении предшествующих керамических традиций характеризуется добавлением сероглиняной керамики и практикой декорирования сосудов на поздних этапах процарапанными, чаще всего волнистыми линиями. Показательно, что слои тикарского этапа достигают мощности около 3 м (Тикар-1), периода Намазга-VI имеют толщину в 4,5 м⁴, что, видимо, не случайно.

В настоящее время установлена более дробная стратиграфия памятников Северо-Восточного Ирана и в первую очередь такого столбчатого центра, как Тюренг-Тепе, где для самых поздних периодов выделены фазы III-C-1 и III-C-2. В фазе III-C-1 появляются некоторые новые керамические формы, как, например, соусники⁵ того же типа, что и на Тикар-1, глубокие миски с вертикальными бортиками, неизвестные ни в Шах-Тепе, ни в Гиссаре⁶, но достаточно широко представленные на Гирдае. Количество подобных сходных форм можно увеличить, однако в лучшем случае они лишь намечают хронологическую корреляцию, но не решают проблему происхождения давлетабадского археологического комплекса в целом.

То же самое следует сказать и касаясь материалов Тепе-Гиссар, где имеются весьма показательные каменные «миниатюрные колонки»⁷, появляющиеся лишь с периода Гиссар-III-C; один такой фрагмент встречен на поверхности Гирдай-Тепе.

В результате имеющихся данных представляется возможным составить таблицу, показывающую взаимную корреляцию вышеприведенных археологических комплексов.

Сложнее обстоит вопрос с хронологическими рамками исследуемого давлетабадского комплекса, так как радиоуглеродные даты

² Сарияниди В. И. Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. Материалы к археологической карте Северного Афганистана. М., 1972, рис. 38, 6, 10; рис. 56, 19.

³ Там же, рис. 36, 6, 20.

⁴ Шетенко А. Я. Раскопки «вышки» Намазга-Тепе. — В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. 1. Л., 1972, с. 53.

⁵ Deshayes J. Tureng-Tepe et La Periode Hissar III-C. — «Ugaritica», 1959, VI, fig. 49.

⁶ Там же, рис. 51.

⁷ Schmidt E. Excavations of Tepe-Hissar. Philadelphia, 1937, pl. LXI.

Таблица 1

Северный Афганистан	Туркмения	Иран
Тилля-1 Тикарский этап Дашлинский период Гирдайский этап	Намазга-VI	Тюрент III-C Шах-Тепе II Гиссар III-C

здесь отсутствуют. Учитывая корреляционную таблицу 1, можно допустить, что тикарский период соответствует второй половине II тысячелетия до н. э., в то время как гирдайский этап относится к предшествующему времени.

Заканчивая обзор памятников Давлетабадского оазиса, можно сделать вывод, что люди, обитавшие здесь во II тысячелетии до н. э., вели земледельческое хозяйство, базировавшееся на водной системе р. Ширин-Тагао, а также занимались скотоводством; охота на кабанов и, видимо, джейранов служила дополнительным источником мясного рациона. Небольшие поселки состояли из домов, сложенных из сырцового кирпича; не исключены оборонительные стены на некоторых из них. Вся посуда, за исключением кухонной, изготовлялась на гончарном круге, отличалась высоким качеством и обжигалась в специальных гончарных горнах. В целом же Давлетабадский оазис выступает как периферийный, может быть, промежуточный пункт по пути передвижения племен в восточном направлении.

§ 2. Памятники эпохи бронзы Фарукабадского оазиса

Фарукабадский оазис, расположенный к северу от современных деревень Фарукабад и Култаг, представляет собой типичный пустынный ландшафт: выжженные плоскости такыров, перемежающиеся с участками надувного песка. Примерно в 4—5 км от названных деревень начинаются сплошные высокие барханы, переходящие в приамударьинские пески. Таким образом, южную границу исследуемого оазиса составляют современные деревни Фарукабад и Култаг, северную — сплошная гряда барханных песков; в восточную и западную стороны продолжают те же такыры, местами засыпанные надувным песком. Хотя в настоящее время водные источники (каналы, идущие из р. Балх) заканчиваются у вышеупомянутых деревень, еще в начале века вода доходила почти до современных барханов, причем местами остатки былых арыков и валиков полей, полужасыпанных песком, прослеживаются

около исследуемых памятников до настоящего времени. Очевидно, что и в древности водотоки доходили до этих участков, где и располагаются памятники, относящиеся к эпохе бронзы. К сожалению, все они оказались почти полностью разветвленными так, что сейчас почти не выражены в рельефе⁸.

Центральным среди них было поселение Фарукабад-1, границы которого трудно подаются точному определению, и лишь россыпи мелких фрагментов керамики на такыре намечают общую конфигурацию бывшего поселения размером 1100 × 800 м. Хотя на большей части культурный слой не сохранился, отмечено несколько естественных возвышений, приспособленных под могильники, но полностью разграбленных. В настоящее время они представляют собой сплошные отвалы земли с большим количеством разбитой погребальной посуды, полузанесенной надувным песком. Наиболее крупный могильник располагается в центре поселения, еще три — по окраинам. Большая часть поселения занята громадными барханами или надувным песком, и лишь на небольших участках прослеживаются пятна с битой керамикой. На западной окраине памятника сохранилось естественное всхолмление, покрытое большим количеством мелкофрагментированной керамики; ниже по склону идут сплошные зольные отвалы, по-видимому, от гончарных печей.

Из разграбленных могил происходит большое количество частично составляющих посуд, дающих достаточно полное представление об основных керамических формах. Это разнообразные виды ваз, в том числе на высоких ножках, кубков, чайников, мисок и других сосудов, находящихся полное соответствие в керамическом комплексе эпохи бронзы. Некоторым исключением являются широкие, с низким бортиком блюда и крупные сосуды с резким подкосом и треугольным в сечении венчиком, профили которых более распространены в ахеменидский период.

Основная масса керамики сделана на гончарном круге, глина плотная, красного цвета; сосуды покрыты светло-зеленым ангобом; в тех случаях, когда неангобированы, они имеют ярко-красный цвет. Отдельные вазы и кубки сохранили на нижних частях донцев нацарапанные знаки-метки, преимущественно в виде крестов. Хотя решительно преобладает ничем не украшенная посуда, отдельные вазы и кубки на ножках покрыты красной краской. В единичных случаях отмечен нацарапанный

⁸ Когда рукопись находилась в типографии, экспедицией были выявлены дополнительные памятники Фарукабадского оазиса, а также новый Ничкинский оазис.

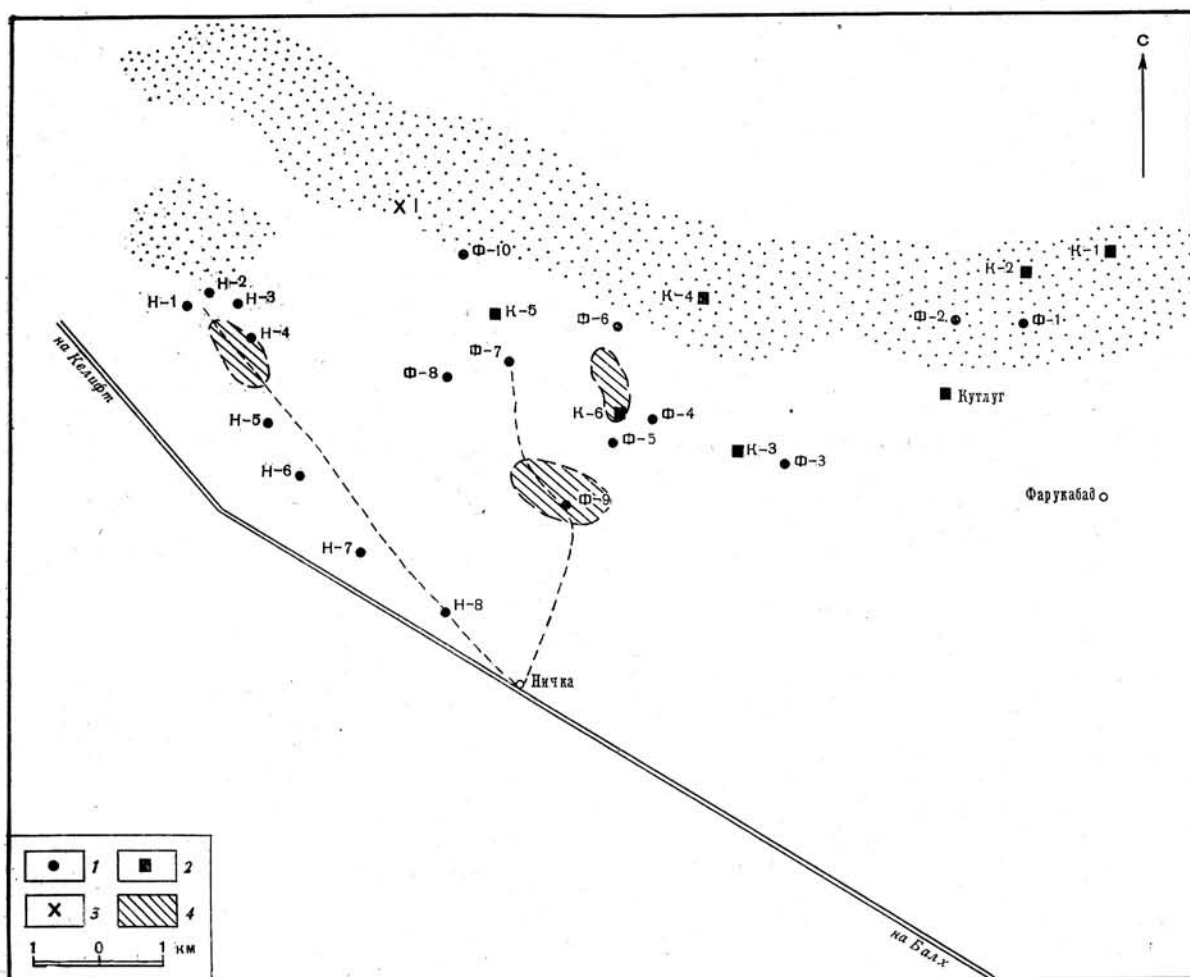

Рис. 5. Схема расположения фарукабадского (Ф), ничкинского (н) и кумлийского (к) памятников
1 — поселения эпохи бронзы; 2 — поселения раннежелезного века; 3 — стоянки степной бронзы

Рис. 6. Керамика из разграбленного могильника Фарукабад-1

орнамент в виде простой волнистой линии, идущей по плечу сосуда; встречены единичные фрагменты сероглиняной посуды, а также соусники с вытянутыми сливами.

На поверхности памятника встречены кремневые пластины, наконечники стрел и характерной формы проколки; имеются крупные зернотерки, пестики, обломки бронзовых и медных изделий. В выбросах разграбленных могил встречены единичные каменные бусинки, медные обломки, возможно, от сосудов и браслетов. Особого интереса заслуживают медные зеркала до 9—10 см в диаметре и со слегка вогнутой плоскостью; всего встречены обломки от 5 зеркал, что указывает на достаточно распространенный обычай помещения зеркал в могилы в качестве заупокойных приношений.

Могильные ямы, вырытые в такыровидном материке, имели прямоугольную конфигурацию, а в тех случаях, когда это можно было определить, вытянуты по оси север — юг, что косвенно указывает на осевую ориентировку покойников.

Поселение Фарукабад-2 представляет собой россыпь мелкофрагментированной керамики на такыре, так что, судя лишь по ее распространению, можно думать, что поселение было вытянуто с севера на юг примерно на 100 м при ширине 60—70 см. В центре сохранилось естественное всхолмление, приспособленное под могильник и полностью разрушенное хищническими раскопками. Керамика из отвалов соответствует поверхности материка и относится к эпохе поздней бронзы и раннего железа. Сохранилась керамическая печь, относящаяся к типу двухъярусных горнов, у которых обжигательная камера располагалась над топкой, так что жар через продухи в поде попадал в камеру, где стояли полуфабрикаты, приготовленные для обжига⁹.

§ 3. Памятники эпохи бронзы Дашлинского оазиса

Дашлинская группа памятников располагается в 30 км к северу от г. Акча и примерно на таком же расстоянии от р. Амударьи. В настоящее время эта часть Бактрийской равнины представляет собой обширную степь, протянувшуюся от г. Балха до Келифта, окаймленную с севера высокими барханами приамударьинских песков, а с юга — современными оазисами, базирующимися на водной системе р. Балхаб, дельтовая часть которой доходит до г. Акча. По-видимому, в древности краевая часть дель-

ты проходила на 50—60 км севернее, где располагались поселения дашлинской и фарукабадской групп памятников. В настоящее время водотоки не доходят до дашлинской группы, заканчиваясь в 10—12 км южнее, у с. Мардиана.

В рассматриваемом оазисе имеются памятники трех хронологических периодов: эпохи бронзы, ахеменидские и, наконец, античные. Картографирование их показало, что наиболее северную часть оазиса представляют памятники эпохи бронзы; следующие по времени — ахеменидские располагаются к юго-востоку от них, частично совпадая; еще более к юго-востоку располагаются городища античного времени. Подобная микротопография связана с перемещением орошаемых земель в результате изменения древней гидрографии, когда краевая дельтовая часть р. Балхаб постепенно перемещалась в юго-восточном направлении. Миграция рек, связанная с неотектоническими явлениями, установлена для многих рек Юго-Западной Азии, что нередко приводило к перемещению культурных зон.

Наряду с этим всегда продолжали функционировать небольшие водные протоки, на которых могли существовать небольшие поселки, в то время как основной центр жизни переместился дальше, вслед за уходящей водой. В этом отношении показательно месторасположение поселения Алтын-5 на крайнем северо-востоке оазиса, а также наличие поселений, где имеется переходной материал доахеменидского и ахеменидского времени. И, видимо, не случайно эти переходные памятники (Алтын-6, 7, 8, 9, 10) располагаются по южной кромке бывшего оазиса, фиксируя постепенные этапы перемещения жизни. Столь же показательны и то, что основная масса подобных поселений расположена на крайнем юго-востоке оазиса, составляя огромное сплошное «пятно» россыпей керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа, подходя вплотную к городским стенам античного города Дальверзина. В 1974 г. на этом «пятне» были обнаружены два могильника эпохи бронзы, условно обозначенные как Дашлы-19 и 20. Могильник Дашлы-19 расположен вдоль бывшего протока или небольшой речушки, четко выраженной сухим руслом. Могильные ямы устроены в материке и тянутся сплошной широкой полосой на много десятков метров, насчитывая несколько сотен разграбленных погребений.

Могильник Дашлы-20 — несколько меньших размеров и также состоит из грунтовых захоронений. Кроме того, к западу от Дальверзина тянутся аморфные россыпи керамики на такырах, относящейся к эпохе поздней бронзы и раннего железа вплоть до ахеменидов. Выделя-

⁹ Дополнительные обследования выявили в этом оазисе десять поселений эпохи бронзы.

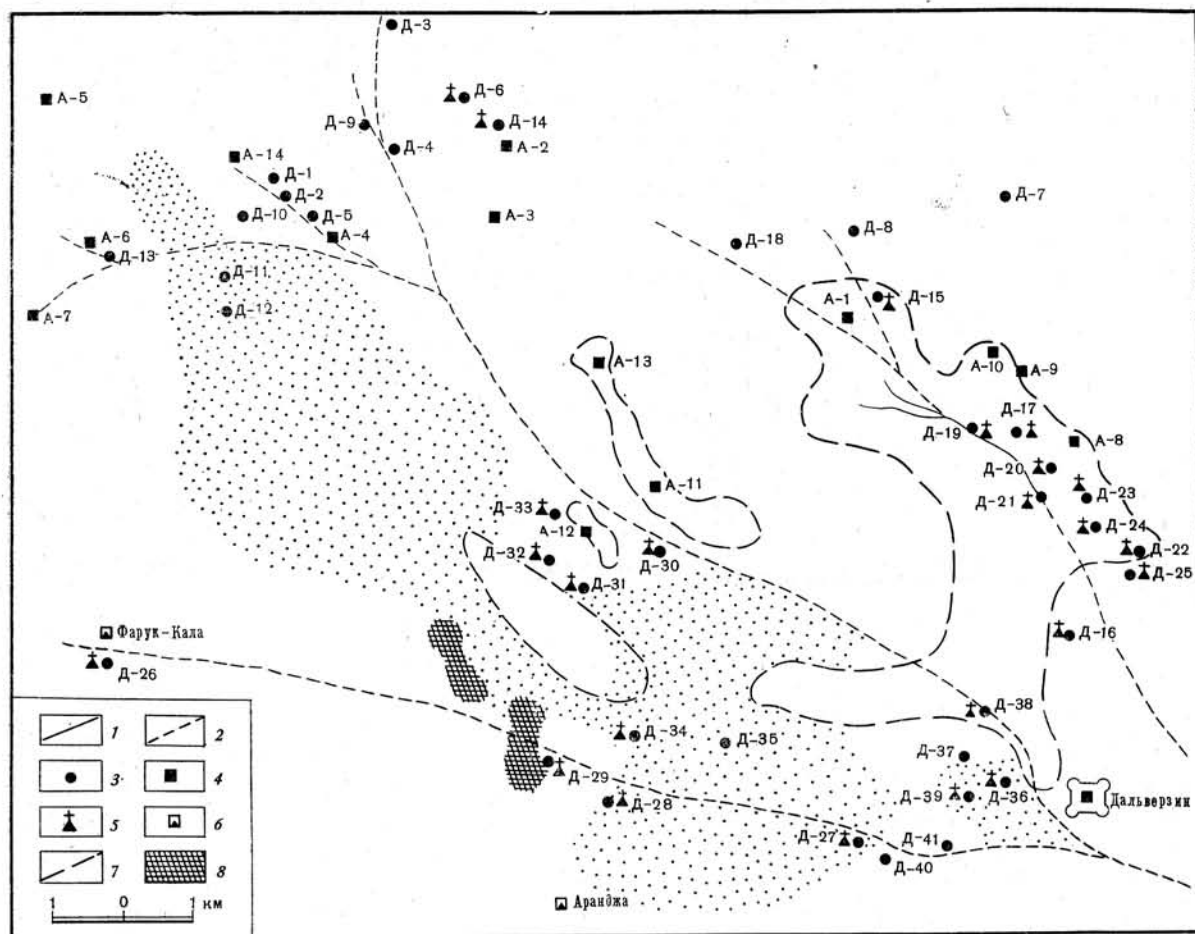

Рис. 7. Схема расположения памятников Дашлинского оазиса

1 — следы древних русел; 2 — предполагаемые русла; 3 — памятники эпохи бронзы; 4 — памятники ахеменидских времен; 5 — разграбленные могильники; 6 — современные селения; 7 — контуры россыпи керамики на такырах; 8 — россыпи керамики ахеменидских времен

ется пункт с большим количеством кусочков бирюзы и в меньшей степени — лазурита, фиксируя мастерскую по обработке этих камней.

Внутри памятников эпохи бронзы выделяются две группы, из которых западная включает поселения Дашлы-1—6, 9—14, а восточная — Дашлы-7, 8, 14—17. Хотя поселения западной группы практически не раскапывались, судя по поверхностному материалу, где чаще встречена посуда с нацарапанным волнистым орнаментом, думается, что западные памятники относятся к более позднему этапу¹⁰.

¹⁰ Когда рукопись находилась в издательстве, в Дашлинском оазисе были выявлены дополнительные поселения и в особенности разграбленные могильники эпохи бронзы.

Как видно, все три оазиса эпохи бронзы: Дашлинский, Фарукабадский и Ничкинский располагались в непосредственной близости друг от друга, фиксируя тем самым три последовательных ирригационных оазиса.

§ 4. Типы памятников, жилищная архитектура

Выявленные памятники достаточно четко подразделяются на два типа. Первый и наиболее распространенный — это неукрепленные, сильно расплывшиеся на многие десятки метров и слабо выраженные в рельефе блинообразные возвышения. В ряде случаев памятники этого типа вообще не сохранили культурного слоя и выделяются лишь по россыпи керамики, обломкам металлических и кремневых изделий на такыре.

Второй тип — это единичные укрепленные поселения, состоящие из холма-крепости и примыкающего через седловину более низкого поселения. Представляется вероятным, что укрепленные поселения служили местом обитания наиболее влиятельных и зажиточных се-

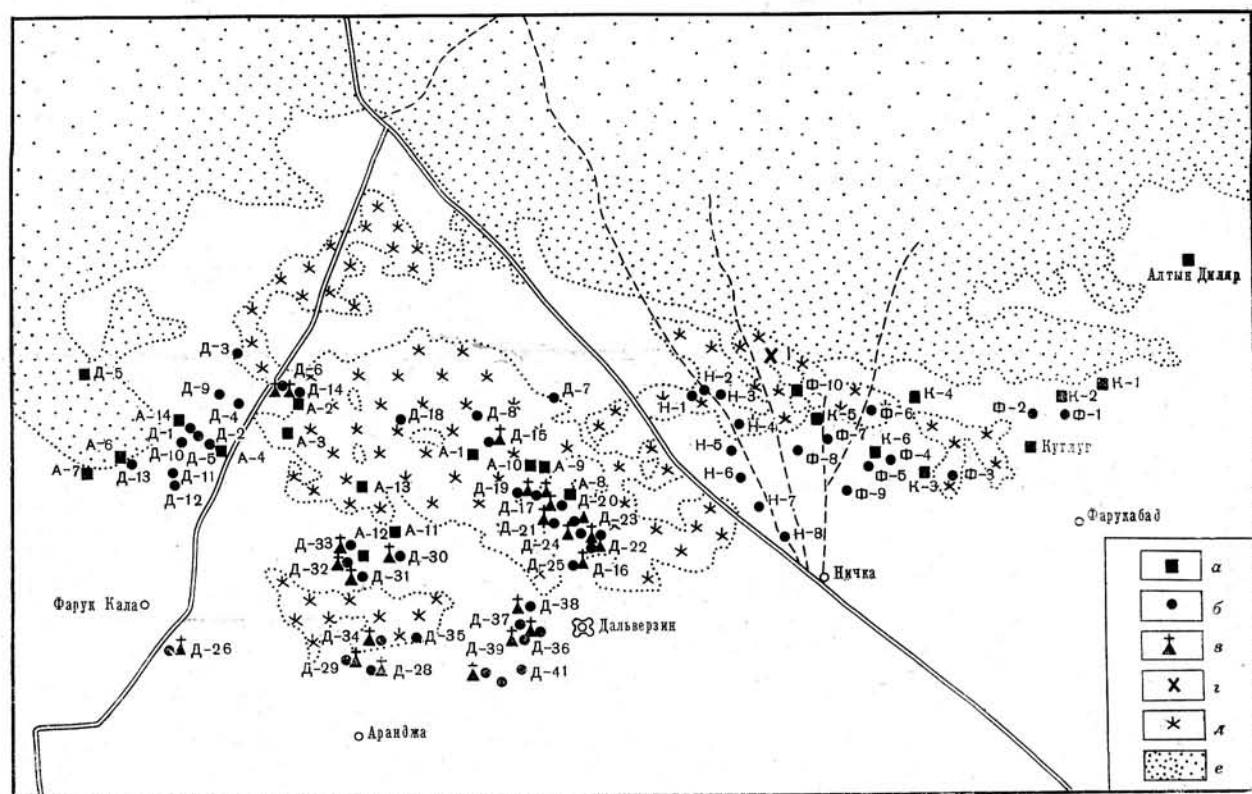

Рис. 8. Схема расположения памятников Дашлинского, Фарукабадского и Ничкинского оазисов

а — памятники ахеменидского времени; *б* — памятники эпохи бронзы; *в* — разграбленные могильники; *г* — стоянки степной бронзы; *д* — такыры; *е* — пески

мей или кланов. Так, например, в восточной группе это могло быть Гирдай-Тепе, а в западной группе — Дашлы-1 и, возможно, Дашлы-14, в то время как остальные неукрепленные поселения могли быть населены рядовыми общинниками.

В восточной группе выделяются как размерами, так и планировкой (прослеживаемой по микрорельефу) Дашлы-7 и 8, по-видимому, являвшиеся центральными среди остальных. Показательно, что в обеих группах памятники второго типа располагаются на северной периферии, как бы отграничивая рядовые, неукрепленные поселения от зоны распространения приамударьинских песков, вероятно, населенных охотниками и рыбаками «пережиточного неолита». Но бесспорным остается тот факт, что крепости Дашлинского оазиса несут ярко выраженные оборонительные функции, когда их обитатели, скрываясь за мощными кирпичными стенами, могли выдержать осаду от возможных врагов.

Крепостные сооружения лучше всего изучены на примере поселения Дашлы-4, где была

выявлена крепость с внутренней застройкой. Прямоугольная в плане крепость размером 99×85 м обнесена по внешнему краю мощными стенами, которые имеют разную ширину, варьирующую от 3 м (северная и южная стены) до 4 м (восточная и западная стороны). Сами стены сложены регулярной кладкой стандартного сырцового кирпича размером 50×22(24)×12 см, достигая местами высоты до 2 м. По углам крепости устроены округлые в плане башни, возведенные сложной системой кладки сырцового кирпича, причем лишь одна угловая башня оказалась полой, три остальные сплошь заложены кирпичом. Кроме угловых, имеются дополнительные башенки, полуовальные в плане и много меньших размеров, расположенные по периметру оборонительных стен.

Наиболее полно изучена западная стена, рисующая сложную картину в истории ее существования. Так, в направлении от юго-западной к северо-западной башне на расстоянии 22 м идет сплошная стена, сохранившаяся на высоту девяти рядов кирпичца. Подойдя этого отрезка стены покоится на культурном слое толщиной всего в 15—20 см, но зато сама угловая юго-западная башня стоит непосредственно на материковой основе. Таким образом, уже этот участок оборонительной стены показывает, что поселение было обнесено обводной стеной не сразу, хотя и вскоре после его основания. Весь этот отрезок стены обмазан снару-

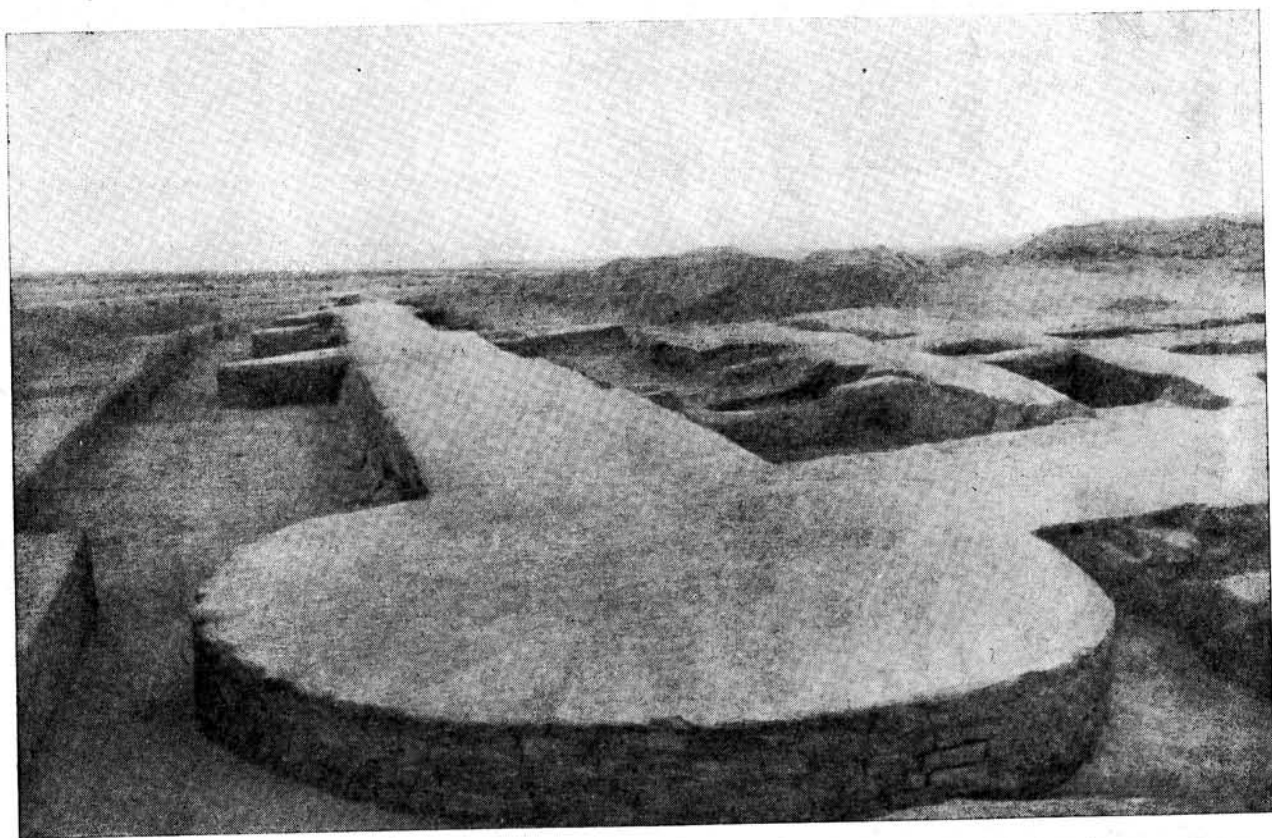

Рис. 9. Дашлы-1. Оборонительная стена с угловой башней

жи глиняной штукатуркой. В этом месте устроена башня, стоящая на мощном культурном слое так, что кирпичи сохранились всего на высоту двух рядов от дневной поверхности.

На расстоянии 10 м от нее располагается следующая башня, полая внутри, также сохранившаяся всего на высоту двух рядов кирпича. Десятиметровое расстояние между обеими башнями сохранило кирпичную кладку на высоту от одного до трех рядов кирпича, покоящуюся на мощном, обожженном до красноватого цвета культурном слое. Не исключено, что на каком-то этапе существования крепости здесь были устроены ворота, фланкированные с обеих сторон оборонительными башнями. Во всяком случае, следуя дальше в северном направлении, стена опять имеет высоту в девять рядов кирпича и еще одну башню, по-видимому, пристроенную позднее, так как она сохранилась всего на два ряда кирпичей. Остальной отрезок внешней стены вплоть до северной угловой башни имеет высоту в один-два ряда кирпича, ниже которого идут культурные наслоения. Как видно, детальное исследование только одного фаса поселения показывает

сложную картину неоднократных ремонтов и перестроек.

Северная стена крепости по всей длине сохранилась на высоту восьми рядов кирпича (от подошвы до дневной поверхности). Примерно в середине стены на расстоянии в 5 м друг от друга устроены две башни, между которыми, возможно, также находились ворота, но уже в последний период, так как одна из башен сохранилась на высоту 0,5 м, а другая — 1 м.

Отметим, что отрезок северной стены, прилегающий к северо-западной башне, имеет, вероятно, специальный откос наружу, достигающий наклона до 15° .

Юго-западная угловая башня сохранилась к моменту раскопок на высоту почти 2 м, а верх стен раскопанных помещений в центральной части холма показал высоту около 4 м. Башни, оборонительные стены и раскопанные помещения внутри крепости взаимосвязаны между собой и относятся к одному периоду существования, так что можно предполагать, что оборонительные стены имели высоту около 4 м, а учитывая уровни полов в раскопанных комнатах, заключить, что общая высота стен достигала 6—8 м. Как видно, крепость Дашлы-1 выступает как небольшой, но максимально укрепленный памятник, причем тип прямо-

Рис. 10. Дашлы-1. Общий вид раскопок

угольной крепости с угловыми башнями впервые отмечен для столь раннего времени. Общая планировка и фортификация свидетельствуют о большом значении, которое придавалось крепости.

Жилые строения также наиболее полно исследованы на примере раскопок внутри крепости Дашлы-1. В качестве строительного материала, как правило, используется стандартный прямоугольный кирпич, варьирующий в размерах от $45 \times 24 \times 10$ см до $50 \times 25 \times 12$ см. Кладка производилась на жидком глиняном растворе, причем стены обмазывались штукатуркой из смеси глины с саманом; полы помещений представлены толстыми глиняными промазками в несколько слоев. Дверные проемы нередко имеют кирпичные пороги, снабженные в ряде случаев каменными подпятниками. Стены смежных помещений построены вперевязку, а не пристроены друг к другу, что указывает на существование общего плана перед самим строительством.

Вскрытая планировка демонстрирует сплошную застройку, что препятствует четкому выделению отдельных жилых комплексов, что объясняется сравнительно небольшой раскопан-

ной частью сооружения, а также спецификой, диктуемой типом застройки в крепости. Тем не менее на поселении Дашлы-1 узкие помещения (35, 36, 39, 40, 41, 50), непосредственно примыкающие к оборонительной стене крепости, несколько отличаются от остальных. Все они заполнены горелым слоем и, наверное, погибли в результате пожара. Не исключено, что эти помещения (судя по их необычной конфигурации и расположению около оборонительной башни) были связаны с защитными функциями, тем более что именно в них встречено большое количество глиняных ядер яйцевидной формы; возможно, близкими по назначению являлись и помещения 42—48. Представляется, что в целом все помещения, непосредственно примыкающие к оборонительной стене, до определенной степени были связаны с защитными функциями. Именно отсюда, скрываясь за мощной оборонительной стеной, можно было отражать осаду. Есть основания предполагать, что вдоль всех крепостных стен Дашлы-1 тянулись помещения, имевшие преимущественно оборонительное назначение. Не исключено, что вышеотмеченные горелые помещения свидетельствуют о драматических событиях, тем более что обожженные слои частично прослежены и вдоль западной стены крепости.

Хотя трудно судить с уверенностью о назначении других вскрытых комнат, все же некоторую помощь могут оказать выявленные в них очаги. Выявлено два основных типа: пристенные очаги (помещения 10, 17, 43, 44), служившие для приготовления пищи, и специальные камни (помещения 18, 30) для обогрева; лишь в одном случае (помещение 27) отмечен очаг-выкладка. Предполагается, что помещения с каминами являлись в основном жилыми, в то время как с пристенными очагами — кухнями. В целом же перед нами сплошной жилой массив, состоящий из помещений жилого и хозяйственного назначения. Если учесть, что раскопки вскрыли пятую часть всего памятника, а древняя планировка в конечном счете отражает характер и внутреннюю структуру общественного устройства, то можно предполагать, что вскрытая часть крепости являлась местом обитания большой семьи. В таком случае в крепости Дашлы-1 могло проживать всего несколько таких большесемейных единиц, объединенных кровным родством.

При всей условности привлечения этнографических параллелей думается, что в данном случае они будут вполне уместны. В Северном Афганистане до сих пор около небольших деревушек располагаются своеобразные крепости (среднеазиатские — курган-ча). Они имеют строго прямоугольную конфигурацию, по углам располагаются круглые башни; добавочные башенки устроены по периметру внешних стен, причем сближенные башенки франкируют входы с деревянными двухстворчатыми воротами. Если добавить, что подобные крепостцы по размерам приближаются к Дашлы-1, то станет очевидной их взаимная близость.

В настоящее время в таких крепостцах совместно проживает несколько поколений кровных родственников — наиболее зажиточные и влиятельные семьи. Приведенные сопоставления дают право определять памятники типа Дашлы-1 как укрепленные крепости, в которых обитали выделившиеся семьи в системе местного общества. Тип памятника, состоящего из крепости и прилегающего поселения, не является присущим только исследуемому оазису, но известен и в Северной Бактрии¹¹, и в Маргиане¹². Налицо сформировавшийся тип поселения, закономерно прослеживаемый на этой огромной территории и отражающий в конечном счете сходную линию развития древнего общества.

¹¹ Аскарлов А. А. К вопросу о выделении культуры Сапалли. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 21.

¹² Сарияниди В. И. Древности низовий Мургаба. — АО 1972 г. М., 1973, с. 483.

В целом же вскрытая планировка находит прямые аналогии на поселении Сапалли-Тепе, где сходство проявляется не только в общем плане, но и в таких характерных деталях, как устройство внутрстенных очагов-каминов¹³.

Другим памятником, на котором была вскрыта обычная жилая планировка, является холм Дашлы-3, где первоначально располагалось монументальное здание, по-видимому, дворец. После того как он оказался заброшенным, на его руинах складывается небольшое поселение, которое затем, увеличиваясь в размерах, в последний, третий период занимает площадь размером 40×40 м внутри бывшего двора. Как установили раскопки, третий строительный горизонт состоит из сплошной застройки помещений жилого и хозяйственного назначения, причем почти посередине, по линии север—юг идет улица, делящая всю планировку на две части. Северный конец улицы упирается в поперечные прямоугольные помещения 24 и 29 и двумя узкими улочками продолжается далее на юг.

Планировка, расположенная к западу от улицы, состоит из помещений 1—23 с общим двором «Б». Почти во всех помещениях имеются небольшие очаги двух типов: очаги-выкладки, вероятнее всего, служившие для обогрева, и тогда такие комнаты являлись жилыми, и очаги устроенные в стенах и предназначенные для приготовления пищи (помещения 1,81). Отдельные помещения сохранили вкопанные в полы почти целые хумы и имели преимущественно хозяйственное назначение. Правда, в одном случае вместе имеются и очаг-выкладка, и хум, что указывает на более широкое назначение подобных комнат. Хотя многие комнаты к моменту раскопок не сохранили дверных проемов, это, скорее всего, объясняется плохой сохранностью самих стен, когда пороги оказались разрушенными.

К востоку от улицы располагается в общем сходная планировка: система взаимосвязанных помещений, группирующихся вокруг внутреннего двора «А». В северо-восточном углу двора располагаются крупная печь и большие отвалы золы; аналогичная печь обнаружена в помещении 30. Обе они, видимо, являлись хозяйственными очагами, где в течение долгого времени приготавливалась пища для большого круга людей.

В целом вскрытая планировка достаточно показательно ограничивается четырехугольником стен бывшего двора в единый комплекс, разделенный улочкой на две части. Налицо дуальный принцип деления поселка, что дает ключ к некоторым предварительным выводам

¹³ Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе. Ташкент, 1973, с. 41.

относительно семейных и общественных форм социальной жизни местных племен в рассматриваемое время.

§ 5. Монументальная архитектура

Благодаря широким и планомерным раскопкам в пункте Дашлы-3 впервые для Бактрии было открыто существование особых дворцово-культовых сооружений, имевших общественное назначение. Уже отмечалось, что Дашлы-3 состоит из высокого холма и рядом расположенного, слабо выраженного в рельефе блинообразного возвышения. В 1970 г. на этом возвышении по микрорельефу удалось проследить остатки стен, образующих круг. С целью уточнения столь необычной планировки в том же году здесь были проведены разведочные раскопки, выявившие остатки монументального сооружения, получившего в дальнейшем условное название «круглого здания». Раскопки были продолжены в 1971—1973 гг., в результате чего полностью раскопана четвертая часть всего комплекса. Установлено, что круглое здание является центром огромного сооружения и состоит из двойного кольца стен, образующих вместе своеобразный обводной коридор с проходами, ведущими в выступающие наружу башенки. Круглое здание было выстроено сразу по единому плану, так как основные стены стоят непосредственно на материке; внутренняя планировка претерпела частичные перестройки. Причем отмечаются по крайней мере два периода в истории существования круглого здания.

Обводная галерея выделяет круглое здание в самостоятельный комплекс, ограничивая его от прилегающей архитектуры. Доказательством тому служат помещения за внешней стеной круглого здания (19, 21, 106), как бы вписанные между башенками, но практически нигде не соприкасающиеся.

Перегородки внутри галереи образуют серию глухих отсеков, всегда сообщающихся с башенками; кроме того, имеются проходы как во внешнем кольце стен (между башенками II и III, V и VI), так и во внутреннем (помещения «Е», «З», «М»). Не исключено, что обводной коридор выполнял роль той промежуточной зоны, через которую круглое здание сообщалось с прилегающими сооружениями. Но и в таком случае не совсем ясным остается назначение самих башенок: либо они имели культовое назначение, либо оборонительное, что представляется более вероятным. В этой связи отметим не случайное совпадение, когда во внешнем и внутреннем кольцах стен имеется по три прохода, которым соответствуют девять башенок. Главный вход располагался в северной части

здания между башенками V и VI — единственное место, где имеется свободный проход через оба кольца стен, ведущий прямо к внутреннему ансамблю помещений. Через главный вход можно было попасть в обширный двор (помещение 13), где позднее на уже накопившихся мусорных слоях был возведен двухчастный очаг. Кирпичный забор ограничивает следующий двор (помещение 8), где также на мусорно-зольных отложениях сохранились остатки небрежно вылепленного глиняного очажка.

Судя по косвенным наблюдениям, помещение 7 было выстроено несколько позднее, чем остальной комплекс. В помещении 5 обращает на себя внимание проход, оформленный с двух сторон очагами — прямоугольным и овально-вытянутым. Еще два очага устроены за внешней западной стеной, причем выделяется сложной конструкции трехчастный очаг, возведенный на высокой кирпичной платформе; вокруг прослежен мощный зольный отвал. Если учесть своеобразные дворы (помещения 10 и 15), то окажется, что внутри круглого здания, полукругом огибая центральный комплекс, идет незастроенный участок. Зато западная часть оказалась тесно застроенной длинными параллельными стеночками, образующими серию узких отсеков, условно выделенных как помещения 4 и 11. Назначение их остается неясным; можно лишь вспомнить близкие по типу строения, известные как в Месопотамии (от Джармо до Гавра), так и в Южном Туркменистане (от Джейтуна до Кара-Тепе). По-видимому, прямо связан с описанными конструкциями целый хум, аккуратно вставленный в кирпичный футляр, обмазанный изнутри штукатуркой. В целом же пока остается очевидным, что помещения 4 и 11 были тесно связаны с центральным комплексом (помещения 1—3, 6, 16) системой узких коридоров и проходов.

Центральный комплекс отличается от всей остальной вскрытой площади в двух отношениях: вместо обычных мусорных слоев все эти помещения оказались заполнены (а скорее забутованы) глинистой массой желтоватого цвета с большой примесью самана (разложившийся кирпич?). Вся эта желтая глинистая масса почти не содержала никаких находок, исключая единичную, мелко фрагментированную керамику. Судя по всему, сохранившиеся к моменту раскопок помещения были специально забутованы и надстроены, однако процессами дефляции более поздние строения оказались полностью развеянными.

Второе отличие заключается в необычно тщательной отделке интерьеров тонкоотмученной штукатуркой настолько характерной, что

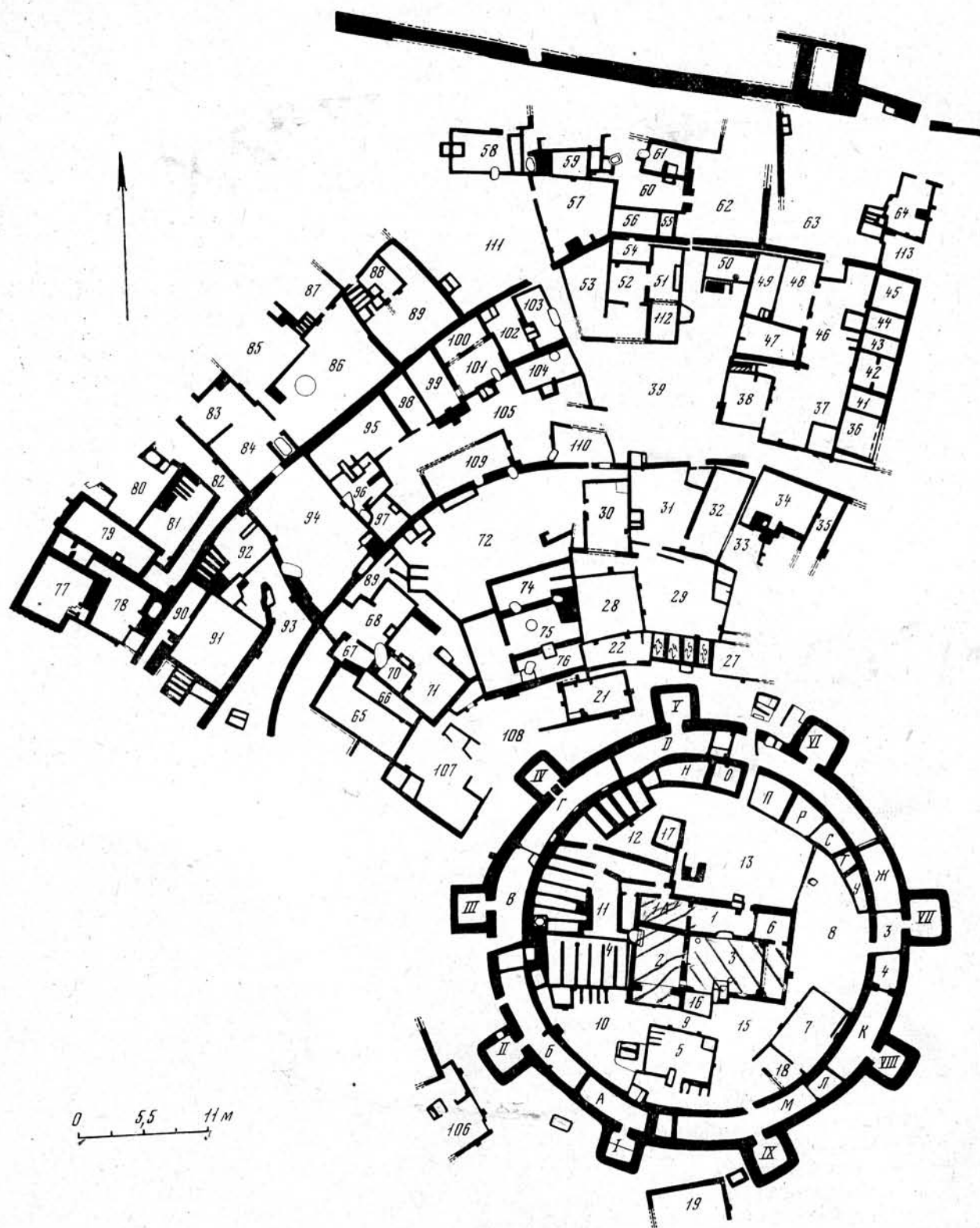

Рис. 11. Дашлы-3. Круглый храм. План раскопанной части

при зачистке дернового слоя именно по этой обмозке были ооконтурены сами помещения. Кроме того, интерьеры комнат сохранили достаточно сложный архитектурный декор — также пока более нигде не отмеченный.

Прежде чем обратиться к их назначению, отметим общие стратиграфические наблюдения. Как оказалось, на месте круглого здания находился естественный бугор (в виде желтого лёссовидного материка) высотой 70—80 см от окружающей поверхности. На его верху располагались центральные помещения 1—3, 6. Показательна их стратиграфия: все они сохранили два уровня полов, располагающихся на высоте 50 см друг от друга. Промежуточный слой между полами состоит из кусков разложившегося кирпича, небольших горизонтальных зольников. В помещении 1 наиболее ранний пол сохранил ямки, впущенные в материк, сплошь заполненные угольками и сожженными костями животных. Интересна стратиграфия помещения 2, где в центре комнаты, ниже самого раннего пола, на глубину 145 см идет огромная яма, впущенная в материк и заполненная угольками, красными кусками печины и обломками сырцового кирпича вперемежку с мелкими фрагментами керамики. Между первым и вторым полом этого помещения из ямки-лунки был взят уголь на радиоуглеродное определение. Этот образец датируется 3060 ± 70 или 1110 г. до н. э. Показательно, что самые ранние полы сохранили ямки-лунки, заполненные золой и сожженными костями мелких рогатых животных, на всей площади, так что обнаружены они и под суфами, которые были возведены позднее на уровне вторых полов. Очевидно, что в первый период круглое здание имело более простую планировку, но наличие ямок на уровне обоих полов указывает на устойчивые ритуалы предполагаемых культурных обрядов.

В рассматриваемом комплексе помещения 2 и 3 имеют принципиально сходную планировку, и, видимо, именно они являлись центральными. В помещении 2 в южной части устроено возвышение — суфа, ограниченная от остальной комнаты двумя фигурными пилястрами, соединенными тонкой стеночкой. В северном углу устроен двухчастный очаг, возведенный на кирпичной платформе высотой около 80 см; устье его обращено внутрь комнаты и тремя четкими ступеньками опускается к полу.

Не менее интересно и помещение 3 с суфой, отделенной от остальной комнаты массивными фигурными пилястрами, соединенными общей стенкой. В восточной стене выявлены две ниши, имеющие в плане пирамидальную форму за счет устройства декоративных ступенчатых «уголков»; в середине противопо-

ложной, западной стены имеется еще одна ниша с двумя сквозными отверстиями. Еще две ниши устроены в северной и южной стенках, причем северная сильно обожжена и заполнена золой, так что, возможно, это своеобразный очаг.

Сложной конструкции трехчастный очаг на платформе из трех рядов кирпича устроен в середине южной стены; от устья до пола идет сплошной слой белой слежавшейся золы. На полу выявлено несколько ямок-лунок, как и у более ранних полов без следов воздействия огня, заполненных угольками и мелкими костями животных, сожженных «на стороне» и лишь затем засыпанных в лунки. Хотя конкретное назначение помещений остается не совсем ясным, представляется несомненным общее культовое назначение всего круглого здания. На это указывает и сама планировка, в основе которой лежит круг, и необычной отделки интерьеры центрального комплекса, и особые по конструкции и назначению очаги, вознесенные на кирпичные платформы и, скорее всего, являвшиеся алтарями. Последнее обстоятельство может указывать на большую, если не основную роль огня в культовых обрядах. В этом отношении можно допустить прямую связь между очагами-алтарями и сожженными костями животных в ямах-луках. Думается, что прах жертвенных животных, сожженных в пламени алтарей, затем аккуратно засыпался в специально вырытые лунки в полу. Отметим так же находку здесь изделия в виде почки, выточенного из камня; предполагаемая связь подобных предметов с культовыми гаданиями представляется вполне оправданной.

Круглое здание с башенками составляет лишь центральное ядро, вокруг которого широким поясом и опять-таки по кругу располагается множество помещений, составляющих еще три кольца. Эти бытовые помещения нередко сохранили вкопанные в полы хумы, пристенные кухонные очаги, хозяйственные отсеки, ниши. Обращают внимание большие размеры помещений, сочетающихся с дворами. Первое кольцо помещений (помещения 21—35; 65—76; 107—108) раскопано недостаточно полно, чтобы можно было сделать общие выводы. Более полно раскопаны сооружения второго кольца, где может быть выделено несколько обособленных жилых комплексов. Один такой «жилой массив» (помещения 36—54, 112), достаточно компактный, сохранил помещения различного назначения, группирующиеся вокруг вытянутого внутреннего двора (помещение 37). В одной комнате имеется кухонный очаг (помещение 49), в другой (помещение 37) — вкопанные хумы. Видимо, к этому же

массиву относится серия помещений (51—54, 112), пристроенных позднее. Показательно, что это не был наглухо изолированный и полностью отграниченный комплекс: наоборот, три широких прохода ведут в смежные комплексы. Так, один проход ведет в помещение 105, по-видимому, двор, вокруг которого, в свою очередь, группируются помещения 95—110, составляющие следующий жилой комплекс. Здесь также име-

ступающих далее наружу: это могли быть упавшие мощные конструкции сырцовых кирпичей. Но одно остается несомненным — что в противоположность кольцевым это была бесспорно прямая стена, причем траншея за ее внешним фасом выявила глубокий ров, но заполненный мусором.

Судя по полученным данным, можно предполагать, что по внешнему фасу весь этот архи-

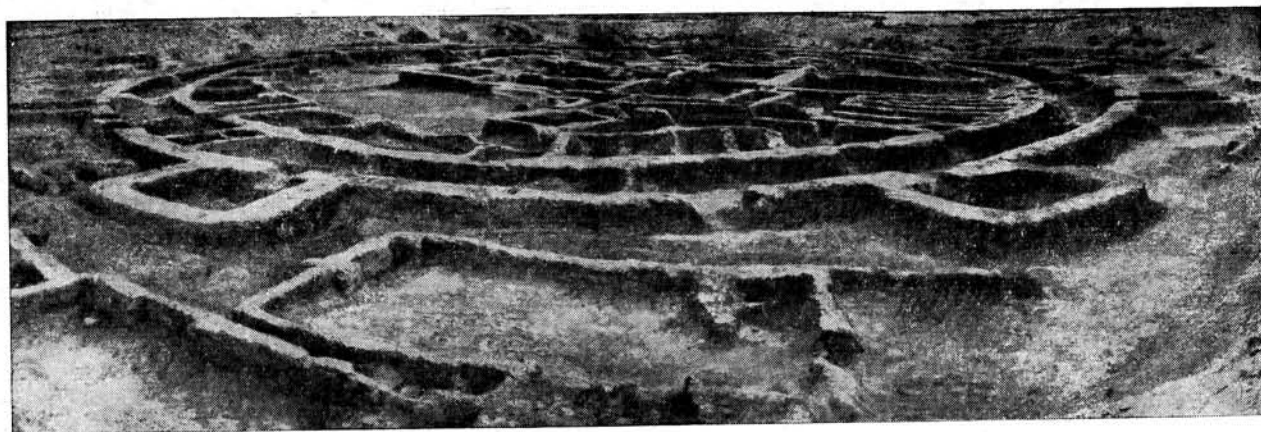

Рис. 12. Дашлы-3. Круглый храм. Общий вид центральной части

ются хозяйственные комнаты с хумами (помещение 104) и двойными кухонными очагами (помещения 95, 96, 103), предназначенные для приготовления пищи. Показателен очаг во дворе (помещение 105), по-видимому, предназначенный для общего пользования. Дверные проходы соединяют комнаты в серию взаимосвязанных помещений единого комплекса.

Строения третьего кольца помещений вскрыты частично, но и здесь как будто намечаются отдельные жилые комплексы, как, например, помещения 55—62; помещения 63, 64, 113. Возможно, помещения 76—89 полностью не обнаруживают следов многочисленных и неоднократных перестроек, а внутреннее заполнение их представляет обычные мусорно-зольные остатки, столь характерные для обычных бытовых поселений.

Периферийные по отношению к круглому зданию комнаты к моменту раскопок сохранились настолько плохо, что не всегда позволяют определить конфигурацию самих помещений. Это в особенности касается широкой прямой стены, определяемой как внешняя, от которой по существу сохранились лишь отпечатки самых нижних кирпичей характерного темного цвета на желтоватом фоне материкового такыра. Поэтому трудно судить с уверенностью о назначении широких «пилястр», вы-

тектурный комплекс был заключен в мощный кирпичный футляр, дающий в плане гигантский квадрат (со стороной 130—150 м), у основания которого проходил глубокий ров. Центральное, круглое здание играло сакральную роль — здесь проходили культовые церемонии и располагались помещения особого назначения, где совершались ритуальные церемонии. Иное впечатление производит обычная планировка выделенных комплексов, располагающихся далее по периферии вокруг центральной части. Здесь помещения жилого и хозяйственного назначения с обширными внутренними дворами по существу представляют собой планировку поселка. Думается, что это действительно была рядовая застройка, обитатели которой были связаны с самим храмом: это могли быть жрецы, храмовые служки, короче, лица, так или иначе принимавшие участие в его обслуживании.

С другой стороны, учитывая огромные размеры жилой части сравнительно с культовой в системе всего комплекса, кажется, что большая его часть была населена рядовыми общинниками, занимавшимися обычным сельскохозяйско-скотоводческим хозяйством. Это до определенной степени напоминает храмовое хозяйство передовых центров Древнего Востока. В таком случае следует допустить существование храмовых земель, урожаи с которых шли исключительно на нужды храма. Как бы то ни было, налицо общественное назначение раскопанного сооружения Дашлы-3, предназначенного для

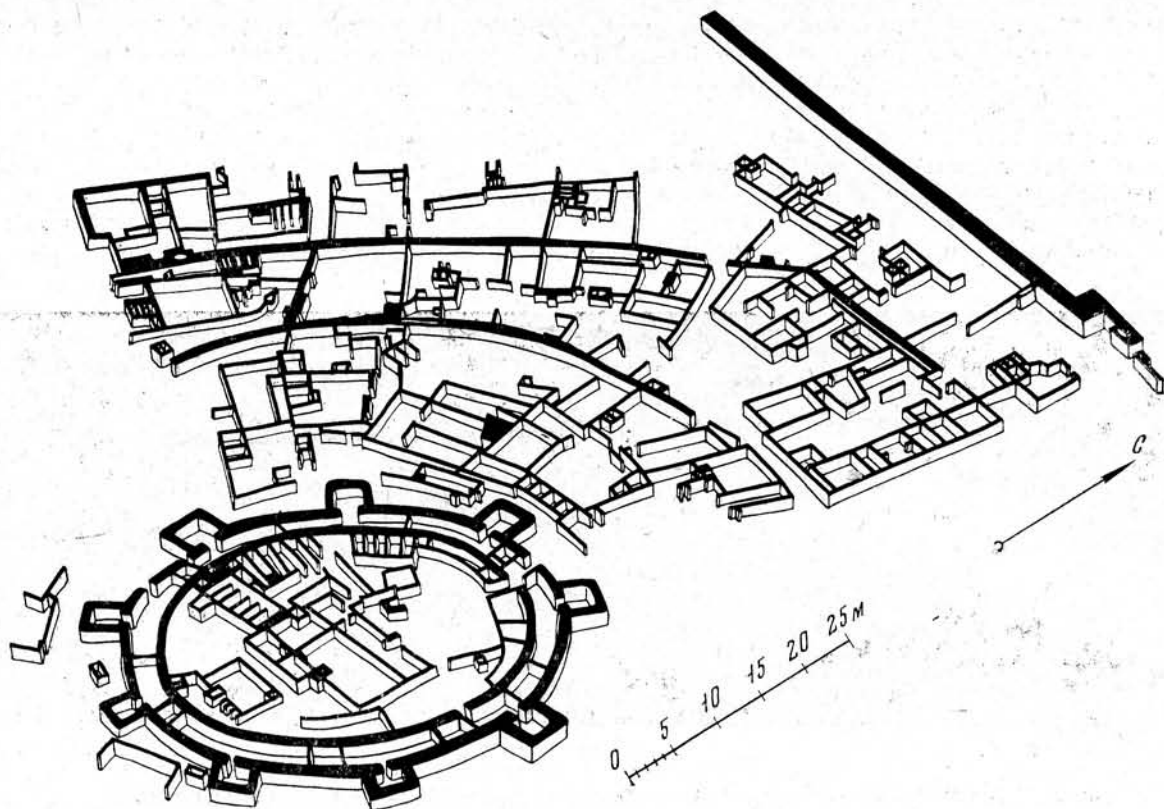

Рис. 13. Дашлы-3. Круглый храм. Аксонометрия

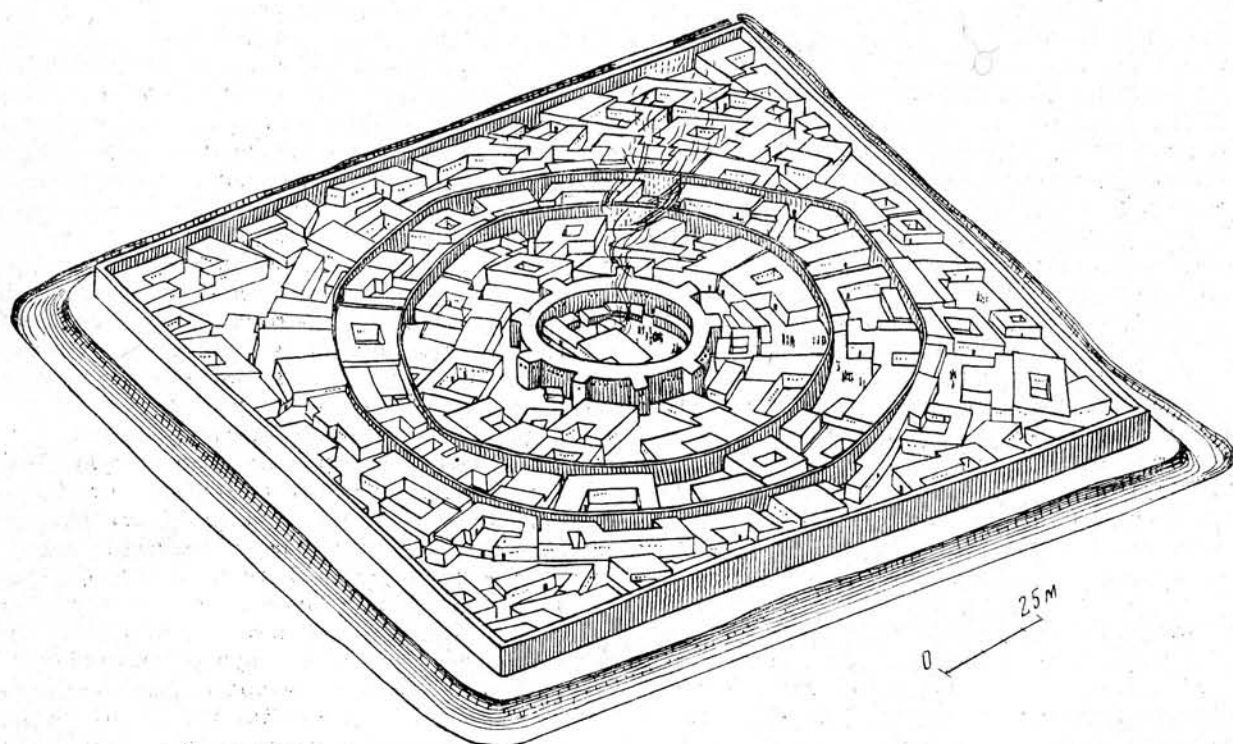

Рис. 14. Дашлы-3. Круглый храм. Реконструкция

нужд всех поселений Дашлинского оазиса¹⁴. Хотя трудно судить о конкретном характере самих обрядов, отметим, что ритуальные трапезы, по-видимому, играли в них едва ли не основную роль. В этом отношении показателен холмик, расположенный через небольшое понижение у северного фаса исследуемого комплекса. Шурф выявил здесь естественный бутор, сплошь перекрытый зольно-мусорными слоями, причем на верху его мощность слоев достигает 40—50 см, а ниже по склону — до 130—140 см. Показательно, что сам слой состоит исключительно из зольников, угольков, большого количества костей животных попеременно с мусорными отбросами и мелкими фрагментами керамики. Отметим, что в передовых центрах древневосточного мира рядом с храмами нередко устраивались обширные «кухни», являвшиеся «важной частью храма», где совершались жертвоприношения богам¹⁵, причем в месопотамских «кухнях» сохранились тексты, упоминающие «вечерние и утренние трапезы» и «большой горшок для варки пищи». Думается, что до определенной степени сходные обряды, тесно связанные с жертвенными трапезами (в жертву приносился в основном мелкий рогатый скот), распространены были и в Бактрии в эпоху бронзы.

Судя по той роли, какую играл огонь, а также по общему архитектурному принципу, думается, что это мог быть храм огня, так как сооружения в виде круга имели сакральное значение у многих народов мира¹⁶. Применительно же к рассматриваемому региону связь круга (солярный культ) и алтари (огненная космология) могут быть сопоставлены с индоевропейскими представлениями, нашедшими отражение в Ригведе и Авесте. Более того, сочетание в планировках культовых сооружений квадрата (символ четырех сторон света) и круга (символ солнца) может рассматриваться как священная ритуальная диаграмма, представляющая Вселенную и бытие в обоих аспектах¹⁷.

В целом же храм на Дашлы-3 выступает как общественное, культовое сооружение, предназначенное для всех обитателей Дашлинского оазиса. Наиболее характерная черта общего

планировочного принципа заключается в максимальной замкнутости, стремлении отгородиться от внешнего мира. Налицо та стадия развития культовых зданий, когда храм превращается в сакральное, уединенное место, в котором обитало божество. Применительно к Дашлы-3 этому назначению больше всего соответствует центральная часть круглого здания. Не исключено, что здесь проживали и главные жрецы, в то время как серия помещений далее по периферии, отгороженных круглыми в плане стенами, являлась местом обитания слуг и служек, а кроме того, в них могли проживать паломники во время культовых праздников и церемоний. Сходное назначение предполагается для «овального храма» в Хафадже, где между двух колец овальных в плане стен могли находиться дома священников. Близкую картину дает храм Шара в Телл-Аграбе, где и святилища и дома служек объединены и обнесены вокруг широкой стеной.

Если обратиться к культовой архитектуре ранней Месопотамии, то наиболее характерными признаками являются ограждение иерархических построек и особая техника отделки помещений¹⁸. То же самое отмечается и для храма Иштар, когда центральные помещения выделяются из остальных наличием фигурных пилястр в оформлении интерьеров¹⁹, а также наличием приподнятых суфф, которые нередко определяются как подиумы.

Как видно, все эти признаки полностью приложимы к помещениям 1—3 круглого здания, выделяя их в помещения особого назначения. В этом отношении показательна их общая планировка, состоящая из прямоугольного вытянутого помещения, заканчивающегося поперечной возвышенной суффой. Если обратиться к месопотамским материалам и в особенности к раскопкам в Уруке, то увидим, что в пору Урук-IV храм С отличается симметричный план и трехчленная целла, состоящая из центральной комнаты, заканчивающейся двумя меньшими, но поперечными комнатами. Налицо близкое сходство в решении планировочных принципов, дополняемое декоративными пилястрами, украшающими интерьеры. Все эти признаки продолжают в культовой архитектуре Месопотамии и в пору Урук-III — Джемдет-Наср, а возможно, и позднее, что сокращает существующий хронологический разрыв с бактрийской архитектурой.

¹⁴ Нелишне будет отметить общее сходство планировки круглого храма с печатями эпохи бронзы, рисунки которых представляют собой вписанные друг в друга круги, нередко с поперечными перемычками, в центре которых имеется изображение креста или розетки.

¹⁵ Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961, с. 110.

¹⁶ Hautesœur L. *Mistique et Architecture Symbolisme du Cercle et de coupole*. Paris, 1954; Robert F. Thymélé, *Recherches sur la signification et la destination des monuments circulaires dans l'architecture religieuse de la Grèce*. Paris, 1939.

¹⁷ Лелеков Л. А. К истолкованию погребального обряда в Тагискене. — СЭ, 1972, № 1, с. 128—130.

¹⁸ Gullini G., *Struttura E. Spazio Nell'Architettura Mesopotamica Arcaica*. — «Mesopotamia», 1970—1971, v. V—VI, p. 200.

¹⁹ Parrot A. *Les Temples D'Ishtar Et De Ninni-Zaza*. — «Bibliothèque Archeologique et Historique», 1967, t. LXXXVI, pl. III.

Если обратиться к аналогиям для круглого здания, то сравнительные данные представляют опять-таки преимущественно месопотамские сооружения, например, план «овального храма» в Хафадже, где, как полагают, круглая стена отделяет сакральную часть от внешнего мира²⁰, что до определенной степени перекликается с назначением обводной галереи с башенками на Дашлы-3. Еще более показателен «круглый дом», встреченный на Тепе-Гавра в слое ХІА и представляющий собой круг с диаметром 18—19 м, в центре которого располагаются прямоугольные помещения, определяемые как святилища. Круглая обводная стена имеет один проход, причем прилегающие сооружения лишь частично соприкасаются с ней²¹.

Показательно, что если «круглый дом» находит лишь общие аналогии с круглым зданием в Дашлы-3, то несколько более ранние сооружения Гавры предоставляют более убедительные, а главное детализированные черты сходства. В этом плане показательны центральный и северный храмы слоя Гавра-ХІІІ, прямоугольные в плане, декорированные внутри уступчатыми пилястрами, образующими фигурные ниши-простенки. Особенно важно отметить, что оба храма, имея принципиально сходную планировку, расположены перпендикулярно друг к другу²², напоминая аналогичную картину для расположения помещений 2 и 3 круглого храма на Дашлы-3.

Если исходить из общих планировочных принципов (круг, лежащий в основе всего плана) и архитектурных решений (декорировка интерьеров фигурными пилястрами), то круглый храм с Дашлы-3 более близок культовым зданиям Северной Месопотамии и в первую очередь — Тепе-Гавра. Было бы соблазнительно поставить эти явления в прямую связь, однако уже для слоя ХІ предполагается приход нового населения извне²³, а для слоя ХІІІ — многочисленные параллели с Гияном, Бакуном, Сялком и Гиссаром, что может указывать на тесные и разнообразные связи с Ираном, где мог находиться источник многих преобразований во всех сферах жизни²⁴.

Приведенные данные, хотя еще и недостаточные для общих выводов, дают право сделать два заключения: о бесспорно культовом назначении круглого здания на Дашлы-3 и об очевидных аналогиях с культовой архитектурой Месопотамии. В настоящее время протягиваются вполне

ощутимые линии связей между культовыми сооружениями Двуречья и Бактрии, причем месопотамское влияние наблюдается в основных архитектурных решениях бактрийского монументального зодчества. Вместе с тем не следует преувеличивать эти аналогии, учитывая большой хронологический, а главное территориальный разрыв, когда на промежуточной территории располагается такая обширная страна, как современный Иран, где открытие монументальной архитектуры на широких площадях является делом будущего.

Сложнее обстоит вопрос с конкретизацией назначения круглого здания как храма огня. В настоящее время имеется полная свodka по иранским храмам огня, где с завидной тщательностью собраны все известные сведения, касающиеся этого вопроса²⁵. Из всех известных памятников культового назначения, по К. Шипману, лишь Нуши-Джан (VIII—VII вв. до н. э.) и Дахани-Гуламан (VII—VI вв. до н. э.) могут быть сопоставлены с храмами огня²⁶, но и в этом случае они относятся к несравненно более позднему времени, чем бактрийский. Выделены наиболее ранние памятники, которые могут быть отнесены к древним храмам огня, возникшим не ранее мидо-ахеменидского периода²⁷. В настоящее время благодаря раскопкам на холме Нуши-Джан, расположенном в 70 км к югу от г. Хамадана, выявлен архитектурный комплекс, включающий западное здание, форт и храм огня²⁸. Храм огня имеет в плане крестообразную конфигурацию с проходом с южной стороны, ведущим в обширный вестибюль, и затем — спиральное возвышение. Вход из вестибюля ведет в обширное помещение с алтарем, представляющим собой ступенчатое возвышение с полусферическим углублением верха; стены изнутри украшены фигурными нишами. Если сравнить общий план известных культовых сооружений Бактрии, Месопотамии и Ирана, то следует отметить предпочтительную близость к религиозным зданиям Месопотамии. По существу лишь функциональное назначение роднит между собой Дашлы-3 и Нуши-Джан, что в первую очередь объясняется большим хронологическим разрывом между ними. И, наоборот, как будет показано, Нуши-Джан, как и Дахани-Гуламан, находят параллели с монументальной архитектурой Бактрии ахеменидского времени (Алтын-10).

Второе монументальное сооружение, условно обозначенное как дворец, было выявлено в

²⁰ Moortgat A. The Art of Ancient Mesopotamia. London — New York, 1969, p. 20, fig. 16.

²¹ Tobler A. Excavations at Tepe Gawra, v. II. Philadelphia, 1950, p. 17—22, pl. VI.

²² Speiser E. A. Three Reports on the Joint Assyrian Expedition. — BASOR, 1937, N 66, p. 4—6.

²³ Tobler A. Excavations..., v. II, p. 13.

²⁴ Там же, с. 141.

²⁵ Schippman K. Die Iranischen Feuerheiligtümer. Berlin, 1971.

²⁶ Там же, с. 55, 437.

²⁷ Там же, табл. I.

²⁸ Roaf M., Stronach D. Tepe-Nush-i-Jan, 1970, Second Interim Report. — «IRAN», 1973, v. XI, p. 129—140.

том же пункте Дашлы-3, на рядом расположенном с круглым храмом высоким холме. Здесь в первый (основной) период по единому архитектурному плану было возведено монументальное здание с общими размерами 84×88 м и центральным внутренним двором размером 38×40 м. Во второй промежуточный период дворец перестает существовать, а в восточной части двора возводятся обычные жилые и хозяйственные помещения рядовых общинников. Наконец, в третий (последний) период, на руинах дворца, но в пределах квадрата стен бывшего внутреннего двора складывается небольшое периферийное поселение. Судя по обрывкам стен и полам, зафиксированным почти на самой дневной поверхности холма, существовал еще один строительный горизонт, но к моменту раскопок он оказался практически полностью развееваем процессами дефляции. Судя по косвенным данным, во второй и третий периоды, помимо двора, частично использовались и заброшенные помещения бывшего дворца. Так, внутри двора в помещении 51 находилась печь для плавки металла и рядом, на полу, — глиняная форма для отливки топора-тесла. Глиняный тигель и следы выплавки металла из руды были обнаружены в помещении 38 северного фаса. Наконец, использовались под хозяйственные и обширные помещения (например, 3, 33, 34), в которых стояли вкопанные и частично нарушившие основные стены большие хумы.

Рассматриваемое монументальное здание возведено из сырцового кирпича (размером $52 \times 24 \times 10$ см; $50 \times 23 \times 11$ см; $51 \times 24 \times 11$ см) на глиняном растворе. Как правило, стены с обеих сторон покрыты глиняной штукатуркой характерного желтоватого цвета.

Установлено, что в ряде помещений (например, 13, 37) основание стен выложено кирпичными блоками, длина которых варьирует от 70 до 130 см, так что между ними образованы сквозные «продухи» шириной 15—20 см.

Если учесть, что торцовые части блоков также покрыты штукатуркой, то станет очевидным их специальное назначение, возможно, действительно для вентиляции в жаркую погоду. Видимо, не случайно такие продухи обнаружены в Г-образных помещениях, что указывает на их особое функциональное назначение. Кроме того, в ряде помещений (21, 39) стены оказались облицованными кирпичами, поставленными плашмя. Шесть аналогичных, но несквозных ниш обнаружены в западной стене помещения 7, где они так же расположены в стене у самого пола на расстоянии 70—75 см друг от друга и имеют размеры: высота — 40 см, ширина — 10 см и глубина в стене 60—65 см. Сразу же отметим, что внутри основного периода отмечается несколько этапов, связанных в первую

очередь с ремонтными перестройками. Дело в том, что длинные прогоны стен, к которым нередко пристраивались поперечные без перевязки кирпичей, привели к тому, что уже вскоре стены стали отклоняться от первоначального положения. Все это привело к необходимости возведения дополнительных подпорных стен и контрфорсов, призванных предотвратить падение длинных стен, как, например, подпорные стены в помещениях 6 и 14.

Отличительной чертой всей архитектуры является чрезвычайно большое количество пилястр; особенно по внешнему фасаду, где они местами (например, восточный угол) имеют ступенчатую конфигурацию. Думается, что пилястры выполняли как конструктивную (в виде контрфорсов), так и декоративную роль в общем оформлении всего здания.

В ряде случаев, особенно в коридорах, сохранились «осевшие» сводчатые перекрытия, свидетельствующие о знакомстве бактрийских строителей с техникой возведения ложных сводов.

Центральную часть всего сооружения составляет почти квадратный внутренний двор с однотипной планировкой. В центре каждого из четырех фасов устроен Т-образный коридор, по обе стороны от которого располагаются обширные помещения типа залов, внутрь которых вписаны Г-образные помещения.

Уже отмечалось, что общая планировка всех четырех фасов построена по принципу симметрии и взаимного абсолютного сходства. Некоторым отклонением от этой нормы является южный угол. Здесь от помещений 11 и 15 навстречу друг другу под прямым углом отходят две прямые стены с пилястрами, так что в месте предполагаемого пересечения они образуют предвратные сооружения, состоящие из трех вытянутых помещений (45, 46, 47). Среднее из них, помещение 46, сохранило внешний проход, оформленный с обеих сторон пилястрами; на полу имеется узкая длинная канава, видимо водосток. Думается, что именно здесь располагался центральный въезд в исследуемый комплекс, причем две боковые комнаты могли выполнять оборонительные функции.

Особый интерес вызывают завершения внешних углов всего здания, образованные за счет широких поперечных соединительных стен, нередко с проходами, в ряде случаев оказавшихся заложеными. Такие соединительные стены, сформляющие внешние углы, хорошо прослежены в восточном (между помещениями 25 и 30, 42 и 43) и западном углах (между помещениями 13 и 15); лишь в северном углу, видимо из-за ошибки строителей, помещения 42 и 32 смыкаются между собой без стены-перемычки. Очевидно, что, помимо централь-

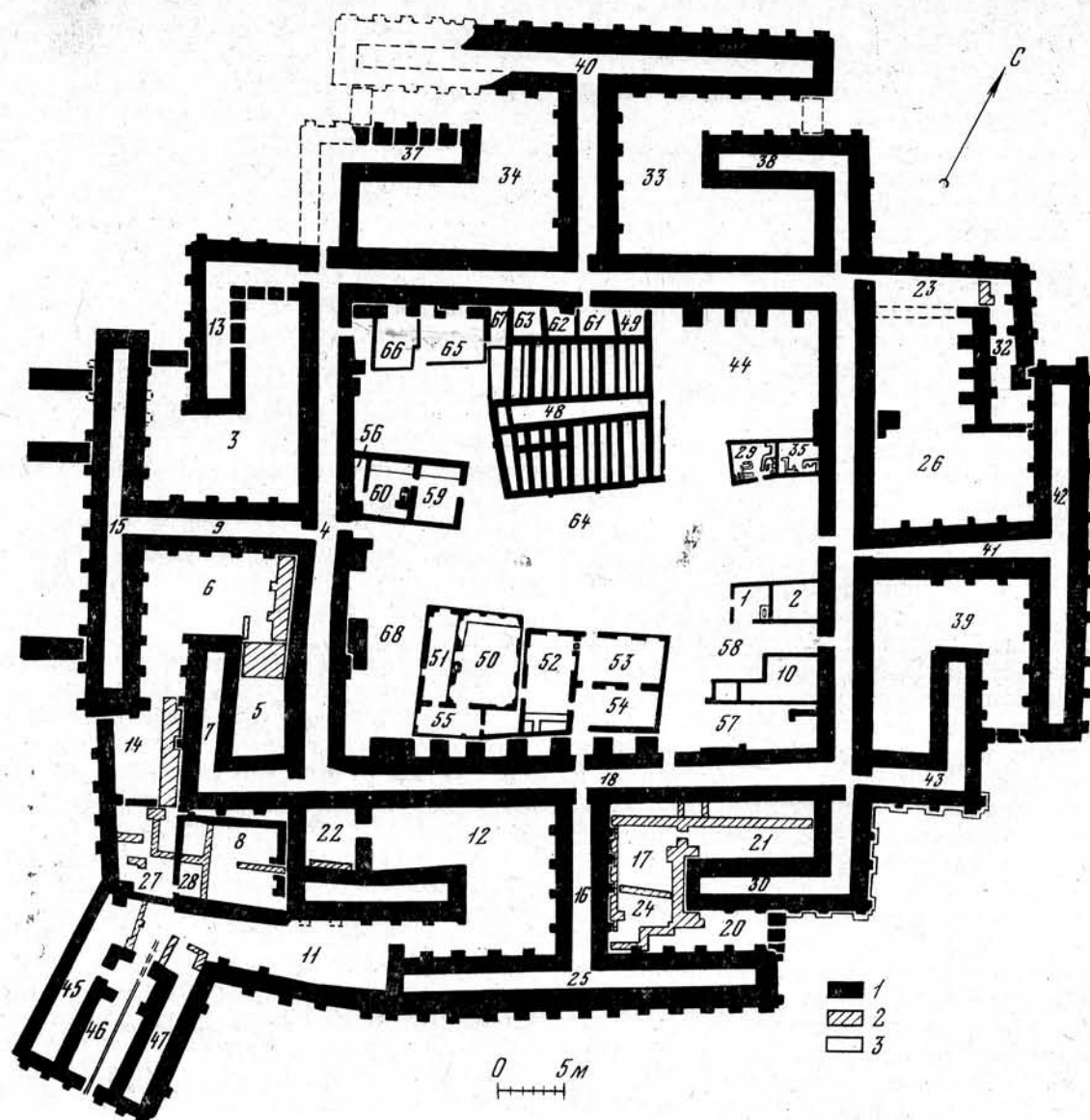

Рис. 15. Дашлы-3. Дворец. Общий план раскопок

ного входа, имелись узкие проходы по углам, которые в случае необходимости наглухо закладывались кирпичами. Вместе с тем нельзя исключать, что этот въезд был встроен не сразу, хотя и вскоре после завершения всего строительства. В таком случае в первоначальном виде весь комплекс был выдержан в идеально симметричном плане, когда все четыре фаса с точностью повторяли друг друга, а входами являлись поперечные соединительные стенки.

О многочисленных перестройках и ремонтах, помимо встроенных стен-контрфорсов (например, в помещениях 5, 6, 14), можно судить по трем контрфорсам, сохранившимся по внеш-

нему фасау западной стены. Основания их покоятся не на материке, а на тонком культурном слое, так что встроены они были уже вскоре после завершения строительства из-за наклона всего внешнего западного фаса. Вдоль подошвы внешних стен проходил ров (достигающий местами 10-метровой ширины при высоте в 3 м), заполненный глинистыми аллювиальными отложениями; не исключено, что ров охватывал водным кольцом все сооружение, как бы отграничивая его от внешнего мира.

Почти квадратный внутренний двор отграничен со всех четырех сторон обводным коридором, причем по западному и восточному обводу имеются встроенные поперечные стеночки, образующие глухие отсеки. Видимо, посередине каждого обвода имелось по одному проходу, которому соответствовал проход, ведущий в Т-об-

разные коридоры. В свою очередь, из всех четырех углов обводного коридора имелись проходы, соединявшие его с Г-образными коридорами. В течение достаточно длительного периода обживания некоторые из проходов закладывались и вместо них пробивались новые, как, например, проход в помещении 1.

Внутри двора, преимущественно вдоль стен, располагаются три строительных микрокомплекса, имевшие особое назначение. Так, южный микрокомплекс состоит из двух достаточно однотипных сооружений, но построенных последовательно. Наиболее ранний из них включает три помещения (52, 53, 54), среди которых последнее играло роль своеобразного вестибюля. В него можно было попасть из обводного коридора и затем — в соседние помещения 52 и 53, из которых, в свою очередь, — во внутренний двор. Первоначально обе эти смежные комнаты сообщались друг с другом двумя проходами, позднее оказавшимися заложенными. Выделяется помещение 52, по-видимому, центральное, с глубокими нишами и пристенной суфой. В его западной стене имелся проход, оказавшийся застроенным при строительстве следующего сооружения, также включавшего три помещения (50, 51, 55). Как и в рядом расположенном сооружении, здесь также имеется вестибюль (55); два прохода из него ведут в смежные помещения, из которых помещение 50 является центральным. Интерьер его украшен фигурными нишами, идущими от пола и покрытыми тонкоотмученной штукатуркой в несколько слоев. Размеры ниши поражают абсолютным соблюдением пропорций, свидетельствующих о существовании у местных архитекторов особого модуля. У западной стенки, на полу, за счет глиняного валика устроен очаг-выкладка, но без следов обожжения, что может указывать не на бытовое, а особое его назначение. У северной и частично западной стен имеется пристенная суфа. Длинное, узкое помещение 51 также имеет ниши, но более просто оформленные; в один из последующих периодов здесь была устроена мастерская по металлообработке, свидетельством чего является печь и глиняная форма для отливки топора-тесла. У входа на полу находилась целая «миниатюрная колонка». Все помещения южного микрокомплекса имеют полы, выстланные регулярной кладкой кирпича, а интерьеры их покрыты тонкоотмученной штукатуркой.

Следующий, западный микрокомплекс также включает три помещения (58, 59, 60), из которых роль вестибюля могло играть помещение 58 (не сохранившее проходов), и своеобразный тамбур, сообщающийся с обводным коридором (помещение 4). Интерьеры комнат ничем не украшены; на их особое назначение до опреде-

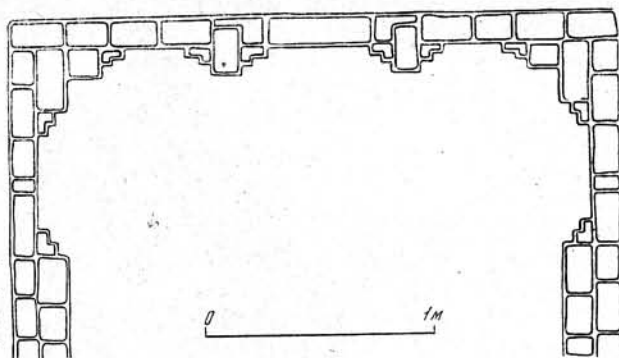

Рис 16. Дашлы-3. Дворец. Помещение 50. Система кладки северной стены

ленной степени могут указывать пристенные суфы в помещениях 59 и 60. На полу последнего располагается очаг со следами огня, однако его хронологическая принадлежность внутри трех выделенных периодов с точностью не устанавливается.

В целом западный и южный микрокомплексы по планировочному признаку весьма близки между собой, что может указывать и на их функциональную близость.

Наконец, у северного фасада располагается сооружение оригинальной планировки. От былого сооружения сохранились лишь фундаменты в виде неправильного прямоугольника, разделенного узким коридором (помещение 48) на две части, каждая из которых состоит из серии чрезвычайно узких отсеков (10 в южной и 12 в северной частях). Сверху отсеки перекрыты поставленными на ребро и наклоненными друг к другу кирпичами, образующими как бы двускатные крыши в миниатюре. Внутри отсеки оказались заполненными обычными мусорными наслоениями, но с чрезвычайно большим количеством костей животных и золы. Кроме того, здесь встречено несколько миниатюрных сосудов типа детских игрушек. Поверх кирпичных перекрытий узких отсеков по всему участку идет кирпичная вымостка, скорее всего служившая полом самого несохранившегося здания. Именно на этом полу встречены фрагменты составной наборной мозаики, по-видимому, от облицовки интерьеров каких-то парадных комнат. Назначение всего этого сооружения остается не совсем ясным; отметим лишь, что до сих пор в Афганистане существуют так называемые табакхана, т. е. особые здания, под полом у которых устроена отопительная система, предназначенная для обогрева всех помещений. Возможно, близкое назначение имела и эта конструкция, хотя каких-либо следов сильного воздействия огня внутри отсеков не обнаружено.

Восточная часть двора сохранила остатки небольших помещений, видимо наиболее ран-

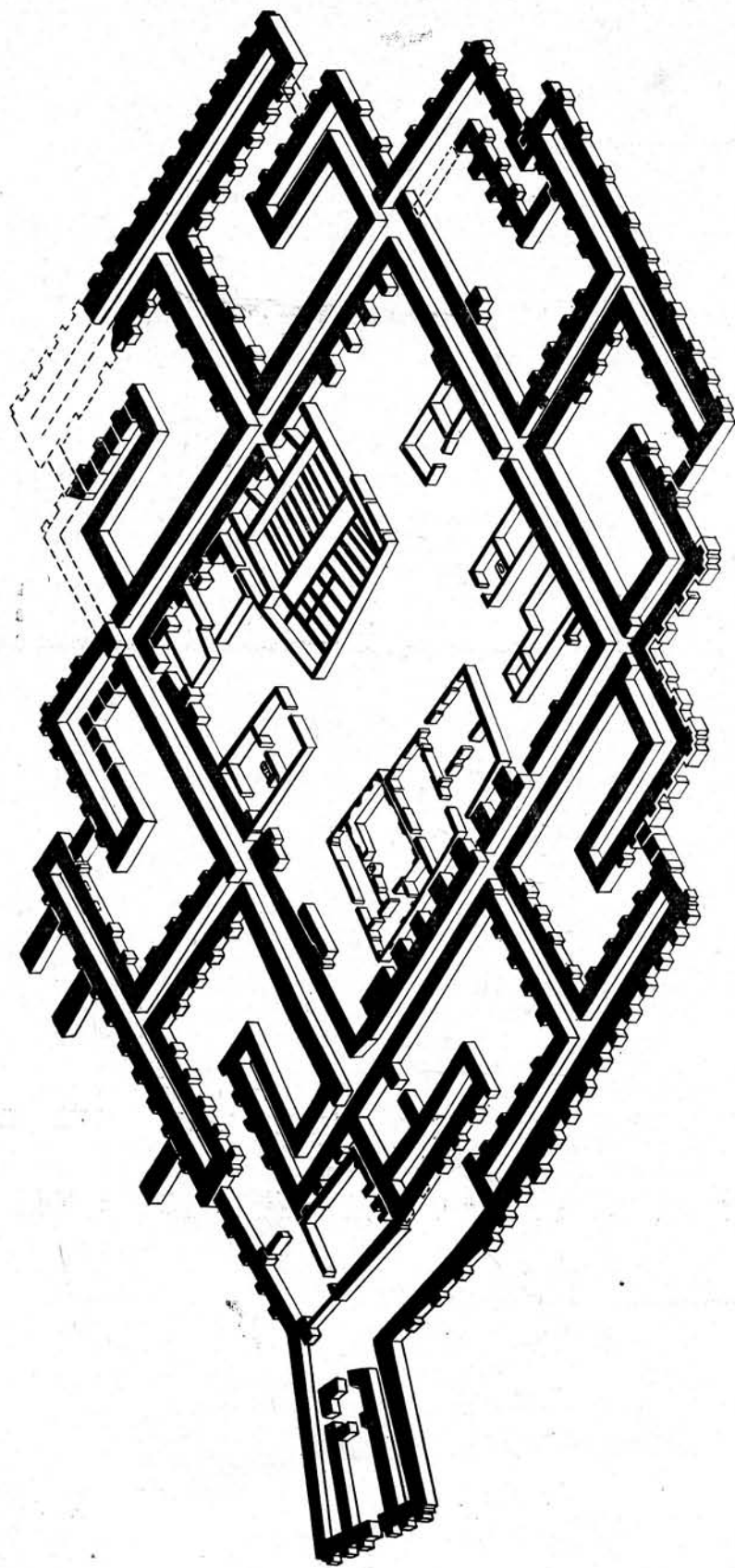

Рис. 17. Дашлы-3. Дворец. Аксонометрия

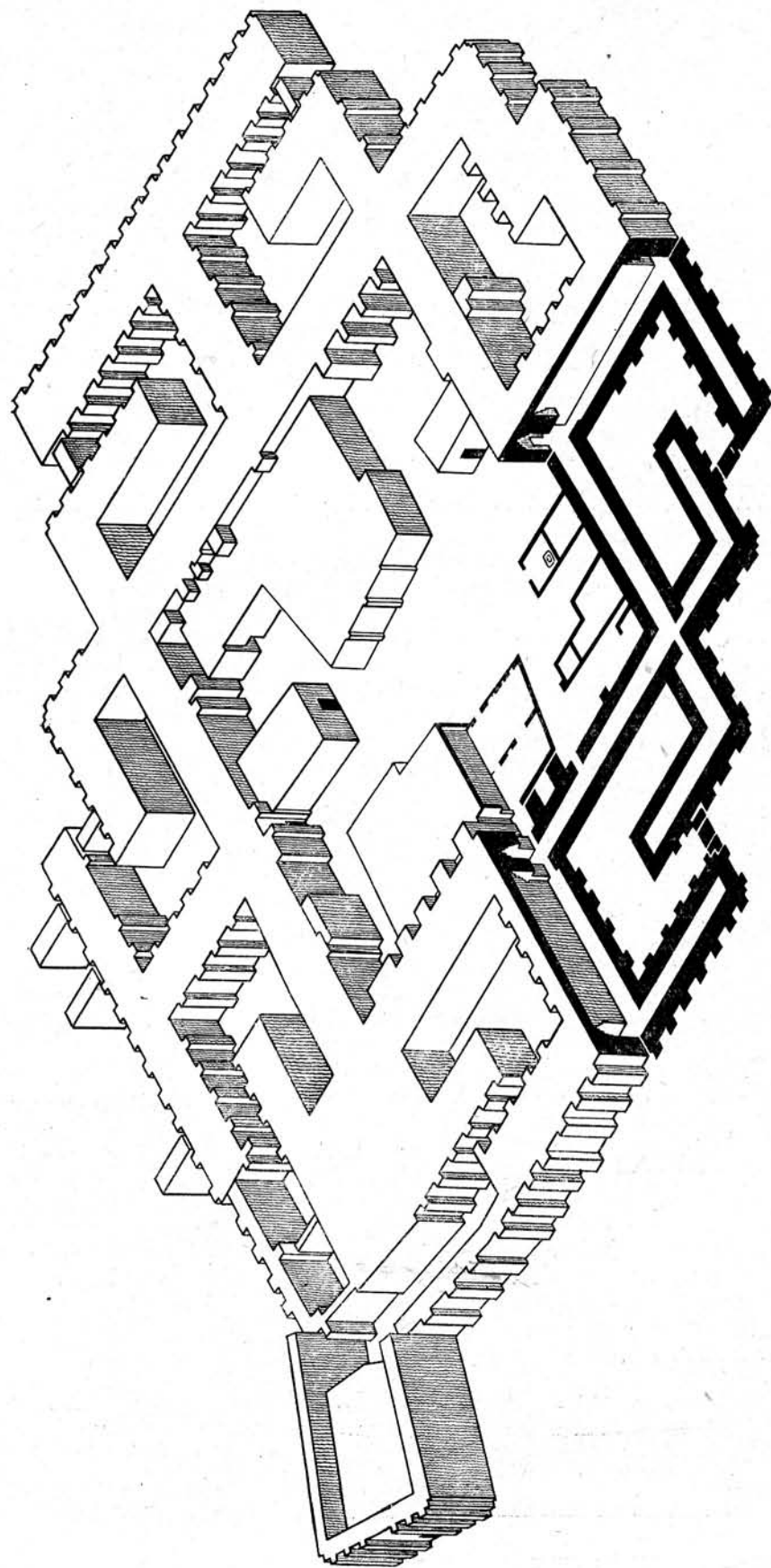

Рис. 18. Дашлы-3. Дворец. Реконструкция

них из раскопанных. Их основания покоятся на материке.

Оценивая в целом всю вскрытую планировку, следует отметить, что «обжитая» часть располагалась во внутреннем дворе, все четыре фаса прилегающей архитектуры имели особое назначение. В этом отношении показательны чрезвычайно узкие Т-образные коридоры, в которых не всегда мог протиснуться даже один человек. Создается впечатление, что они имели «ложный» характер, не несли никакой функциональной нагрузки, а являлись тем архитектурно-ритуальным «каноном», который должен был неукоснительно присутствовать в монументальных зданиях подобного назначения. То же самое можно сказать о всех четырех фасах, выдержанных в определенных традициях, но как бы формально воспринятых бактрийскими строителями.

Организирующим ядром всего комплекса являлся внутренний двор, который за счет обводных коридоров сообщался со всеми четырьмя фасадами всего комплекса. Здесь, у северной стены, на месте «табахана» могла располагаться жилая застройка, отдельные парадные комнаты которой могли быть украшены наборной мозаикой. Микрокомплексы у западной и особенно южной стен двора, скорее всего, имели культово-церемониальное назначение в качестве храмов, на что указывают их однотипная планировка, а также интерьеры, украшенные нишами (в ряде случаев фигурными), и суфы, всегда усвоенные вдоль северных стен²⁹.

Приведенные наблюдения дают основания в предварительном порядке определить исследуемый комплекс как здание дворцово-культового назначения. Здесь могла обитать местная администрация, возможно, совмещавшая одновременно и религиозные функции.

Обращаясь к сравнительным материалам, в первую очередь необходимо упомянуть храм и дворец Мундигака-IV. В самом общем плане они проявляют сходство, выражающееся в декорировке внешних фасадов пилястрами либо полукруглыми, либо остроугольными в плане³⁰. Оба эти сооружения сохранились лишь частично, но в целом дворец Дашлы-3 по планировочному принципу ближе стоит не к дворцу, а к храму Мундигака, где также имеется обводной коридор с поперечными стеночками³¹.

Обращаясь к возможным аналогиям монументальной архитектуры сопредельных стран, следует прямо отметить, что пока точные пла-

нировочные соответствия нам неизвестны. С другой стороны, налицо определенные архитектурные приемы, роднящие монументальные сооружения Бактрии и Месопотамии. В этом плане показательны чрезвычайно широкое использование пилястр, в том числе ступенчатых, а также устройство ниш — едва ли не наиболее показательные внешние признаки месопотамской архитектуры особого не бытового назначения³².

Первые и бесспорные дворцы пока известны в Кише, где они состоят из внутреннего двора, застроенного с трех сторон необычно длинными комнатами, а с восточной — серией комнат-шек³³, напоминая до определенной степени планировку двора дворца на Дашлы-3. Взаимная перекличка отмечается также и в наличии коротких поперечных стеночек внутри обводных коридоров, как, например, в храме Ашура³⁴. Но особенно показателен план дворца в Агар-Куфе (1176—1164 гг. до н. э.), где внутри двора располагается возвышение, от которого отходят узкие длинные отсеки, перекрытые сводами³⁵, что достаточно близко напоминает «табахана» с Дашлы-3. С другой стороны, показательно, что уже древнейшая монументальная архитектура Месопотамии, как, например, Телл-Савван, имеет в плане форму Т-образного здания³⁶, причем этот принцип устойчиво выдерживается в Урук-VI—IV и Джемдет-Наср³⁷, в связи с чем нельзя не вспомнить Т-образные коридоры сооружений с Дашлы-3. Отметим также, что в период Урук-IV (3350—3150) впервые появляются в месопотамской архитектуре сводчатые галереи, декоративные пилястры, а в раннединастический период — обширные дворы как организующий центр всего комплекса. Высказано даже мнение, что «двор» олицетворял собой новый архитектурный тип, выражающий идею необходимости централизованной власти.

Уже эти далеко не полные афганско-месопотамские параллели не оставляют сомнений в реальности взаимного сходства, причем, учитывая хронологический приоритет Месопотамии, эти влияния распространялись отсюда далее, в восточном направлении. Представляется, что имелись такие сооружения и на промежуточной территории древнего Ирана, которые пока еще не открыты археологическими исследованиями.

²⁹ Moortgat A. The Art..., p. 2—18.

³⁰ Mackay E. Sumerian Palace in Kish, v. II, Chicago, 1931, pl. XXXVI, 1.

³¹ Moortgat A. The Art..., fig. 51.

³² Bagir T. Iraq Government Excavations at Agar Quf.— «IRAQ», 1946, v. III, pl. VI—IX; Bagir T. Iraq Government Excavations at Aqar Quf.— «Iraq», 1945, Supplement, pl. XVI.

³³ Gullini G. Struttura E., p. 190—191, fig. C.

³⁴ Moortgat A. The Art..., p. 1—5.

²⁹ Отметим, возможно, не случайное совпадение, когда древние захоронения также имеют преимущественно северное направление.

³⁰ Casal J. M. Fouilles de Mundigak.— MDAFA, 1961, t. XVII, v. I—II, fig. 24, 36.

³¹ Там же, рис. 36.

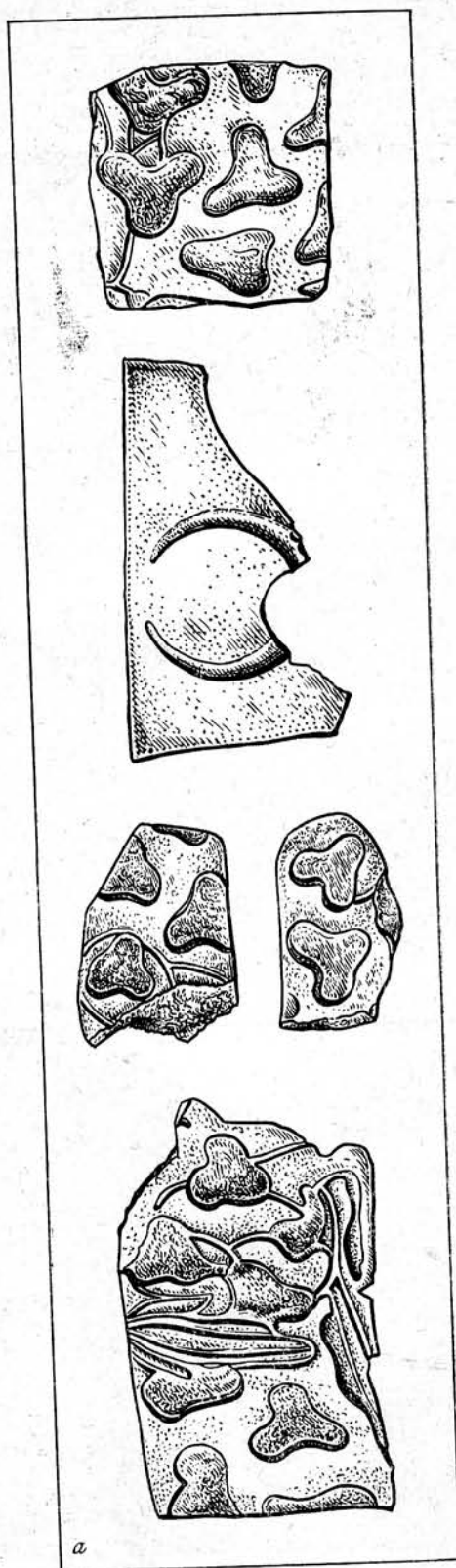

Рис. 19. Дашлы-3. Дворец. Фрагменты алебастровой мозаики
а — фотография; б — прорись

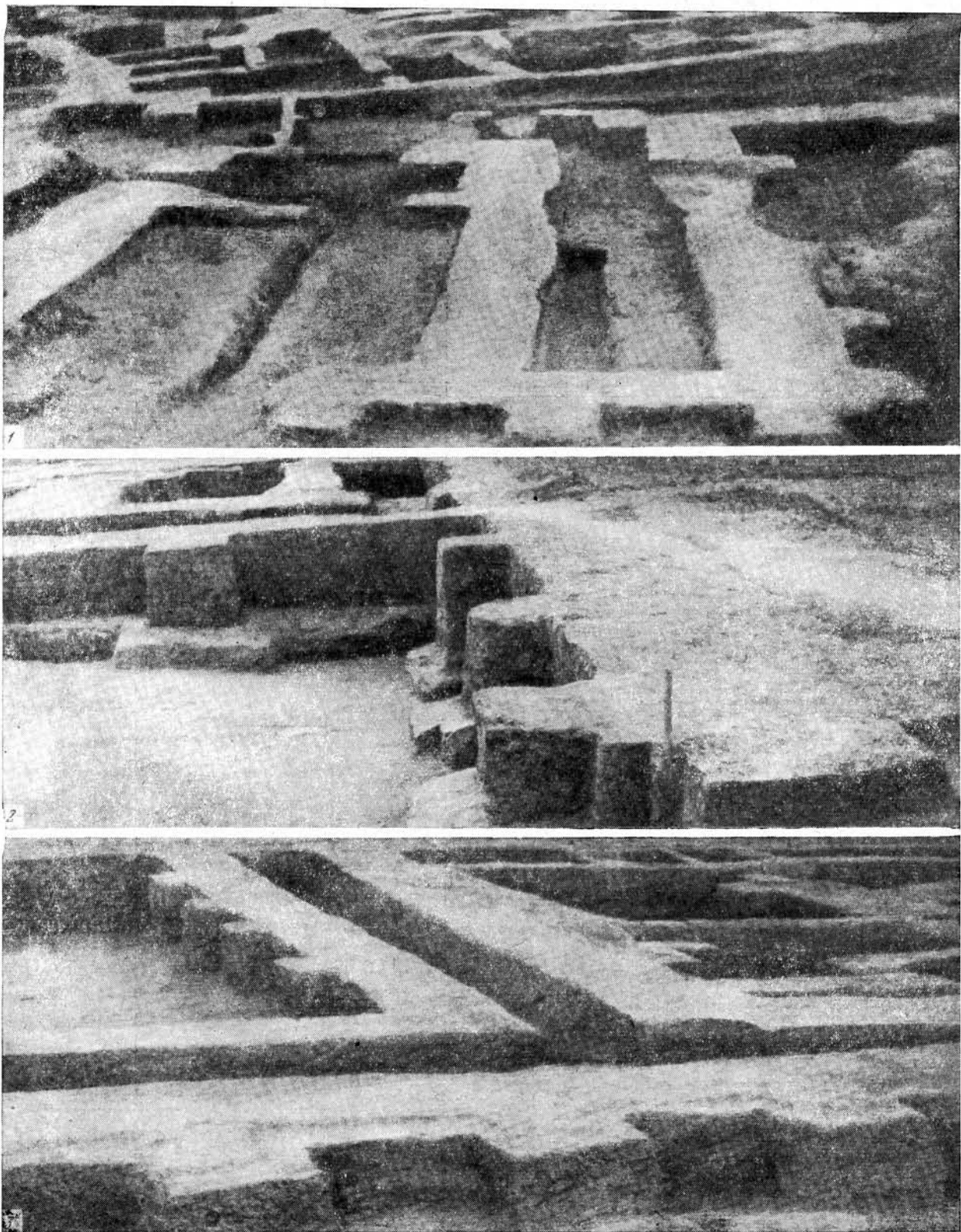

Рис. 20. Дашлы-3. Дворец. Вид с юга

1 — главный въезд; 2 — юго-восточный фас; 3 — коридор юго-восточного фаса

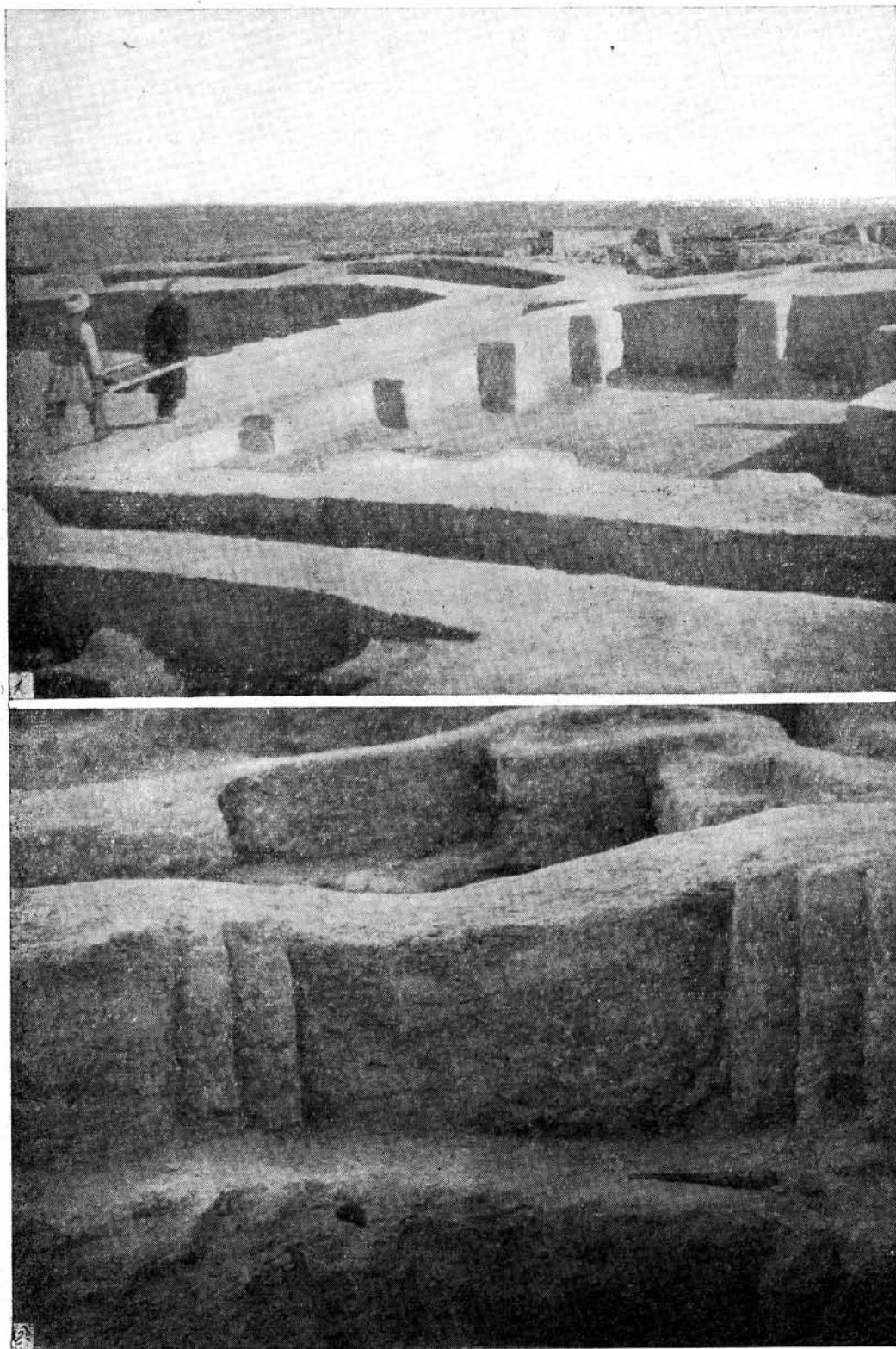

Рис. 21. Дашлы-3. Дворец

1 — общий вид раскопок; 2 — ниша с фигурными плитами в помещении 50

Косвенным свидетельством этого является архитектура Чоха-Занбиль (Сузиана), где подножье Зиккурата имеет обводные коридоры, фасированные пилястрами³⁸, и особенно соответствующая архитектура в Персеполе (терраса)³⁹, дающая определенную переключку как с Востоком, так и с Западом.

Подводя итог бактрийской монументальной архитектуре, можно утверждать, что, как и для месопотамской⁴⁰, для нее характерен строгий линейный ритм ниш и пилястр, создававший игру светотени и разбивавший однообразие плоскостей, отсутствие криволинейных элементов, сочетание плоских перекрытий со сводчатыми. Все это придавало таким зданиям особую торжественность, которой были лишены обычные частные дома. Показательно, что если сравнить хорошо известный план дворца Гудени середины III тысячелетия до н. э. с планом дворца Дашлы-3, то нетрудно увидеть определенную взаимную близость, начиная от богатой декорировки внешних фасов выступами-пилястрами вплоть до завершения внешних углов в виде «ласточкина хвоста».

Возможно, не случайно также, что, подобно месопотамским, бактрийские сооружения ориентированы углами по странам света, что, например, не характерно для монументальной архитектуры Мундигака. Думается, что основные планировочные принципы монументальной архитектуры Бактрии в конечном счете восходят к месопотамским, но получившим местную переработку. Последнее обстоятельство наиболее полно проявляется в четкой симметрии и поразительной однотипности каждой из сторон, фасирующих обширный внутренний двор. Пока такой планировочный принцип зафиксирован лишь для Бактрии, что, однако, не исключает существования подобных зданий на смежных территориях — от южных областей Средней Азии до южного побережья Каспийского моря.

Дворцово-культовый комплекс и круглый храм на Дашлы-3, по-видимому, существовали одновременно, хотя это и трудно пока доказать на имеющихся данных. Во всяком случае, думается, что оба они были оставлены практически одновременно в связи с перемещением на юго-восток основной водной артерии, на которой базировалось хозяйство их обитателей. Правда, в небольшом количестве вода еще имелаась в этом месте в течение достаточно длительного времени, однако ее хватало лишь на орошение весьма незначительной площади, за счет чего здесь и складывается периферийный поселок на руинах бывшего дворца. Думается, что именно

эти жители хоронили своих умерших в рядом расположенном, но уже заброшенном к тому времени круглом храме.

Возвращаясь к начальной поре расцвета этой части оазиса, следует признать, что круглый храм и дворец не случайно располагались рядом, а, дополняя друг друга, выполняли особые функции в общественной и культовой жизни местного населения. Выше уже отмечалось, что, исключая «табахана», остальные микрокомплексы внутри двора могли выполнять роль своеобразных храмиков. В таком предположении нет никакого противоречия, если вспомнить одновременное существование в Шумере наряду с основными храмами квартальных храмиков, а также домашних святилищ, имевшихся в каждом доме⁴¹.

Впредь до конкретизации назначения каждого из обоих зданий думается, что в противоположность круглому храму второе сооружение целесообразнее всего считать дворцово-культовым, не исключая возможности уточнения этого вопроса на новом археологическом материале.

Как видно из имеющихся фактов, уже в эпоху бронзы в Бактрии сосуществуют два различных по архитектурному решению планировочных принципа: в основе одного лежит круг, в основе другого — сочетание квадратных и прямоугольных помещений. Такое сочетание не является случайным, свидетельством чему служат монументальные сооружения Бактрии ранне-ахеменидского времени типа Алтын-10 и Кутлуг-Тепе.

Открытие этих зданий особого назначения имеет принципиальное значение для утверждения тезиса о существовании особой бактрийской школы монументального зодчества, традиции которой устойчиво продолжались на протяжении почти целого тысячелетия.

§ 6. Древние захоронения

Основные сведения⁴² о характере древних захоронений эпохи бронзы представляют раскопки могильников с Дашлы-1 и 3. На Дашлы-1 обнаружено всего девять погребений, причем захоронения были произведены в то время, когда сам памятник уже был оставлен жителями. Об этом свидетельствуют могильные ямы, перерезавшие стены бывших помещений, а в двух случаях они были устроены на верху оборонительных стен

⁴¹ Дьяконов И. М. Проблемы Вавилонского города II тысячелетия до н. э. (по материалам Ура). — В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973, с. 61.

⁴² На юге Афганистана основные захоронения относятся к эпохе энеолита и ранней бронзы, где они известны в слоях Мундигака-III и отчасти IV. Погребения периода развитой бронзы в пределах раскопов встречены не были.

³⁸ Ghirshman R. Tchoga-Zanbil, v. I. — MDA en Iran, 1966, t. XXXIX, fig. 27.

³⁹ Schmidt E. Persepolis II. — OIP, 1957, v. LXIX.

⁴⁰ Всеобщая история архитектуры, т. I. М., 1970, с. 204.

крепости Дашлы-1. Налицо использование руин заброшенного поселения в качестве некрополя для близлежащих небольших поселений оазиса.

Но наиболее полную информацию о характере древних захоронений дают раскопки Дашлы-3, выявившие грунтовый могильник и некрополь на заброшенном к тому времени комплексе круглого здания. Всего здесь выявлено 92 захоронения, из которых пять происходят из грунтового могильника, а 87 встречены при раскопках круглого здания. В последнем случае это могли быть погребения, принадлежавшие обитателям рядом расположенного дворцового комплекса, когда на руинах былой монументальной архитектуры складывается небольшое периферийное поселение. На это может указывать тот факт, что при раскопках дворца, за исключением единичных детских захоронений, других встречено не было, зато они в большом количестве обнаружены на руинах заброшенного уже круглого здания. Не исключено, что именно эти жители приспособили заброшенные к тому времени сооружения круглого здания под небольшой некрополь⁴³.

Сразу же отметим, что древние захоронения под влиянием процессов дефляции сохранились настолько плохо, что развеянными оказались не только погребальные приношения, но и сами скелеты. В ряде случаев дно могильной ямы почти совпадает с дневной поверхностью, что затрудняет реконструкцию погребальных сооружений и обрядов. Лучше сохранившиеся захоронения, обнаруженные на глубине до 50—70 см от поверхности, дают возможность установить несколько типов могильных устройств. Это, во-первых, прямоугольной формы с закругленными углами могильные ямы со средними размерами 170 × 100 см и максимальной глубиной до 60—70 см. Нередко они обложены кирпичами и, возможно, имели кирпичные же перекрытия, так как были пустотелыми внутри. На это указывает тот факт, что нередко погребальные сосуды сохранили на донышках лишь небольшие глинистые натеки от дождевых смывов. Кроме того, отмечены могильные ямы округлой, овальной и в единичных случаях неправильной подтреугольной формы, возможно, также имевшие перекрытия, в том числе кирпичные. В ряде случаев для могил использовались сохранившиеся углубления внутри оплывших руин помещений, заброшенные очаги и бывшие хозяйственные ямы.

Для устройства могильных ям использовались также частично разрушившиеся стены заброшенных помещений, когда у их оснований вырывались ямы, уходившие под фундаменты и прикрытые наклонно поставленными кирпичами. Эти своего рода «подбойные» захоронения отмечены также и на Сапалли-Тепе. Наконец, в единичных случаях имеются детские захоронения — в сосудах. Заканчивая обзор могильных устройств, отметим, что лишь в двух могилах на полу имеется подсыпка из угольков саксаула.

Погребальный обряд представлен преимущественно одиночными погребениями; из общего количества (около 100 захоронений) лишь три парных, причем последовательных, а не одновременных. В одном случае парное захоронение состоит из взрослого и детского костяка, причем последний был захоронен позднее.

В тех случаях, когда это можно установить, скелетам придана скорченная поза (в ряде случаев пятки подтянуты к тазу), руки около лица. Как правило, покойники лежат на боку, левом или правом, в единичных случаях — ничком на животе или спине. Типы положений: на левом боку — 20, на правом — 18, на животе — 3, на спине — 4.

Думается, что положение на левом или правом боку не имело существенного значения, что наглядно видно на примере парного захоронения 54, демонстрирующего оба вида труположения.

В погребальных обрядах строго выдерживалась северная ориентировка, являвшаяся преобладающей. Типы ориентации погребенных: на север — 41, на юг — 1, на восток — 1, на запад — 2.

Погребальный инвентарь включает сосуды (от 1—2 до 15—20), причем наряду с совершенно новой нередко в могилы помещали и посуду, уже бывшую в употреблении, и даже частично поломанную. В некоторых вазах на высоких ножках найдены кости мелкого рогатого скота, иногда часть позвонка и ребра; более широко представлены кости, положенные рядом с покойником. Выделяется скелет 27, на челюсти которого находилась баранья нога от молодого животного — яркое свидетельство древнего обряда «кормления».

Помимо керамики, заупокойные приношения включают металлические изделия, например, зеркала, браслеты, сосуды, булавки, височные кольца, кинжалы; в меньшей степени представлены каменные флаконы, кремневые наконечники стрел, бусы. В погребении 35 встречена плетеная «корзиночка», внутри которой находилась металлическая булава. Детские захоронения сохранили более скромные приношения. В погребении 28 у детского скелета, помимо

⁴³ Аналогичная картина отмечается для Сапалли-Тепе, где обнаруженные погребения были осуществлены не былыми обитателями этого конкретного памятника, а какого-то другого близ расположенного поселения. В таком случае эти погребения относятся к несколько более позднему времени, чем само поселение Сапалли-Тепе.

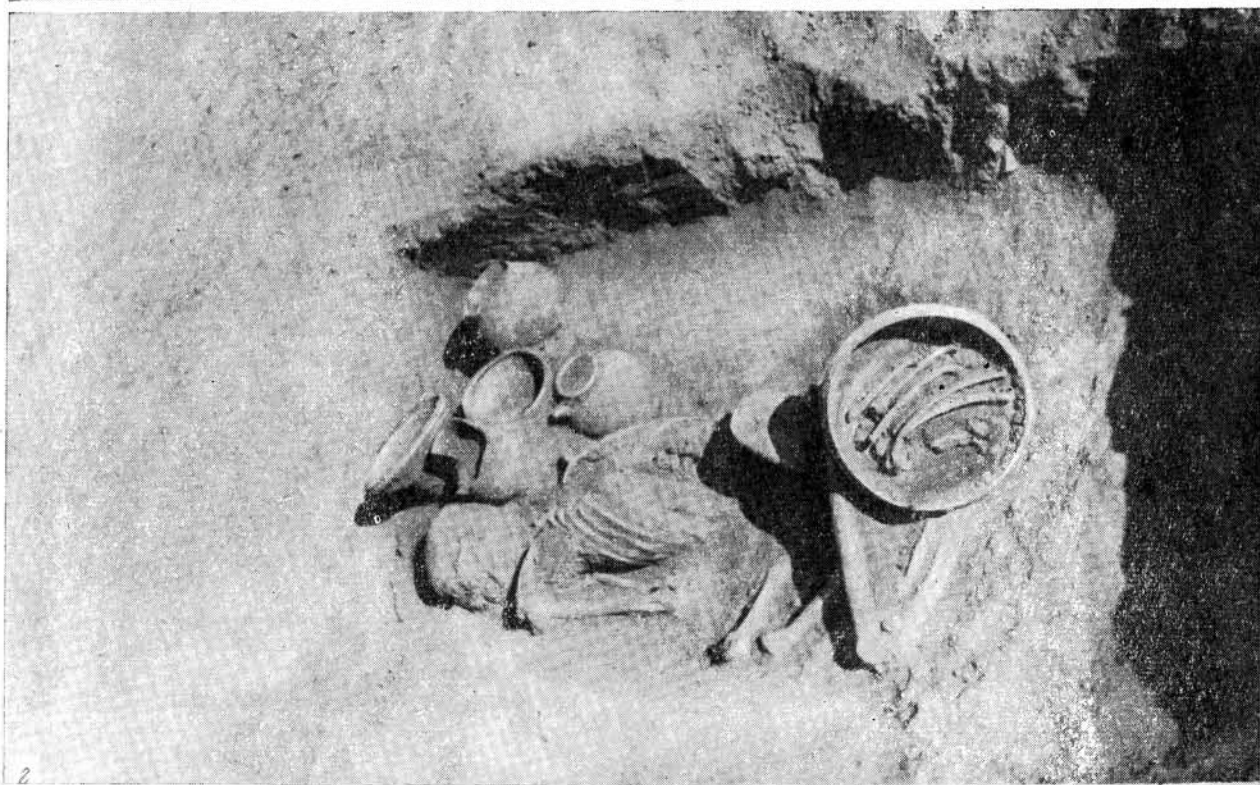

Рис. 22. Дашлы-3

1 — могила, прорезавшая стены круглого храма; 2 — круглый храм. Ваза с костями у ног погребенного

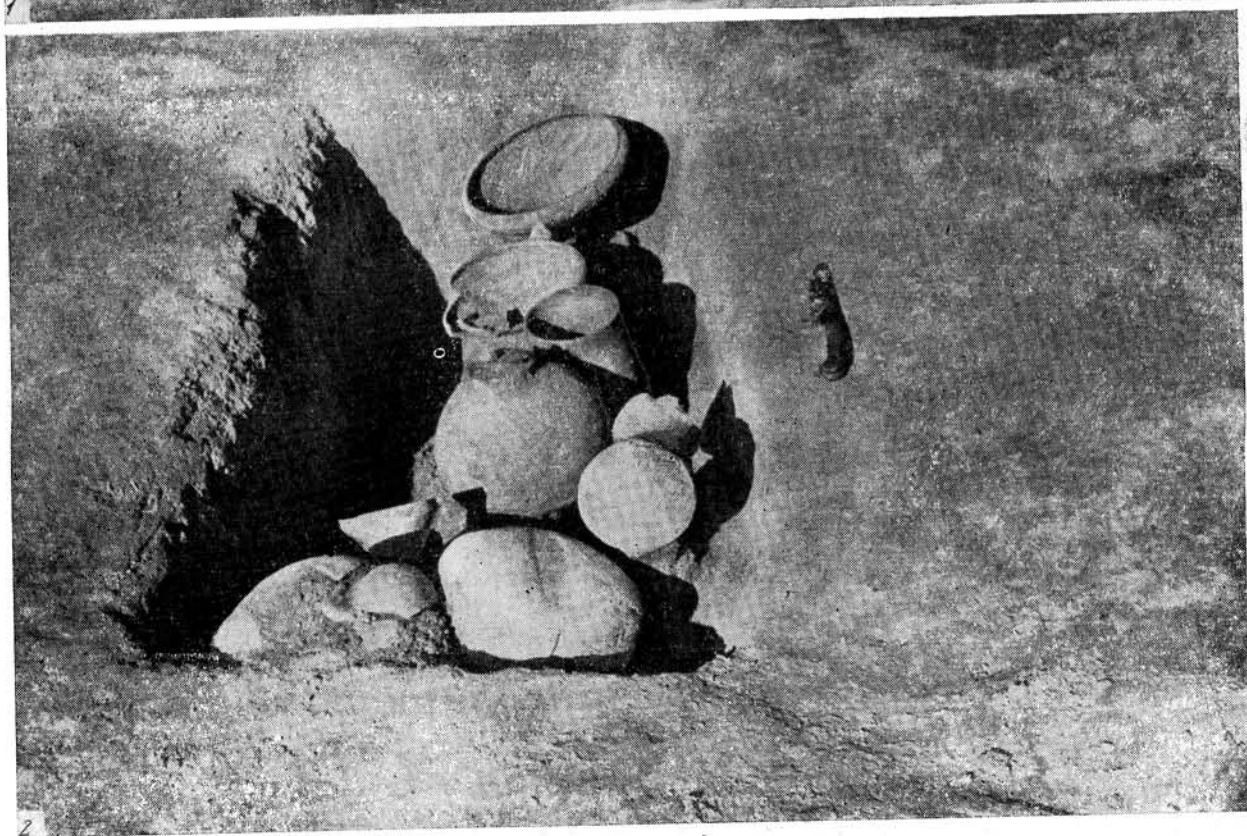
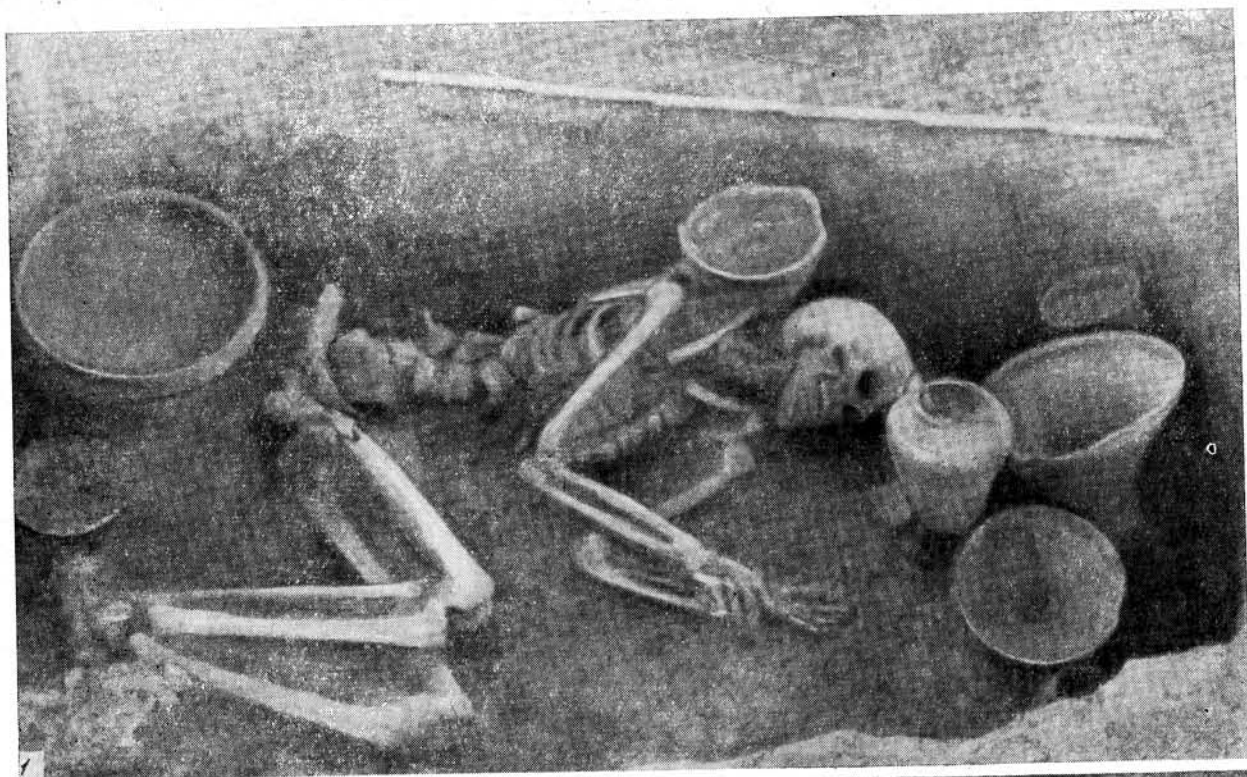

Рис. 23. Дашлы-3

1 — круглый храм. Медное зеркало в погребении; 2 — дворец. Кенотаф

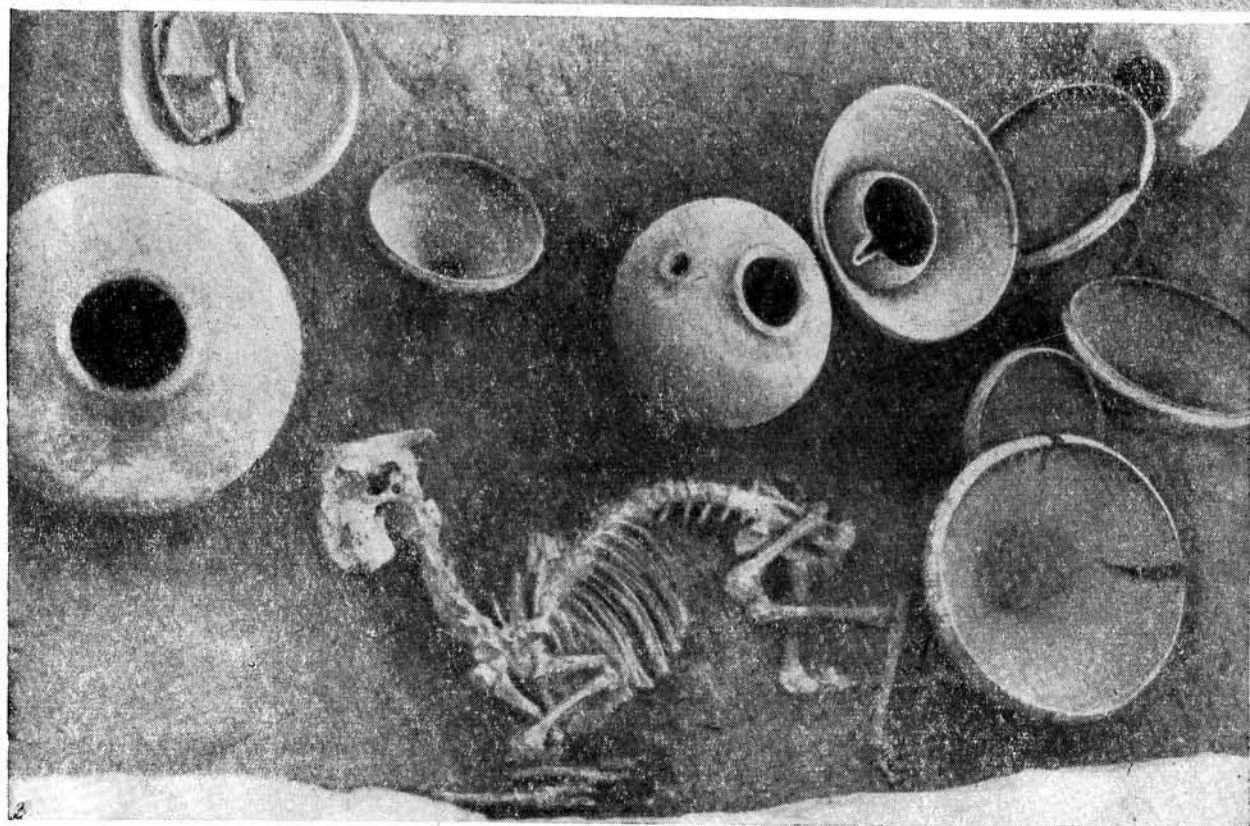

Рис. 24. Дашлы-3. Круглый храм. Частичное захоронение (1); Дашлы-1. Ритуальное захоронение барана (2)

сосудов, сопровождавших захоронение, на запястьях рук сохранилось по одному бронзовому браслету.

Плохая сохранность захоронений, находящихся близко к дневной поверхности, сильно затрудняет точное соотношение обрядов погребений, однако можно с уверенностью предполагать по крайней мере три типа: ингумация, частичные захоронения и кенотафы. Решительно преобладает первый тип — преимущественно индивидуальные захоронения в скорченном положении на боку, в могильных ямах. Девять захоронений представляют собой кенотафы, от которых сохранились могильные ямы, заполненные погребальными сосудами.

Сложнее установить количество неполных или частичных захоронений, в которых имеется лишь часть скелета, а нередко — всего несколько костей. Дело осложняется тем, что неполные скелеты, располагающиеся близко к дневной поверхности, могли не сохраниться полностью из-за грызунов и особенно из-за интенсивных процессов естественной дефляции. Тем не менее два таких захоронения, встреченные на сравнительно большой глубине, сохранили остатки перекрытий сверху сырцовыми кирпичами (погребение 81), что не оставляет сомнения в их принадлежности к обряду частичных погребений. Если учесть частично сохранившиеся скелеты, расположенные близко к дневной поверхности, то окажется, что примерно третья часть, или 30% выявленных могил, содержит неполные скелеты (вплоть до нескольких костей), но всегда в них имеется обычный погребальный инвентарь. Подобного типа захоронения достаточно хорошо известны в археологии Юго-Западной Азии, например, в Южном Иране (могильник Хураб)⁴⁴, Белуджистане (Сохр-Дамб)⁴⁵ и Пакистане (Сват, могильник Тимаргарха)⁴⁶.

Под частичными захоронениями подразумеваются вторичные перезахоронения. Не исключено, что близкие, если не аналогичные обряды бытовали и в Северном Афганистане. Вместе с тем следует иметь в виду, что могилы, видимо, никак не обозначались на поверхности, так как имеются прямые свидетельства нарушения старых могил при рытье новых могильных ям.

Хотя и много реже, но практиковались ритуальные захоронения баранов: об этом можно

судить по раскопкам двух таких могил на Дашлы-1. В могильных ямах на боку в полном анатомическом порядке сохранились скелеты молодых баранов (возраст до 1 года), окруженные большим количеством сосудов, положенных стопками. Можно было бы допустить, что и эти захоронения являются своеобразными кенотафами (тушки баранов определялись бы в качестве заупокойной пищи), однако в одном случае перед мордой барана на его передних ногах сохранился специально положенный бараний бок! Ритуальные захоронения баранов указывают на большую роль, которую играл этот образ у местных племен, и, видимо, не случайно в обоих случаях бараны имеют северную ориентировку, наиболее распространенную здесь в эпоху бронзы.

До определенной степени сходные захоронения, содержащие лишь сосуды и разрозненные кости мелких рогатых животных, отмечены и на Дашлы-3 (погребения 11—13), однако нет полной уверенности в принадлежности их к культовым захоронениям или простым кенотафам.

Второй тип могильников представлен небольшим некрополем, вынесенным за пределы обжитой части Дашлы-3. Могильные ямы, округлые в плане, сохранили лишь нижние части, впущенные в грунтовый материк; часть их имеет кирпичную обкладку стен, сырцовые кирпичи встречены и на полу могилы, что позволило высказать предположение о возможных кирпичных сводах⁴⁷. Вместе с тем новые наблюдения не исключают наличия и катакомбных захоронений, имевших, по-видимому, широкое распространение среди местных племен. Имеются в виду могильники в пунктах Дашлы 18 и 19, состоящие из нескольких сотен погребений в виде сплошного кладбища, почти полностью разграбленного. Обследование разграбленных погребений показало, что могильные ямы вертикально вырыты в материковом такыре и имеют внизу подбой. Ни одна могила не сохранилась целой, однако, по словам местных жителей, поиски подобных захоронений состояли в том, что они стучали лопатами по ровному, местами занесенному песком, такыру и по глухим звукам определяли местоположение древних захоронений. Таким образом устанавливается, что это были углубленные в материк подбойно-катакомбные могилы с пустотелыми камерами, в которых находились покойники. Подобные погребальные сооружения более характерны для степных культур эпохи бронзы, так что обнаружение их в традиционно земледельческих оазисах требует своего посильного объяснения.

⁴⁷ Сарияниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы. — СА. 1974, № 4, с. 57.

⁴⁴ Stein A. Archaeological Reconnaissances in North West India and South-Eastern Iran. London, 1937, p. 118—125.

⁴⁵ Hargreaves H. Excavations in Baluchistan 1925, Sam-pur Mound Mastung and Sohr-Damb. Nal.—MASI. 1925, N 35, p. 18; Piggott S. Prehistoric India to 1000 B. C. London, 1962, p. 82.

⁴⁶ Dani A. a.o. Timargarha and Gandhara Grave.—«Ancient Pakistan», 1967, v. III; Antonini S., Stacul G. The Prehistoric Graveyards of Swat (Pakistan), v. I—II. Rome, 1972.

Впервые они были выявлены на Сапалли-Тепе, а последующие исследования показали, что это был наиболее распространенный и характерный обряд захоронения в Бактрии. Думается, что катакомбные захоронения Бактрии имеют чисто формальное сходство с погребальными сооружениями степных культур, так как, как правило, поселения Бактрии эпохи бронзы невелики по размерам и устраивать в их пределах некрополи со всех точек зрения представляется нецелесообразным.

Полагаем, что устройство могильников внутри небольших, но продолжающих функционировать поселков представлялось невозможным, поэтому такие некрополи выносились за их пределы и располагались на окраинах поселков. Примером могут служить отдельно расположенные могильники Дашлы 18 и 19, служившие кладбищем для близлежащих поселений.

Вынесенные за пределы поселений, такие некрополи нуждались в дополнительных мерах предохранения умерших, в первую очередь от хищников, что вынуждало устраивать глубокие ямы, заканчивающиеся подбоем, т. е. подобойно-катакомбные захоронения.

О независимом, конвергентном характере сложения подобных погребальных сооружений можно судить по катакомбному могильнику, открытому М. Тоси на Шахри-Сохте и относящемуся к совершенно иной культурной принадлежности. Бактрийские и сеишанские памятники отделены друг от друга хронологическим отрезком времени в тысячу лет и еще большим расстоянием, что препятствует установлению между ними прямой связи⁴⁸.

Оценивая древние захоронения Дашлинского оазиса, следует признать, что существовало два типа могильников: на руинах заброшенных поселений и отдельно расположенные грунтовые могильники, причем решительно преобладают последние.

Антропологические определения черепов эпохи бронзы из Северного Афганистана отсутствуют, исключение составляет лишь один мужской череп с Дашлы-3, который, по данным Т. А. Трофимовой, относится к тому варианту восточносредиземноморского типа, который характерен для погребенных могильников Южного Таджикистана, о чем подробнее будет сказано ниже. Здесь же отметим, что для оценки места и значения североафганских захоронений следует вкратце остановиться на погребальных обрядах смежных территорий, входивших в об-

щую культурно-историческую зону, и в первую очередь южных областей Средней Азии и Северо-Восточного Ирана.

В этом плане наиболее близкие соответствия происходят из Южного Узбекистана, в основном из раскопок Сапалли-Тепе. Здесь благодаря тщательной методике раскопок выявлено сорок шесть захоронений хорошей сохранности, позволившей с точностью установить как типы погребальных сооружений, так и заупокойные обряды. Устройство могил по преимуществу подбойное, в том числе и катакомбы. Подбойные захоронения производились под основанием стен, а катакомбные перерезают полы бывших помещений. Кроме того, отмечены захоронения в сосудах, в стенах и в мелких ямах⁴⁹. В двух случаях встречены ритуальные захоронения баранов и в одном — кенотаф. Погребения взрослых, за исключением двух, имеют единую северную ориентировку; покойники лежат на боку в скорченном положении; известны единичные, коллективные, но разновременные захоронения. Погребальный инвентарь включает керамику от 3 до 25 сосудов, изделия из металла, камня, кости, дерева, соломы и т. д.

Кроме могильника на Сапалли-Тепе, захоронения близкого типа встречены в Миршаде и Мулали. Могильные ямы по преимуществу вырыты в материке, покойники лежат на боку, в скорченном положении, головой преимущественно на север или северо-восток. Погребальный инвентарь включает керамику, зеркала, бусы⁵⁰.

Близкие, если не идентичные североафганским, погребальные обряды происходят из Туркменистана (бассейна древней дельты р. Мургаб), где, помимо уже известных захоронений с Аучина и Тахирбай⁵¹, выявлены новые, в том числе частичные или фракционные погребения. Заупокойные приношения включают сосуды, metallические украшения, бусы, находящие прямые аналогии в материалах Дашлинского оазиса⁵². Соответствующие бактрийские и маргианские могильники прямо перекликаются между собой и в целом относятся к одному периоду; предшествующие типы древних захоро-

⁴⁸ Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе..., с. 42.

⁴⁹ Пузаченкова Г. А. Новый памятник древнебактрийской культуры. — В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. 1. Л., 1972, с. 48; Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана, т. I, Ташкент, 1973, с. 38—41.

⁵¹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73. Частичное погребение с Тахирбай-3, определяемое как «неполное трупосожжение», до сих пор является единственным случаем обряда кремации для Маргианы. Отметим, что рядом с ним находится печь с зольно-мусорными отвалами.

⁵² Сариганиди В. И. Древности..., с. 483—484.

⁴⁸ Ср.: Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. — В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 7. Показательно, что основной исследователь Сапалли-Тепе А. А. Аскарлов проявил большую осторожность в оценке происхождения катакомбных захоронений.

нений демонстрируют некрополи Южного Туркменистана.

Эпоха бронзы Южного Туркменистана подразделена на три основных периода: ранняя бронза (Намазга-IV), средняя бронза (Намазга-V) и поздняя бронза (Намазга-VI). Для периода ранней бронзы известно слишком мало захоронений, чтобы делать общие выводы. Отметим лишь, что умершие хоронились на боку в скорченном положении; наряду с индивидуальными достаточно широко практиковались коллективные захоронения⁵³.

Значительно больше сведений имеется о погребениях периода средней бронзы, преимущественно с Алтын-Тепе, где выявлено около ста захоронений. Умерших хоронили в скорченном положении, на боку; много реже — на спине или животе. Ориентировка различная, но преобладает северное направление. Отмечены детские захоронения в хумах (Хапуз-Тепе, Алтын-Тепе). Наряду с индивидуальными захоронениями в прямоугольной формы могильных ямах, нередко кирпичных цистах, имеются коллективные захоронения в обширных погребальных камерах. Заупокойные приношения включают сосуды, металлические и каменные орудия, оружие и украшения, металлические печати, антропоморфные статуэтки, различные бусы, редкие золотые и серебряные поделки.

Ближние погребальные обряды выявлены и на другом крупном поселении — Улуг-Тепе, где отмечены как небольшие прямоугольные камеры, так и кирпичные цисты с индивидуальными захоронениями. Погребальные приношения включают сосуды (от 1—2 до 30), металлические украшения, печати⁵⁴. Наибольший интерес представляет факт решительного преобладания северной ориентировки погребенных Южного Туркменистана эпохи развитой бронзы, что нельзя не сопоставить с аналогичной картиной, отмечаемой для Бактрии. Вместе с тем не следует и преувеличивать эти наблюдения и ставить их в прямую генетическую связь. В литературе уже указывалось, что период Намазга-V отмечается появлением многих новшеств, в ряде случаев определенно указывающих на влияние, идущее из древнего Ирана в пределы Южного Туркменистана⁵⁵. О сложности изучения погребальных обрядов свидетельствуют раскопки

погребального комплекса на Алтын-Тепе, включающего святилище и рядом расположенную гробницу с коллективными захоронениями⁵⁶.

Возможно, близкое по назначению и в целом синхронное сооружение было открыто на Тепе-Гиссар⁵⁷; вместе с тем оба они могут быть сопоставлены с погребальным комплексом энеолитического времени Геоксюр-I. Здесь также рядом со святилищем располагаются гробницы с коллективными захоронениями⁵⁸. Налицо близкое сходство погребальных обрядов Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана, восходящее к глубокой древности. Особенно выразительно выступает генетическое родство погребальных обрядов Туркменистана, свидетельствуя о тысячелетних традициях местной линии развития культуры от энеолита до развитой бронзы.

Хотя древние захоронения периода поздней бронзы известны в ограниченном количестве, принципиально важного значения заслуживает открытие могильника Янги-Кала. Впервые для Южного Туркменистана отмечен специально вынесенный за пределы поселения грунтовый могильник. К сожалению, сохранилось лишь семь могил с индивидуальными захоронениями; кости скорченные, на боку, отмечается преимущественно северная ориентировка⁵⁹. Погребальный инвентарь, помимо металлических браслетов и булавок, включает гончарную керамику типа ваз на высоких ножках, хумча с подкошенной придонной частью и особенно характерных форм кринок⁶⁰; все они находят прямые аналогии в керамическом комплексе Бактрии.

Три захоронения этого же времени обнаружены К. А. Качурисом на Улуг-Тепе; все они имеют северную ориентировку, скорченные, на боку; погребальный инвентарь включает посуду, в том числе сероглиняную, и металлические булавки с фигурными навершиями, прямо аналогичные янги-калинским булавкам. В плане сравнения с бактрийскими материалами, помимо крупных сосудов, показательны миниатюрный сероглиняный флакон⁶¹ и биконическое ка-

⁵⁶ Массон В. М. Раскопки погребального комплекса на Алтын-Тепе. — СА, 1974, № 4, с. 11—13.

⁵⁷ Сарияниди В. И. Погребение Гиссар-III; новые материалы и наблюдения. — В кн.: История иранского государства и культуры. М., 1971, с. 170—178.

⁵⁸ Сарияниди В. И. Раскопки в юго-восточных Каракумах в 1964 г. — КСИА, 1966, вып. 108, с. 89—91, рис. 32.

⁵⁹ Ганялин А. Ф. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-Кала. — ТЮТАКЭ, 1956, т. VII, с. 374—383.

⁶⁰ Там же, рис. 4 (особенно 2, 3). Имеется еще одна фрагментированная женская статуэтка, однако ее принадлежность как погребального инвентаря вызывает большое сомнение — скорее всего она принадлежит к культурному слою, в который вписаны сами могилы.

⁶¹ Сарияниди В. И., Качурис К. А. Раскопки на Улуг-Тепе, с. 344.

⁵³ Сарияниди В. И. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен. — В кн.: Успехи Среднеазиатской археологии, вып. 1. М.—Л., 1972, с. 25.

⁵⁴ Сарияниди В. И., Качурис К. А. Раскопки на Улуг-Тепе. — АО 1967 г. М., 1968, с. 343; Массон В. М., Сарияниди В. И. Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids. London, 1972, pl. 38.

⁵⁵ Станкевич И. Л. К вопросу о связях Северо-Восточного Ирана и Южной Туркмении в бронзовом веке. — В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 321.

менное пряслице — одни из наиболее характерных признаков погребального инвентаря захоронений Бактрии.

Если сравнить погребальные обряды эпохи бронзы Южного Туркменистана и Бактрии, то наиболее показательные соответствия обнаруживают захоронения времени Намазга-VI, когда наряду со старыми способами впервые практикуется устройство грунтовых некрополей вне пределов поселений; сходство в погребальных ритуалах подчеркивается и аналогичным погребальным инвентарем.

В подгорной полосе пока не известны катакомбные могилы, зато они открыты в последние годы на юго-западе Туркменистана в долине р. Сумбар. Захоронения скорчены, без определенной ориентации; погребальный инвентарь включает сосуды, в том числе вазы на высокой ножке, кубки, кувшины, графины, соусники, бронзовые украшения⁶². Могильник в предварительном порядке датируется в пределах 2000—1650 гг. до н. э., однако не исключена несколько более поздняя дата — середина — вторая половина II тысячелетия до н. э. Представляется, что погребения Южного Туркменистана, с одной стороны, наиболее близки бактрийским, с другой — отражают влияние, идущее из древнего Ирана. Иначе говоря, и бактрийские, и южнотуркменистанские погребальные обряды эпохи поздней бронзы могут иметь один общий источник, поиски которого уводят в Северо-Восточный Иран.

Северо-Восточный Иран делится горной грядой на две части, из которых территория, расположенная в долине р. Горган, географически является естественным продолжением Туркменской степи. Здесь, в Горганской долине, выявлено огромное число поселений — от древнеземледельческих до позднесредневековых. Последние раскопки на одном из древнеземледельческих памятников — Ярим-Тепе⁶³ показали наличие типичных слоев джейтунского времени, из чего можно заключить, что уже в период неолита это была единая культурно-историческая зона, захватывавшая и северные предгорья Копет-Дага. Наиболее значительные раскопки проведены на двух памятниках — Тюренг-Тепе и Шах-Тепе, расположенных на расстоянии около 20 км друг от друга.

Шах-Тепе, довольно крупное поселение, раскопки на котором были проведены в 1933 г. шведской археологической экспедицией⁶⁴. На

основании материалов, полученных главным образом из могил, поселение Шах-Тепе было подразделено на три слоя (I, II, III), из которых верхний (Шах-Тепе-I) относится к эпохе средневековья. Для нас представляют особый интерес два нижележащих слоя II и III. Всего выявлено 257 скелетов, из которых 81 относится к слою I и принадлежит мусульманскому периоду.

Костяки нижележащих II—III слоев, за небольшим исключением, лежат в скорченном положении на боку. Единичные покойники лежат на спине в вытянутом положении или скорченные, но на животе. В двух случаях отмечены совместные погребения взрослого и ребенка, определяемые как захоронения матери с ребенком.

Сохранность костяков не всегда была удовлетворительной, так что не во всех могилах удалось с точностью выявить ориентировку. Так, из 176 скелетов III—II слоев осевое направление установлено только для 133, которые распределяются следующим образом: север — 28, юг — 14, восток — 53, запад — 28, северо-восток — 6, юго-восток — 2, юго-запад — 8, северо-запад — 8. Таким образом, восточная ориентировка, видимо, была наиболее распространенной у жителей Шах-Тепе. Вместе с тем северная и западная ориентировка становится преобладающей именно в слое II, что напоминает аналогичную картину, отмеченную для Южного Туркменистана эпохи развитой и поздней бронзы.

Инвентарь могил Шах-Тепе не отличается особым богатством. Как правило, заупокойные приношения включают керамические и алебастровые сосуды, медные украшения, бусы разных форм из камня, меди, фаянса, стекла (?) и единичные изделия из кости. Хотя и не все могилы содержали погребальные приношения, обычным является наличие 2—3 сосудов; лишь в одной могиле встречено 10 сосудов.

Имеется специальное исследование черепов из Шах-Тепе и их сравнительная характеристика с известными антропологическими материалами из других пунктов Древнего Востока⁶⁵.

Следующий памятник — Тюренг-Тепе. Этот памятник является наиболее крупным, видимо, столичным поселением Горганской долины. Первые раскопки на главном холме не выявили захоронений, что объясняется малым объемом раскопочных работ. Зато на расположенном рядом, небольшом всхолмлении (западный холм) было выявлено 75 захоронений, из которых 28 относятся к мусульманскому времени. Остальные 47 распределяются следующим образом:

⁶² Пяткин Б. Н., Хлопина Л. И., Хлопин И. Н. Раскопки в долине Сумбара. — АО 1973 г. М., 1974, с. 511.

⁶³ Crawford V. Beside the Kara-Su. — «The Metropolitan Museum of Art», 1963, april.

⁶⁴ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, Iran. Stockholm, 1945.

⁶⁵ Furst C. The Skeletal Material Collected During the Excavations of T. Arne in Shah-Tepe as Astrabad — Gorgan in Iran. Stockholm, 1939.

в самом нижнем из вскрытых слоев встречено только два захоронения и 45 скелетов — в выпележащем слое. В литературе имеется лишь суммарная их характеристика: кости лежали в скорченном положении, с руками, поднесенными к лицу, без строго выдержанной ориентировки⁶⁶.

В 1960 г. раскопки на Тюренг-Тепе были возобновлены французской экспедицией, выявившей достаточно большое количество древних захоронений. Раскопками установлена новая общая периодизация памятника, которая включает пять основных периодов в существовании Тюренг-Тепе. Самый нижний, слой I, определяется как неолитический, занимающий промежуточное положение между пещерой Хоту и джейтунской культурой Южного Туркменистана⁶⁷.

Слой II характеризуется наличием как расписной, так и серой посуды, причем в фазе IIB первая исчезает полностью. Могилы этой фазы располагаются под полами заброшенных строений, в простых ямах, иногда перекрытых сверху сырцовыми кирпичами. Скелеты, как правило, скорченные⁶⁸.

В слое III керамический комплекс продолжает старые традиции, широко распространяется серая лощеная посуда, в то время как процарапанная и рифленая керамика почти полностью исчезают. Это время наибольшего расцвета памятника, что находит отражение и в погребальном инвентаре. Кости здесь приобретают более скорченную позу, а заупокойные приношения включают медные и серебряные украшения, бусы, в том числе из лазурита и сердолика; сосуды чаще всего стоят у головы захороненных. По составу погребального инвентаря могилы слоя III выгодно отличаются от предшествующих. Отмечены ромбические подвески из лазурита, точно соответствующие таким же из царских гробниц Ура, так что захоронения слоя IIIA датируются примерно серединой III тысячелетия до н. э.⁶⁹

В фазе IIIC отмечается частичное запустение могильника (по C=14: 1920±200 до н. э.), затем, после длительного перерыва, в VII—VI вв. до н. э. жизнь на Тюренг-Тепе возобновляется.

Как видно, сведения о древних захоронениях Горганской долины еще недостаточны для

общих заключений, так что в этом отношении выгодно отличается Тепе-Гиссар, наиболее полно исследованное поселение Северо-Восточного Ирана. Выделено три хронологических периода в жизни поселения — Гиссар-I, II, III с более дробными подразделениями внутри каждого из них⁷⁰. В результате работ двух полевых сезонов на Тепе-Гиссар обнаружено 1647 захоронений, так что по количеству погребений это поселение занимает едва ли не первое место среди известных одновременных памятников Ирана. В специальную обработку попали 782 погребения, обнаруженных в результате раскопок второго полевого сезона, но при общих выводах и заключениях учитывались наблюдения, сделанные в процессе обработки всех костяков⁷¹. Из общего числа захоронений в статистическую обработку включено 599 скелетов, что дает относительную картину погребальных обрядов. Так, для самого раннего слоя Гиссар-I учтено 144 захоронения, которые распределяются по более мелким фазам в следующем виде: Гиссар-IA — 41, Гиссар-IB — 12 и Гиссар-IC — 91.

Все костяки найдены ниже полов вскрытых строительных горизонтов, каких-либо специальных погребальных конструкций встречено не было; некоторые могилы сохранили следы от тростниковых циновок. За небольшим исключением скелеты лежат на правом боку (единичные на спине), скорченные, положение рук различно. Показательна достаточно выдержанная юго-западная и северо-западная ориентировка, что, по Е. Шмидту, может указывать на связь погребальных ритуалов с положением солнца⁷². Отмечается также, что в противовес многим памятникам Древнего Востока в слое Гиссар-I количество взрослых покойников даже несколько преобладает над детскими, причем в последующие периоды это соотношение становится еще более показательным. Точно так же мужские скелеты преобладают над женскими в отношении 1 : 3, что в целом достаточно устойчиво прослеживается в последующие периоды. Выдвинуто предположение о возможности существования полиандрии у обитателей Тепе-Гиссара.

Погребальный инвентарь у мужских и женских скелетов практически распределяется поровну и включает керамические сосуды, медные булавки, печати-амулеты, бусы, ожерелья, браслеты, диадемы. Как правило, погребальный инвентарь находился в головах; кинжалы отмечены только в захоронениях мужчин.

В выпележащем слое Гиссар-II обнаружено 209 погребений, из которых на переходный слой

⁶⁶ Wulsin F. Excavations at Tureng-Tepe.— «Supplement to the Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology», 1932, v. II, N 1.

⁶⁷ Deshayes J. Ceramiques Peintes de Tureng-Tepe.— «Iran», 1967, v. V.

⁶⁸ Deshayes J. Rapport Preliminare sur les deux Premieres Campagnes de Fouilles a Tureng-Tepe.— «Syria», 1963, v. XL.

⁶⁹ Deshayes J. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng-Tepe, Iran.— «Archaeology», 1969, v. 22, N 1, p. 14—15.

⁷⁰ Schmidt E. Tepe-Hissar Excavations, 1931.— «Museum Journal», 1933, v. XXIII; Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar...

⁷¹ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., p. 301.

⁷² Там же, с. 64.

IIA падает 91. По Е. Шмидту, в этот период еще живо чувствуются погребальные традиции предшествующего времени. Преобладает труположение на правом боку; как и раньше, отмечается преимущественно западная (северо-западная и юго-западная) ориентировка. Вместе с тем уже в конце периода IIA наблюдаются изменения, наиболее четко проявляющиеся в период IIB. В первую очередь это касается ориентировки умерших, практически одинаковой по всем осевым направлениям, причем такое положение отмечается вплоть до конца существования памятника.

Погребальный инвентарь включает сосуды, печати, украшения; оружие встречено опять-таки лишь в мужских захоронениях. Выделяется серая керамика из могил, аналогичная найденной в строительных горизонтах слоя IIA. Хотя эта керамика связывается с приходом нового населения, в могилах она встречена вместе с традиционно местной расписной посудой. Как и раньше, погребальные приношения преимущественно располагаются около головы.

Захоронения слоя Гиссар-II, как и предшествующие, располагаются на заброшенных участках поселения. Наряду с погребениями в простых могильных ямах, особенно в слое IIA, впервые отмечены прямоугольные цисты из сырцовых кирпичей.

Следующий и финальный период в жизни поселения (слой Гиссар-III) вскрыт на много большей площади, чем два предшествующих. Только во второй раскопный сезон в верхнем слое Тепе-Гиссар было выявлено 429 захоронений, которые распределяются по субфазам в следующем количестве: Гиссар-IIIA — 106, Гиссар-IIIB — 280 и Гиссар-IIIC — 43. Как правило, все скелеты скорченные, положение на левом боку (в слоях IIIA и IIIB) несколько выше, чем на правом. Ориентировка покойников различная; мужские захоронения явно преобладают над женскими. Покойники преимущественно погребены в обычных ямах, в ряде случаев можно предполагать, что трупы были обернуты в материю.

Хотя погребальный инвентарь могил слоя IIIA не отличается от предшествующих захоронений и обычно включает сосуды и личные украшения, погребения двух высележащих фаз выгодно отличаются богатством заупокойных приношений. Так, в могилах слоя IIIB, кроме многочисленной керамики, встречено оружие (в основном кинжалы и наконечники копий) и разнообразные личные украшения, а в слое IIIC — металлические и алебастровые сосуды, огромное количество бус, изготовленных из различных поделочных камней, фигурные наперстки булавы, металлические печати, изделия из золота и серебра. В целом погребальные прино-

шения слоя Гиссар-IIIC не только отличаются разнообразием и богатством, но и высоким художественным исполнением, особенно изделия из камня и металла.

Известных могил периода Гиссар-IIIC сохранилось слишком мало, чтобы делать общие выводы, однако именно в это время обнаруживаются наиболее показательные параллели с материалами Бактрии эпохи поздней бронзы. Для нашей темы особый интерес имеет то обстоятельство, что именно в эту пору здесь появляются фигурные металлические жезлы, алебастровые миниатюрные «колонки», ограниченная группа красноощенной керамики, что, как предполагают, может указывать на принадлежность Гиссара-IIIC выходцам извне.

Отметим, что все эти признаки характерны как для южнотуркменистанских памятников периода Намазга-VI, так и для бактрийских. Тем самым намечается линия связей, по-видимому, племенных передвижений. Думается, что Гиссар как конкретный археологический памятник отмечает лишь один из промежуточных пунктов на предполагаемом пути племенных миграций, включавших также и Северо-Западный Иран. В этом отношении показателен грунтовый могильник Хурвин⁷³, погребальный инвентарь которого, в особенности сосуды со сложносоставными носиками, близко перекликается с керамикой эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана и Бактрии. Очевидно, что отмеченные наблюдения лишь намечают ареал распространения сходных погребальных обрядов, конкретизация же представляется делом будущих открытий. Заканчивая наш обзор, можно сделать один определенный вывод: погребальные обряды Бактрии среди известных находят наиболее прямые соответствия в южнотуркменистанских эпохи поздней бронзы (Намазга-VI). Однако нет оснований усматривать между ними прямую генетическую взаимосвязь: думается, что, скорее всего, существовал промежуточный центр, находившийся в мало изученных еще областях Северного и Восточного Ирана.

§ 7. Керамическое производство

Следы керамического производства в виде остатков гончарных печей отмечены на многих памятниках, однако, к сожалению, все они сохранились очень плохо. Тем не менее некоторые данные о конструкции гончарных горнов дают соответствующие материалы из Фарукабадского оазиса. Одна такая печь была выявлена на поселении Фарукабад-1; от нее сохрани-

⁷³ Vanden-Berghe L. La Necropole de Khurvin. Istanbul, 1964.

лась лишь сильно оплакованная внутри топка, впущенная в материковый такыр и имеющая в плане грушевидную форму размером 150×110 см, при глубине 140 см.

Остатки другой печи вскрыты были на Фа-рукабад-2, где также сохранилась лишь топка, впущенная в материковый такыр. В плане она имеет округлую форму (150×140 см, при глубине 160 см), а внутри топки среди надувного песка встречены сильно обожженные глиняные плитки обмазки с круглыми отверстиями от былых духов.

Обе печи относятся к типу двухъярусных гончарных горнов, у которых обжигательные камеры располагаются над топкой; горячий воздух через продухи из топки попадал в камеру обжига, где стояли приготовленные для обжига полуфабрикаты.

На юге страны, в Мундигаке, встречены горны трех конструкций: в слое Мундигак-I еще примитивные, овально-вытянутые, с двумя отделениями, расположенными по горизонту, но уже в Мундигак-IV сосуществуют как круглые с опорным столбом в центре, так и с продольной стенкой внутри топки⁷⁴. Отметим, что близкий тип развития гончарных печей дают памятники Южного Туркменистана, где на смену простым печам энеолитического времени приходят сложные двухъярусные горны как со столбом, так и с продольной стенкой внутри топки⁷⁵. Этот тип печей достаточно широко представлен в культурах эпохи бронзы Юго-Западной Азии, но полнее всего они исследованы в Туркменистане⁷⁶.

Некоторое отличие североафганских печей — в отсутствии опорного столба, что, скорее всего, объясняется сравнительно малыми размерами горнов, когда имелась возможность устройства сводчатого перекрытия со сквозными продухами, как это установлено для гончарных горнов Южного Туркменистана⁷⁷.

В настоящее время лучше всего изучена керамика эпохи поздней бронзы, но лишь на материалах Давлетабадского оазиса удалось выделить два этапа: тикарский и гирдайский. Посуда тикарского этапа практически ничем не отлична от даштинской, которая, в свою очередь, дает наиболее полное представление о керамическом производстве Бактрии эпохи поздней бронзы. Иначе обстоит дело с посудой гирдайского этапа, находящей наиболее пока-

зательные из известных аналогии в керамике Южного Туркменистана. Гирдайский комплекс керамики, в отличие от более позднего, характеризуется не плавными округлыми линиями профилей сосудов, а общей угловатостью, остро-реберностью, отогнутыми наружу венчиками, т. е. всеми теми признаками, которые характерны для посуды комплекса Намазга-V⁷⁸.

При несомненном общем сходстве, думается, что гирдайский керамический комплекс более соответствует посуде времени позднего Намазга-V, когда исчезают сосуды биконических форм, на смену которым приходят горшкообразные, более вытянутые пропорций⁷⁹, а угловатые, острореберные перехваты принимают все более мягкую общую профилировку; широко используется техника частичного лощения. Вместе с тем имеются и отличия, что в первую очередь подчеркивается наличием в гирдайском комплексе вытянутых цилиндрических сосудов с подтреугольными в разрезе венчиками, формы, неизвестной в пределах Туркменистана⁸⁰. В целом же этот комплекс является наиболее ранним в пределах Северного Афганистана, а из известных материалов прямые аналогии представляет южнотуркменистанская посуда типа позднего Намазга-V, что не идет ни в какое сравнение с синхронными комплексами соседнего Ирана.

Переходя к керамическому комплексу эпохи поздней бронзы Северного Афганистана, следует указать, что наиболее полное и целостное представление дает посуда, происходящая из могил и особенно с Дашлы-3. Поскольку многие из предметов несут следы употребления в быту, а главное находят точные аналогии в керамике из раскопок, то есть все основания составить таблицу форм керамики, основываясь на сосудах, происходящих из могил. Вся посуда подразделяется на гончарную и лепную (ограниченную группу составляет сероглиняная), причем решительно преобладает гончарная. Глина ее без видимых примесей (от красного до розового цвета), хорошего качества и обжига. Посуда по преимуществу тонкостенная, изящных форм и пропорций, покрыта светлыми тонами ангоба, в редких случаях сплошь окрашена густой красной облицовкой. Характерная

⁷⁴ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 47.

⁷⁵ Саркисиди В. И. Керамическое производство древнемаргианских поселений. — ТЮТАКЭ, 1957, т. VII.

⁷⁶ Delcroix G., Huot I. L. Les Fours Dits «De Potier» Dans L'Orient Ancien. — «Revue Syria», t. XLIX, 1972, fasc. 1—2, p. 35—95.

⁷⁷ Масимов И. И. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-Тепе. — В кн.: Каракумские древности, вып. V. Ашхабад, 1972, с. 39, рис. 3.

⁷⁸ Масон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. — ТЮТАКЭ, 1956, т. VII, табл. XXVII, 2; он же. Раскопки на Алтын-Тепе в 1969 г. Ашхабад, 1970, рис. 8, 8, 9, 11; Масимов И. И. Изучение керамических печей..., рис. 4, 10—21.

⁷⁹ Масимов И. И. Изучение керамических печей..., с. 41; Масон В. М. Раскопки на Алтын-Тепе..., с. 12—13.

⁸⁰ Ср. похожие венчики в Мундигаке (см.: Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 107, N 534; fig. 120, N 640).

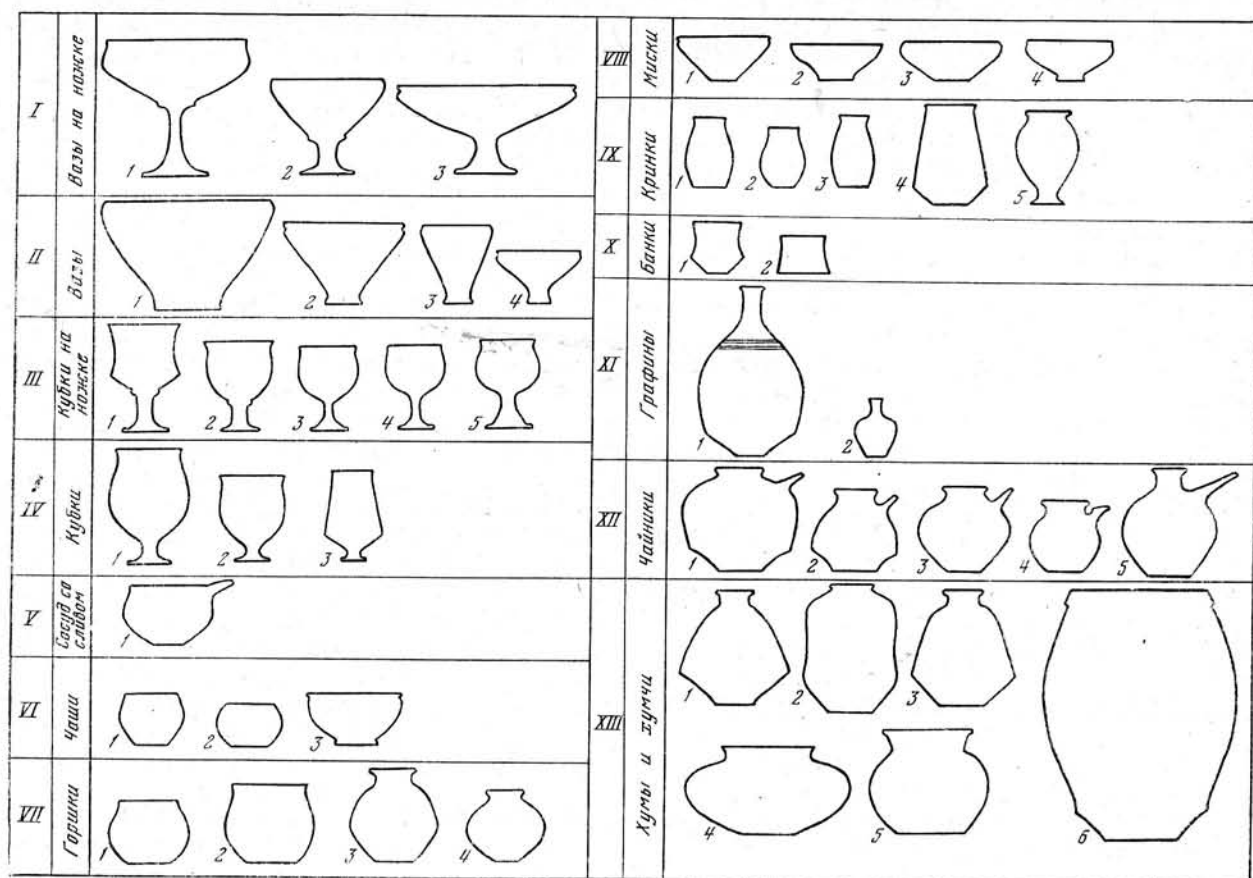

Рис. 25. Основные формы керамики

технологическая деталь — срез на донцах в виде вихревой розетки — применялась гончарами не только Северного Афганистана, но и Пакистана и южных областей Средней Азии эпохи бронзы. Ниже приводится типология основных форм керамики эпохи поздней бронзы Бактрии.

Вазы на ножках имеют конические, или полусферические резервуары, посаженные на высокие (не менее 3 см) ножки-подставки. Как правило, у крупных экземпляров резервуары и ножки изготавливались отдельно и лишь затем соединялись вместе. Ножки обычно полые внутри, у крупных экземпляров раструбообразные. 1). Венчики либо плавно отогнуты наружу, либо, наоборот, загнуты внутрь; у отдельных экземпляров представлены сложнопрофилированные венчики; 2). На некоторых вазах отмечено как красное, так и почти черное красочное покрытие; 3). Вазы на ножках имели широкое назначение, в том числе и в качестве обычной бытовой посуды для еды.

Вазы простые близко напоминают вышеописанные: они имеют коническое тулово, переходящее в цилиндрическое основание, высота

которого не превышает 3 см. Венчики их обычно слабо отогнуты наружу, поддоны выделены. Как правило, диаметр венчиков больше, чем высота. В единичных случаях имеются вазы, в которых, наоборот, высота больше, чем диаметр венчиков, и в таком случае их можно обозначить как «конические» вазы. Наряду с такими выделяются много больших размеров, чем обычные, которые для удобства можно обозначить как «глубокие» вазы.

Кубки на ножках представлены несколькими вариантами внутри одного типа. Наиболее распространены кубки с глубокими полусферическими резервуарами, посаженными на длинные ножки высотой не менее 3 см; реже встречаются кубки с вертикально поставленными стенками. Большинство их покрыто красноватым ангобом или окрашено с обеих сторон цветной облицовкой густого ярко-красного цвета. На отдельных образцах имеется частичное лощение, обычно горизонтальное или вертикальное. Кубки на ножках, скорее всего, предназначались для питья.

Кубки простые отличаются от вышеописанных лишь тем, что ножки их не превышают высоты 3 см. Как правило, они имеют полусферические резервуары с плавно отогнутыми наружу венчиками. Исключение составляет один

сосуд с расширяющимся книзу резервуаром и условно отнесенный к этому типу сосудов.

Сосуды со сливами имеют полусферический резервуар с вытянутым вперед и несколько приподнятым вверх лоткообразным сливом. В дальнейшем, возможно, целесообразнее будет условно обозначить их как «соусники».

Чаши. Наиболее распространены тонкостенные, светлоангобированные чаши со слабо выраженным венчиком, переходящим в расширяющуюся шейку и затем округлое тулово. Среди этого типа сосудов выделяются полусферические чаши со сложнопрофилированным венчиком, а главное — выделенным поддоном.

Горшки представлены сосудами средних размеров (высотой не более 30 см) двух основных вариантов: 1) плавно отогнутые венчики переходят в округлое тулово, заканчивающееся плоским дном; 2) сосуды более вытянутых пропорций с выделенным горлом, шаровидным туловом и подкошенной придонной частью с плоским дном.

Миски. Тонкостенные сосуды, у которых диаметр венчика всегда превышает высоту. Встречено несколько вариантов мисок: конические миски, миски с загнутым внутрь венчиком, плавно переходящими в суженный корпус, и миски с выделенным дном.

Кринки представлены несколькими формами, у которых высота всегда превышает диаметр венчика. Наиболее распространены кринки с отогнутыми венчиками и выделенными шейками, переходящими в округло-вытянутое тулово с плоскими днищами. В единичных экземплярах представлены кринки с подкошенными придонными частями и особенно кринки с выделенным дном.

Банки составляют весьма ограниченную категорию посуды. Могут быть выделены банки цилиндрикоконические и просто цилиндрические. Обе эти формы широко представлены в местной керамике последующего раннежелезного века.

Графины представлены всего несколькими целыми экземплярами. Все известные образцы — небольшие по размерам (до 25—30 см высотой), с высоким горлом и округлым туловом, переходящим в плоское дно. Выделяется много большими размерами один графин.

Чайники. Достаточно распространенная форма сосудов с характерным признаком — наличием трубчатого носика; при заметных различиях в размерах и деталях профилировки объединены в один тип по общему сходству назначения. Могут быть выделены два основных варианта: 1) чайники с подкошенной придонной частью. Подобная «шершавая» поверхность придонной части является характерным признаком этого типа чайников; 2) чайники с выделен-

ными шейками, округлыми туловами и плавным переходом к донцу.

Хумы и хумчи — крупные сосуды для хранения продуктов. При сходных формах основное различие заключается лишь в разных размерах: хумы — сосуды высотой свыше 0,5 м, хумчи — до 0,5 м. Видимо, «классическим» типом являются хумы яйцевидной формы с неустойчивым дном, свидетельствующим о том, что они закапывались в землю. Выделяются несколько вариантов этого типа сосудов: конические, цилиндрикоконические и шаровидные.

Наряду с основными формами имеются и единичные образцы, например, двойные сосудики и ситечки или цеделки, керамические подставки. На части сосудов сохранились нацарапанные с разной степенью небрежности, но еще до обжига, знаки-метки, видимо, являющиеся оберегами. Близкие по начертанию знаки-метки известны в Иранском Сенстане (Шахри-Сохте)⁸¹ в слое IV Мундигака⁸², в Тепе-Яхья, где отмечено 87 типов знаков, в слое IV⁸³, в Белуджистане⁸⁴, в постхараппской цивилизации долины Инда⁸⁵, в Синде, на поселении Амри, начиная со слоя I⁸⁶, в Равгпуре⁸⁷ и в Юго-Восточной Туркмении⁸⁸. В. Файрсервис первый обратил внимание на них, отметил сходные знаки Кветты и Хараппы⁸⁹ и высказал мнение, что подобные знаки отражают систему общепонятных символов в виде торговых знаков, личного владения, мастера-изготовителя и даже благопожелания. Если эта гипотеза подтвердится, то можно расширить зону распространения общепонятных символов вплоть до Северного Афганистана. С другой стороны, показательно, что керамические знаки не отмечены ни в Гиссаре, ни в Сялке, но имеются в Шах-Тепе⁹⁰ и, видимо, на других памятниках Горганской долины. Приведенные наблюдения достаточно четко очерчивают зону распространения керамических меток: от Восточного Ирана и до долины р. Ин-

⁸¹ Tosi M. Excavations at Shahri-Soktha. A. Chalcolithic Settlement in the Iranian Sistan.— «East and West», 1968, v. 18, N 1—2, p. 54.

⁸² Casal J. M. Fouilles de Mundigak, v. II. Paris, 1961, fig. 87, 93, 105.

⁸³ Lamberg-Karlovsky C. C. Excavations at Tepe-Jahja, Iran. Cambridge, 1970, gif. 18.

⁸⁴ Fairervis W. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan.— APAMN, 1956, v. 45, p. 328—329, pl. 14.

⁸⁵ Ср., например: Mackay E. Chanhi-Daro Excavations. New Haven, 1943, pl. XLVIII.

⁸⁶ Casal J. M. Fouilles d'Armi. Paris, 1964, fig. 46, 53, 61, 90 и др.

⁸⁷ Rao S. Excavations at Rangpur and other Explorations in Gudjarat.— «Ancient India», 1962, N 18—19, pl. LI.

⁸⁸ Maccon B. M. Древнеземледельческая культура..., табл. V, VIII.

⁸⁹ Fairervis W. A. The Roots of Ancient India. New York, 1971, fig. 58.

⁹⁰ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, pl. LXIV.

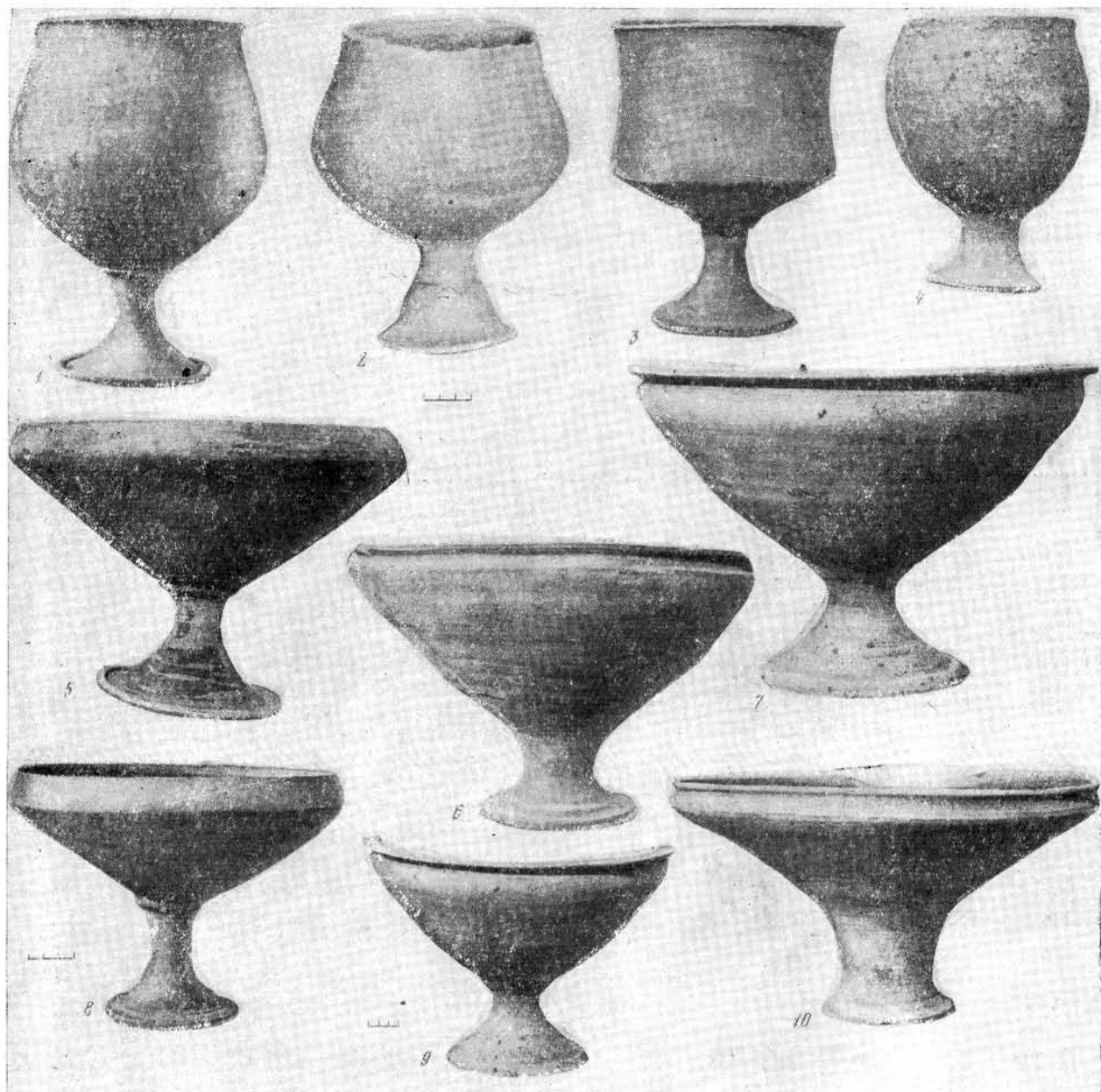

Рис. 26. Дашлы-3. Круглый храм. Керамика из погребений

да и от юга Средней Азии до Белуджистана. Показательно, что нацарапанные знаки распространяются здесь примерно в одно время — во II тысячелетии до н. э., что, возможно, не случайно.

Вторую группу керамики составляет немногочисленная лепная посуда: глина с примесью толченой керамики, обжиг неровный. Формы весьма ограничены и в целом повторяют гончарную керамику. Некоторое различие заключается лишь в том, что венчики непрофилиро-

ваны и всегда поставлены строго вертикально. Основные формы: хумчи, горшки, шаровидные котлы с резко отогнутым венчиком, жаровни (диаметром до 0,5 м) с невысоким бортиком; как правило, внутри имеются следы копоти. Ни на одном из них не отмечен какой-либо орнамент.

И, наконец, весьма ограниченную, но характерную коллекцию составляют фрагменты сероглиняной (в одном случае красноангобированной) посуды ручной лепки с пролощенным, чаще всего сетчатым орнаментом. Реконструируются следующие формы: полусферические чаши, широкогорлые кувшины, миски, чайники, графинчики, сосуды со сливами, находящие

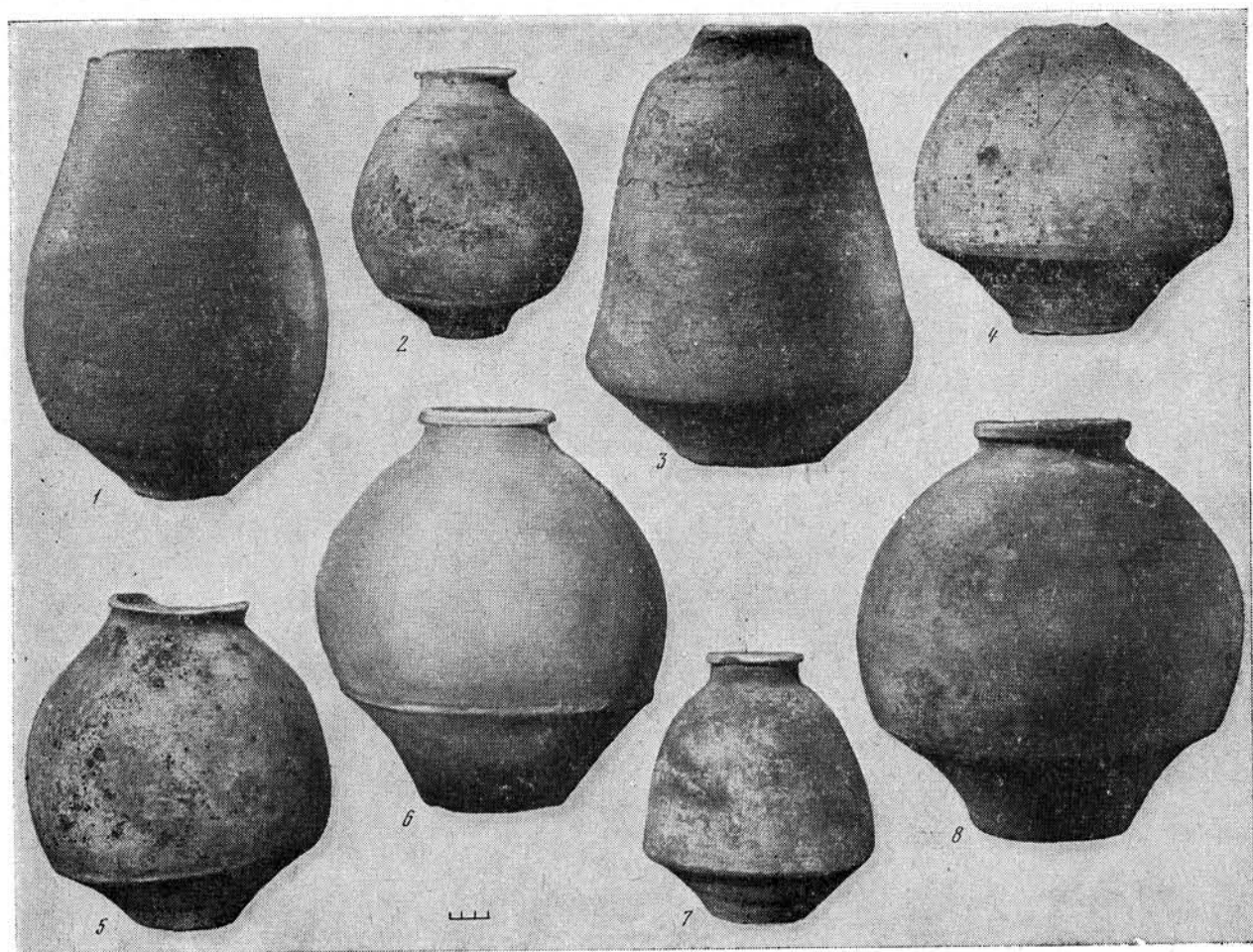

Рис. 27. Дашлы-3. Круглый храм. Керамика из погребений

прямые аналогии в керамике Северо-Восточного Ирана.

Бросается в глаза полное отсутствие ручек на сосудах, а также весьма бедная их орнаментация. Здесь следует отметить практику окраски сосудов в сплошной красный, иногда переходящий в черный (последнее связано с неправильным обжигом), в результате чего создавалась своеобразная красочная облицовка. Судя по характерным натекам на донцах ваз, перед обжигом они просто обмакивались в краску. Лощение, в том числе сетчатое, отмечено на немногочисленной и, как кажется, импортной серо- и красноглиняной посуде.

Уже отмечалось, что исключая нацарапанные знаки, другие орнаменты на посуде практически неизвестны. Некоторым исключением является нацарапанный рисунок лебедя (?) на обломке сосуда с Дашлы-3 и волнистый нацарапанный орнамент, более характерный для позд-

него этапа рассматриваемого керамического комплекса.

Керамический комплекс Бактрии характеризуется таким высоким профессиональным мастерством и богатством форм, что с несомненностью предполагает предшествующую линию развития. Ближе всего этому соответствует керамика гирдайского этапа, а в более широком плане — керамический комплекс типа Намазга-V. Эта общность проявляется в сходной, светло-фонной фактуре черепков сосудов, в отличие от Северо-Восточного Ирана, который представлял собой в это время зону распространения серой лощеной посуды. Налицо сходство, отражающее общие керамические традиции, пока еще прослеживаемые в общей форме. Вместе с тем в эпоху поздней бронзы в Северном Афганистане и Южном Туркменистане распространяются новые формы сосудов, связанные с керамическим искусством сопредельных областей. Сразу отметим, что в качестве основных сравниваемых форм принимаются во внимание в первую очередь вазы на ножках, вазы простые, сосуды со сливами (соусники), в меньшей степени —

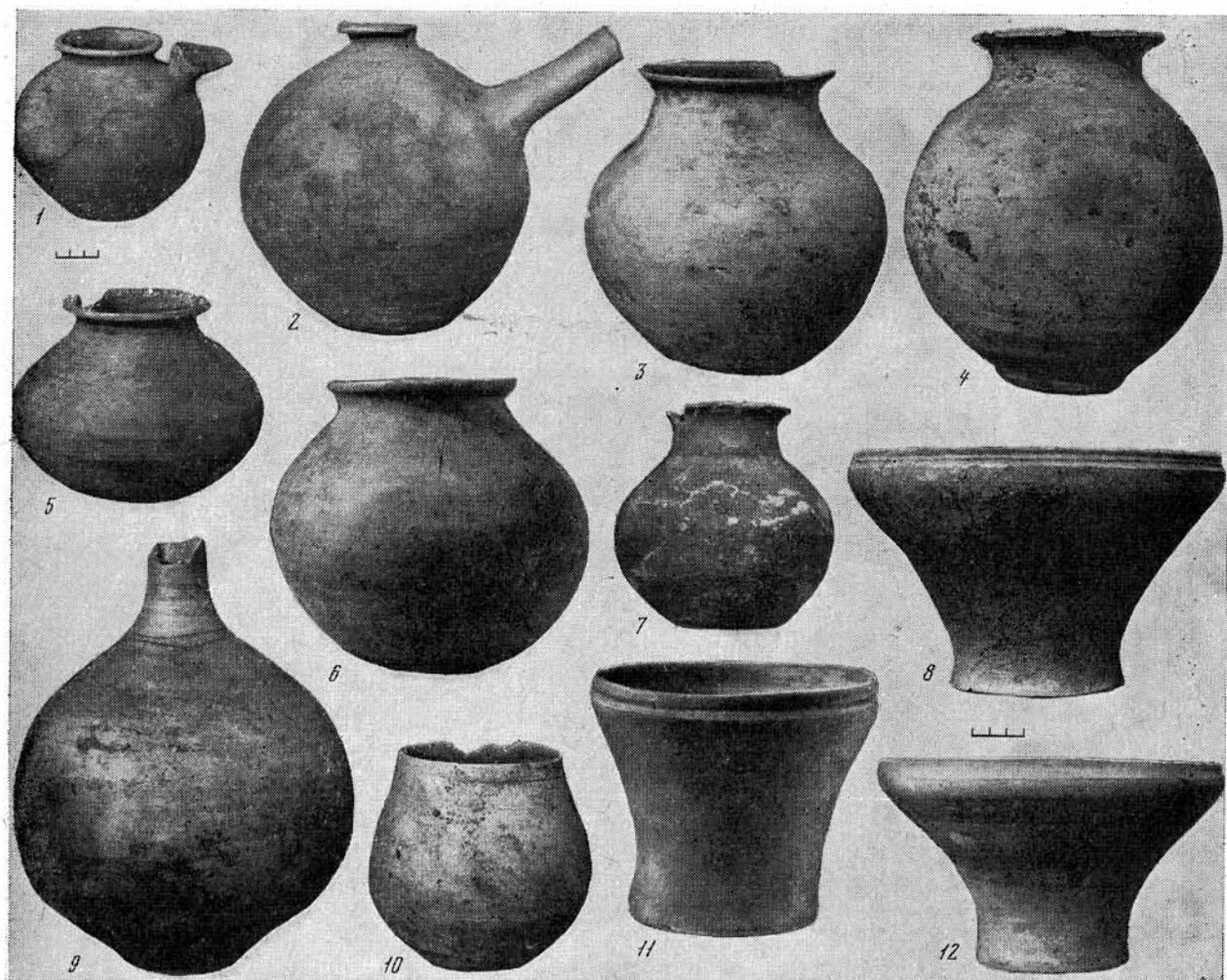

Рис. 28. Дашлы-3. Круглый храм. Керамика из погребений

хумчи с резко подкошенной придонной частью. Добавим, что вазы на ножках известны в Месопотамии, Малой Азии, островной и материковой Греции. Высказано малообоснованное мнение о проникновении этой формы из Прикаспия в Северную Месопотамию, Северную Сирию, Анатолию и на Балканский полуостров⁹¹.

Но наиболее прямые, если не идентичные комплексы происходят из Южного Узбекистана⁹² и древней Маргианы⁹³. В настоящее время здесь выявлены новые, еще не опубликованные материалы, дополняющие и подтверждающие указанное сходство бактрийско-маргианских керамических комплексов⁹⁴. Ограничен-

ные масштабы раскопок слоев времени Намазга-VI предгорий Копет-Дага препятствуют уточнению их взаимной близости. Тем не менее раскопки на Анау⁹⁵, Улуг-Тепе⁹⁶, Намазга-Тепе (вышка) и Теккем-Тепе⁹⁷ и особенно могильника Янги-Кала⁹⁸ дают основания предполагать близкий керамический комплекс.

С другой стороны, становится очевидным, что при генетической связи керамических комплексов Намазга-V и VI в последний период отмечается не простое эволюционное огрубление традиционно местных форм, а налицо влияние керамического искусства соседнего Ирана⁹⁹. Как будет показано, эти новшества, падающие на

⁹¹ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, p. 239—240.

⁹² Аскаров А. А. Сапалли-Тепе..., табл. 12—21.

⁹³ Массон В. М. Древнеземледельческая культура...

⁹⁴ Сарияниди В. И. Древности...; он же. Новые открытия в дельте Мургаба.— АО 1974 г. М., 1975.

⁹⁵ Pumpelly R. Explorations in Turkestan, v. I—II. Washington, 1908.

⁹⁶ Сарияниди В. И., Качурис К. А. Раскопки на Улуг-Тепе...

⁹⁷ Хлопин И. Н. Раскопки на Намазга-Тепе.— АО 1967 г. М., 1968; Щегленко А. Я. Раскопки Намазга-Тепе и Теккем-Тепе.— АО 1970 г. М., 1971.

⁹⁸ Ганелин А. Ф. Погребения...

⁹⁹ Сарияниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы...

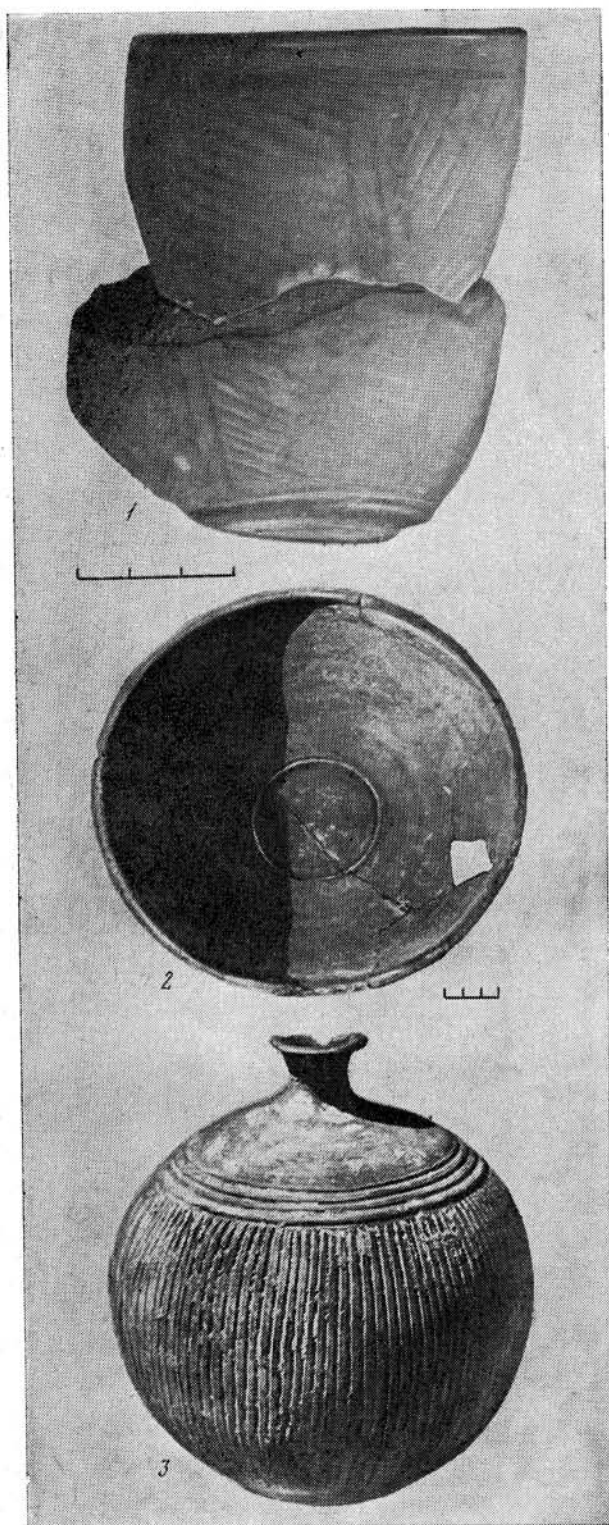

Рис. 29. Сероглиняная керамика из Дашлы-1 (1, 2) и разграбленных могил дашлинского оазиса (3)

эпоху поздней бронзы, не ограничиваются лишь воздействием керамического ремесла, а прослеживаются и в других областях материальной и духовной культуры.

В Северо-Восточном Иране¹⁰⁰ керамика периодов Шах-Тепе-II, Тюренг-Тепе-III и Гиссар-III также обнаруживает близкие соответствия с североафганской. Двигаясь далее на юг, отметим, что Центральный Иран не обнаруживает сколько-нибудь близких соответствий, примером чего может служить Тепе-Сялук. Минувшая совершенно не исследованная Иранская Хорасан, отметим, что вазы на ножках и керамические подставки имеются лишь на крайнем юго-западе, в Чога-Занбил¹⁰¹. Зато уже в долине Бампура (могильник Хураб) встречены захоронения, в которых наряду с местной расписной посудой встречена и нерасписная. Особого интереса заслуживают три могилы, расположенные близко к поверхности и, вероятнее всего, относящиеся к заключительному периоду в истории существования поселения. Здесь встречены обломки десятков нерасписных сосудов, среди которых имеются такие типичные формы, как вазы и кубки на высоких ножках. А. Стейн первый обратил внимание на эту посуду, выделив ее как «необычную» среди типично местной расписной керамики¹⁰², что представляется вполне обоснованным. В Южном Белуджистане также встречены вазы на высоких ножках, происходящие из таких памятников, как Суткаген-Дор¹⁰³ и особенно из разветренных могил поселения Мехи¹⁰⁴, где весь набор погребального инвентаря, включающий, помимо ваз, также зеркала, браслеты и булавы¹⁰⁵, настолько близок североафганским материалам, что исключает элементы случайного сходства. Соответствующая керамика известна в хараппской цивилизации, а в последние годы отмечена еще далее на восток вплоть до Центральной Индии (посуда типа Мальва)¹⁰⁶. Как видно, область распространения некоторых сходных керамических форм хотя и весьма обширна, но не заходит западнее ирано-афганской пограничной зоны¹⁰⁷.

¹⁰⁰ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe; Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar; Deshayes J. New Evidence...

¹⁰¹ R. Ghirshman. Tchoga-Zanbil, v. I, pl. XCVI, N 37, 38, 40.

¹⁰² Stein A. Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937, p. 120—121, pl. XV, N 278, 279.

¹⁰³ Stein A. An Archaeological Tour in Gedrosia.—MASI, 1931, N 43, pl. V—VIII.

¹⁰⁴ Там же, табл. XXX.

¹⁰⁵ Stein A. An Archaeological..., pl. XXXII.

¹⁰⁶ Sankalia H. D. Chalcolithic Navdatoli. Poona — Baroda, 1971, pl. XII.

¹⁰⁷ В Тепе-Яхья найдены лишь единичные обломки ваз (Lamberg-Karlovsky C. C. Excavations..., fig. 30) и совершенно отсутствуют они в Талли-Иблисе

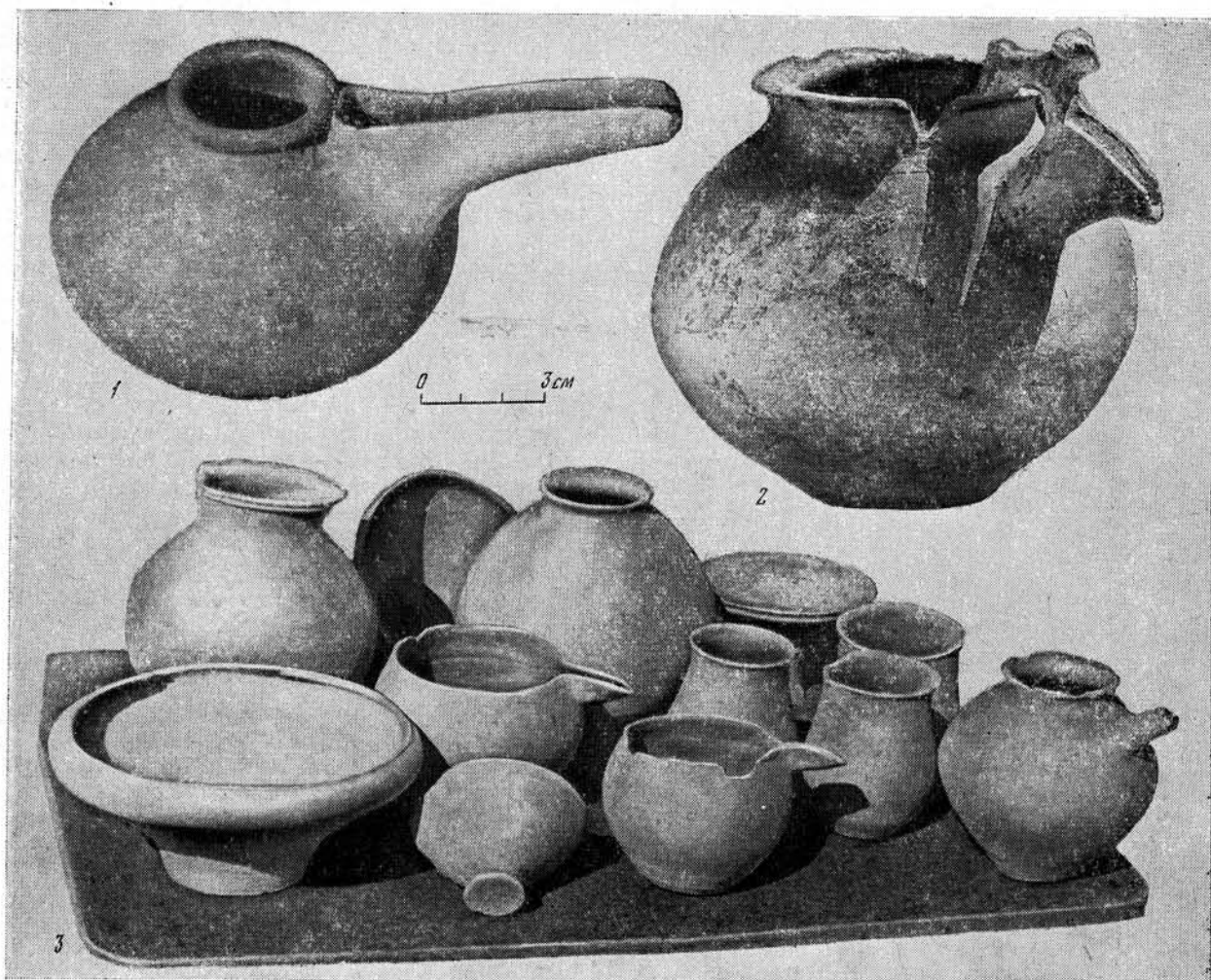

Рис. 30. Дашлинский оазис. Сосуды из разграбленных могил

Более сложен вопрос о механизме распространения этих специфических форм керамики в пределах очерченной зоны. Наиболее вероятным центром считается Северо-Восточный Иран, однако в последнее время ряд исследователей, особенно индийские археологи, предполагают более обширный западноазиатский источник происхождения. Так, сосуды со сливами известны в культуре Мальва и Иране, но пока неизвестны в промежуточной зоне Инда и Белуджистана¹⁰⁸. И, видимо, прав Х. Санкалия, определяя эту специфическую керамику (вазы, соус-

ники) как местную, но изготовленную под иранским или западноазиатским влиянием¹⁰⁹. Более того, допускается, что эти специфические формы Гиссара — Сялка — Гияна, с одной стороны, и индийские — с другой, относятся к разному времени, так что можно предполагать промежуточный источник общего происхождения¹¹⁰. Не совсем ясным остается и вопрос о происхождении такой характерно хараппской формы, как «вазы для фруктов». Они встречаются как в могильниках, так и на поселениях (Хараппа, Мохенджо-Даро), причем, как правило, резервуар этих ваз всегда несколько уже, чем раструбы ножек¹¹¹. Одни специалисты рассматривают их как следствие иранского влияния,

(Caldwell J. Investigation at Tal-i-Iblis. Illinois, 1967); даже в таком хорошо изученном памятнике, как Тепе-Гиян, известна лишь одна ваза на ножке, явно импортная (Contenau G., Ghirshman R. Fouilles du Tepe-Gijan. Paris, 1935, pl. 9, tomb. 7).

¹⁰⁸ Sankalia H. D. Spouted Vessels from Navda-Toli and Iran. — «Antiquity», 1955, N 114, p. 112—114.

¹⁰⁹ Sankalia H. S. Chalcolithic..., p. 410—415, pl. XII.

¹¹⁰ Sankalia H. D. New Light on the Indo-Iranian or Western Asiatic Relations between 1700—1200 B. C. — «Artibus Asiae», v. XXVI, N 3/4, p. 312—331.

¹¹¹ Wheller R. Harappa 1946: The Defences and Cemetery R-37. — «Ancient India», 1947, N 3, fig. 11 и 12.

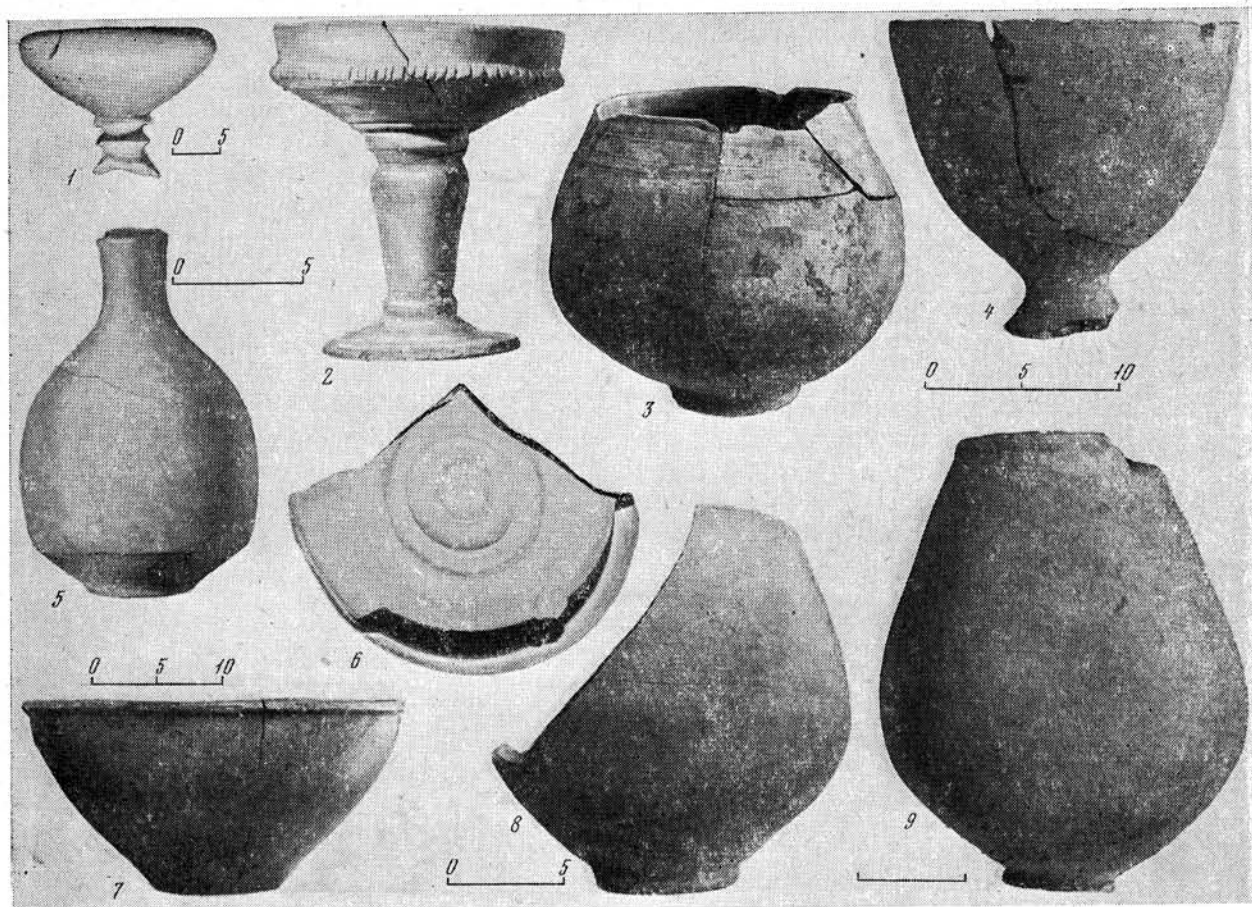

Рис. 31. Керамика из разрушенных могильников. Дашлы-17 и Дашлы-19

другие — как местное, белуджистанское ¹¹². Добавим, что известны они теперь и в дохарапских слоях долины Инда (Кот-Диджи) ¹¹³ и Синда (Амри) ¹¹⁴, однако и в этом случае не исключена их взаимная западноазиатская общность, восходящая к периоду до становления городской цивилизации в бассейне Инда ¹¹⁵.

Наконец, в долине Свата получены новые обширные материалы, в том числе относящиеся ко II тысячелетию до н. э. Благодаря исследованиям Г. Стакул для этого региона впервые установлена периодизация, состоящая из семи периодов. В периоде IV отмечается появление ваз на высоких ножках, которые значительно шире представлены в следующем периоде V ¹¹⁶.

¹¹² Piggott S. Prehistoric..., p. 193—194.

¹¹³ Khan F. A. Excavations at Kot-Diji. — «Pakistan Archaeology», 1965, N 2, fig. 14.

¹¹⁴ Casal J. M. Fouilles d'Amri, v. II, fig. 48, N 80; fig. 55, N 148.

¹¹⁵ Видимо, не случайно вазы на ножках из Белуджистана часто покрыты росписью, что свидетельствует о местной декоративной переработке привнесенных форм.

Если вопрос о происхождении рассматриваемых керамических форм на индийском субконтиненте не совсем ясен, то уже в соседнем Белуджистане и на крайнем юго-западе Ирана эта керамика настолько показательна, что может указывать на племенную инфильтрацию ¹¹⁷. В самом деле, появление в долине Бампура, а затем в Макране нерасписной посуды специфических форм на фоне местной расписной керамики, восходящей к талибакунским керамическим традициям, указывает на интенсивные племенные передвижения. Поскольку подобные формы отсутствуют в Фарсе, но зато широко распространены в поясе Восточный Иран — Северный Афганистан — юг Средней Азии, то станет очевидным, что магистральная линия предполагаемых передвижений проходила именно в этом широтном направлении.

В настоящее время соответствующие стратифицированные материалы имеются лишь в

¹¹⁶ Stacul G. Excavations near Ghaligai (1968) and Chronological Sequence of Protohistorical Cultures in the Swat Valley (W. Pakistan). — «East and West», 1969, v. 19, N 1—2, fig. 18.

¹¹⁷ Ср.: Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, с. 225—226.

Южном Туркменистане и Северо-Восточном Иране. Уже Е. Шмидт отмечал, что хотя в целом формы посуды слоя Гиссар-I—II идентичны, распространение сероглиняной керамики специфических форм было навеяно керамическими традициями Горганской долины¹¹⁸. Действительно, именно в слое Гиссар-II появляются вазы на ножках, до определенной степени напоминающие североафганские, но находящие прямые аналогии в Шах-Тепе и Намазга-Тепе. В плане их взаимной синхронизации показателны вазы с гофрированными ножками Гиссар-IIВ¹¹⁹, находящие соответствия в слое III на поселении Шах-Тепе¹²⁰, в материалах позднего Намазга-IV, с Намазга-Тепе¹²¹ и Улуг-Тепе¹²².

В литературе уже отмечалась характерная форма вазы с непропорционально большой ножкой и маленьким резервуаром, известная в хараппской культуре Свата, Маргиане¹²³, а также в Гиссаре¹²⁴, но пока не отмеченная в Северном Афганистане. Вместе с тем сосульки появляются в Гиссаре не ранее слоя IIIВ и продолжают в слое IIС.

Из этих наблюдений можно сделать два вывода. Во-первых, в ирано-туркменистанском ареале исследуемые формы посуды появляются намного раньше, чем в Афганистане. В этом плане хронологический приоритет Северо-Восточного Ирана представляется бесспорным и документируется широким существованием ваз на высоких ножках начиная уже с периода Гиссар-IIА¹²⁵.

Второе заключение касается достаточно широкого распространения исследуемого керамического комплекса, по-видимому, из общего центра в двух основных направлениях. Первый, северный путь ведет из древнего Ирана в Северный Афганистан и южные области Средней Азии. Второй, южный путь фиксируется вышеотмеченными материалами вдоль Персидского залива вплоть до Южного Белуджистана. Показательно, что ни Ширазский, ни большая часть Кирманского оазиса не обнаруживают подобных комплексов, во всяком случае так можно судить по полному отсутствию подобной посуды в керамической свите слоев Тали-Иблиса¹²⁶. С дру-

гой стороны, уже Тепе-Яхья, расположенное на крайнем юго-востоке Кирманской провинции, начиная со слоя Яхья-IVB содержит сходную с североафганской керамику, в том числе вазы на высоких ножках¹²⁷. Необходимо отметить, что эта категория посуды в слое VB представляет лишь небольшую группу среди местной расписной керамики. Однако уже в слое IVA расписная посуда составляет лишь 1%, причем достаточно широко распространяется серая лощеная керамика¹²⁸, а в слое IIIВ встречается явно импортная керамика¹²⁹, наряду с которой имеются фрагменты с волнистым протерченным орнаментом. Последняя категория керамики прямо перекликается с позднедаштинской посудой и поздним Намазга-VI в Южном Туркменистане, так что предложенная корреляция соответствующих керамических комплексов подтверждается и хронологическими рамками: конец II — начало I тысячелетия до н. э.¹³⁰

Установленный факт намечает путь возможного проникновения керамического комплекса из Северо-Восточного Ирана вдоль современной ирано-афганской границы. Отметим, что предполагаемое сходство не ограничивается лишь соответствующими керамическими комплексами, а прослеживается и в металлических изделиях, и в типах украшений, и, что особенно важно, в древней сфрагистике, что исключает элемент случайного совпадения.

§ 8. Металлическое производство

Хотя стратифицированные медно-бронзовые изделия пока немногочисленны, они представлены весьма разнообразно. Для Южного Афганистана — это в основном находки из Мундигака и отчасти — из Саид-Кала. Так, бронзовое оружие представлено кинжалами и, возможно, наконечниками дротиков. Особого интереса заслуживает наконечник копья с плоским в разрезе лезвием и длинным черешком, нижняя часть которого имеет в разрезе прямоугольное сечение¹³¹. Орудия труда представлены проушными топорами и мотыгами¹³². Украшениями являлись длинные булавки с плоскими фигурными или би-

¹¹⁸ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar, p. 112.

¹¹⁹ Там же, табл. XXV, № 5070.

¹²⁰ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, pl. XLIV, fig. 317—319; pl. XLVI, fig. 328.

¹²¹ Masson B. M. Расписная керамика..., с. 306, табл. XXX, XXXII и др.

¹²² Неопубликованные материалы автора.

¹²³ Masson B. M. Древнеземледельческая культура..., с. 27, табл. IX, 3.

¹²⁴ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar, pl. XXVI, H. 4782.

¹²⁵ Там же, табл. XXI, XXIII, XXV, XXVI.

¹²⁶ Caldwell I. Investigations...

¹²⁷ Lamberg-Karlovsky C. C. Excavations..., fig. 30, N; fig. 26, N, O, P.

¹²⁸ Там же, рис. 18.

¹²⁹ Там же, табл. 13.

¹³⁰ На наш взгляд, Г. Ламберг-Карловский, стремясь максимально удревнить эламское поселение на Тепе-Яхья, неоправданно отделяет период III от периода IV. Подробнее см. рецензию на эту книгу В. И. Сарияниди. — СА, 1972, № 1.

¹³¹ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 40, N 23. Отметим, что близкий, если не идентичный, наконечник копья происходит из разграбленных могильников Северного Афганистана.

¹³² Там же, рис. 139, № 9, 10.

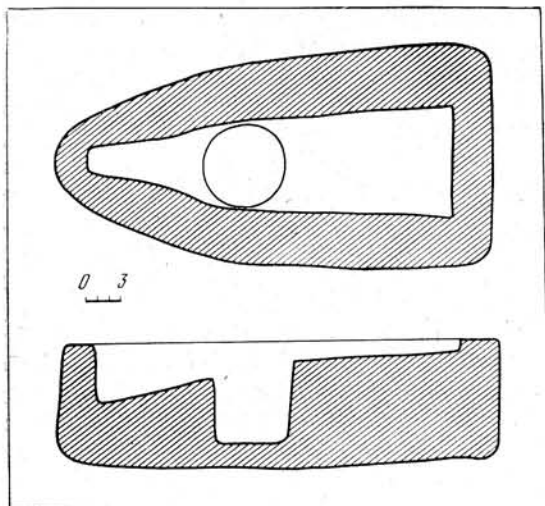

Рис. 32. Дашлы-3. Форма для отливки топоров

спиральными наверхшими; в одном случае концы их закручены внутрь¹³³.

Для Северного Афганистана основные сведения о древнем металлическом производстве происходят с поселений Дашлинского оазиса, дополняемые непаспортизованными предметами из разграбленных могил древней Бактрии. Хотя косвенные данные о местном производстве металлических изделий имелись уже с первых лет работ САЭ, однако лишь раскопки дворцов культового комплекса на Дашлы-3 позволили конкретизировать это допущение на фактическом материале. Так, при раскопках северо-восточного фаса в заброшенном помещении во вторичном использовании был обнаружен горелый слой, состоящий из краснообожженной глины, золы, углей, мелких ноздреватых, тяжелых по весу глиняных комков, расплескавшегося металла. Не исключено, что здесь находилась печь для выплавки металла, о чем можно судить по находке глиняного ковша-тигля полусферической формы с массивной ручкой-стержнем. Сам тигель изготовлен из глины с большим количеством самана; внутри сохранился металл от невосстановленной до конца шихты. Эти факты свидетельствуют о местной выплавке металла.

На этом же памятнике внутри двора в помещении 51 была расчищена печь, состоящая из двух отделений; на полу — остатки расплескавшегося металла и глиняная форма для отливки топора-тесла. Если учесть, что по химическому составу металлические изделия полностью соответствуют руде и медным королькам, то можно предположить существование североаф-

ганского центра древней металлургии. Есть все основания думать, что почти на каждом поселении имелись свои мастерские по выплавке металла и металлообработке, что указывает не только на выделение ремесла, но и на разделение функций горняка-металлурга и литейщика-кузнеца, как это отмечено еще для энеолитического периода соседнего Туркменистана¹³⁴. Существование специальных печей для выплавки руды и отливки готовых изделий указывает на полное выделение металлического производства в самостоятельную отрасль ремесла.

В лаборатории естественнонаучных методов проведено спектроскопическое (Е. Н. Черных) и металлографическое (Н. Н. Терехова) исследование металлических изделий с поселений Дашлинского оазиса. Кроме того, получена химическая характеристика медной руды, сохранившейся в тигле.

Таким образом, мы имеем возможность дать предварительную характеристику металла дашлинских поселений и сопоставить данные трех основных источников информации: исходного сырья, химического состава готовой продукции и технологии изготовления металлических изделий.

Как показало исследование, руда имеет полиметаллический характер. Наиболее существенной примесью является мышьяк (от 0,2 до 1%). На втором месте стоит свинец (от 0,1 до 0,7%). Обязательно присутствуют серебро и висмут, геохимически связанные со свинцом. Существенным диагностическим признаком являются повышенные концентрации золота (от 0,001 до 0,003%). Относительно высоки здесь и концентрации олова — примеси в медных рудах весьма редкой (в среднем 0,01%, а наивысшая — 0,1 — 0,2%). Бросается в глаза отсутствие примесей цинка. Один из образцов руды отличается от прочих определенной химической чистотой — здесь отсутствуют примеси (висмут, серебро и сурьма), а концентрации олова, свинца и мышьяка понижены.

Анализ самих металлических изделий показал, что по химическому составу они полностью соответствуют руде и медным королькам (капелькам меди), обнаруженным в не восстановленной до конца шихте тигля.

Большая или меньшая степень концентрации в готовых изделиях основных примесей (свинец и мышьяк) отражает общую геохимическую тенденцию эксплуатируемых рудопроявлений к концентрации того или иного элемента. Среди исследованных 111 образцов есть изделия (37 экз.), в химическом составе которых

¹³⁴ Терехова Н. Н. Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении. — В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 41.

¹³³ Там же, рис. 139, № 4, 18; рис. 140, № 19, 20.

преобладает повышенная примесь мышьяка (от 0,5 до 2,0%, в одном случае — 3,0%, но не выше). Высокое содержание свинца — от 1,0 до 8,0%, а в двух случаях — более 10% — наблюдается в 31 изделии, из них 7 образцов содержат от 4,0 до 8,0% свинца. В 34 образцах, более чистых химически, концентрации мышьяка и свинца не превышают 0,5%, а остальные примеси содержатся в сотых и тысячных долях процента. При сопоставлении химической характеристики металлических изделий с функциональным их назначением не выявляется четкого, технологически целесообразного их соответствия как постоянного фактора. Так, среди изделий из высокосвинцовой меди с хорошими литейными свойствами есть и литые сосуды и кованые шилья, проколки, для механических свойств которых этот материал был не очень подходящим. Те же категории изделий встречаются и среди химически более чистых и среди мышьяковистых. Вместе с тем нужно отметить, что большая часть сосудов отливалась из свинцовой меди, а шилья и ножички изготавливались из меди с повышенной концентрацией мышьяка, который положительно влиял на механические свойства.

По всей вероятности, создавать сознательно искусственную, хорошо отработанную рецептуру сплавов литейщики еще не умели, однако эмпирически различали свойства сложных сплавов меди с мышьяком и свинцом, получаемых естественным путем из полиметаллических медных руд указанного состава.

Видимо, также было замечено, что разные выработки на одном и том же месторождении давали разные по качеству руды, при выплавке из которых металл различался по своим свойствам. Исследование технологии изготовления металлических изделий подтверждает мысль о том, что хотя кузнецы-литейщики и не умели регулировать состав сплавов, однако хорошее знание свойств металлов, с которыми они работали, позволило выработать правильные технологические режимы их обработки.

Были изучены следующие категории изделий: сосуды (обломки), круглые стержни с утолщением на конце, шилья, проколки, иглы, небольшие ножи.

Основной техникой изготовления металлических изделий было литье. Отливались или сами изделия, или заготовки для них, которые не требовали значительной кузнечной доработки. Все сосуды отлиты. Из-за отсутствия целых форм, к сожалению, невозможно воспроизвести технику отливки. Только на одном из обломков виден литейный шов, свидетельствующий о том, что форма была разъемной.

Все стержни с утолщением на конце также отлиты. Их форма, состав металла и техно-

логия отливки очень близки аналогичным изделиям с территории Южной Туркмении еще эпохи энеолита. Как и в Южной Туркмении, эти стержни отлиты в закрытой глиняной форме, сформованной по восковой модели. Положение их в форме было вертикальным, утолщенная часть находилась внизу, металл подавался с противоположной стороны. По окончании отливки форма разбивалась, верхний конец стержня чаще всего расковыривался в пластинку-лопаточку либо вытянуто-овальную, либо треугольную. Отливались они, скорее всего, целым блоком по несколько десятков штук, что подтверждается их большим количеством. Стержни, видимо, играли роль заготовок-прутков для изготовления кузнечным способом мелких изделий типа шильев, игл, проколов, небольших ножичков, а также, как это нам известно по южнотуркменским материалам, браслетов¹³⁵. Из них же делали булавки с различными спиральными наконечниками, которые выполнялись кузнечным способом: либо конец надрубался и две полоски закручивались в разные стороны, либо конец просто сворачивался в виде одной петли. Стержни, имеющие литое биконическое или коническое наконечие и утолщенный конец, служили заготовкой для соответствующих булавок, заостренный конец которых формовался кузнечным способом.

Все исследованные шилья (четырёхгранные с упором, четырёхгранные обоюдоострые, узкие, четырёхгранные, переходящие в круглый черешок) и иглы выполнены кузнечным способом из литой заготовки-стержня. Форма заготовки не требовала длительной кузнечнойковки, что было очень важно, так как свинцовистая медь не выдерживала горячей деформации (растрескивалась), а длительная проковка в холодную с промежуточными отжигами была нецелесообразна.

Технологическая схема изготовления шильев и игл совпадает с южнотуркменской: от заготовки круглого стержня отрубался нужной длины кусок. Один конец его заострялся, другой либо притулялся, либо тоже заострялся, стержень слегка сплющивали, затем подрабатывали боковые грани. Эти операции производились в холодную, затем изделие отжигали и вновь слегка все проковывали в холодную. При желании часть стержня-заготовки оставлялась круглой (в сечении), а на одном из концов указанным способом формовалось четырёхгранное шило. Аналогична южнотуркменистанским образцам и техника изготовления режущих (небольших) орудий: литая заготовка-проковка

¹³⁵ Терехова Н. Н. Металлообрабатывающее производство..., с. 34—38.

входную или при низкой температуре, наклеп на лезвия, что повышало их твердость и давало возможность дольше после заточки сохранять высокие механические качества.

Металлографическое исследование печатей не проведено, однако можно предполагать, что они выполнены в технике, известной нам по образцам с Алтын-Тепе, Намазга-Тепе и других поселений Южной Туркмении — отливка в глиняной форме по восковой модели.

Оловянистая бронза встречается среди дашлинского металла так же редко, как и в Южном Туркменистане в памятниках эпохи Намазга-V—VI. Из всего исследованного материала только четыре изделия (сосуды) отлиты из этого сплава (содержание олова 4,0—7,0%).

Вместе с тем структурные особенности сплава, выявленные при исследовании под микроскопом, свидетельствуют о том, что это был непривычный, малознакомый литейщикам материал; отливки из него получались очень низкого качества. Хотя металлические изделия уже широко использовались в быту, металл был дорог, так что использованные орудия не выбрасывались, а переплавлялись. Доказательством служит находка не переплавленного до конца кинжала, едва ли не единственный пока образец подобного использования сломанных орудий.

В связи с рассмотренным металлом Северного Афганистана нелишне будет отметить его близкое сходство с металлом Южного Узбекистана. Здесь спектроаналитически исследовано около сотни изделий с поселения и могильника Сапалли-Тепе. Металл по химическому составу очень близок дашлинскому и отвечает химическому составу руды и меди из тигля с Дашлы-3.

Оценивая в целом металлургическое производство Афганистана эпохи бронзы, следует признать, что оно наиболее полно представлено соответствующими материалами севера страны (Дашлинский, Ничкинский и Фарукабадский оазисы). Вместе с тем, как показывают вышеприведенные лабораторные анализы, а также классификация самих изделий, они полностью входят в ареал распространения аналогичных изделий южных областей Средней Азии и Северо-Восточного Ирана, составляя общую металлургическую зону. Все сказанное дает право предполагать древнее металлургическое производство в Северном Афганистане и на смежных территориях. Данные Мундигака и отчасти Саид-Кала привлекаются в качестве дополнительных материалов, так как в целом по классификационным признакам они почти не отличаются от североафганских образцов.

В настоящее время из территориально близких регионов типологическая классификация

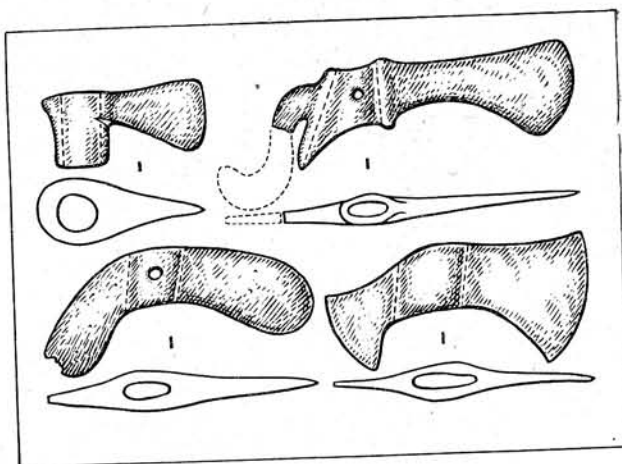

Рис. 33. Типы металлических топоров из разграбленных могил Бактрии

металлических изделий полнее всего разработана для Средней Азии¹³⁶, что, учитывая взаимное сходство многих типов изделий, дает возможность наметить их предварительную классификацию для Афганистана. В монографии Е. Е. Кузьминой с исчерпывающей полнотой проведено картографирование всех исследуемых категорий предметов с учетом известной литературы. Мы в нашем дальнейшем обзоре будем привлекать лишь новые сравнительные материалы, особенно в тех случаях, когда они заставляют заново пересмотреть или уточнить устоявшиеся в литературе точки зрения.

Наконец, помимо стратифицированных материалов в работе используются и соответствующие материалы из разграбленных могильников Дашлинского, Ничкинского и Фарукабадского оазисов, так как в большинстве они повторяют изделия, найденные при раскопках. Опыт предварительной типологии объединяет различные категории вещей, включающие орудия, оружие и украшения.

Топоры. Они представлены пятью типами (исключая один), общими для всего Афганистана.

Топоры клиновидные (тип I) обнаружены в слое Мундигака-III¹³⁷, а также в Белуджистане (Шахи-Тумп) и в долине Инда (Чанху-Даро), куда они, по общепризнанному мнению, были импортированы из Ирана. Известны они из разграбленных могил древней Бактрии. Два таких топора обнаружены в горном Таджикистане, что дало основание предположить их появление в Северо-Западной Индии под средне-

¹³⁶ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. — САИ, 1966.

¹³⁷ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., v. I, p. 107; v. II, fig. 139. N 10, 10a.

азиатским, а не иранским влиянием¹³⁸, что, однако, требует дополнительной аргументации, так как в целом материальная культура этих двух регионов отлична.

Топоры проушные, вислообушные (тип II) происходят из хищнических раскопок севера страны, однако точно такой же экземпляр найден в стратифицированных слоях Сапалли-Тепе, где он определяется как боевой секирообразный топор¹³⁹. Сходство их весьма близкое: разница лишь в том, что втулка сапаллинского экземпляра украшена рисунком глаза со сквозным отверстием. Интересно, что имеется еще один подобный топор из Пуль-и-Хатун, также сохранивший на втулке сквозное отверстие¹⁴⁰, возможно, от изображения глаза. Показательно, что у афганского экземпляра проух идет не перпендикулярно обуху, а несколько наискось, что может указывать на преимущественное назначение его в качестве боевого топора. В таком случае изображение глаза на некоторых из таких топоров могло иметь назначение оберега.

В литературе уже отмечалось, что сходные типы топоров хорошо известны в Иране (Гиан, Сузы), так что отличие их от среднеазиатских (и, добавим, североафганских) заключается лишь в том, что иранские имеют прямоугольные проухи, а афгано-туркменистанские — эллиптические.

Топоры-тесла с выступающей втулкой (тип III) пока известны лишь из хищнических раскопок, однако наличие глиняной формы в Дашлы-3 для отливки подобных топоров не оставляет сомнения в принадлежности непапортизированных образцов к эпохе бронзы. Североафганские образцы находят наиболее показательные соответствия (включая форму для отливки) в материалах Северо-Восточного Ирана. Для нашей темы особое значение имеет находка формы для отливки топора-тесла: так как аналогичная форма и сами изделия на Тепе-Гиссар появляются только в период Гиссар-IIIВ, не раньше¹⁴¹.

Памятники Дашлинского оазиса по радиокарбонным данным могут быть датированы в пределах середины — второй половины II тысячелетия до н. э.¹⁴², а Гиссар-III — в пределах 2300—1500 гг. до н. э., причем более вероятной представляется дата середина II тысячелетия до н. э. Сторонники «короткой хронологии», основываясь на сходных печатях и особенно топорах-теслах, найденных в постхараппской куль-

туре¹⁴³, датируют слой Гиссар-IIIС серединой II тысячелетия до н. э. и даже более поздним временем¹⁴⁴, что представляется правильным.

Хотя высказано мнение, что топоры-тесла относятся еще к концу III тысячелетия до н. э.¹⁴⁵, думается, что по крайней мере подобные орудия, происходящие из Северо-Восточного Ирана (Гиссар, Астабад), Южного Туркменистана (Дайна), Северного Афганистана (Дашлы-3) и долины Инда (Мохенджо-Даро), не могут быть датированы ранее чем серединой — второй половиной II тысячелетия до н. э. Правда, в настоящее время сделана попытка удревнить все радиокарбонные даты согласно поправке Музея прикладного научного центра археологии Пенсильванского университета (MASKA)¹⁴⁶ и в том числе для слоя Гиссар-IIIС (1841±65)¹⁴⁷. Но в таком случае это должно касаться пересмотра всей хронологической системы в целом, ибо уже для конкретного памятника, такого, как Тепе-Гиссар, получается хронологический разрыв в 500 лет, который требует объяснения.

Тесло-теша (тип IV) в виде миниатюрной модели известно из случайных находок в Северном Афганистане. Зато в Мундигаке подобного типа бронзовое орудие встречено в слое периода Мундигак-III¹⁴⁸, что не оставляет сомнений в распространении этого вида орудия в пределах всего Афганистана. В Иране и Средней Азии тесла-теши пока неизвестны, зато близкие формы отмечены в Месопотамии (Фара, Тепе-Гавра)¹⁴⁹, что может указывать на пути проникновения этого типа орудия в северо-восточном направлении. Ж. Касаль определяет эти орудия как мотыги или кирки; отметим, что точно такие тешы до сих пор широко используются в плотничном деле среднеазиатскими мастерами.

В связи с миниатюрными моделями топоров-тесел, встреченными в могилах Гиссара¹⁵⁰,

¹⁴³ Е. Маккей допускал еще более позднюю дату, так как найденный им топор-тесло происходил с глубины около полутора метров от поверхности Мохенджо-Даро. (См.: Mackay E. Further Excavations at Mohenjo-Daro, Delhi, 1937, v. I. p. 457; v. II, pl. CXX, N 27).

¹⁴⁴ Wheeler R. The Indus Civilization. Cambridge, 1968, p. 126—134.

¹⁴⁵ Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е. Литейные формы из Лявлякана. — СА, 1970, № 2, с. 130.

¹⁴⁶ Michael H. N., Ralph E. K. Dating Techniques for the Archaeologist. Cambridge — London, 1971.

¹⁴⁷ Bovington C., Dyson R., Mahdavi A., Masoumi M. The Radiocarbon Evidence for the Terminal Date of Hissar-III C Culture. — Iran, 1974, v. XII, p. 195—198.

¹⁴⁸ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., v. II, fig. 139, N 9.

¹⁴⁹ Heinrich E. Fara. Berlin, 1931, p. 88, fig. 49, pl. 39; Schaeffer C. F. Stratigraphie Comparee... London, 1968, fig. 90, 9.

¹⁵⁰ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar, p. 205.

¹³⁸ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 9.

¹³⁹ Аскаров А. А. Сапалли-Тепе, с. 92, табл. 25.

¹⁴⁰ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 9.

¹⁴¹ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar, 1937, p. 205, fig. 120.

¹⁴² Сариганиди В. И. Бактрия в эпоху бронзы, с. 68.

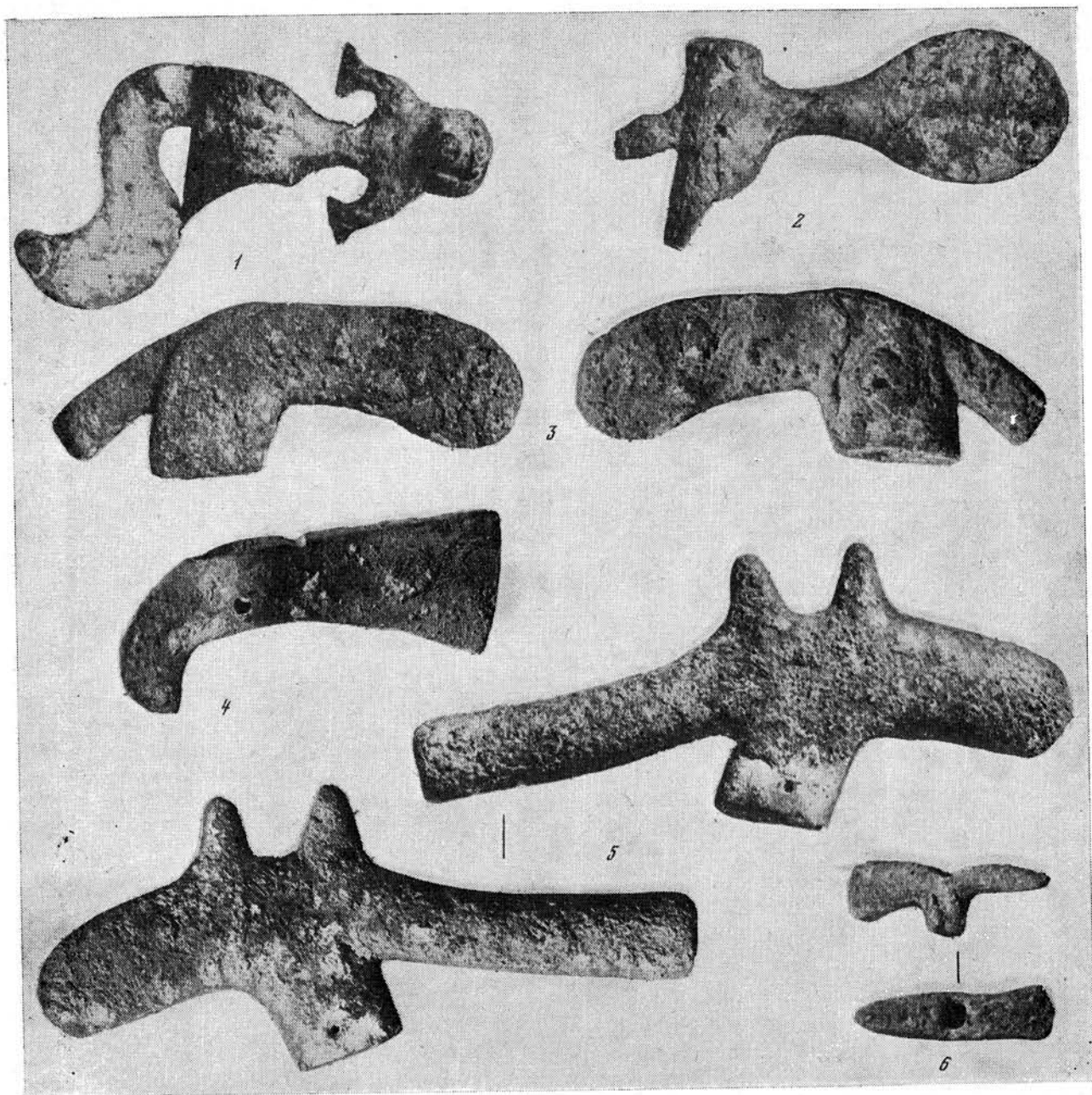

Рис. 34. Типы металлических топоров из разграбленных могил Бактрии

Шах-Тепе¹⁵¹ и Сиалка¹⁵², особого интереса заслуживает комплекс изделий, происходящий из разграбленных могильников Северного Афганистана. Этот комплекс включает четыре терракотовые статуэтки (одну антропоморфную и три зооморфные), изготовленные из глины хо-

рошего качества светло-кремового цвета и тщательно обожженные.

Антропоморфная фигурка представляет собой стоящую мужскую фигуру с четко выраженными признаками пола. Схематическое, едва намеченное лицо с большим носом и дырочками-глазами имеет сверху шесть шишечек-налепов, имитирующих либо прическу, либо головной убор. Руки расставлены в стороны и слегка изогнуты внутрь, как бы в позе объятия. Талия перехвачена налепным поясом, за который сзади заткнут топор-тесло. Человеческая фигурка вылеплена весьма обобщенно, без намеков на

¹⁵¹ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, p. 305, fig. 663.

¹⁵² Ghirshman R. Fouilles de Sialk. Paris, 1938, v. II, p. 47, pl. XCIII.

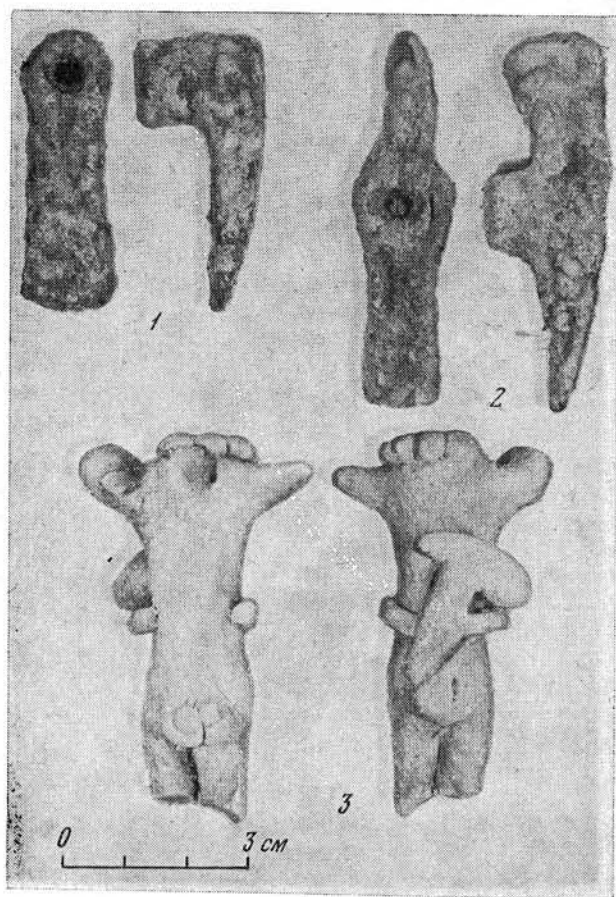

Рис. 35. Терракотовая статуэтка и металлические модели топоров из разграбленной могилы Бактрии

детализацию, голова не отделена шеей от торса и представляет с ним одно целое.

Три зооморфные статуэтки так же изготовлены настолько схематично, что трудно судить об их видовой принадлежности; судя по поклаже на спине одной статуэтки, можно предполагать, что это какое-то выючное животное. Две металлические модели изображают миниатюрный топор-кельт и тесло-тешу. Обнаружение подобных имитаций топоров в могилах, видимо, действительно указывает на их ритуальное назначение¹⁵³, а рассматриваемый комплекс, включающий мужскую фигуру в устрашающей позе с боевым топором за поясом, указывает на усложненный характер ритуалов, связанных с заупокойными представлениями. Это тем более так, если учесть, что мелкая терракотовая пластика почти совершенно отсутствовала у древнего населения Афганистана эпохи поздней бронзы.

¹⁵³ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 14.

Топоры втульчатые составляют тип V (по Е. Е. Кузьминой, это топоры широко-вислообушные) и представлены пока лишь экземплярами из хищнических раскопок. Эти топоры (совместно с теслами-тешами) известны в Месопотамии¹⁵⁴, но особенно широко они представлены в луристанских бронзах¹⁵⁵, а также в Юго-Западном Иране (Сузиана, Тепе-Гияне)¹⁵⁶. Пока они неизвестны в Северо-Восточном Иране и южных областях Средней Азии, однако можно почти не сомневаться, что втульчатые топоры распространены были и здесь.

Возможное существование орудий типа кельтов-лопат можно предполагать по находке широкого лезвия с Дашлы-3, верхняя часть которого утрачена. Североафганская находка имеет лезвие слегка вогнутое внутрь и ближе всего напоминает среднеазиатские кетмени, тем более что близкое по типу орудие известно в Персеполе¹⁵⁷.

В литературе неоднократно отмечалось, что черешковые наконечники копий практически невозможно отличить от черешковых же ножей и кинжалов, что нередко приводит к терминологической путанице. С целью избежать этого представляется целесообразным условно отнести двухлезвийные черешковые изделия к разряду кинжалов, помня, однако, что часть их могла являться наконечниками копий и дротиков.

Кинжалы. Они двухлезвийные, с выделенным черешком. Лезвия, как правило, плоские, в единичных случаях с продольным, слабо выраженным ребром. Поскольку форма лезвий в сильной степени зависит от характера сработанности, представляется возможным выделить два основных типа.

Тип I — кинжалы ромбической формы с прямым плоским черешком, иногда загнутым на конце.

Тип II (более распространенный) — кинжалы листовидно-удлиненной формы с прямым плоским черешком, конец которого нередко заострен для удобства насадки, или с прямым витым черешком, круглым в сечении. В единичных экземплярах представлены кинжалы с выделенным ребром, а в одном случае — с широкой ручкой и отверстием на конце. Этот кинжал с Дашлы-3 пока аналогий себе не имеет. Первый тип представлен в Мундигаке¹⁵⁸, второй, особенно с витым черешком, пока известен лишь из разграбленных могил Северного Афганистана. Витые черешки, скорее всего, делались для более прочной насадки на рукоять. Один такой

¹⁵⁴ Parrot A. Le Palais. Paris, 1959, fig. 65, N 733, 933.

¹⁵⁵ Cp.: Vanden Berghe L. La Necropole de Bani-Sur-mah.— «Archeologia», 1968, N 24, p. 58.

¹⁵⁶ Contenau G., Ghirshman R. Fouilles..., 1935, pl. V, N 4.

¹⁵⁷ Schmidt E. Persepolis II, pl. 80, N 1.

¹⁵⁸ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 139, N 3; fig. 140, N 30.

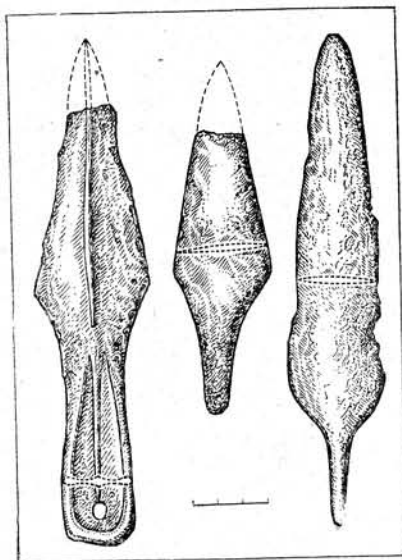
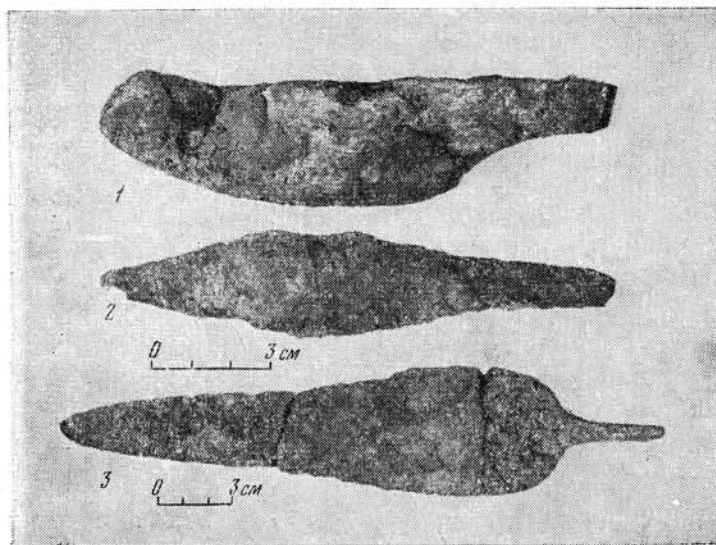

Рис. 36. Дашлы-3. Металлические кинжалы

образец происходит из Южного Туркменистана (Намазга-Тепе) ¹⁵⁹. О возможном существовании массивных наконечников копий разнообразных форм (как втульчатых, так и со стержнем) можно судить по материалам из разграбленных могил Бактрии.

Ножи. Однолезвийные, плоские в сечении, лезвие слегка изогнуто, ручка прямая; наиболее выразительный образец происходит с Дашлы-3.

Серпы. С зубчатыми лезвиями, слегка изогнуты, выделенные черешки всегда имеют загнутые концы. Типологически наиболее близки серпы из Анау ¹⁶⁰ и Сялка ¹⁶¹, однако североафганские из-за зубчатого, а не гладкого лезвия демонстрируют более прогрессивный тип. Если учесть, что в Южном Афганистане бытовали серпы с гладким лезвием, широко распространенным в Иране, Месопотамии и Средней Азии ¹⁶², и лишь на севере Афганистана найдены зубчатые, то можно допустить, что это техническое изобретение полностью принадлежит местным кузнецам-мастерам.

Особую группу изделий составляют вилообразные орудия с прямыми (иногда загнутыми) концами и длинным черешком. Помимо таких, имеются орудия с одним крюком, но не черешковые, а втульчатые. Возможно, все они имеют местное, бактрийское происхождение, однако точно такие же орудия известны в большом ко-

личестве на Северном Кавказе, начиная с майкопской культуры, что не исключает, возможно, общее их происхождение. В этом плане показательны наличие на промежуточной территории близких, если не идентичных изделий, происходящих из Иранского Хорасана (астрабадский клад) ¹⁶³, возможно, указывающих на распространение, идущее с запада на восток. Особого интереса заслуживают большие вилы до 70—80 см длиной, происходящие из разграбленных могил Бактрии, точные аналогии которым имеются в Сялке, где они определяются как орудия, служившие для приготовления погребальной трапезы ¹⁶⁴. Соответствие между металлическими орудиями Ирана и Бактрии не ограничивается лишь этими изделиями, но дополняется сходными типами бронзовых флаконов (в Сялке они определяются как лампы), ковшей, булавок, сосудов, топоров, зеркал, серпов ¹⁶⁵.

Налицо весьма выразительный набор металлических изделий в двух центрах древневосточного мира, за которыми могут скрываться реальные культурные взаимосвязи вплоть до племенных передвижений людей, принесших с собой соответствующие металлические орудия и оружие.

Бритвы. Представлены всего несколькими экземплярами; они имеют прямое лезвие и слегка отогнутый черешок. Хотя бритвы известны и в

¹⁵⁹ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., табл. VIII, 10.

¹⁶⁰ Pampelly R. Exploration..., v. I, pl. 39.

¹⁶¹ Ghirshman R. Fouilles de Sialk..., p. 9, pl. II.

¹⁶² Deshayes J. Les outils de bronze de l'Indus au Danube, v. I—II. Paris, 1969, pl. XLV, XLII, XLVI, XLVII.

¹⁶³ Bode C. A. On a Recently opened tumulus in the neighbourhood of Asterabad. Archaeologia. v. XXX, 1844; Ghirshman R. Fouilles de Sialk, v. II, Paris, 1939, Pl. LVII.

¹⁶⁴ Ghirshman R. Fouilles... Pl. XXIV, N 10.

¹⁶⁵ Ghirshman R. Fouilles... Pl. XXIII, N 4; Pl. XXIV, N 1. Pl. XXVII, N 4, XXIX, N 8.

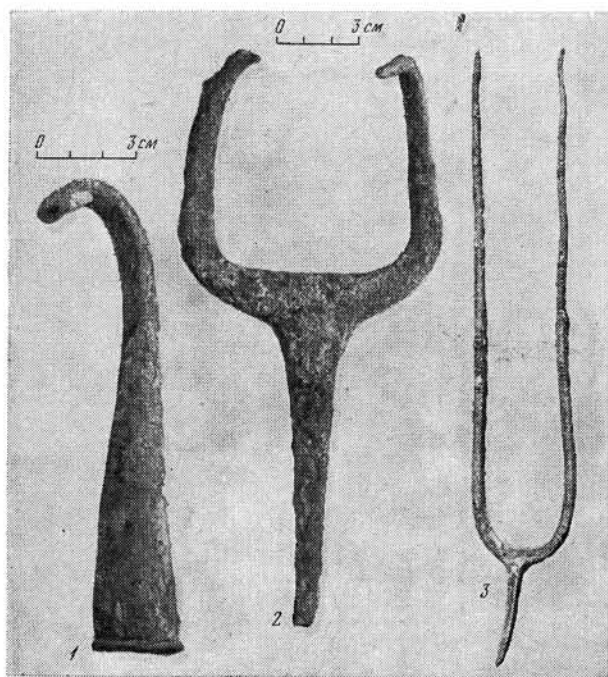

Рис. 37. Вилообразные орудия из разграбленных могил Бактрии

других районах Передней Азии¹⁶⁶, североафганские экземпляры демонстрируют новый тип, точные аналогии которому пока неизвестны. Относительно близкий тип дают «бритвы» Тулхарского могильника, хотя здесь они более массивны¹⁶⁷ и, скорее всего, являются секачами.

Секачи или резак-бритвы представлены одним образцом с Дашлы-З¹⁶⁸. Это массивное орудие с заостренным лезвием и слегка изогнутым черешком достаточно близко напоминает «бритву» из Тулхарского могильника¹⁶⁹, в меньшей степени — с Анау¹⁷⁰ и, возможно, Намазга-Тепе¹⁷¹. Думается, что все эти изделия на самом деле являлись не бритвами, а именно секачами, как это предполагал еще Ж. Дешайе¹⁷².

Шилья и пробойники. Представлены двумя основными типами: обуюдоострые, круглые в сечении (типа I) и обоюдоострые, квадратные или прямоугольные в сечении (тип II); по-

следние явно преобладают. О типе рукояток можно судить по орудиям в виде «отвертки», металлический стержень которого с одного конца уплощен, а с другого вставлен в костяную насадку с резным орнаментом на конце.

Переходя к украшениям, отметим, что зеркала и длинные булавки являются едва ли не самыми распространенными видами погребальных приношений в могилах Дашлинского и Фарукабадского оазисов.

Зеркала. Представлены двумя типами: круглые, слегка вогнутые, с ободком по внешнему краю и круглые же, плоские, с выступающей ручкой.

Первый тип представлен образцами из могил Дашлы-З от миниатюрных (7 см в диаметре) до более крупных (14—15 см в диаметре). Известны они в Мундигак-IV¹⁷³, в Гиссар-III¹⁷⁴, Южном Узбекистане¹⁷⁵ и Южном Таджикистане¹⁷⁶. Наиболее древние зеркала, относящиеся к рубежу IV—III тысячелетий до н. э., происходят из Южного Туркменистана¹⁷⁷, откуда они постепенно распространяются по всей Средней Азии, вплоть до степных андроновских культур¹⁷⁸.

Второй тип зеркал с ручками представлен двумя подтипами: зеркала с простыми прямыми ручками, известные, помимо Афганистана, в могилах Сиалка¹⁷⁹ и Хурвина¹⁸⁰. Второй подтип составляют зеркала, ручки которых изготовлены в виде антропоморфной, вероятнее всего, женской фигуры. В настоящее время известны три таких экземпляра, происходящих из могил Мехи (Белуджистан)¹⁸¹, Сапалли-Тепе (Южный Узбекистан)¹⁸² и из разграбленных могил Северного Афганистана. С. Пигготт в связи с зеркалом культуры Кулли отмечал его уникальность среди зеркал Западной Азии, что, по его мнению, указывает на местное белуджистанское происхождение¹⁸³. На основании близкого сходства этого редкого вида изделий было бы соблазнительно наметить прямую связь между ними, однако думается, что бактрийские и белуджистанские экземпляры отражают общий, скорее всего, иранский центр происхождения подобных зеркал. В этом плане показательны луристанские бронзы, среди которых имеется

¹⁶⁶ Deshayes I. Les outils..., v. I, p. 341; v. II, p. 141—143.

¹⁶⁷ Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — МИА, 1968, № 145, табл. IV, 7, 8.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Мандельштам А. М. Памятники..., табл. IV, 7.

¹⁷⁰ Schmidt E. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv. — In: Explorations in Turkestan, v. I. Washington, 1965, p. 153, pl. 39.

¹⁷¹ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 50, табл. X, 5, 8.

¹⁷² Deshayes I. L'outil..., p. 141—143.

¹⁷³ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 139, 17.

¹⁷⁴ Schmidt E. Archaeological Excavations..., pl. LIV, 3192.

¹⁷⁵ Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе, табл. 25, 15, 16.

¹⁷⁶ Мандельштам А. М. Памятники..., табл. V—VIII.

¹⁷⁷ Саркисиди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. — САИ, 1965, с. 40.

¹⁷⁸ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 67—68.

¹⁷⁹ Ghirshman R. Fouilles de Sialk..., pl. XXIX, N 8.

¹⁸⁰ Vanden-Berghe L. La Necropole..., p. 45.

¹⁸¹ Stein A. An Archaeological Tour..., pl. XXXII.

¹⁸² Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе, табл. 25, 14.

¹⁸³ Piggott S. Prehistoric..., p. 144, 146, fig. 11.

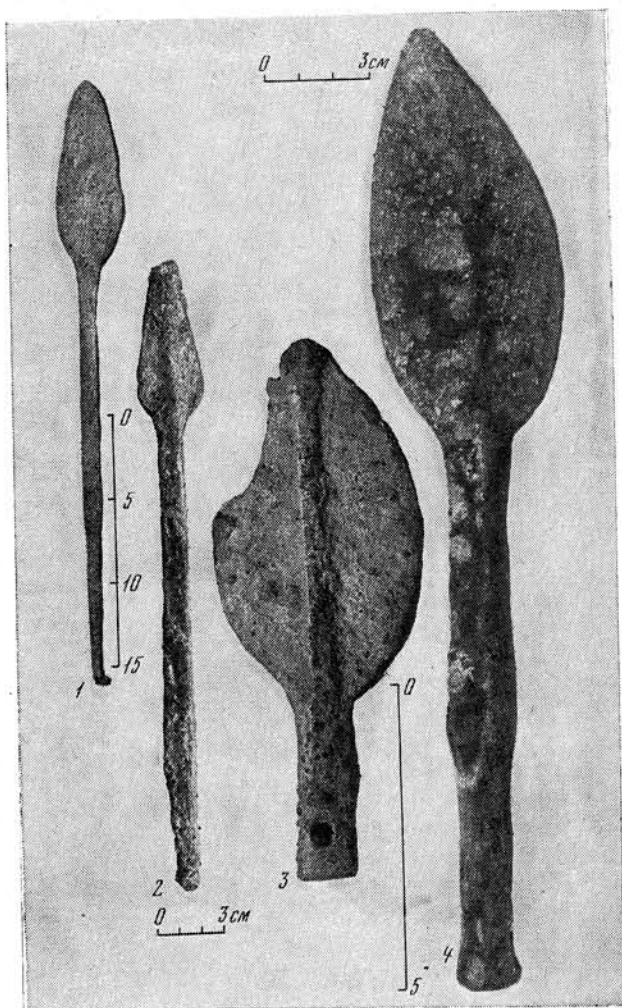

Рис. 38. Металлические наконечники копий из разграбленных могил Бактрии

зеркало с ручкой в виде женской фигуры¹⁸⁴, близко перекликающееся с вышеотмеченными.

Сосуды. Они наряду с зеркалами и булавками также составляют довольно обычный набор погребальных приношений. По формам подразделяются на несколько основных типов:

Тип I (флаконы) — с округлым или, наоборот, ребристым туловом, с высоким и узким горлом и четко выделенным поддоном. Все известные экземпляры происходят из разграбленных могильников Северного Афганистана. Косвенным свидетельством в пользу принадлежности их эпохе бронзы являются находки точно таких же флаконов в погребениях Сапалли-Тепе, с одной стороны¹⁸⁵, и Гиссар-III — с другой, причем

здесь они неизвестны в предшествующих слоях¹⁸⁶. Аналогичные сосуды известны в долине Инда, где они определяются как косметические флаконы¹⁸⁷, и в Южном Туркменистане; в последнем случае они определяются как импорт из Гиссара¹⁸⁸, что, однако, не исключает их местного производства, хотя и под западным влиянием. В единичных случаях бактрийские флаконы украшены по тулову скульптурными головками животных.

Следует обратить внимание на одну характерную деталь: нередко в горло таких флаконов вставлены длинные, лопаточковидные булавки, которые от сильной коррозии производят впечатление запаянных¹⁸⁹, но на самом деле просто вставлены в них. Так, флакон, с торчащей булавкой отмечен для Алтын-Тепе, Северо-Восточного Ирана¹⁹⁰, могильников Северного Афганистана, а в погребении Дашлы-3 встречен керамический сосудик (полностью копирующий металлические флаконы), в горло которого вставлена длинная булавка. В этом отношении показательны аналогичные флаконы с воткнутыми в них длинными булавками, происходящие из могил энеолитического поселения Геоксюр-I. Налицо поразительно устойчивая традиция погребального обряда, прослеживаемая на протяжении почти полутора тысяч лет в одном общем регионе. Думается, что эти совпадения исключают элемент случайности и свидетельствуют о культурно-исторической общности Северо-Восточного Ирана, юго-запада Средней Азии и Северного Афганистана в эпоху бронзы.

Тип II — вытянутые, цилиндроконические, сужающиеся к горлу сосуды. Происходят из разграбленных могильников Дашлинского и Фарукабадского оазисов; подобные сосуды отмечены лишь в антикварных лавках г. Балха.

Тип III представлен сосудами баночной формы со слегка суженным туловом и подокошенной придонной частью. Они встречены в могилах Дашлы-3, причем здесь же известны их керамические копии. В пределах Средней Азии сосуды этого типа пока отмечены лишь для Сапалли-Тепе¹⁹¹, найдены они также в долине Инда (Чанху-Даро)¹⁹², причем во всех трех регионах эта форма ранее неизвестна. В целом сосуды типа III (вазочки на ножке, соусники, миски, банки) имеют явно бытовое назначение.

¹⁸⁶ Schmidt E. Archaeological Excavations..., pl. LVII, N 3497 и особенно N 4014.

¹⁸⁷ Mackay E. Chanhi-Daro..., pl. LXXVI, 32; Marshall J. Mohenjo-Daro and Indus Civilization, v. I. London, 1931, pl. CXL, 16.

¹⁸⁸ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 67.

¹⁸⁹ Там же, с. 66.

¹⁹⁰ Сужу по Ф. Хану (см.: Khan F. A. The Indus Valley and Early Iran. Karachi, 1964, pl. XLVII, N 5).

¹⁹¹ Аскаров А. А. Сапалли-Тепе, с. 84, табл. 25, 7.

¹⁹² Mackay E. Chanhi-Daro..., p. 177; pl. LXXIII; LXXV, 6.

¹⁸⁴ Godard A. Les Bronzes du Luristan.— In: Ars Asiatica, v. XVIII. Paris, 1931, pl. XXXIII, N 141; pl. 157; Vauden-Berghe L. La Necropole...

¹⁸⁵ Аскаров А. А. Сапалли-Тепе, табл. 25, 1—4.

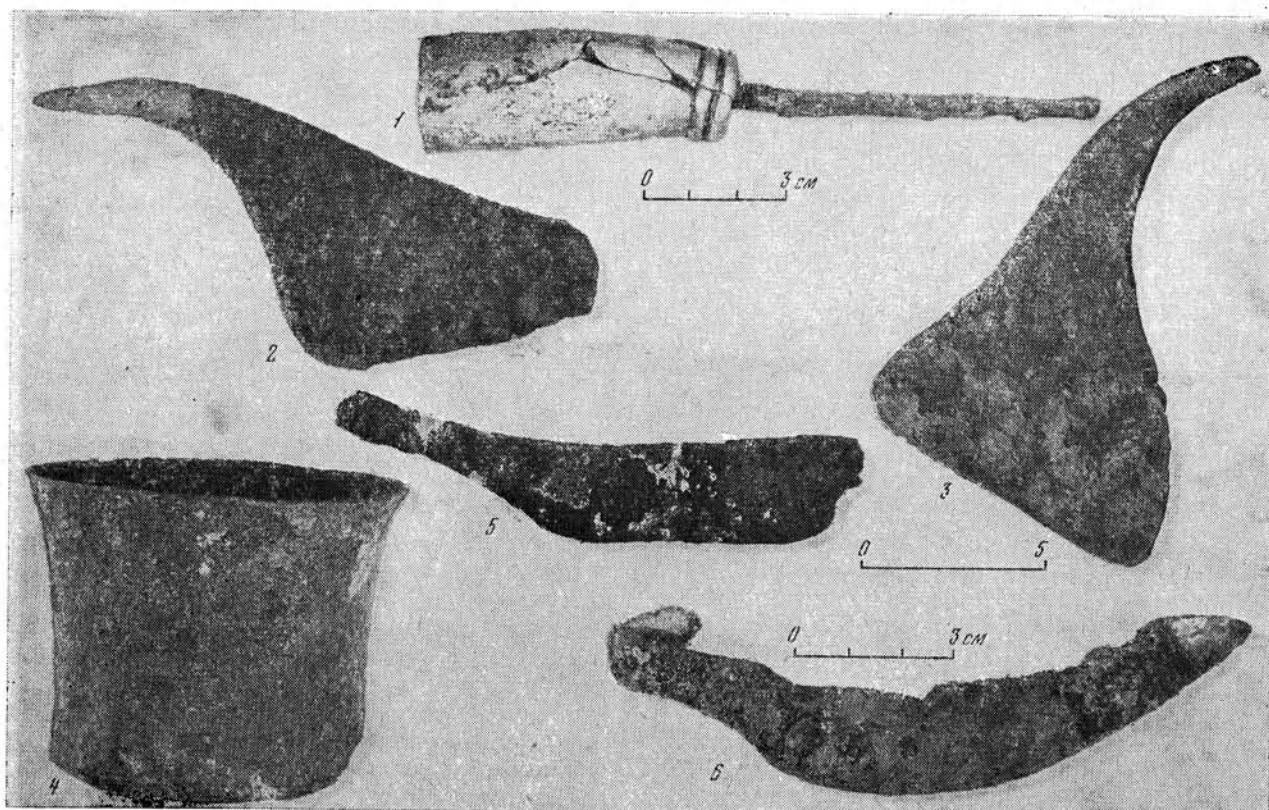

Рис. 39. Металлические изделия

1 — инструмент; 2—6 — секачи; 3 — бритвы; 4 — сосуд;
5 — серпы

Во флаконах, видимо, находились косметические вещества, которые наносились на лицо при помощи металлических булавок, что до определенной степени может прояснить вопрос о назначении самих длинных булавок. Косвенным подтверждением этому служат находки подобных металлических «лопаточек» в Тулхарском могильнике, где они встречены только в погребении женщины вместе с кусочками сурьмы и охры, что дало право определить их как косметические принадлежности¹⁹³.

Булавки. Они составляют едва ли не самый популярный вид металлических украшений и по характеру наверший могут быть подразделены на несколько типов. Поскольку большая их часть находит соответствия в типах булавок, разработанных Е. Е. Кузьминой для Средней Азии, эта классификация с необходимыми видоизменениями будет положена в основу пред-

варительной типологии древних булавок Афганистана.

Булавки с конической или пирамидальной головкой дают два варианта первого типа булавок. Наиболее полно представлены они в Южном Туркменистане, начиная с эпохи раннего энеолита (рубеж V—IV тысячелетий до н. э.), и доживают вплоть до эпохи поздней бронзы (рубеж II—I тысячелетий до н. э.). Видимо, так же рано появляются они и в Иране (Силк-I, Гиссар-I) составляя общую провинцию металлообработки этого вида украшений.

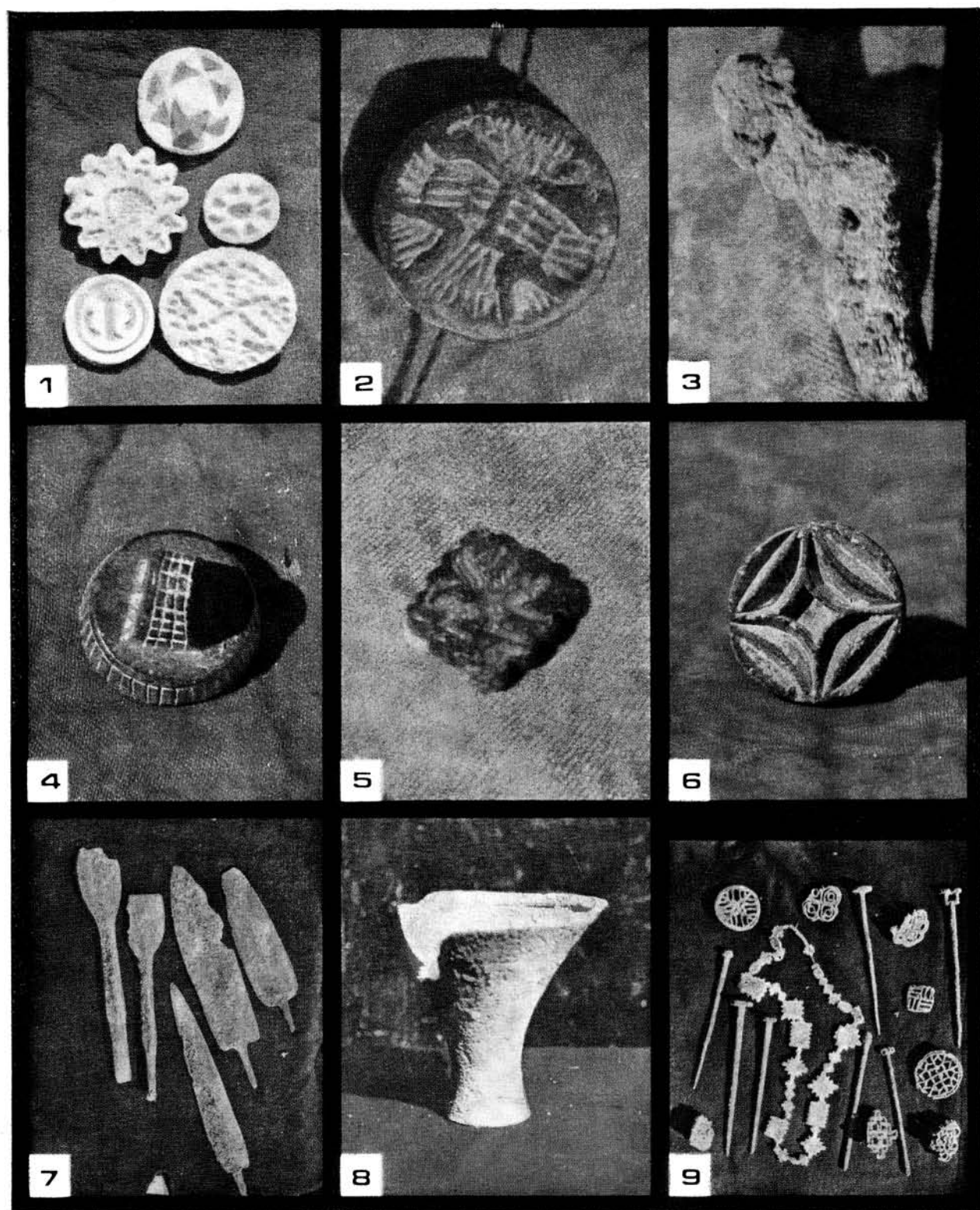
Булавки с лопаточковидной головкой (тип II) решительно преобладают над всеми остальными и известны как на севере, так и на юге страны (Мундигак-IV)¹⁹⁴. Они представляют собой стержень, один конец которого утолщен, а другой раскован в виде уплощенной лопаточки. Наиболее древние экземпляры известны в Южном Туркменистане с рубежа IV—III тысячелетий до н. э., где они доживают до эпохи поздней бронзы. Имеются они в Гиссар-III¹⁹⁵ и в Шах-Тепе-II¹⁹⁶, что опять-таки может указывать на общий ирано-туркменистанский центр их происхождения.

¹⁹³ Мандельштам А. М. Памятники..., с. 84. Касаясь назначения флаконов и булавок этого типа из долины Инда и Северо-Восточного Ирана, Ф. Хан определяет их как косметические принадлежности, служившие для сурьмления глаз (Khan F. A. The Indus Valley..., p. 35—36, fig., 4, pl. XLVII).

¹⁹⁴ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 140, 20.

¹⁹⁵ Schmidt E. Archaeological Excavations..., pl. LII, N 1856, 2746.

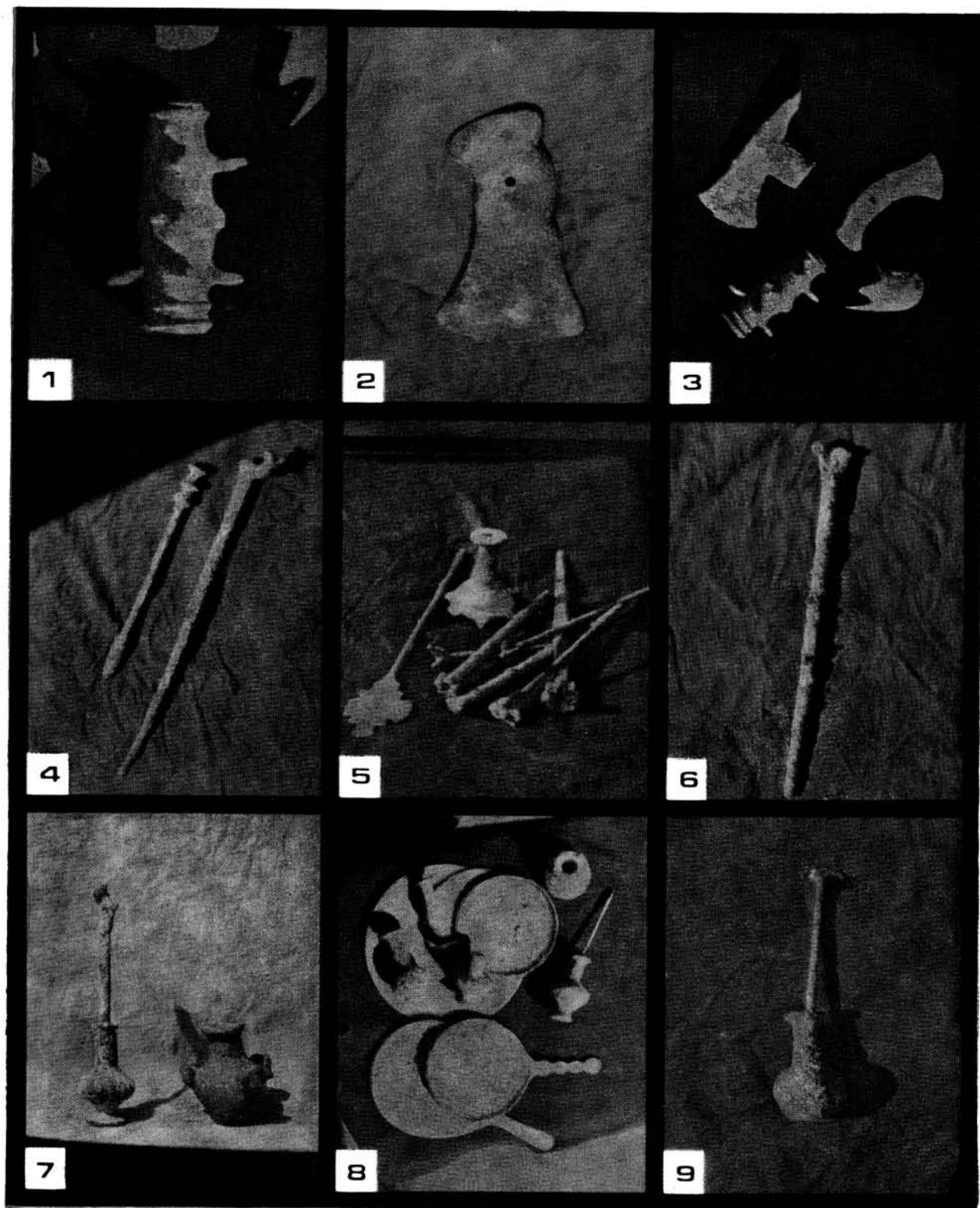
¹⁹⁶ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe..., p. 298.

Изделия из разграбленных могил Бактрии

- 1 — Алебастровые печати
 2 — Стеатитовый амулет с изображением двуглавого орла
 3 — Бронзовая булавка с навершием в виде горного козла

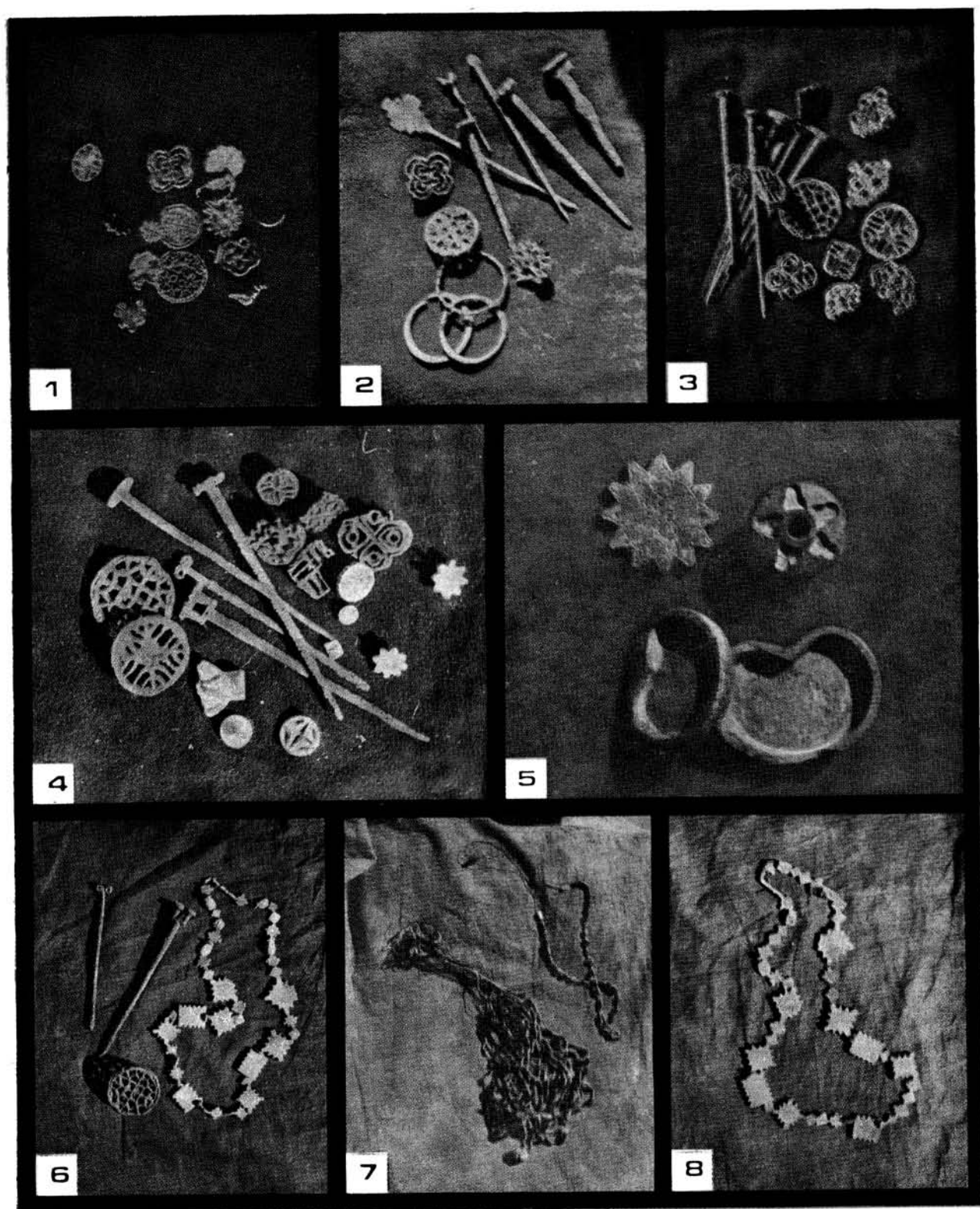
- 4, 6 — Стеатитовая печать
 5 — Стеатитовый амулет с изображением крылатого льва
 7 — Бронзовые наконечники копий и кинжалы
 8 — Серебряный сосуд
 9 — Гипсовые бусы, бронзовые печати и булавки

Изделия из разграбленных могил Бактрии

- 1 — Бронзовая палица с шипами
 2 — Бронзовый топор
 3 — Бронзовые наконечники и топоры
 4 — Бронзовые булавки
 5 — Бронзовые булавки и сосудики

- 6 — Бронзовая булавка с наконечником в виде коровы с
 теленком
 7 — Бронзовые косметические сосудики
 8 — Бронзовые зеркала и косметические сосудики
 9 — Бронзовый косметический сосунок с булавкой

Изделия из разграбленных могил Бактрии

1 — Бронзовые печати

2 — Бронзовые булавки и печати

3 — Бронзовые булавки и печати

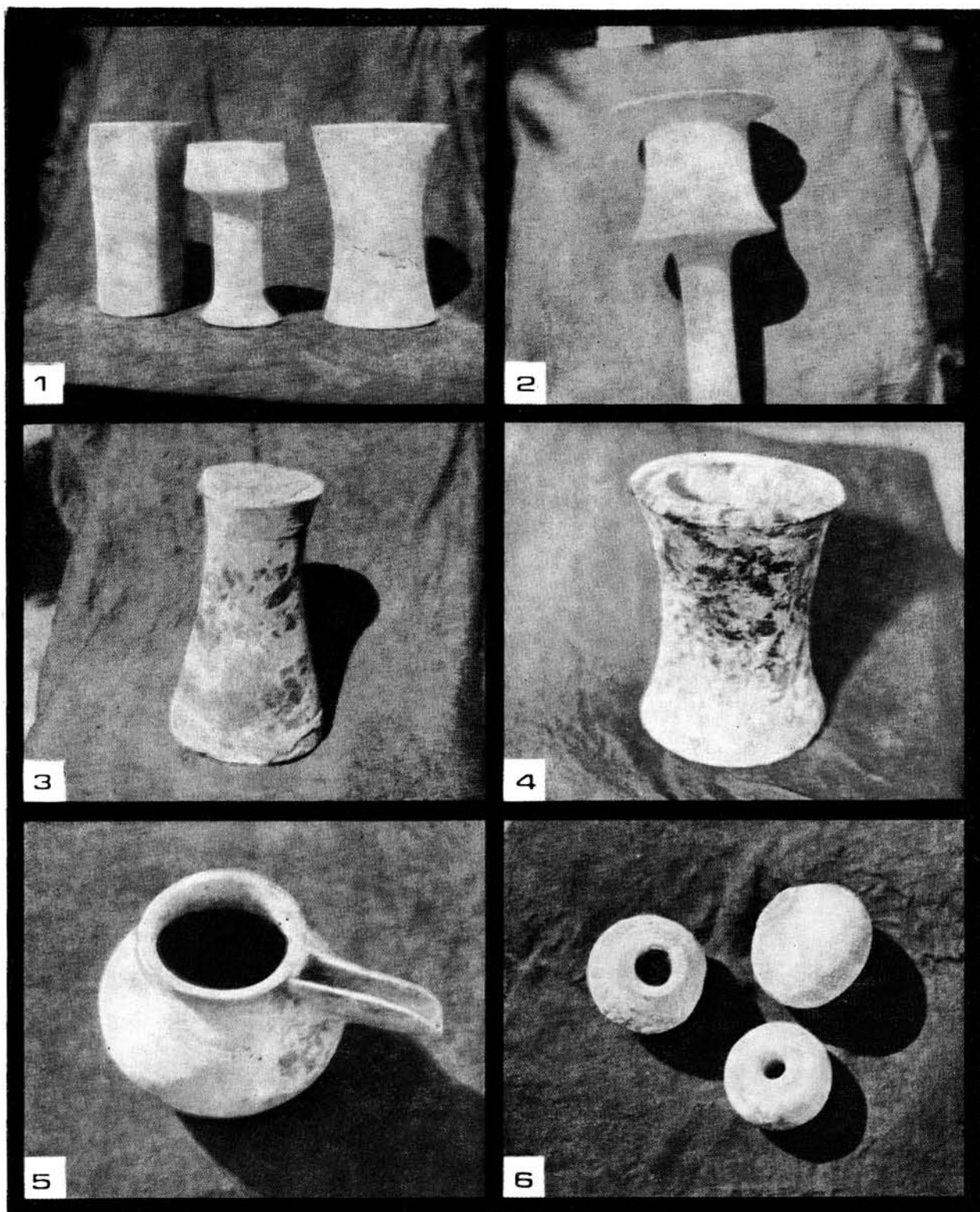
4 — Бронзовые булавки, печати и гипсовые печати

5 — Стеатитовые сосудики и наконечники

6 — Бронзовые булавки, печать и гипсовые бусы

7 — Лазуритовые и золотые бусины

8 — Гипсовые крестовидные бусы

Каменные изделия из разграбленных могил Бактрии

1, 2, 4 — Сосуды

3 — Миниатюрная колонка

5 — Керамический сосуд

6 — Каменные напершия

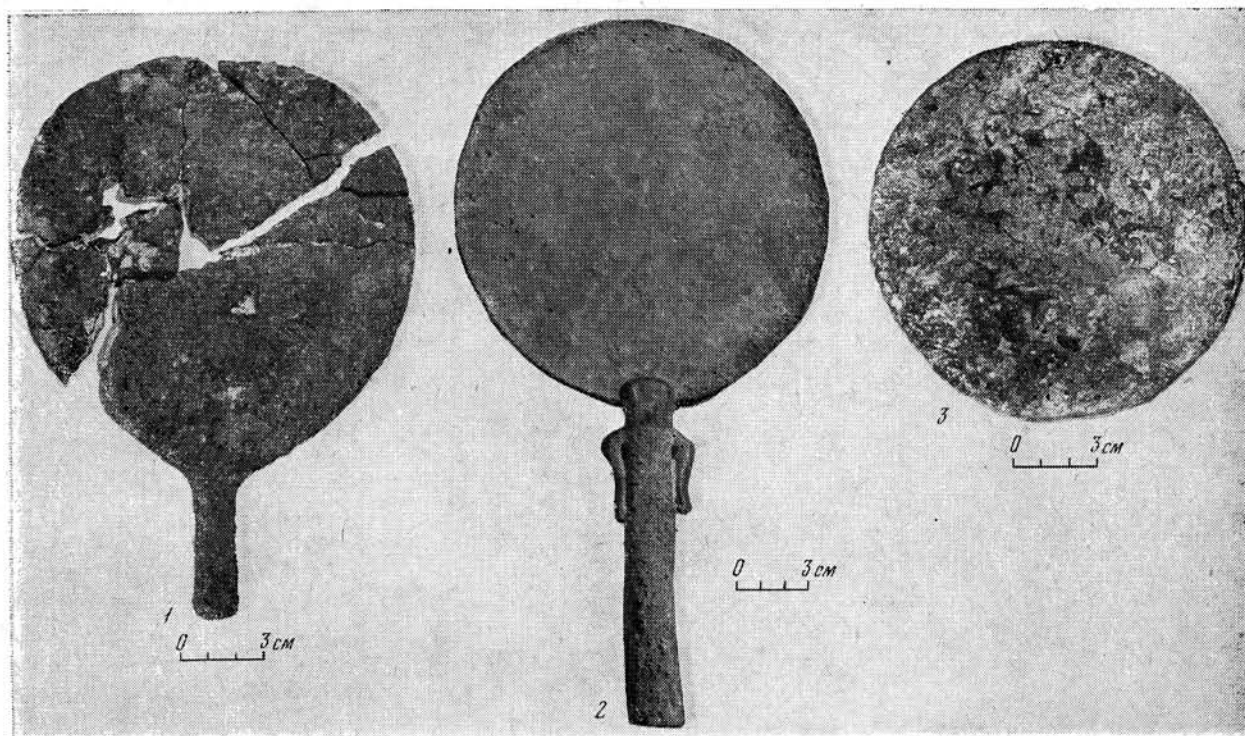

Рис. 40. Металлические зеркала

1, 2 — из Дашлы-3; 3 — из разграбленных могил Бактрии.

Булавки со спиральной головкой (тип III) составляют изделия, у которых один конец завернут в сторону в виде петельки. Булавки этого типа были чрезвычайно широко распространены в Передней Азии, что в первую очередь объясняется предельно простым оформлением наконечника, которое могло независимо возникнуть в любом регионе. Из территориально наиболее близких к Афганистану отметим единичные находки в Южном Туркменистане¹⁹⁷ и в Гиссаре¹⁹⁸. Зато много их встречено в долине Инда и в первую очередь в позднихарашских и постхарашских (джукхарских) слоях Чанху-Даро, что, по Е. Маккею, может указывать на импорт либо из Месопотамии, либо из Ирана. Думается, что практически одновременное появление этого типа булавок в Северном Афганистане и Северо-Западной Индии не случайно, а связано с широким проникновением их из более западных районов.

Булавки с биспиральной головкой (тип IV) могут быть подразделены на два подтипа: 1) с волютами, загнутыми наружу; 2) с волю-

тами, загнутыми внутрь. Первый подтип составляют булавки, один конец которых раскован на две части, а каждая в свою очередь свернута в виде волют. Нередко под волютами сделан плоский щиток, что характерно как для севера, так и юга страны. Все известные образцы этого подтипа происходят из Северного Афганистана и лишь в Мундигак-IV представлены оба подтипа¹⁹⁹. Биспиральные булавки совершенно отсутствуют в Месопотамии, но широко представлены в Малой Азии и Иране. Из территориально наиболее близких к Афганистану районов представляют интерес биспиральные булавки Южного Туркменистана, где они пока не известны ранее начала II тысячелетия до н. э.²⁰⁰ Пока наиболее древний образец, известный в единственном экземпляре, происходит из Гиссар-II²⁰¹, если только он не оказался перемешанным из вышележащих слоев. Две булавки такого типа происходят из долины Инда. Было высказано вполне обоснованное мнение об их иранском происхождении²⁰².

¹⁹⁹ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 139, 4, 18.

²⁰⁰ Более ранняя датировка (серединой III тысячелетия до н. э.) требует дополнительных подтверждений. (Ср.: Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 78—79).

²⁰¹ Schmidt E. Archaeological Excavations..., pl. XXIX, N 4856.

²⁰² Mackay E. Chanhi-Daro..., p. 195; Piggett S. Notes on Certain Pins and Macehead from Harappa.— «Ancient India», 1947—1948, N 4, p. 26—32.

¹⁹⁷ Pumpelly R. Exploration..., fig. 269.

¹⁹⁸ Schmidt E. Archaeological Excavations..., pl. LIII, N 3141.

Рис. 41. Металлические сосуды, флаконы из разграбленных могил Бактрии

Булавки с розетковидными головками (тип V) имеют горизонтально-уплощенное навершие либо в виде многолепестковой розетки, преимущественно шестилепестковой, либо кружка с гладким или зубчатым краем, разделенным внутри на сегменты. Они напоминают орнаменты перегородчатых печатей, поэтому подобные булавки из Сапалли-Тепе получили название булавки-печати²⁰³. Выделяется булавка с навершием из двух кружков с зубчатым краем, пока более нигде неизвестная. Все они происходят из хищнических раскопок, однако наличие

точно таких же в Сапалли-Тепе и Южном Туркменистане (Ашхабадский могильник, Мургаб) дает право относить их к эпохе бронзы.

Булавки с ребристой головкой (тип VI) представлены образцами их хищнических раскопок. Это стержень, заостренный на конце, круглый в сечении, который венчается ребристым навершием с шишечкой на вершине. Аналогичное навершие, но сделанное из белой пасты, найдено на Дашлы-3; кроме того, имеется точно такая же булавка в Ашхабадском могильнике эпохи Намазга-VI²⁰⁴. Ближайшие аналогии известны в Гияне, правда, там они определяются как бронзовые бляшки от поя-

²⁰³ Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе, с. 98, табл. 26, 22, 23.

²⁰⁴ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., табл. XVI, 12.

са²⁰⁵. Более отдаленные аналогии имеются в Малой Азии и Восточном Средиземноморье, которые, однако, относятся к несколько более раннему времени. Североафганские и южнотуркменские булавки датируются второй половиной II тысячелетия до н. э., не ранее.

Булавки с полусферическими головками (тип VII) представлены всего несколькими экземплярами, происходящими из хищнических раскопок.

Булавки с фигурными навершиями (тип VIII) происходят из разграбленных могильников. Выделяется один образец, который представляет собой слегка изогнутый стержень, один конец которого утолщен, а другой имеет навершие в виде бородатой головы животного, по-видимому быка, с удлиненными, как бы «человеческими» глазами и расставленными в стороны ушами, над которыми возвышается пара изогнутых рогов. Хотя булавка с точностью не паспортизирована, ее форма в виде длинного стержня с утолщением на конце является типичной для рассматриваемого региона. Кроме того, достаточно вспомнить подобное изображение бородатого быка на золотом сосуде из кладки Фаллол, также происходящем из Северного Афганистана. Как известно, мотив букрании — очень древний в искусстве Передней Азии, однако антропоморфизация животных является сравнительно поздним признаком, характерным для иконографии протодинастического периода, что хорошо документируется, например, оформлением знаменитых арф из могилы 1237 царских гробниц Ура, а также многочисленными мифологическими сценами на синхронных печатях.

Указанные месопотамские параллели датируются в пределах 2600—2400 гг. до н. э., однако рассмотренная североафганская булавка по крайней мере на тысячу лет позднее, что указывает на длительное переживание месопотамских мотивов на северо-востоке. Уже отмечались возможные аналогии кладу из Фаллол с погребенными приношениями некрополя Марлик²⁰⁶, относящемуся к началу II тысячелетия до н. э., что дает промежуточный хронологический рубеж длительного переживания этого мотива в ирано-афганском искусстве.

Из разграбленных могил происходят булавки с навершиями в виде птиц, козлов, горных баранов, а в одном случае — это корова с телятком.

Вторая булавка происходит с поверхности Дашлы-3 и представляет собой металлический

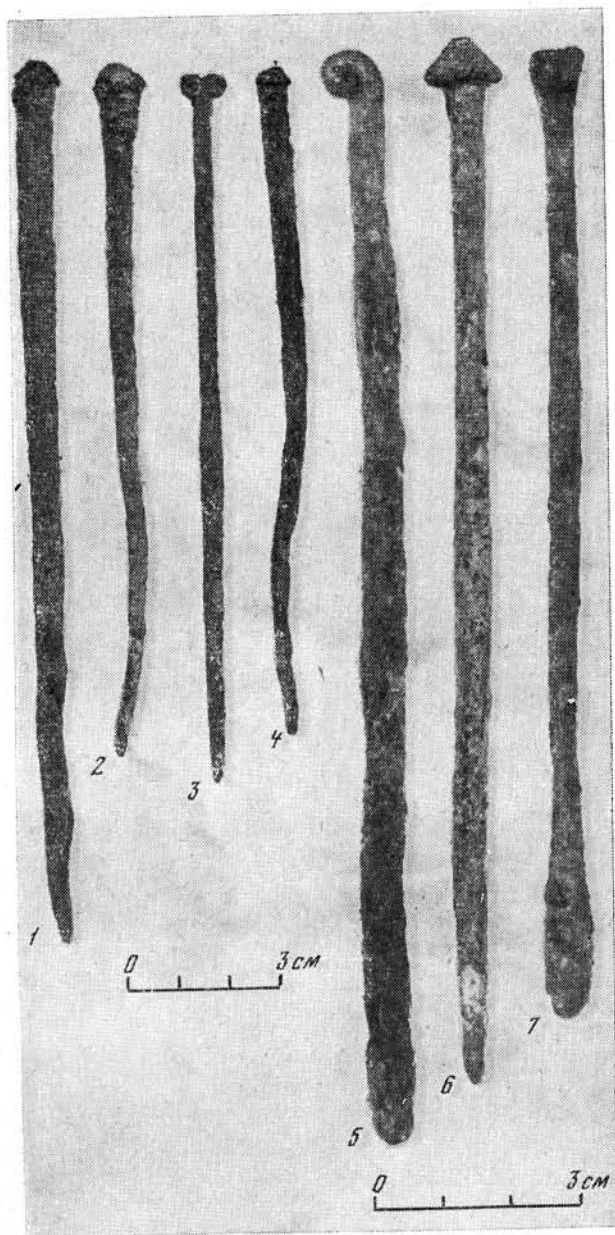

Рис. 42. Дашлы-1 и 3. Металлические булавки

стержень, один конец которого слегка утолщен, а навершие оформлено в виде двух сидящих баранов. По общему типу (утолщение на одном конце) эта булавка ближе всего напоминает булавки с зооморфными навершиями слоя Гиссар-III²⁰⁷ и в меньшей степени — навершия с протомами двуглавых животных долины Инда²⁰⁸.

²⁰⁵ *Contenay G., Ghirshman R. Fouilles...*, p. 35—36, pl. 31, 8.

²⁰⁶ *Dupree L., Goin Ph., Omer N. The Khosh-Tapa Hoard from North Afghanistan.* — «*Archaeology*», 1971, t. XXIV, N 1, p. 32—34.

²⁰⁷ *Schmidt E. Archaeological Excavations...*, pl. XLVI, XLVIII.

²⁰⁸ *Mackay E. Further Excavations at Mohenjo-Daro.* New Delhi, 1937, pl. C, N 3.

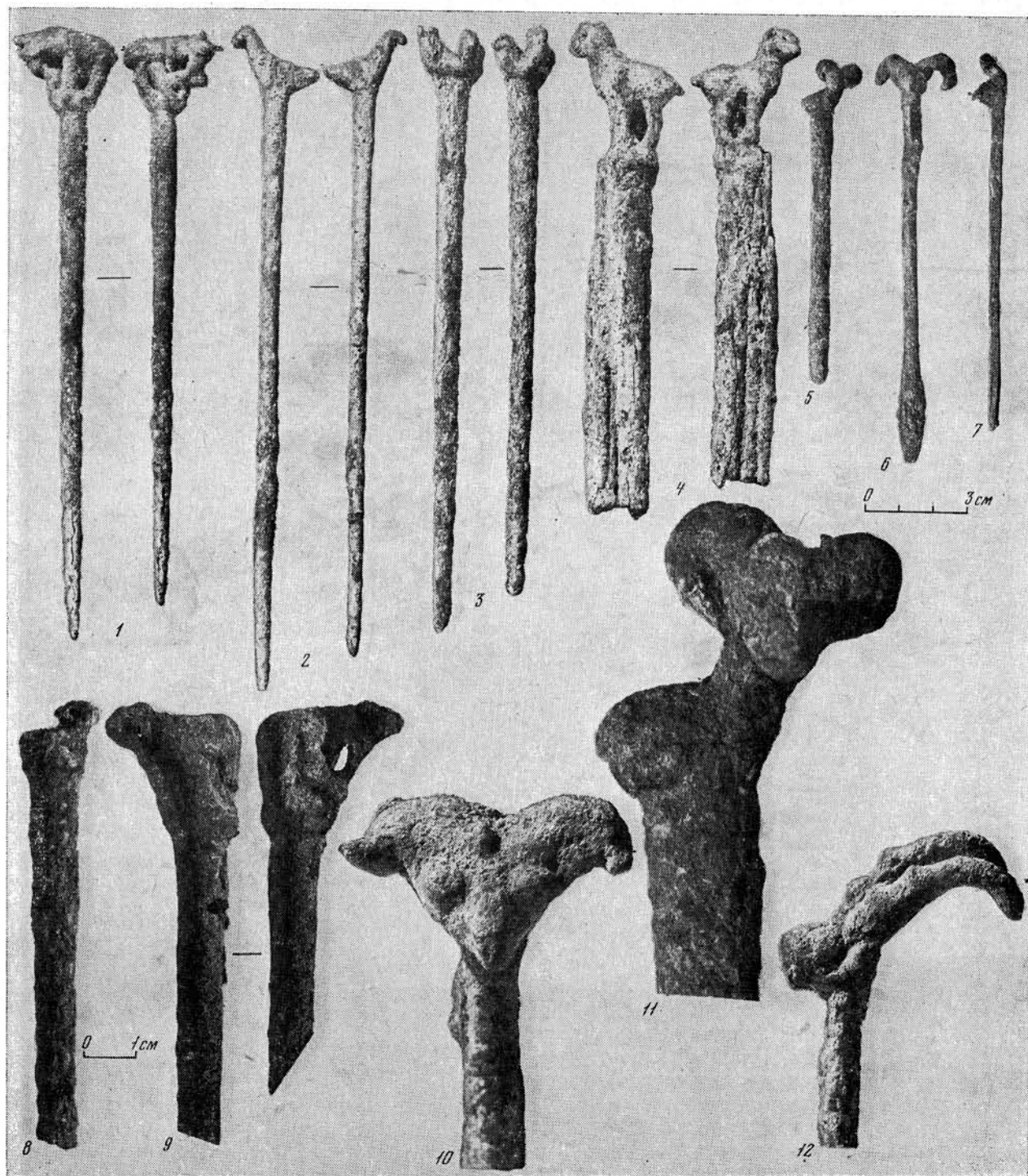

Рис. 43. Металлические булавки из разграбленных погребений Бактрии

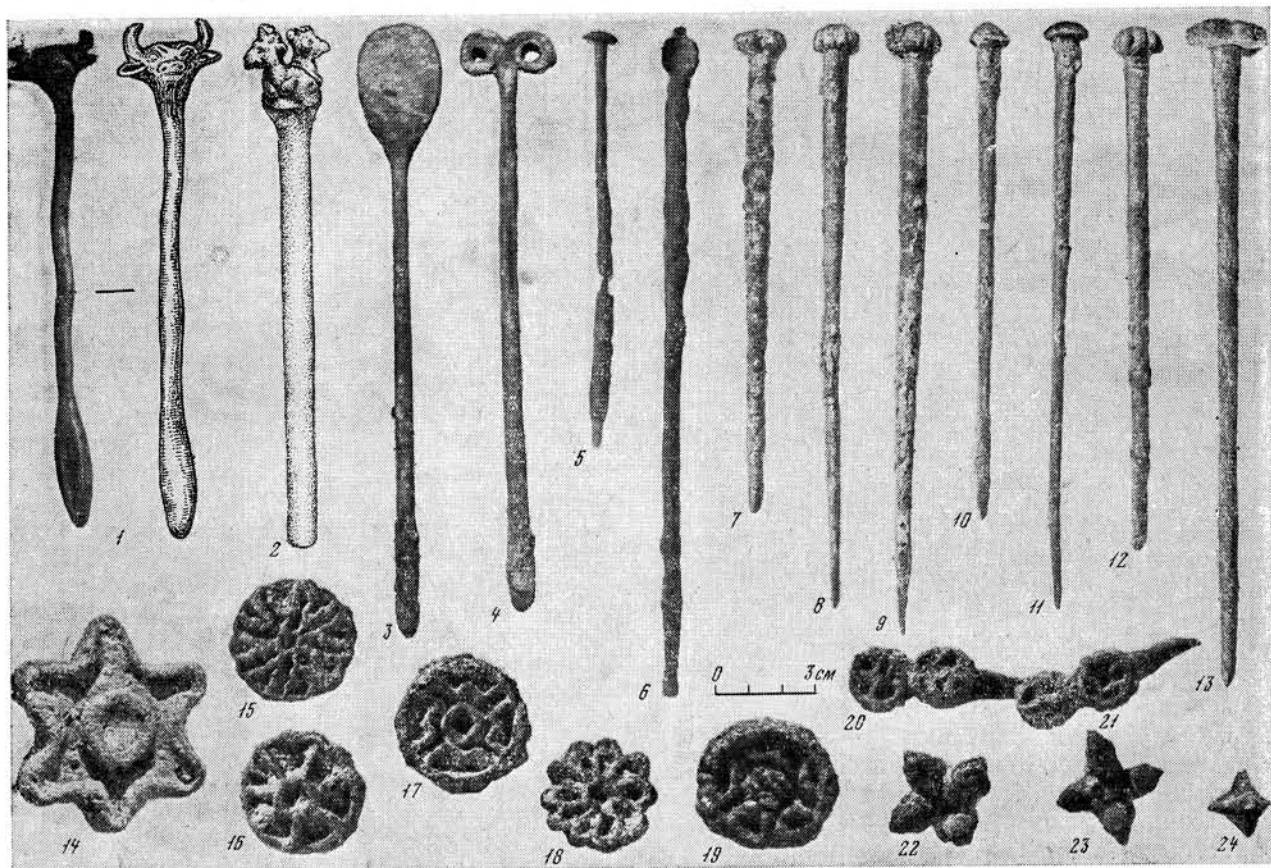

Рис. 44. Металлические булавки с фигурными навершиями из разграбленных могил Бактрии (2 — с поверхности Дашлы-3)

Показательно, что, хотя булавки с зооморфными навершиями были широко распространены в Передней Азии (Месопотамия, Юго-Западный Иран, Микены, Малая Азия)²⁰⁹, они не встречены ни в Сиялке, ни в Гияне. Зато в Северо-Восточном Иране и в Южном Туркменистане булавки с зооморфными навершиями сравнительно широко распространены во втором тысячелетии до н. э., причем соответствия им прослеживаются в териоморфных мотивах местной расписной керамики предшествующего энеолитического времени²¹⁰.

Браслеты. Они немногочисленны и представлены тремя типами. Первый, наиболее распространенный, составляют браслеты круглые в сечении, с несомкнутыми концами. Они широко известны в Передней Азии, а также в Иране

и Южном Туркменистане; в последнем регионе почти все они относятся к эпохе поздней бронзы. Судя по простоте форм, браслеты этого типа могли возникнуть независимо в системе всего Ближнего Востока, причем, судя по браслетам начала III тысячелетия с Кара-Тепе (Южная Туркмения) и Суз, можно допустить существование ирано-туркменистанского центра.

Второй тип составляют браслеты с несомкнутыми, но находящими друг на друга заостренными концами.

Желобчатые браслеты (третий тип) пока известны в одном экземпляре с поселения Гирдай-Тепе в Давлетабадском оазисе. Браслеты этого типа преимущественно распространены в евразийских степных культурах, причем высказано мнение о сложении их под влиянием браслетов первого типа²¹¹. Североафганский экземпляр может указывать на сосуществование обоих типов браслетов и в традиционно земледельческих культурах.

Височные кольца, происходящие из погребений, круглые в сечении, с несомкнутыми концами; в отдельных случаях они свернуты спирально в полтора оборота.

²⁰⁹ Подробнее см.: Khan F. A. Indus Valley..., p. 37.

²¹⁰ Sorianidi V. I. The most ancient Art of South Turkmenia and the Iranian Parallel.— In: The Memorial Volume of the International Congress of Iranian Art and Archaeology, v. II. Téhéran, 1972, p. 389.

²¹¹ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., с. 71.

Из вышеприведенного обзора уже сейчас можно сделать несколько выводов. В системе всего Афганистана в эпоху бронзы существовали однотипные изделия, но тяготевшие к разным металлургическим центрам. Если для южноафганских материалов пока еще недостаточно полных характеристик, то для Северного Афганистана можно с уверенностью говорить о вхождении его в орбиту огромной ирано-туркменской металлургической провинции²¹². Ирано-туркменская металлургическая провинция и металлообработка существуют по крайней мере с V тысячелетия до н. э. и продолжают до рубежа II—I тысячелетий до н. э., демонстрируя поразительный консерватизм в металлургической технологии, что, по-видимому, было связано с бедностью рудных месторождений оловом и мышьяком.

В середине II тысячелетия до н. э. в Северном Афганистане складывается металлургическая провинция, являющаяся производной от ирано-туркменского центра, что, однако, не исключает влияния в области древней металлообработки, идущего из соседних регионов вплоть до Месопотамии. Тот факт, что металлургическая провинция здесь возникает сразу в результате прихода нового населения, можно считать доказанным. Более того, некоторые виды металлических изделий, ранее неизвестных в Северо-Востоке Ирана, южных областях Средней Азии, Афганистане, Белуджистане и долине Инда, появляются практически одновременно, отражая тем самым широкий процесс распространения металлических изделий в этой части Юго-Западной Азии. Думается, что явление это не случайно и вместе с другими данными может указывать на расселение родственных племен если не на всей, то на большей части очерченной зоны.

Происходя от ирано-туркменского металлургического центра и обнаруживая многие черты взаимного сходства, металлообработка североафганской провинции в ряде отношений характеризуется более прогрессивными признаками, что достаточно четко проявляется в изготовлении зубчатых серпов и некоторых других типов изделий. В целом же по набору типов орудий, оружия и украшений североафганская металлургическая провинция составляет один из передовых центров в системе древневосточного мира. И лишь отсутствие хорошей рудной базы с широким набором олова и мышьяка препятствовало выплавке бронзовых сплавов, имевших явное преимущество над медными.

Основные находки стратифицированных печатей Северного Афганистана происходят с памятников Дашлинского оазиса и в первую очередь с Дашлы-1 и 3. Хотя имеющаяся коллекция еще немногочисленна, она тем не менее может быть подразделена на две группы: печати каменные и металлические; в единичных экземплярах отмечены терракотовые. Среди имеющихся коллекций преобладают металлические, по-видимому, медные, относящиеся к типу перегородчатых печатей. Как правило, с лицевой стороны они имеют рисунок, чаще всего геометрический; с обратной стороны выступающую петельку — ручку. По данным Н. Н. Тереховой, тот факт, что ручки отливались вместе с самими печатями, указывает на изготовление их в закрытых формах, по-видимому, по восковой модели.

Размеры печатей варьируют от 4—5 до 9—10 см в диаметре. Наиболее распространены печати средних размеров (5—7 см в диаметре). Преобладают печати круглой формы, хотя в единичных экземплярах встречены квадратные и крестовидные. Следует отметить, что, хотя количество стратифицированных печатей невелико, имеется богатая коллекция печатей, происходящая из разграбленных могильников Дашлинского и Фарукабадского оазисов. Большая часть их попала в руки антикваров и продана, однако все же удалось зарисовать и сфотографировать свыше 100 печатей, среди которых имеются уникальные. Хотя эти печати и относятся к категории «случайных находок», тот факт, что почти все они находят точные соответствия в стратифицированных печатях со смежных территорий Средней Азии и Ирана, дает полное право использовать их для общей характеристики древней сфрагистики Афганистана.

Благодаря интенсивным исследованиям последних десятилетий становится очевидным, что перегородчатые печати занимали обширную территорию и составляют особую сферу бытования памятников древней сфрагистики. В самом деле, если в Двуречье с примыкающими Западным Ираном и Эламом в эпоху бронзы распространены были цилиндрические печати, а в долине Инда в харашпское время — прямоугольные каменные печати местного типа, то обширная территория, окружающая Иранское плато, являлась зоной бытования перегородчатых печатей.

В настоящее время наиболее представительные коллекции происходят из четырех регионов: Северо-Восточного Ирана (Гиссар)²¹³, Южного

²¹² Под термином «иранский» подразумевается в первую очередь Северо-Восточный Иран или, шире, — Иранский Хорасан.

²¹³ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., fig. 118; Показательна перегородчатая печать, происходя-

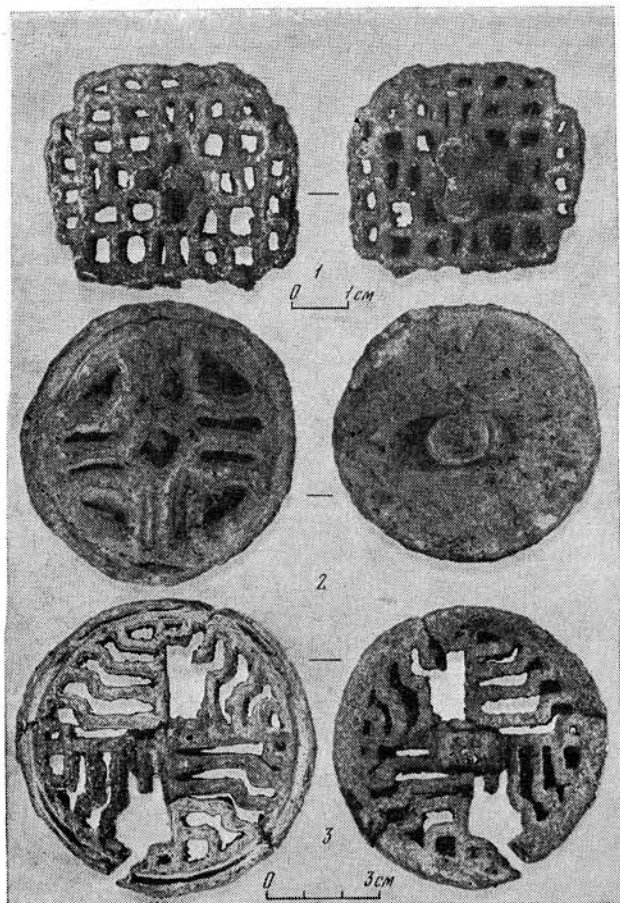

Рис. 45. Дашлы-3. Металлические печати

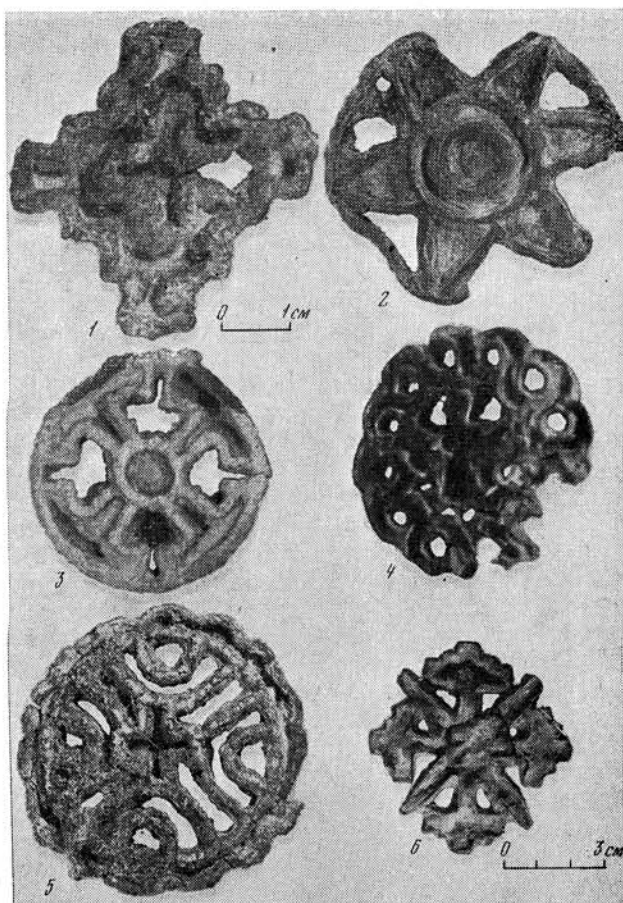

Рис. 46. Дашлы-3. Металлические печати

Туркменистана²¹⁴, Северного Афганистана и Иранского Сеистана (Шахри-Сохте)²¹⁵. Такого же типа перегородчатые печати найдены в Мундигаке²¹⁶, Иранском Белуджистане: Бампуре²¹⁷, Шахи-Тумп²¹⁸, поздних слоях поселения Наль²¹⁹, а также с поверхности каменной насыпи могильника Саидих²²⁰. Наконец, в единичных

образцах встречены перегородчатые печати в Амри²²¹, Кветтской долине²²², Рана-Гхундай и Дабар-Кот²²³, а также в Мохенджо-Даро²²⁴. Как видно, ареал распространения перегородчатых печатей весьма обширен, причем уже С. Пигготт обратил внимание на взаимную типологическую близость печатей Белуджистана с печатями Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана²²⁵. Со своей стороны отметим столь же близкие взаимные соответствия между печатями, происходящими из крайних пунктов очерченной зоны. Имеются в виду фрагменты

печати из случайных находок. (См.: Ackerman P. The Moon and Fertility in Early Iran.— «Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology», 1936, vol. IV, N 4, p. 189, fig. 5.)

²¹⁴ Атагарриев Е. А., Бердыев О. К. Археологическое изучение Туркменистана за годы советской власти.— СА, 1967, № 3, рис. 3.

²¹⁵ Tosi M. Excavations..., fig. 99—100; Tosi M. Excavations at Shahr-i-Sokhta. Preliminary..., fig. 276.

²¹⁶ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., pl. XLV. В фондах кабульского национального музея имеются еще две неопубликованные печати.

²¹⁷ Cardi B. de. Excavations at Bampur.— APAMNH, 1970, v. 51, part 3, fig. 51.

²¹⁸ Stein A. Archaeological Tour..., pl. XIV.

²¹⁹ Hargreaves H. Excavations in Baluchistan..., pl. XV.

²²⁰ Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M. Shahr-i-Sokhta..., p. 42, fig. 1.

²²¹ Casal J. M. Fouilles de Amri, pl. XXVII, E.

²²² Fairervis W. Excavations in the Quetta Valley..., fig. 23.

²²³ Tosi M. Excavations..., p. 378.

²²⁴ Д. Маршалл, находясь под впечатлением типичных печатей хараппской цивилизации, единичные бронзовые фрагменты явно перегородчатых печатей определил как изделия особого назначения. См.: Marshall I. Mohenjo-Daro..., v. I, p. 584; v. III, pl. CLVIII, N 3, 7; pl. CXLIII, N 9—10.

²²⁵ Piggott S. Dating the Hissar Sequence.— The Indian Evidence.— «Antiquity», 1943, v. XVII, p. 179—181.

круглых печатей из Мохенджо-Даро, представляющих собой многолепестковые розетки, — один из наиболее распространенных типов перегородчатых печатей Южного Туркменистана и Северного Афганистана. С. Пигготт первый отметил «пришлый» характер перегородчатых печатей Белуджистана, появляющихся здесь после 2000 г. до н. э. и имеющих западное происхождение²²⁶.

В настоящее время имеется возможность уточнить этот вопрос на новом археологическом материале. Для этого обратимся к стратифицированным печатям внутри очерченной зоны, где в ряде случаев им предшествуют аналогичные по типу, но каменные и изготовленные иной техникой сверления. Подобные каменные печати-амулеты по преимуществу квадратной или круглой формы достаточно широко представлены в Мундигаке в слоях III и IV, т. е. до 2000 г. до н. э. Орнаменты выполнены выемчатой техникой сверления, но передающих тип перегородчатых печатей. Наиболее распространены геометрические орнаменты, чаще всего образующие рисунки крестов²²⁷.

Как правило, в центре каменных печатей просверлено по два сквозных отверстия для шнура, что подтверждается следами стертости, всегда направленными навстречу друг к другу. В период Мундигака-IV наряду с такими печатями появляются металлические, перегородчатые, с аналогичными орнаментами; новшество заключается лишь в том, что вместо отверстий теперь делаются петельки-ручки.

Близкая картина прослеживается и по материалам Шахри-Сохте, где встречено свыше 100 каменных, преимущественно стеатитовых печатей. Наряду с прямоугольными и круглыми имеются единичные печати крестовидной формы. Орнаменты также выточены выемчатой техникой, причем полученные углубленные линии затем заглаживались металлическим инструментом. Размеры печатей варьируют от 4 до 10 см, все они имеют сквозные отверстия в центре для подвешивания на шнурке²²⁸. Как и в Мундигаке, каменные печати здесь были распространены в период Шахри-Сохте-II, причем в их орнаментах преимущественно распространены рисунки крестов²²⁹.

В конце периода II появляются, а в периоде III широко распространяются бронзовые

перегородчатые печати, форма и орнаменты которых подчас копируют каменные²³⁰. Налицо сходная, если не идентичная линия развития древней сфрагистики Сеистано-Кандагарского региона, лишняя раз подчеркивающая их взаимную культурно-историческую общность.

Иная ситуация наблюдается в Гиссаре, где в периоды Гиссар-I—II распространены исключительно так называемые пуговичные печати²³¹, более характерные для Элама и Месопотамии, на смену которым в период Гиссар-III приходят печати перегородчатого типа²³², имеющие, таким образом, «пришлый» характер. И, наоборот, соответствующие материалы из Южного Туркменистана сближаются с сеистано-кандагарским регионом, представляя вместе с тем более глубокую и последовательную линию развития исследуемых печатей. В самом деле, керамические, каменные и гипсовые амулеты круглой, квадратной и треугольной формы известны в Южном Туркменистане периода Намазга-III (начало III тысячелетия до н. э.)²³³.

Как правило, такие амулеты имеют с края лишь одно отверстие для шнура, а на лицевой стороне — резной орнамент, центральную часть которого всегда составляет рисунок крупного креста, имевшего магическое значение. В эпоху ранней бронзы (период Намазга-IV), судя по материалам Улуг-Тепе²³⁴, распространяются плоские каменные амулеты с двумя отверстиями в центре и орнаментом, выполненным техникой выемчатого сверления. Они аналогичны вышеотмеченным амулетам Шахри-Сохте и Мундигака и вместе с тем продолжают традиции местных амулетов предшествующего времени с Геоксюра и Кара-Тепе.

Наряду с перечисленными в тех же слоях Улуг-Тепе появляются керамические и каменные печати-амулеты, но без сквозных отверстий, а с небольшими ручками с оборотной стороны. Среди орнаментов на них преобладают рисунки крестов, которые на терракотовых образцах вырезаны еще по сырой глине, а на каменных — изготовлены техникой выемчатого сверления. Наконец, на рубеже III—II тысячелетий до н. э. почти наверняка от этих прототипов происходят исследуемые медно-бронзовые перегородчатые печати. Как видно

²²⁶ Piggott S. Prehistoric..., p. 220—226.

²²⁷ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., pl. XLV, A. Отметим, что опубликованные рисунки составляют лишь незначительную часть коллекции, как это можно судить по фондам Кабульского национального музея.

²²⁸ Tosi M. Excavations... at Shahri-i-Sokhta. — «East and West», 1969, fig. 262—274, p. 375.

²²⁹ Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M. Shahri-Sokhta..., fig. 32—40.

²³⁰ Там же, рис. 41—49.

²³¹ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., pl. XV, pl. XXVIII, N 2183 скорее всего относится к слою Гиссар-III.

²³² Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., fig. 18.

²³³ Массон В. М. Кара-Тепе у Артыка. — ТЮТАКЭ, 1961, т. X, табл. XIV, 13—15; Сарияниди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. — САИ, 1965, табл. III.

²³⁴ Неопубликованные материалы автора.

из приведенного обзора, наиболее последовательный и полный эволюционный ряд развития перегородчатых печатей в настоящее время дает Южный Туркменистан. Однако нет оснований ограничивать центр происхождения рассматриваемых печатей исключительно областями Южного Туркменистана. Неоднократно отмечалось, что период Намазга-III знаменуется инфильтрацией племен из древнего Ирана в плодородные предгорья Копет-Дага, причем именно на этот период падает первое появление здесь вышеотмеченных амулетов.

Думается, что существовал общий афгано-ирано-туркменистанский центр, начальный этап которого пока лучше всего известен лишь по материалам Южного Туркменистана. Дальнейшая линия развития сфрагистики документируется сначала идентичными плоскими каменными печатями с отверстиями в центре (Мундигак-III—IV, Шахри-Сохте-II—III, Намазга-IV), а затем и медно-бронзовыми перегородчатыми печатями с петельками-ручками (Мундигак-IV, Шахри-Сохте-III, Намазга-V—VI). Именно в этот последний период появляются аналогичные металлические печати в Северо-Восточном Иране, лучше всего представленные слоем Гиссар-III.

С точки зрения развития древней сфрагистики кажется вероятным, что Северо-Восточный Иран находился в стороне от центральной линии сложения перегородчатых печатей. С другой стороны, отмечено, что каменные печати отсутствуют в Юго-Восточном Иране²³⁵, а медно-бронзовые перегородчатые, по единодушному мнению, появляются здесь в качестве импорта из более западных районов. Если дальнейшие исследования подтвердят это предположение, то из зоны сложения перегородчатых печатей исключается и Юго-Восточный Иран. В настоящее время предполагаемый центр локализуется в предгорьях Южного Туркменистана (от Анау до Алтын-Тепе) и вдоль современной ирано-афганской пограничной территории вплоть до Иранского Сеистана (Шахри-Сохте) и Кандагарской долины в пределах Южного Афганистана. Можно не сомневаться, что дальнейшие археологические открытия внесут коррективы в очерченную зону, уточняя и детализируя предложенную схему²³⁶. Если теперь обратиться к печатям Северного Афганистана, то можно считать установленным фактом появление их здесь с за-

пада, из предполагаемого ирано-туркменистанского центра. Думается, что они появляются здесь где-то в середине II тысячелетия до н. э., практически одновременно с распространением их в Северо-Восточном и Юго-Восточном Иране.

Имеющаяся коллекция печатей Северного Афганистана — наиболее полная из известных и далеко превосходит как по количеству, так и по разнообразию художественного оформления опубликованные к настоящему времени печати очерченной зоны.

По орнаментальным мотивам (геометрическим, зооморфным, антропоморфным) северо-афганские печати могут быть условно разделены на несколько типов. Среди них, бесспорно, наиболее выдающееся место занимают две печати первого антропоморфного типа. Обе они изготовлены в прорезной технике, так что фигуры четко выделяются на сквозном фоне. На одной из них изображена сидящая на скамье (?) обнаженная человеческая фигура в профиль; плечи развернуты в анфас так, что руки упираются в контурный двойной ободок самой печати. Лицо трактовано обобщенно, зато мускулатура напряженных, согнутых в локтях рук передана с удивительно тонкой и тщательной моделировкой. Подчеркнутая грудь может указывать на женский образ, если только это не передача все той же предельно напряженной позы человека. Из-за округлых плеч выступают два крылышка; предмет, изображенный за скамьей, с точностью не определяется.

На второй печати опять изображена обнаженная человеческая фигура в той же позе: птичья голова и нижняя часть туловища даны в профиль, плечи развернуты в анфас так, что руки упираются во внешний ободок самой печати. Фигура сидит на неясном предмете в виде извивающейся ленты, возможно на змее или драконе; из-за плеч горизонтально в стороны расходятся крылышки. Хотя вся фигура передана достаточно обобщенно, четко выделены ладони руки и ступни сложенных вместе ног.

Перегородчатые печати с антропоморфными мотивами являются уникальными среди известных в очерченном регионе²³⁷, практически отсутствуют они и в месопотамской глиптике, хотя сама по себе сидящая человеческая фигура достаточно широко была распространена в искусстве Месопотамии и соседнего Элама²³⁸. На этом фоне особенно показательны изображения крылатых людей, возможно бо-

²³⁵ Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M. Shahr-i-Sokhta..., p. 46.

²³⁶ Отметим, что если в Тали-Иблис и Тепе-Яхья практически неизвестны металлические перегородчатые печати, то имеются сведения о находках и в Шахдаде, т. е. на крайнем северо-востоке Керманского оазиса.

²³⁷ Ср. лицевые оттиски на глине с Шахри-Сохте. (Tosi M. Excavations..., p. 377, fig. 291, 292).

²³⁸ Porada E. Tchoga-Zanbil, La Glyptique.— MDA en Iran, 1970, t. XLII, fig. 54—79.

Рис. 47. Печати с изображением людей, птиц и животных из разграбленных могил Бактрии

жесть, в сиро-хеттской глиптике²³⁹, где они определяются как следствие египетского влияния. Считается, что хеттское государство, занимавшее промежуточное положение между Месопотамией и Египтом, испытало с их стороны сильное воздействие, что нашло свое отражение и в глиптике. В интересующем нас плане весьма показательны коленопреклоненная человеческая фигура с птичьим лицом, с типичной хеттской прической и крыльями птицы, определяе-

мая как крылатый гений²⁴⁰. Подобные крылатые образы чаще всего определяются как мифологические духи, но в тех случаях, когда это обнаженные женские фигуры, они могут изображать божества. Если сравнить между собой сиро-хеттские и североафганские печати с антропоморфными фигурами, то налицо близкое, если не иконографическое, то, безусловно, стилистическое сходство, исключая случайное совпадение. В сиро-хеттской глиптике именно во втором периоде (1450—1180 гг. до н. э.) резко увеличивается изображение фантастических существ — человеческое тело с голова-

²³⁹ Contenau G. *La Desse Nue Babylonienne*. Paris, 1914, fig. 92, 96, 99.

²⁴⁰ Ward W. *The Seal Cylinders of Western Asia*. Washington, 1910, fig. 920; Contenau G. *La Glyptique Syro-Hittite*. Paris, 1922, fig. 198.

ми птиц или зверей, — которые долго сохраняются в ассирийском искусстве, где они определяются как добрые или злые гении²⁴¹. Думается, что североафганские образцы демонстрируют продолжение той же традиции, идущей из сиро-хеттского мира вплоть до Бактрийской равнины.

Возвращаясь к афганским печатам с антропоморфными изображениями, отметим, что при бесспорном иконографическом сходстве налицо и определенные стилистические отличия. Так, на одной из них фигуру отличают тяжеловесные формы, в то время как на другой антропоморфное изображение отличается легкостью и изяществом мягких, плавных линий тела. Особенно показательна тонкая талия, резко контрастирующая с широкими развернутыми плечами. Думается, что в обоих случаях изображено одно и то же божество, но в двух разных ипостасях. Хотя конкретная семантика обоих персонажей остается не совсем ясной, совершенно очевидно, что это мифологические персонажи, связанные с космогоническими представлениями.

Второй тип составляют печати с изображениями птиц. Особенно показательны фигуры хищных птиц, по-видимому, орлов, изображенных во фронтальной, геральдической позе: с повернутой в профиль головой, распростертыми крыльями, распущенным хвостом. Одна такая массивная печать происходит из раскопок дворца на Дашлы-3, остальные — из хищнических раскопок Дашлинского или Фарукабадского оазиса. При сюжетном сходстве общего образа отмечаются различия оформления контурного ободка самой печати: то гладкого, то в виде полуовальных фестонов, то извивающейся плетенки.

Печати с рисунками орлов, изображенных в геральдической позе, весьма специфичны и известны в единичных образцах. Одна такая, по-видимому, каменная печать ромбической формы со ступенчатым оформлением сторон и сквозным отверстием для шнура происходит из долины Инда (Хараппа)²⁴². На одной ее стороне выгравирован орел, возможно, с дополнительными рисунками змей над крыльями²⁴³, на оборотной стороне — крупный крест. Мотив орла уникален в культуре Хараппы, в то время как крест известен много шире; видимо, поэтому М. Уиллер предполагает западное происхождение, отмечая сходный мотив парящего орла в Сузах и Телл-Браке.

Аналогичен хараппскому как по форме, так

и по сюжету каменный амулет из Мургабского оазиса²⁴⁴; медная перегородчатая печать, отлитая в виде орла с распростертыми крыльями, предположительно происходит с Алтын-Тепе²⁴⁵. Рисунки птиц сами по себе не являются необычными и известны в расписной керамике Ближнего Востока с древнейших времен. Однако мотив орла в геральдической позе сравнительно локален; наиболее древние изображения известны на расписной керамике Юго-Западного Ирана (Сузиана)²⁴⁶, но достаточно устойчивая традиция отмечается в ирано-туркменистанском ареале начиная с эпохи энеолита (Сялк-III — Кара-Тепе)²⁴⁷. Не исключено, что в этом регионе и следует предполагать сложение парящего орла, который затем мог перейти с местной художественной посуды на печати. В таком случае и хараппские, и североафганские образцы могут отражать ареал их распространения из предполагаемого центра далее в восточном направлении.

Не исключено, что подобные изделия бытовали и на юге Афганистана. Так, костяная, ромбической формы с уступчатыми сторонами печать-амулет из Мундигака имеется в Национальном Кабульском музее: на одной стороне ее четко вырезан контурный крест, рисунок оборотной стороны неясен. В целом это изделие почти аналогично вышеописанной хараппской печати — отличие заключается лишь в разном материале.

Круглая гипсовая стеатитовая печать из пещеры Шамшир-Гар (Южный Афганистан) сохранила на одной стороне рисунок крылатого верблюда, на другой — птицы с распростертыми крыльями²⁴⁸. Семантика этого образа трудно поддается расшифровке, но, возможно, прав В. Вайд, усматривающий в них эмблему, отражающую покровительственную силу. Все сказанное, однако, не может исключать и другого аспекта, связанного с глиптикой ново-хеттского царства, где найдены круглые печати, преимущественно каменные, в центре которых выгравированы орлы, иногда двуглавы, в геральдической позе, окруженные по

²⁴⁴ Сарганиди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля. — СА, 1976, № 1.

²⁴⁵ Хлопин И. Н. Раскопки..., с. 349—350.

²⁴⁶ Contenau G. Manuel d'Archéologie Orientale, t. II. Paris, 1931, fig. 408. Печать в виде орла см.: Pigott S. Dating the Hissar..., p. 178.

²⁴⁷ Ghirshman R. Fouilles de Sialk, v. I, pl. LXXIX, A, N 3; C, N 3.

²⁴⁸ Dupre L. Shamshir-Ghar, Historic Cave Site in Kaudahar Province Afganistan. — APAMNH, 1958, v. 46, part. 2, p. 232, fig. 58. Автор датирует печать кушанским временем, что, однако, требует дополнительных доказательств. Но и в таком случае это может отражать тысячелетнюю традицию существования рассматриваемого мотива в древнеафганской глиптике.

²⁴¹ Contenau G. La glyptique Syro-Hittite. Paris, 1966, p. 148—149.

²⁴² Vats M. Excavations at Harappa, v. II. Calcutta, 1940, pl. XCI.

²⁴³ Wheller M. The Indus..., p. 103.

контуру извивающейся плетенкой²⁴⁹. Необходимо отметить, что как рисунки орлов, так и манера оформления контурного ободка бордюром из переплетенной спирали или извивающейся плетенки являются характерным признаком сфрагистики сиро-хеттского мира. В этой связи отметим, что вышеупомянутая печать из дворца с Дашлы-3 единственная, имеющая не гладкий или фестончатый ободок, а бордюр в виде извивающейся плетенки, что усиливает возможные аналогии с сиро-хеттской глиптикой.

Здесь же отметим, что среди печатей, происходящих из хищнических раскопок, имеется печать с ручкой в виде высокого штыря с отверстием на конце — форма необычная для местных печатей, но типичная в сиро-хеттской глиптике²⁵⁰. Принадлежность их к эпохе бронзы документируется рисунком в виде спирали: аналогичное изображение имеется на стратифицированных фаянсовых печатях, происходящих из раскопок Дашлы-3.

К этому же типу относится круглая печать с изображением птицы, но выполненной не в статичной «канонизированной» позе, а, напротив, весьма натуралистично. Это представитель пернатого мира, возможно, гусь, идущий вправо; голова, посаженная на длинную шею, изогнута назад так, что клюв как бы почесывает приподнятое крыло. Близкое изображение, но на каменной печати происходит из Белуджистана, свидетельствуя совместно с бактрийским экземпляром о существовании реалистических мотивов на печатях эпохи бронзы.

Третий тип составляют печати, в центр которых вписаны изображения скорпионов, выполненных в полном согласии с натурой: четыре пары слегка изогнутых ног, расположенных симметрично по обе стороны тела, сильно изогнутый набор хвост и пара маленьких ножек.

Рисунок скорпиона трижды выгравирован на каменном призматическом амулете с Дашлы-1; близкое изображение имеется на каменной печати-амулете из бассейна Мургаба²⁵¹. Медно-бронзовые перегородчатые печати, отлитые в виде скорпионов, известны в древнем Иране как на севере (Гиссар)²⁵², так и на юге²⁵³. Хотя одна печать хараппского стиля из Ура имеет рисунок скорпиона, однако в долине Инда этот мотив пока с точностью неизвестен²⁵⁴. Вместе с тем на месопотамских цилиндрах

изображения скорпионов не являются редкостью²⁵⁵, где они сопровождают эротические сцены, что, как считают, связано с идеей всеобщей плодovitости. Скорпион идентифицируется также с богиней Иштар (а последняя — с Венерой) касситского пантеона²⁵⁶. С другой стороны, не исключено и иное предположение: скорпионы, ведя ночной образ жизни, скрываясь от яркого солнца и прячась в тени, могли символизировать устрашающую, порой смертельную силу, олицетворяя собой тайные силы природы. В таком случае не исключен и тотемный аспект этих изображений, подобно тому как в шумерских текстах среди списка мифических правителей упоминается и имя скорпиона в качестве племенного или родового тотема²⁵⁷.

Хотя изображения этих паукообразных, типичных для аридной зоны Юго-Западной Азии, могли возникнуть независимо друг от друга, показательно, что в древнем искусстве Южного Туркменистана, Северного Ирана и Афганистана рисунки скорпионов не известны вплоть до появления исследуемых печатей. Однако в Центральном Иране изображения скорпионов, хотя и изредка, но уже появляются на расписной посуде Сялка-III²⁵⁸, а в Гияне они имеются на печатях²⁵⁹. Несколько больше таких изображений в Юго-Западном Иране (Сузиана, Талибакуп)²⁶⁰, зато в соседней Месопотамии рисунки скорпионов становятся популярными начиная с художественной керамики позднихассунского периода²⁶¹.

Как видно, намечается хронологическая цепочка, идущая с крайнего юго-запада Ирана (а в опосредствованной форме — из соседней Месопотамии) на северо-восток, так что на смежную афгано-ирано-среднеазиатскую территорию исследуемый мотив попадает сравнительно поздно — в середине II тысячелетия до н. э.

Четвертый тип составляют перегородчатые зооморфные печати, представленные тремя образцами. На одной из них в центре сохранилось изображение идущего горного козла (или барана). Длинные, круто загнутые рога заброшены на спину; непропорционально длинные ноги слегка согнуты, придавая всей позе дви-

²⁵⁵ Legrain L. Ur Excavations. Oxford, 1963, v. III, pl. 18, № 48—50.

²⁵⁶ Ward W. H. The Seal Cylinders..., p. 405.

²⁵⁷ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, с. 167.

²⁵⁸ Ghirshman R. Fouilles de Sialk..., pl. LXXVIII, B, N 2.

²⁵⁹ Contenau G., Ghirshman R. Fouilles de Tepe-Gijan, pl. 38, N 27.

²⁶⁰ Contenau G. Manuel D'Archéologie..., v. I, fig. 298.

²⁶¹ Braidwood R., Braidwood L., Tulane E., Perkins A. New Chalcolithic Material of Samarran type and its implications. — INES, 1944, v. III, N 4.

²⁴⁹ Contenau G. La Civilization des Hittites. Paris, 1948, p. 50—52; 162, fig. 4, 36.

²⁵⁰ Contenau G. La Glyptique...

²⁵¹ Каруаниди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля..., рис. 2.

²⁵² Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., fig. 118.

²⁵³ Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M. Shahr-i-Sokhta..., fig. 1; 121.

²⁵⁴ Wheller M. The Indus..., p. 103.

жение вперед. Точно такая же печать происходит из бассейна Мургаба; в Южной Туркмении известны фигурные печати, отлитые в виде козлов с изогнутыми рогами, прототипы которых в изобилии отмечаются в местной расписной посуде предшествующего времени²⁶². Мотив горного козла или барана является настолько популярным на древнем Востоке, что было высказано мнение о его преимущественно тотемном характере на памятниках древнего искусства²⁶³.

Особого интереса заслуживает массивная фигурная печать, отлитая в виде горбатого быка, стоящего на лапке, изображенной в виде извивающегося двуглавого змея или дракона. Профильная фигура быка сохранила морду с круглым глазом и выделенным ртом; голову венчает пара изогнутых навстречу рогов. Подчеркнутый горб и заодно загнутый хвост дополняют общий образ этого популярного животного древневосточного искусства. Обратная сторона в противоположность другим печатям имеет не плоскую, а рельефную поверхность, подчеркивающую мощную мускулатуру тела, детализированную передачу морды с круглым глазом и полуоткрытым ртом; в середине тулова имеется петелька-ручка. Аналогичная манера двусторонней обработки деталей с оборотной стороны засвидетельствована еще в Южном Туркменистане на печати трикефала.

Судя по специально выделенному горбу и некоторым стилистическим деталям, например по форме рогов, это изображение быка индийской породы, хорошо известной по печатям культуры Хараппы, где они определяются эмблемами божеств или даже божествами, которым придан зооморфный облик. С другой стороны, с глубокой древности образ быка являлся популярным во многих частях древневосточного мира, для чего достаточно вспомнить великолепные скульптурные букрании святилищ Хаджилара. В дальнейшем изображение быка последовательно прослеживается в искусстве и многих древнеземледельческих общинников Ближнего Востока. Очевидно, что и рассматриваемая печать может иметь местное происхождение, тем более что изображения быков входят в репертуар расписной керамики ирано-туркменистанского круга начиная с периода энеолита (Сялк III — Кара-Тепе). Известны они в каменной и терракотовой пластике этого обширного региона и в последующее время вплоть до эпохи бронзы. В этой связи отметим металлическую перегородчатую печать из Юж-

ного Афганистана в виде горбатого быка, отнесенную к античному времени²⁶⁴.

В Иране перегородчатые печати подобного типа неизвестны, зато найдены они в Южном Туркменистане. Имеется в виду печать с Алтын-Тепе в форме бычка, стоящего на коротких ногах; морда украшена круглым рельефным глазом, загнутые рога и лепестки-уши венчают голову животного. Намеренно выделенный горб на шее может указывать на индийскую породу быков, если не на влияние сфрагистики хараппской цивилизации.

Хотя образ быка был широко распространен в древневосточном искусстве, конкретный североафганский образец демонстрирует, безусловно, мифологический сюжет, пока не отмеченный в древней сфрагистике Ближнего Востока. Выше уже отмечалось вполне вероятное изображение на этой печати индийской породы быка. Известна в долине Инда и призматическая трехгранная поделка, на каждой плоскости которой имеются хараппские письмена, рисунок крокодила и, наконец, лапша с двумя сидящими в ней птицами²⁶⁵. Из Северной Месопотамии происходит бронзовая табличка, состоящая из трех регистров: на верхних двух изображена заупокойная сцена, на нижнем — лапша, корма и нос который отдаленно напоминают змеиные головы, а вся сцена может отражать нижний (потусторонний) мир²⁶⁶.

Думается, что прав В. Вард, считающий, что в странах с интенсивно развитой системой каналов, например в Египте или Месопотамии, где все движение осуществлялось преимущественно по воде, были широко развиты мифологические представления, что бог рождается в лодке, а не в повозке, как это было распространено у народов равнин и плоскогорий. В таком случае можно предполагать, что печать с изображением быка изготовлена местными, североафганскими мастерами; сам же этот образ имеет преимущественно индийское происхождение. Хотя семантика его не совсем ясна, думается, что в конечном счете она связана с древним мифотворчеством.

В единственном экземпляре известна печать с изображением обезьяны в профиль, сидя-

²⁶⁴ Dupre L. Shamshir-Ghar, pl. 38a. Выше уже отмечалось обнаружение в этой же пещере печати с рисунком орла во фронтальном положении. Не исключено, что в Шамшир-Гар имелись слои позднебронзового века, которые в кушанское время оказались перекрытыми.

²⁶⁵ Dales G. The South Asia Section.— «Expedition», 1968, v. 11, N 1, p. 38.

²⁶⁶ Ward W. The Seal Cylinders..., fig. 856. Известны также лодки-люди, у которых корма и нос трактованы в виде погрудных человеческих фигур. (См.: Dales G. The South Asia..., p. 43).

²⁶² Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии.— СА, 1967, № 3, с. 181—183, рис. 13.

²⁶³ Marshall I. Mohenjo-Daro..., p. 392.

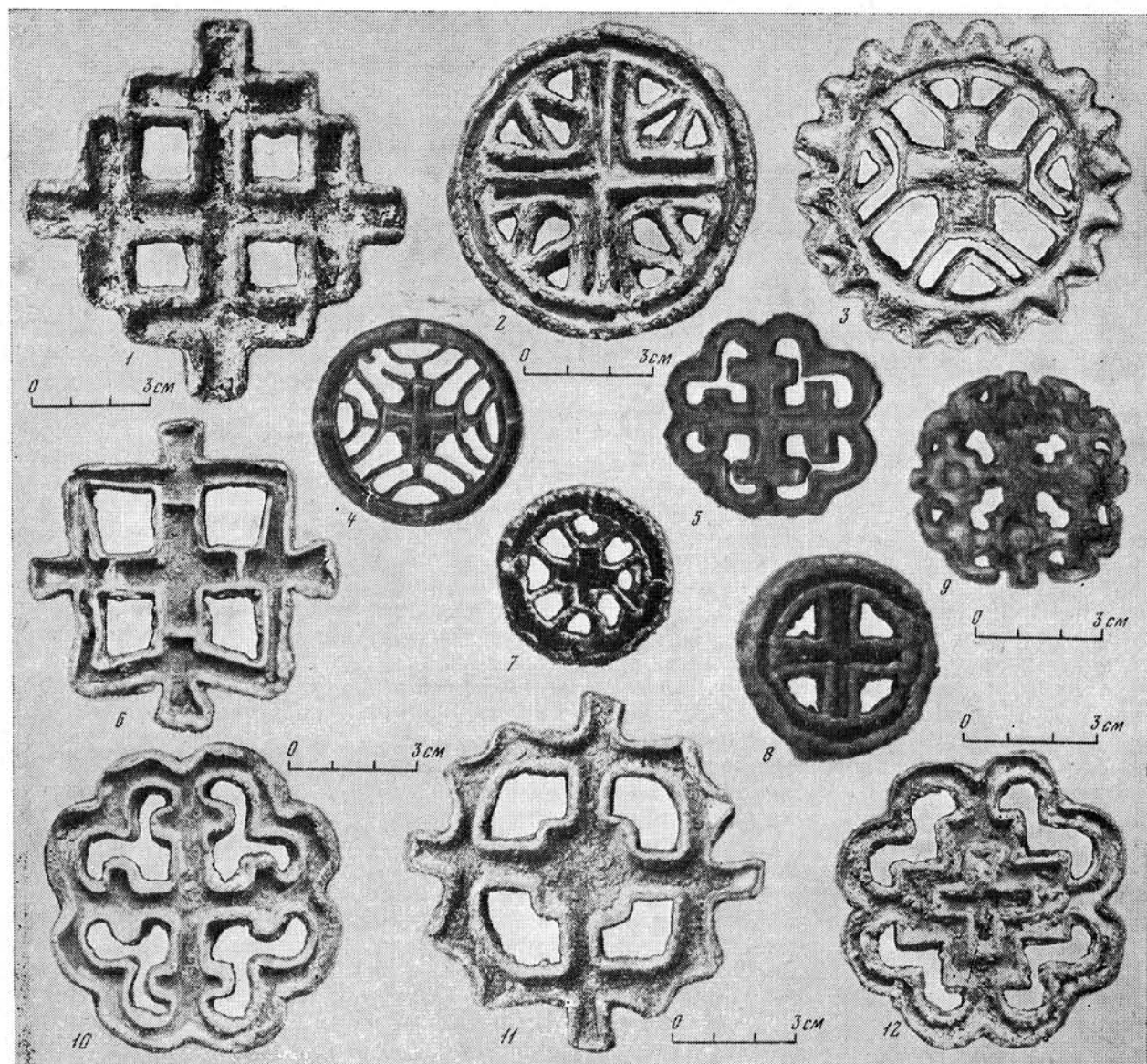

Рис. 48. Печати с крестовидными орнаментами из разграбленных могил Бактрии

щей на короточках, с поднятыми вверх передними конечностями и длинным изогнутым хвостом. Образ обезьяны чрезвычайно редок в древневосточной глиптике и известен в единичных экземплярах и всегда в соподчиненной роли²⁶⁷. Присутствие изображения обезьяны так далеко на севере от мест естественного обитания заставляет предполагать «пришлый» характер самого мотива. Из территориально близких регионов это может быть индийский субконтинент,

однако там известны лишь терракотовые статуэтки. Зато рисунки обезьяны имеются на сиро-хеттских печатях²⁶⁸, где они определяются как следствие египетского влияния — как известно, бабуины были тесно связаны с божеством Тотом²⁶⁹. Далее будут отмечены возможные соответствия сиро-хеттской и североафганской глиптики, что может указывать на вполне вероятное сложение этого образа здесь под влиянием сфрагистики хеттского круга.

Шестой и наиболее многочисленный тип составляют печати с геометрическими орнаментами, в основе которых находится крест

²⁶⁸ Contenau G. La Desse..., fig. 94.

²⁶⁹ Contenau G. Manuel d'Archéologie..., t. II, p. 821—822.

²⁶⁷ Ward W. The Seal Cylinders..., fig. 306, 347.

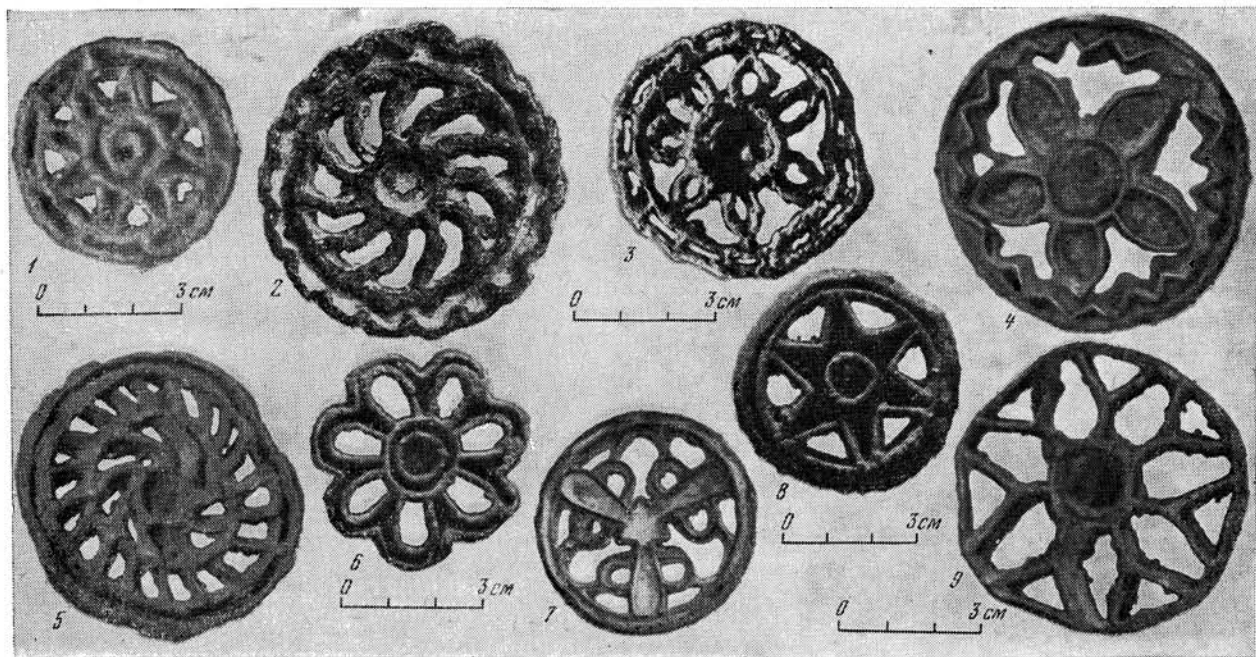

Рис. 49. Печати с розетковидными орнаментами из разграбленных могил Бактрии

или его модификации. Имеются как простые образцы в виде круглой печати, внутреннее пространство которой занимает крупный крест, так и сложные, в центр которой вписан миниатюрный крестик, соединенный с внешним ободком самой печати добавочными соединительными прямыми или полукруглыми полосками. Как разнообразность можно отметить круглые печати, внутри которых вписаны кресты с четырьмя дополнительными лучами, также образующими крест. Наконец имеются круглые печати, внутри которых вписаны крупные кресты, концы которых оформлены либо в виде трезубцев, либо кружков; на одной печати крест образован фестончатыми лопастями. Вариантами крестовидного типа являются печати с Дашлы-3, на одной из которых крест оформлен ломаными линиями. На другой — миниатюрный крест заключен в решетчатый щиток, также имеющий по контуру форму креста. Как правило, все такие печати круглые, с гладким или зубчатым оформлением; в единичных случаях отмечены квадратные, но того же орнаментального типа. Особого интереса заслуживают прорезные печати, условно обозначенные как «крест в нимбе». Их центральную часть составляет крупный крест (иногда вписанные друг в друга два креста), концы которого имеют поперечные перекладины, от которых отходят полукруглые фестоны, образующие внеш-

ний контур самой печати. Сквозные прорезные уголки в сочетании с массивными крестами создают впечатление ажурного плетения, подчеркивающего основной символ креста.

Подлинным шедевром медальерного искусства является прорезная печать в виде крупного креста, концы которого оформлены в виде дополнительных уступчатых крестов, пространство между которыми занимают фестоны. Здесь символ креста повторен многократно, что не оставляет сомнений в его основной смысловой нагрузке.

Близко к этому подтипу относятся печати в виде крупных контурных крестов с перекладинами на концах; последние иногда соединены вместе, а в центр вписан дополнительный крестик. С Дашлы-3 происходит прорезная печать, отлитая в виде крупного контурного уступчатого креста, внутрь которого вписан миниатюрный крест.

К седьмому типу относятся печати, основу композиции которых составляют многолепестковые розетки. Число лепестков варьирует от 5 до 8, причем чаще всего встречаются семь лепестков, имеющих форму вытянутого овала или реже — остроугольных зубчиков.

Как правило, розетки либо вписаны во внешний, часто двойной круг самой печати, либо имеют фестончатое оформление; центральную часть таких печатей составляют вписанные друг в друга кружочки, иногда один кружок.

Печать, внутри которой вписана шестилучевая звезда, возможно, впоследствии будет

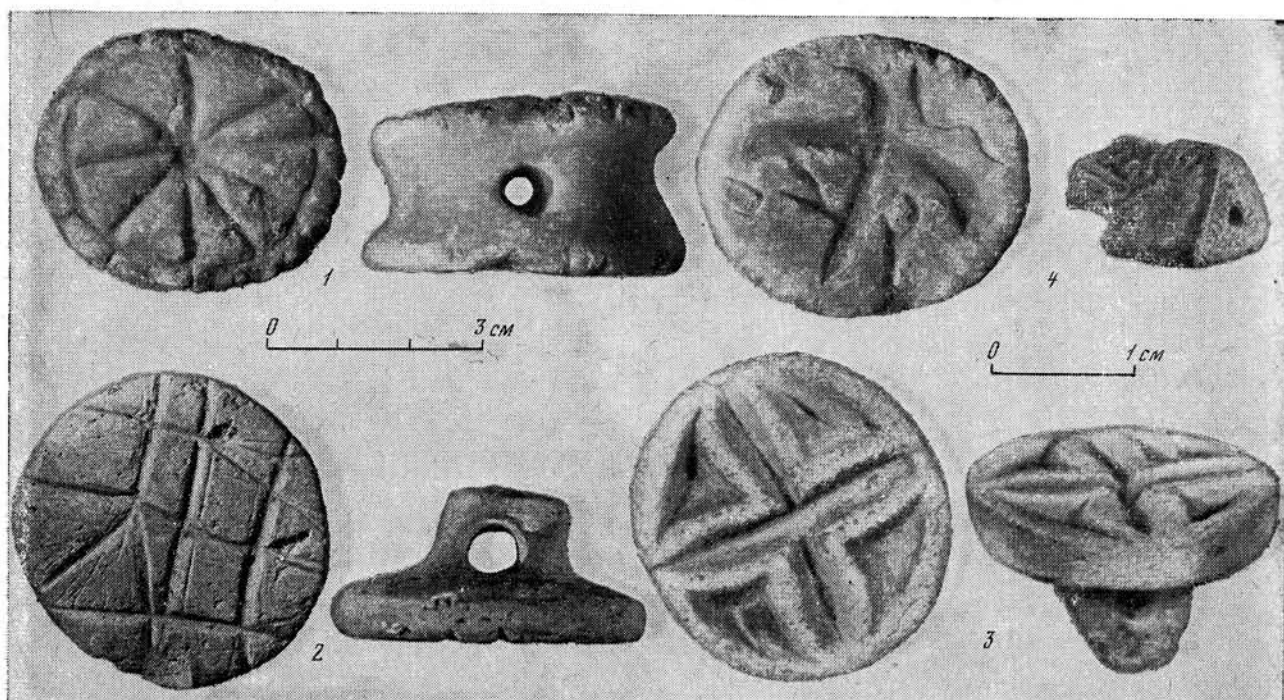

Рис. 50. Дашлы-1. Каменные печати-амулеты и оттиски с них

выделена в самостоятельный тип, точно так же, как трехлопастное изображение на другом образце. Кроме того, имеется четырехлепестковая розетка с квадратом в центре, возможно, относящаяся к печатям крестовидной формы.

Единственным экземпляром представлена круглая печать в виде вихревой розетки, печать, состоящая из серии мелких прямоугольных ячеек, а также полностью прорезные печати неясного типа.

Следующую, но очень малочисленную группу составляют каменные печати-амулеты, преимущественно происходящие с поселения Дашлы-1. Ограниченность имеющегося материала препятствует установлению полной типологии, которая пока может быть представлена лишь в предварительном виде.

Первый тип составляют печати-амулеты с натуралистическими изображениями. Это в первую очередь печать, изготовленная из алебастровидного камня белого цвета. Она имеет цилиндрическую форму со сквозным отверстием по удлинённой оси. С обеих сторон сохранились процарапанные рисунки, причем внешние ободки украшены вертикальными насечками. На одной стороне нанесен довольно схематический орнамент в виде 9-лучевой розетки с неглубоким отверстием в центре. Зато с оборотной стороны изображен более слож-

ный рисунок в виде схематичной птицы, по-видимому орла в геральдической позе; в картушах имеются более мелкие рисунки, среди которых четко читается изображение извивающейся змеи у головы птицы. Само по себе это предельно схематизированное изображение с трудом поддается расшифровке, однако сходный рисунок орлоподобной птицы известен на печатке из из Чанху-Даро²⁷⁰ и вместе с вышеупомянутыми аналогичными рисунками Афганистана и Туркменистана входит в один общий круг древней сфрагистики.

Другая призматическая печать, к сожалению, сохранилась лишь частично. Она найдена на поверхности холма, изготовлена из черного камня, имеет в разрезе треугольную форму со сквозным отверстием вдоль длинной оси. На всех трех плоскостях частично сохранились выгравированные рисунки, напоминающие изображение скорпионов.

Следующая печать — прямоугольная, плоская в сечении, со сквозным отверстием по длинной оси, изготовлена из твердого камня черного цвета. С обеих сторон выгравированы рисунки: на одной изображен идущий крылатый лев с раскрытой пастью и загнутым вверх хвостом. Рисунок отличается тонкая моделировка в проработке деталей и, в частности, в трактовке лохматой гривы. Вторая плоскость сильно сбита, так что рисунок с точностью не читается; отметим лишь, что и здесь прослеживаются

²⁷⁰ Mackay E. Chanhu-Daro..., p. 144, pl. I, N 4.

линии, напоминающие крылья. Изображение крылатого льва более характерно для ассирийского искусства XII—X вв.²⁷¹, но в древней Бактрии этот мотив был широко распространен на местных печатях.

С этого же поселения происходит круглая фаянсовая печать с выгравированным рисунком креста и ручкой-петелькой с обратной стороны, а также терракотовая, на лицевой стороне которой процарапаны пересекающиеся линии.

Две фаянсовые круглые печати найдены при раскопках дворца на Дашлы-3. С лицевой стороны они имеют сходный нарезной рисунок в виде зубчатого круга, от которого в центр отходит закругленная спираль; на оборотной стороне имеются петельки-ручки. Выше отмечалось, что аналогичный спиральный узор имеется на металлических печатях (но с необычно высокими ручками), происходящих из хитических раскопок.

В верхнем слое дворца Дашлы-3 встречены две круглые стеатитовые печати с ручкой и крестовидным орнаментом, выгравированным глубокой техникой. Близкое изображение имеется среди печатей-амулетов со сквозным отверстием вместо ручки, характерных для новохеттского царства²⁷².

Особняком стоит амулет, происходящий из случайных находок Дашлинского оазиса. Хотя точная хронологическая принадлежность его не определена, думается, что он входит в круг печатей эпохи бронзы. Этот плоский бронзовый ступенчатый ромб имеет два сквозных отверстия в противоположных углах. На одной стороне изображено дерево в виде прямого ствола, от которого снизу отходят две ветви с острыми листочками. Сверху на ветви опускается пара птиц с поднятыми крыльями, но уже вытянутыми как для посадки ногами. Верхушка ствола оформлена в виде расширяющейся кроны короткими, веерообразно расходящимися ветвями, напоминающими пальму.

Мотив «священного дерева» среди других символов труднее всего поддается расшифровке. Однако, как например, на касситских печатях, когда дерево составляет ось композиции, оно изображено реалистично, а на ветви садится пара птиц — в таком случае оно определяется как символ «священного дерева»²⁷³. Предполагается, что «священное дерево» символизирует собой не просто плодородие, а де-

рево, дарующее счастье. В литературе отмечалось, что в Авесте упоминается дерево, на котором собраны семена всех растений мира. Сидящий на дереве грифон трясет ветки, а другая птица собирает эти семена, несет их в небо, где они, смешавшись с дождем, падают вновь на землю и производят новые растения. Думается, что эти данные могут быть с полным основанием сопоставлены с рассматриваемым изображением на дашлинском амулете.

Центральную часть его второй стороны занимает фигура двугорбого верблюда в профиль, мелкие детали на голове читаются плохо, но, видимо, передают украшения. С особой тщательностью проработана плавно изогнутая шея; перед мордой животного изображен обнаженный ребенок, возможно младенец, держащий за повод верблюда. Тонкая моделировка всего изображения документируется напряженной мускулатурой тела животного, остановленного в своем движении вперед туго натянутым поводом ребенка. Мотив верблюда практически отсутствует в Месопотамии и долине Инда, зато в Иране известен в росписи посуды Сялк-III, а в Туркменистане, помимо остеологических материалов эпохи энеолита, известны многочисленные терракоты конца III тысячелетия и, наконец, на амулете из Северного Афганистана II тысячелетия до н. э.

И позднее это животное занимает видное место в искусстве ахеменидского Ирана (рельефы Персепольского дворца) и Бактрии (на монетах, оттисках на сосудах)²⁷⁴, что позволяет выделить афгано-ирано-туркменистанский центр в системе всего Древнего Востока, где в культах и мифах образ верблюда занимал особое место. Отметим, что в Авесте верблюд — самое высокочтимое животное, обладающее наибольшей силой и мощью, что предполагает существование весьма древнего его культа²⁷⁵. Как видно, североафганский амулет демонстрирует сочетание общеизвестного древневосточного символа «священного дерева» с глубоко местным изображением верблюда, занимавшего особое место у восточноиранских племен. В этой связи отметим уже упоминавшийся рисунок крылатого верблюда из Южного Афганистана и бронзовую печать с его изображением.

Ромбической формы амулеты из лазурита и опокы известны на Сапалли-Тепе, где они также имеют по два сквозных отверстия, как

²⁷¹ Porada E. *Corpus of Ancient Near Eastern Seals*. Washington, 1948, pl. LXXXVI.

²⁷² Contenau G. *La Civilization...*, fig. 36.

²⁷³ Van Buren E. *Symbols of the Gods in Mesopotamian Art*. Rome, 1945, p. 40; Ward W. H. *The Seal Cylinders...*, p. 219—220, fig. 701.

²⁷⁴ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган. — МИА, 1953, № 73, с. 266.

²⁷⁵ Более подробно см.: Кузьмина Е. Е. Древнейшая фигура верблюда из Оренбургской области и проблема domestication бактрианов. — СА, 1963, № 2, с. 43—44.

мургабский и дашлинский экземпляры. Сохранившиеся на них гравировки передают рисунки дерева, птиц, возможно орлов, змей²⁷⁶.

Обзор печатей Северного Афганистана дает возможность сделать несколько предварительных выводов. У местных племен существовало два вида изделий подобного рода: металлические печати и каменные печати-амулеты. Хотя символы, изображенные на них, в целом одинаковы, представляется, что металлические перегородчатые печати имели светское назначение, в то время как каменные печати-амулеты — культовое.

В свою очередь перегородчатые печати распадаются на два вида — натуралистический (антропоморфные, зооморфные, паукобразные) и абстрактный (кресты, розетки и др.). Семантика печатей первого вида пока еще с трудом поддается выяснению, но показательно, что она по преимуществу носит мифологический характер (крылатые люди, бык на ладье); вместе с тем печати с изображением скорпионов, обезьяны, орлов, возможно, гусей указывают на существование иных образов. Показательно, что последние изображения выполнены довольно реалистично, но почти все это представители диких, а не домашних видов, что заставляет усматривать в них эмблемы, наделенные особыми свойствами. В этом плане печати как бы продолжают традицию, отмеченную для расписной керамики Ближнего Востока, где по преимуществу изображались дикие животные и птицы, видимо, имевшие тотемное значение.

Вместе с тем налицо более широкое назначение перегородчатых печатей, свидетельством чего являются их оттиски на глине. В Гиссаре встречено несколько таких оттисков на глине, причем на некоторых из них сохранились сквозные отверстия от шнура. Все комки глины после оттисков были обожжены и определяются как бирки торговцев²⁷⁷. Много больше оттисков встречено при раскопках другого древнеиранского поселения — Шахри-Сохте; хотя большинство их сделано печатями, еще не встреченными при раскопках, имеются оттиски, точно повторяющие уже известные печати. Принципиально важного значения заслуживает тот документально установленный факт, что в ряде случаев отпечатки производились неоднократно, а главное — разными печатями по одному куску глины²⁷⁸.

В противоположность Гиссару в Шахри-Сохте оттиски сохранились на сырой, а не на

обожженной глине, причем в большом количестве, что указывает на их хозяйственное, утилитарное назначение.

Создается впечатление, что если не каждый взрослый житель, то по крайней мере все главы семей имели свои печати, игравшие роль семейных символов собственности. Не исключено, что в больших семьях каждый глава семьи имел свою печать, но все они являлись символами каждого конкретного большесемейного коллектива, так что, возможно, этим обстоятельством можно объяснить наличие различных оттисков на одном комке глины. Вместе с тем налицо религиозно-магический аспект изображений на печатях, получивший свое отражение в вышеотмеченных орнаментах.

В этом отношении показательно исследование, проведенное В. К. Афанасьевой применительно к шумеро-аккадской глиптике. По ее мнению, древняя печать отмечала принадлежность предмета определенному лицу в тесной связи с симпатической магией. «В этом явлении, видимо, и заложена тенденция к развитию печати как знака собственности — от охраны собственности при помощи магии к ее (собственности) юридической охране»²⁷⁹. Думается, что рассматриваемые североафганские печати имели близкое назначение: являясь символом собственности, они вместе с тем сохраняли еще глубокую магико-религиозную семантику, корни которой уходят в предшествующее время.

В этом плане особого интереса заслуживает тот факт, что наиболее популярными изображениями на печатях являются рисунки крестов и розеток. Кресты в различных вариантах и модификациях постоянно присутствуют на многих печатях, либо включенные в центр более общего орнамента, либо имеющие самостоятельное значение. Изображение креста едва ли не самый древний символ в искусстве многих племен Ближнего Востока, где он определяется как имеющий магический смысл оберега²⁸⁰. В таком случае не исключено, что этот древнейший символ, постоянно встречающийся в росписи художественной керамики, был использован в качестве магического орнамента на печатях, все более приобретающих юридическую силу как символа собственности.

Не менее популярны были и изображения розеток или многолучевых звезд в виде центрального круга, от которого отходят лучи в

²⁷⁶ Аскарлов А. А. Сапалли-Тепе, с. 95—96, рис. 47.

²⁷⁷ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., p. 200 Pl. XLIX.

²⁷⁸ Tosi M. Excavations... at Shahr-i-Sokhta, p. 376—378, fig. 277—280.

²⁷⁹ Афанасьева В. К. Мифология и эпос в шумеро-аккадской глиптике. (Автореф. канд. дисс.). Л., 1965. с. 8.

²⁸⁰ Хлопин И. Н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении. — КСИИ, 1962, вып. 91, с. 14—21; Массон В. М. Протогородская цивилизация..., с. 181.

количестве от пяти и более. Уже отмечалось, что символ звезды не характерен для Южного Туркменистана поры энеолита; здесь в росписи посуды имеется солярный символ в виде круга или двойного круга, иногда с зубцами, но число их непостоянно и нередко достигает полутора десятков²⁸¹. Вместе с тем мотив многолучевой, преимущественно шестилучевой звезды или розетки уже известен в Иране начала эпохи энеолита (Гиссар-IV—IC; Сялал-III), возможно, также в значении солярного символа. В этом отношении показательна шумерская и эламская письменность, где имеется шести- и восьмилучевая звезда в значении ан — «небо»²⁸², dingir — «бог», «божество»²⁸³.

Вместе с тем среди дашлинских печатей имеются трехлопастная и даже вихревая розетки, указывающие на более широкое смысловое значение ряда символов, существовавших у местных племен.

Выше уже отмечалось, что североафганские каменные печати-амулеты обнаруживают сходство с амулетами Мургабского оазиса и, что особенно важно, в постхараппской культуре Джукхар, которую одни авторы определяют как хотя и выродившуюся, но собственно хараппскую (В. Фаирсервис, Ж. Касаль), а другие — как совершенно новую пришлую культуру (С. Пигготт, К. Дикшит). Но независимо от этого все авторы единодушны в том, что печати культуры Джукхар резко отличны от собственно хараппских и имеют западное происхождение²⁸⁴. Наиболее полная коллекция этих печатей происходит с холма Чанху-Даро, из слоев культуры Джукхар. Эти печати-амулеты глиняные или каменные, круглой или овальной формы, со сквозным отверстием или петелькой с тыльной стороны; на одной или на обеих плоскостях выгравированы изображения преимущественно простых геометрических рисунков, реже — животных²⁸⁵.

По Е. Маккею, печати-амулеты культуры Джукхар ближе всего напоминают архаические эламские, которые, однако, по крайней мере на тысячу лет древнее их; с другой стороны, как по форме, так и по рисункам они перекликаются и с хеттскими печатями. Предполагается, что в эламском искусстве могло произойти восхождение древних форм и рисунков на печатях, которые вероятнее всего имеют западное

происхождение, причем из этого же источника могут происходить печати культуры Джукхар²⁸⁶.

Если сравнить дашлинские и чанхударовские печати-амулеты, то между ними нет прямых аналогий, хотя косвенные данные могут свидетельствовать об их общем происхождении. Отметим, что среди других находок из Северного Афганистана имеются каменные и керамические печати с ручками на обороте и простыми геометрическими орнаментами, что близко соответствует аналогичным печатям из Чанху-Даро²⁸⁷. С другой стороны, амулеты без ручек и с отверстиями для шнура для этого времени известны лишь в долине Инда, Южном Туркменистане, Северном Афганистане и Сузиане. Следует особо отметить индийский амулет с изображением орлоподобной птицы²⁸⁸, близкое соответствие которому (как по форме, так и по двустороннему рисунку) имеется в Северном Афганистане. Рисунки птиц на обоих этих амулетах выполнены предельно схематично, так что отдельные детали (лапки?) читаются с трудом. На афганской печатке показателен рисунок змеи в поле, за головой птицы; хотя подобного изображения нет на этом индийском экземпляре, общая трактовка орлоподобной птицы такова, что Е. Маккей определил ее как рисунок трех змей²⁸⁹, змеи под крыльями орла изображены на амулете из Хараппы²⁹⁰, что весьма показательна в плане выявления общих иконографических параллелей глиптики долины Инда, Туркмении и Афганистана конца II тысячелетия до н. э.

Итак, можно считать установленным, что как печати культуры Джукхар, так и печати мургабского стиля и примыкающие к ним североафганские печати имеют западное происхождение с предположительным центром в Сузиане. Менее ясны параллели с хеттской глиптикой Северной Сирии, где в III тысячелетии до н. э. распространяются цилиндры месопотамского типа и лишь позднее — печати-амулеты с местными изображениями²⁹¹, находящими параллели в индо-афгано-туркменистанских печатях. Думается, что параллели эти носят преимущественно формальный характер и, скорее, отражают одинаковую, но независимую стадию развития глиптики, которая везде в древневосточном мире начинается с так называемых пуговичных печатей. Вместе с тем уже отмечалось, что печати-амулеты как долины Инда, так и дельты Мургаба резко отличны от местных, но

²⁸¹ Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота..., с. 15.

²⁸² Falkenstein A. Archaische Texte aus Uruk. — Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka, 1936, Bd. 2, N 192.

²⁸³ Labat R. Manuel l'épigraphie Akkadienne. Paris, 1953, N 13.

²⁸⁴ Dikshit K. N. Harappa culture and its aftermath. — «Archeocivilization», 1967, N 3—4, p. 28—29.

²⁸⁵ Mackay E. Chanhi-Daro..., p. 140—144, pl. XLIX, L.

²⁸⁶ Mackay E. Chanhi-Daro..., p. 144.

²⁸⁷ Там же, табл. XLIX, № 14, 15 и особенно № 6.

²⁸⁸ Wheller M. The Indus..., p. 103.

²⁸⁹ Mackay E. Chanhi-Daro..., p. 142.

²⁹⁰ Wheller M. The Indus..., p. 103.

²⁹¹ Hogarth D. G. Hittite Seals. Oxford, 1930, p. 103.

предшествующего времени, что, конечно, не случайно²⁹².

Не останавливаясь на чисто археологических доказательствах, отметим, что и в долине Инда²⁹³, и в Южном Туркменистане²⁹⁴, и Северном Афганистане вместе с распространением новых типов печатей полностью прекращается изготовление антропоморфной пластики, что свидетельствует об изменениях в идеологических представлениях местного населения. Заметим также, что многие авторы видят в носителях джукарской культуры индоевропейские племена, пришедшие на индийский субконтинент, причем одно из важных доказательств арийского нашествия усматривается в типе печатей с Чанху-Даро²⁹⁵.

Заканчивая обзор глиптики Афганистана, мы можем сделать несколько предварительных выводов. Намечается три основных этапа в ее развитии. Первый, наиболее ранний этап относится к эпохе энеолита, когда на юге страны (Мундигак и др.) бытуют плоские каменные печати с отверстием для шнура и преимущественно геометрическими орнаментами.

Второй, промежуточный этап характеризуется постепенным видоизменением этих амулетов, все более приобретающих черты типичных печатей. В первую очередь это связано с появлением петелек-ручек и постепенной заменой каменных образцов металлическими. Наконец, в третий этап широко распространяются металлические печати перегородчатого типа, которые теперь известны как на юге, так и на севере Афганистана.

Наряду с этой, в целом местной линией развития древней глиптики в последний, третий этап в небольшом количестве распространяются каменные печати-амулеты, близко напоминающие мургабские и постхараппские образцы. Во всех трех регионах эти специфические амулеты носят явно пришлый характер и имеют не светское, а ритуальное назначение, скорее всего, в виде апотропеев.

Сравнительный анализ показывает, что при местной ирано-афгано-туркменистанской линии развития древней глиптики налицо влияние, идущее со стороны Месопотамии и особенно сиро-хеттского мира. В области сфрагистики эти веяния в первую очередь проявляются в группе каменных печатей-амулетов, что, однако, не исключает использования

новых образов и мотивов в изготовлении медно-бронзовых печатей. Каменные печати-амулеты, практически одновременно появляющиеся в южных областях Средней Азии и Северном Афганистане, с одной стороны, и на индийском субконтиненте — с другой, позволяют синхронизировать эти комплексы с постхараппской культурой долины Инда, но не ранее. Не исключено, что за распространением новых мифологических образов и, надо полагать, верований скрывается не только простая диффузия новых религиозных идей и представлений, но и приход в середине II тысячелетия до н. э. групп племен в эту часть древневосточного мира из одного общего, более западного центра.

Металлические перегородчатые печати имели преимущественно светское назначение и служили знаками собственности, но не отдельных личностей, а семей (фамилий), групп родственных семей. Все это косвенным образом указывает на существование не личной (в юридическом аспекте), а семейной коллективной собственности, что, помимо всего прочего, документируется различными оттисками печатей, но на одном комке глины. С другой стороны, нельзя не отметить, что в последний период резко увеличивается количество как самих печатей, так и оттисков, что связано с расширением древней торговли, развитием форм собственности и в конечном счете общественных отношений.

Вместе с тем печати все еще сохраняют религиозно-магический смысл, что нашло отражение в изображениях. Их магический смысл бесспорен, причем группа натуралистических изображений отражает мировоззрение местного населения, выраженное в мифологических представлениях, где солярные и космогонические идеи являлись едва ли не наиболее популярными и показательными. В этой связи можно допустить, что наличие натуралистических и абстрактных изображений связано с различным их назначением, когда одни печати могли являться знаком служебного или культового достоинства, а другие — символом собственности.

Отсутствие письменных данных затрудняет конкретизацию подобного предположения, однако не следует и принижать социально-экономический уровень развития местного общества. В этом отношении показательна поистине неисчерпаемая вариантность печатей с крестовидными изображениями; для обычного оберега достаточно было изобразить простой крест, однако на практике мы видим все новые и новые варианты, возможно, указывающие на социальную стратификацию исследуемого общества эпохи поздней бронзы.

²⁹² Сариганиди В. И. Бактрия в эпоху бронзы...

²⁹³ Маскау Е. Chanhi-Daro..., p. 151.

²⁹⁴ Массон В. М., Сариганиди В. И. Среднеазиатская терракота...

²⁹⁵ Heine-Geldern R. The Coming of the Aryans and the end of the Harappa Civilization.— «Man», October, 1956, v. LVI, p. 138.

§ 10. Мелкие поделки

Каменные, кремневые, костяные изделия сравнительно немногочисленны и в основном представлены миниатюрными сосудиками (кониические чашки, мелкие миски, флаконы, вазочки на высокой ножке); как правило, все они выточены из светлого с прожилками алебаstra и тщательно отшлифованы. Но особое место занимают каменные изделия, выточенные из темного стеатита и имеющие форму почки. Один такой образец происходит из центрального святилища круглого храма, второй — из дворца Дашлы-3; оба они имеют низкий бортик, украшенный нацарапанным орнаментом в виде заштрихованных треугольников. Большое количество аналогичных изделий в виде почки происходит из разграбленных могил Бактрии; большая часть их выточена из стеатита; в единичных экземплярах имеются керамические и металлические изделия. Все они, видимо, имеют особое, ритуальное назначение. На это могут указывать фаянсовые и костяные вставки в виде почек из Асмара²⁹⁶ и храма Иштар в Телло²⁹⁷. Такой же формы амулеты из серпантина, встреченные в храме Телл-Брака²⁹⁸, определяются как ритуальные изделия для гадания²⁹⁹.

Вместе с тем отмечается, что изображение почек было наиболее распространено не в Месопотамии, а в долине Инда, что документируется костяными вставками, рисунками на расписной керамике и печатях³⁰⁰. Это дало основание Е. Пораде считать их характерным признаком индийской цивилизации³⁰¹. На основании всех этих наблюдений Дюринг-Касперс прямо допускает распространение этого мотива из долины Инда вплоть до Месопотамии³⁰².

В свете сказанного можно предположить, что и афганские изделия в виде почки имели ритуальное назначение, тем более что одно из них найдено в культовом помещении. Однако следует отметить, что пока подобные каменные изделия известны лишь в Афганистане и, воз-

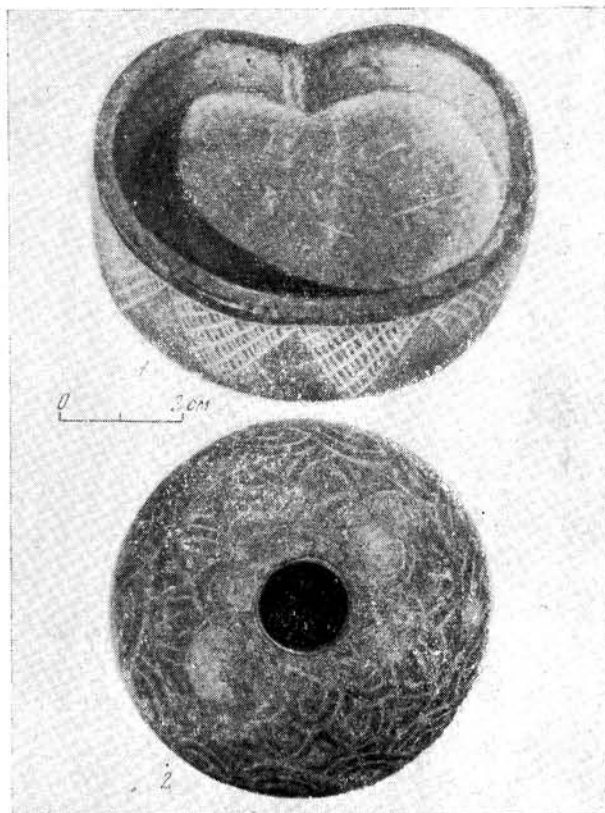

Рис. 51. Дашлы 3. Каменный сосудик из дворца (1) и каменное навершие из разграбленных могил (2)

можно, в Юго-Западном Туркменистане, где в культуре архаического Дахистана встречен аналогичный образец, но не орнаментированный.

При раскопках дворца Дашлы-3 встречены цилиндрические стержни, выточенные из стеатита, концы которых сохранили следы спилов или даже кольцевые надрезы.

Заслуживает интереса грушевидное навершие, по-видимому, булавы, изготовленное из темного камня и происходящее из случайных находок. Сквозное отверстие выделено с одной стороны рельефным валиком, а вся поверхность сплошь покрыта нацарапанным орнаментом. Поскольку подобные навершия ранее в Афганистане известны не были, хронологическая принадлежность этого образца остается неуточненной; отметим лишь близкие по форме навершия из Гияна³⁰³.

Миниатюрные каменные «колонки» встречаются как в могилах, так и культурном слое поселений (Дашлинский оазис), хотя назначение их до сих пор с точностью не установлено.

²⁹⁶ Frankfort H. Tell-Asmar, Khafaje and Khorsabad.—OIP, 1933, N 16, p. 52, fig. 32.

²⁹⁷ Parrot A. Le Temple D'Ishtar. Paris, 1956, fig. 93.

²⁹⁸ Mallowan M. Excavations at Brak and Chagar-Bazar.—«Iraq», 1947, v. IX, p. 39—40, pl. XVII, 5, 9—26.

²⁹⁹ Mallowan M. Excavations..., p. 40, 120; During-Caspers E. Some motifs as Evidence for Martime contact Between Sumer and the Indus Valley.—«Persica», N V, 1970—1971, p. 113.

³⁰⁰ Marshall I. Mohenjo-Daro..., v. I, pl. LXXXVII, N 4; Mackay E. Further Excavations at Mohenjo-Daro. Delhi, 1938, pl. CXL, N 59; Vats M. Excavations..., v. II, pl. LXVII, N 32.

³⁰¹ Leemans W. Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden, 1960, p. 33.

³⁰² During-Caspers E. Some motifs..., p. 114.

³⁰³ Herzfeld E. Iran in the Near East. London, 1969, pl. XXVI.

Думается, что они имели не бытовое назначение. Известны они в перемещенном виде в Афганском Сеистане³⁰⁴, в Южном Туркменистане (особенно в бассейне Мургаба), в Гиссаре-III³⁰⁵, а также в Белуджистане³⁰⁶.

В связи с широким географическим распространением показателен тот факт, что во всех этих пунктах миниатюрные «колонки» появляются в одно время — эпоху поздней бронзы, что указывает на существование общего центра, откуда они практически одновременно распространяются в западном направлении³⁰⁷.

Как правило, миниатюрные «колонки» выточены из светлых пород камня (нередко полупрозрачного алебаstra), поверхность их тщательно зашлифована, ствол в середине слегка утоньшен, на торцовых частях имеются вытесанные желобки, частично переходящие на боковые плоскости. Близкое по типу, но массивное дисковидное изделие из белого алебаstra вместе с обычной миниатюрной «колонкой» встречено в одной из могил Дашлы-3.

Кремневые изделия представлены наконечниками стрел и дротиков, вкладышами серпов, проколками для мягкого материала (шкур, кож), сверлами, ножами для разделки туш, боковыми скребками для обработки шкур. Траснологическое исследование, проведенное Г. Ф. Коробковой, показало, что все кремневые орудия, за исключением наконечников стрел, выполнены грубой, с признаками деградации, техникой, в основе которой лежит получение примитивных изогнутых пластин неправильных очертаний, оформленных частично притупливающей ретушью по краю. Зато наконечники стрел выполнены в лучших традициях энеолитической техники, с применением тонкой двусторонней обработки. Наконечники стрел изготовлены из прекрасного качества кремня коричневатого цвета и могут быть подразделены на три типа: 1) ромбические; 2) треугольные черешковые с опущенными жальцами и 3) лавролистные. Типологически близкие наконечники стрел известны в Сапалли-Тепе и бассейне Мургаба.

Костяные изделия (до 25—30 см длиной) в основном представлены изогнутыми рогами оленей, в меньшей степени — джейранов. Один конец их тщательно спилен, другой несет сле-

ды заглаженности от работы. Думается, что подобные изделия использовались в древнем хозяйстве. В меньшем количестве известны проколки с длинным узким стержнем, рабочий конец которого залощен, а другой уплощен. Лишь на одном экземпляре выточено биконическое навершие, что указывает на назначение в качестве костяной булавки. О связях с долиной Инда свидетельствует квадратная пластина со срезанными углами и кружковым орнаментом, изготовленная из слоновой кости.

Антропоморфная пластика в эпоху бронзы практически отсутствует в системе всего Афганистана, если не считать вышеупомянутый комплекс ритуальных изделий, включающий терракотовые статуэтки людей и животных. Так, в Мундигаке антропоморфные статуэтки существуют вплоть до Мундигак-IV, лишь один экземпляр происходит из слоя Мундигак-V и нет их совершенно в последующие периоды³⁰⁸.

Практически неизвестны антропоморфные статуэтки в Гиссаре, Южном Туркменистане периода Намазга-VI, Южном Узбекистане, в долине Инда в постхараппской джукхарской культуре. Вместе с тем весьма знаменательно, что в Южном Туркменистане и долине Инда в предшествующие периоды антропоморфная пластика составляет едва ли не наиболее характерный признак культуры, так что полное исчезновение ее не является случайным, а связано с внешними влияниями, скорее всего с приходом новых племен с другими идеологическими представлениями.

Зооморфная терракотовая пластика весьма ограничена; с поселений Дашлы-1 и 3 происходят две фигурки животных, вылепленные весьма обобщенно. Зато при раскопках дворца Дашлы-3 найдены две гипсовые статуэтки. Одна из них изображает собаку с загнутым вверх хвостом; глаза и шея окрашены черной краской. Ближайшую и наиболее показательную аналогию представляют алебастровые раскрашенные фигурки в одной из могил слоя Гиссар-IIIС³⁰⁹. Вторая статуэтка изображает спокойно лежащего барана: морда его отбита, но сохранились круто загнутые рога; выделяется четко моделированная мускулатура подогнутых под себя ног.

Биконические бусины, выточенные из темного стеатита и часто украшенные кружковым орнаментом, имеются в Мундигаке³¹⁰, но более широко они известны на севере страны. О том, что это именно бусы, а не пряслица, говорит

³⁰⁴ Dales G. Prehistoric Research in Southern Afghan Seistan.— «Afghanistan», 1972, v. XXIV, N, 4, fig. 16, 17.

³⁰⁵ Schmidt E. Excavations..., pl. LXI.

³⁰⁶ Piggott S. Dating..., p. 181—182.

³⁰⁷ Ср. материалы из Тепе-Гиссар, где миниатюрные «колонки» до слоя Гиссар-III вообще известны не были. (Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., p. 216—219).

³⁰⁸ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., p. 254, pl. XLII, N 16.

³⁰⁹ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., p. 188, pl. XXXIII.

³¹⁰ Casal J. M. Fouilles de Mundigak..., fig. 138, N 37.

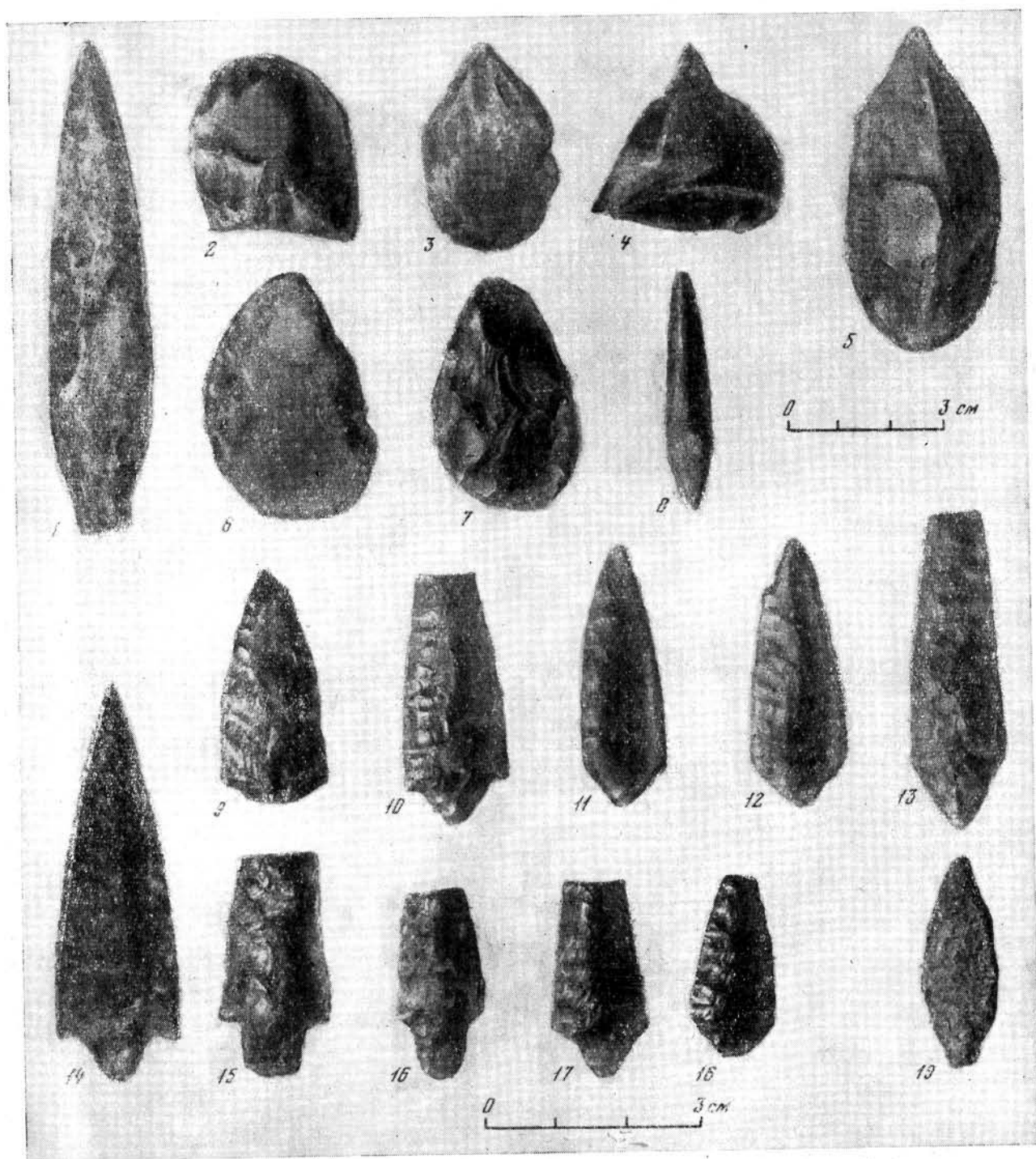

Рис. 52. Дашлы-3. Кремневые орудия

тот факт, что на ряде подобных изделий нацарапанные кружки заполнены белой и красной пастой. В единичных случаях отмечен не кружковый, а зубчатый орнамент.

Биконические бусы широко представлены в Северо-Восточном Иране³¹¹, Южном Туркменистане (особенно в бассейне Мургаба) периода Намазга-VI, в постхараппской культуре

³¹¹ Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar..., p. 322, pl. LXX; Arne T. J. Excavations..., p. 198—199, pl. XXXIII.

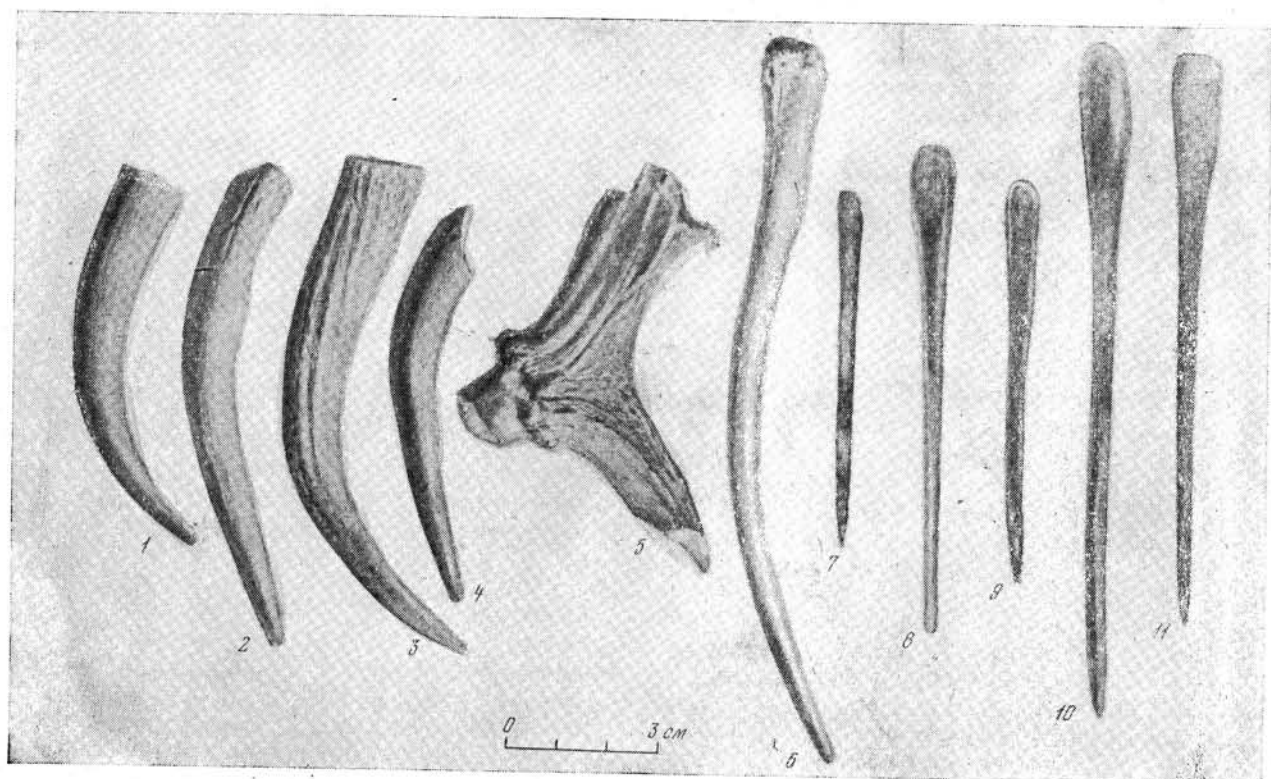

Рис. 53. Дашлы-3. Костяные изделия

Джукхар в долине Инда³¹², что не может быть не поставлено в связь с практически одновременным их распространением в этой части Юго-Западной Азии.

Вообще же бусы из поделочных камней многочисленны и включают единичные изделия из лазурита, бирюзы и сердолика. С Дашлы-3 (круглый храм) происходит пустотелая золотая бусина биконической формы, а из дворца — массивный лазуритовый амулет с круглыми пастовыми вставками и сквозным отверстием для шнура. Встречено всего несколько травленных бус, более распространенных в хараппской цивилизации долины Инда.

Бесспорный научный интерес представляет наборная мозаика, обломки которой встречены при раскопках табахана дворца Дашлы-3. Это плоские плитки, выпиленные по контуру каких-то фигур, причем плоскость их дополнительно покрыта нацарапанными растительными узорами, преимущественно в виде трилистников. Один из обломков сохранил контуры головы и горбатой шеи быка или коровы, причем тонкой гравировкой показаны плавно изогнутые

рога. С оборотной стороны все фрагменты сохранили ганчевую подмазку от раствора, при помощи которого крепилась мозаика.

Относительно близкие аналогии дают памятники монументального искусства Месопотамии, и в частности дворец в Кеше, где было найдено много фрагментов инкрустации от настенных фризов. Фигуры были выпилены из плиток известняка и затем вставлены в темно-серый сланец, за счет чего создавался соответствующий фон. Инкрустации выпилены с большой точностью, аккуратно совпадают с гнездами сланца и нередко покрыты тонкой гравировкой. Основные персонажи: женщины-музыкантши, воины, животные³¹³. Не исключено, что в Дашлы-3 панели особых помещений были инкрустированы наборной мозаикой, что подчеркивало необычность самого сооружения.

Отмеченный месопотамский аспект подобных изделий может быть усилен и стилистическими аналогиями, в первую очередь нацарапанными рисунками трилистников. В месопотамском искусстве они выгравированы на стеатитовых фигурках бычков-андрокефалов из Лагаша³¹⁴, Урука³¹⁵, на стеатитовом сосуде из

³¹² Madjundar N. Explorations in Sind.—MASI, 1934, N 48, p. 58, pl. XXXIII.

³¹³ Langdon I. Excavations at Kish, v. I, pl. XIII, N 1; XLII; Mackay E. Sumerian Palace..., v. II, pl. XXXVI, 1.

³¹⁴ Contenau G. Manuel d'Archéologie..., v. III, fig. 490; Parrot A. Sumer. Paris, 1960, fig. 276.

³¹⁵ Contenau G. Manuel d'Archéologie..., v. IV, fig. 1079.

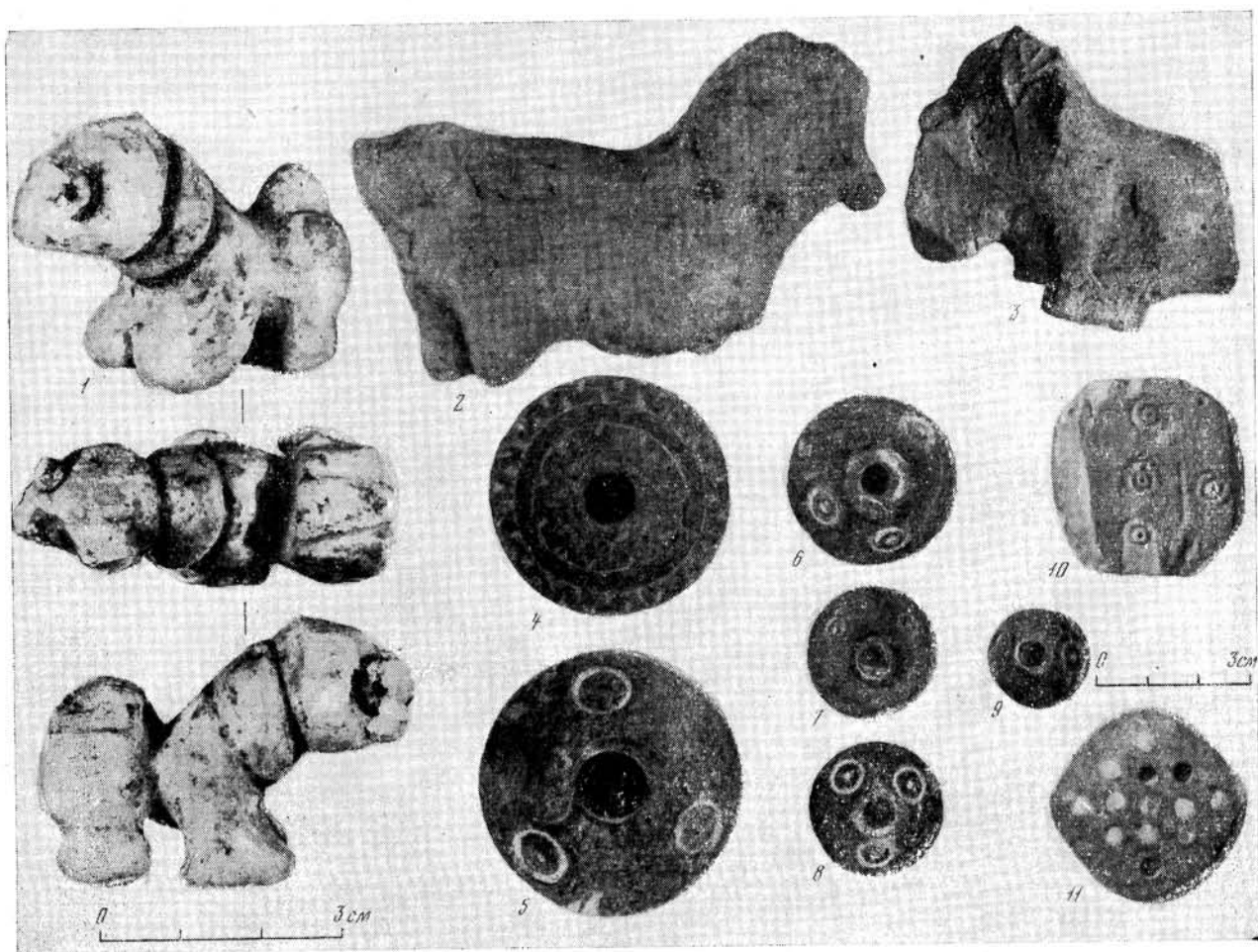

Рис. 54. Дашлы-3. Каменные, костяные и терракотовые изделия

Ура³¹⁶. Предполагается, что рисунки трилистника, подобно изделиям в виде почки, имели религиозное, точнее, астральное назначение³¹⁷, что представляется вполне вероятным.

С другой стороны, отмечается широкое распространение этого мотива в позднехараппском искусстве, что хорошо иллюстрируется трилистниками, которыми декорирован плащ статуэтки бородатого человека из Мохенджо-Даро³¹⁸. Трилистники часто встречаются в узорах, покрывающих стеатитовые и пастовые травленные бусы, а также на каменной подставке из Мохенджо-Даро³¹⁹. Происхождение этого мотива до сих пор остается невыясненным. Учитывая относительную территориальную близость Афганистана с долиной Инда, можно предпо-

ложить, что именно отсюда этот мотив проникает в Бактрию, где он используется в оформлении монументальной архитектуры. Пока лишь можно отметить, что наряду с Месопотамией и Северо-Западной Индией Северный Афганистан фиксирует третий регион в системе Передней Азии, где в искусстве применялись рисунки трилистника.

Вышеприведенный обзор памятников материальной культуры эпохи бронзы выделяет как наиболее вероятный прано-туркменистанский центр, откуда можно предполагать происхождение исследуемого археологического комплекса, что, однако, потребует дальнейшей конкретизации такого допущения. На основании сравнительных сопоставлений, и в первую очередь керамических комплексов, казалось бы, есть все основания видеть преимущественную близость керамики эпохи бронзы Северного Афганистана с посудой типа Намазга-V в Южном Туркменистане.

Однако в целом прямому генезису соответствующих культур Южного Туркменистана и Северного Афганистана препятствуют многие

³¹⁶ Wooley L. Excavations at Ur of the Chaldees.— «Antiquaries Journal», 1923, v. III, p. 52, pl 35 (U 239).

³¹⁷ During-Caspers E. Some motifs..., p. 115.

³¹⁸ Там же, табл. XI, № 4.

³¹⁹ Mackay E. Sumerian Palace..., p. 412, pl. CIV, N 26.

из вышеприведенных наблюдений. Они показывают, что по крайней мере с рубежа III—II тысячелетий до н. э. Иранский Хорасан и крайний юго-запад Средней Азии составляли общую зону существования не только керамических традиций, но и многих других археологических реалий. Неоднократно отмечаемые выше дашлиноско-гиссарские параллели несомненно получают в дальнейшем более широкие сопоставления на новом археологическом материале. Но и те, что известны сейчас, дают право выделить Восточный Иран как наиболее вероятный центр, откуда иммигранты в середине II тысячелетия до н. э. попадают в плодородные оазисы Бактрийской равнины.

Не исключено, что другая линия из общего центра ведет в плодородные оазисы Парфии и

особенно Маргианы, где к тому времени здесь уже существовали поселки выходцев из подгорной зоны Южного Туркменистана. Как бы то ни было, одно является бесспорным, что материальные культуры Бактрии и Маргианы второй половины II тысячелетия до н. э. тождественны. Это подтверждается и Бехистунской надписью, сообщающей, что в 523—522 гг. до н. э. Маргиана входила в состав Бактрии³²⁰.

³²⁰ История таджикского народа. М., 1963, с. 157. В свете имеющихся фактов представляется возможным считать, что такое объединение восходит к предшествующему времени вплоть до середины II тысячелетия до н. э. В таком случае целесообразно не выделять самостоятельные археологические культуры, а обозначить материальную культуру Маргианы и Бактрии как бактрийско-маргианский археологический комплекс.

АФГАНИСТАН В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

§ 1. Восточнохорасанская культура

Афганистан поры финальной бронзы знаменуется расцветом сложившейся здесь оседло-земледельческой культуры. Как в Бактрии (Дашлинский оазис), так и в Арахосии (Кандагарский оазис) складываются укрепленные поселения, возникает монументальная архитектура типа дворцов и храмов, выделяется металлообрабатывающее и керамическое ремесло. Налицо подъем древней культуры, приведший на юге страны к сложению небольшого городка времени Мундигак-IV. Однако уже в следующий период эта картина резко изменяется. В Южном Афганистане, по Ж. М. Касало, наблюдается упадок культуры, когда в пору Мундигак-V жизнь продолжается лишь на холме А, а бывшая высококачественная гончарная керамика сменяется посудой ручной лепки, украшенной расписными орнаментами. Показательно, что вместе с распространением нового типа посуды практически прекращается местная традиция изготовления антропоморфной пластики (в слое Мундигак-V известно всего две статуэтки, одна из которых перемещена из слоя IV) и захоронения умерших в пределах поселения. Необходимо подчеркнуть, что строения периода V сохранились на верху монументального массива, по-видимому, приспособленного под платформу.

Возможно, аналогичная ситуация наблюдается и в соседнем Афганском Сеистане, о чем можно судить по пробным раскопкам поселения Нади-Али. Высота холма, определяемая в 31 м, раскинута на глубину 12,5 м, причем этот слой подразделен на два периода. Верхний слой (Нади-Али-I) относится к ахеменидскому времени, зато от нижележащего (Нади-Али-II) сохранилось массивное здание, возведенное на платформе, относящееся к первой половине I тысячелетия до н. э. Американские раскопки 1968 г. установили, что вся нижняя половина холма представляет собой сплошную платформу (сложенную из сырцового кирпича), отно-

сящуюся ко времени не ранее ахеменидского периода (V в. до н. э.)¹.

Керамический комплекс включает сероглиняную и красноглиняную посуду, а также весьма немногочисленную расписную, как моно-, так и полихромную. Роспись небрежная, преобладают геометрические мотивы (косые ленты, треугольники). Показательны также нерасписные сосуды с нацарапанными знаками-тамгами², аналогичными таким же на раннеахеменидской керамике Северного Афганистана. Точно так же показательны крупные сосуды типа хумов с подкошенной придонной частью³, находящие аналогии в посуде раннеахеменидского времени, так же как миски с горизонтальной ручкой у венчика. Аналогии этой посуде имеются в некрополе Сиалка-«В» (X—IX вв. до н. э.), а также в верхнем слое Тилля-Тепе. Хотя слой Нади-Али-II смешанный (здесь наряду с ахеменидскими имеются и более ранние материалы), все же нельзя не отметить определенную переключку с поздним Мундигаком.

Сходство в первую очередь наблюдается в сложении нового типа памятников, где организующим ядром является монументальное здание — резиденция правителя, вознесенная на верх многометровой кирпичной платформы.

Хотя появление этих новшеств в Мундигаке и Нади-Али относится как будто к разному времени, думается, что они отражают несколько этапов инвазий, но имеющих общую основу, свидетельствуя о широком диапазоне исторических событий, протекавших на крайнем юго-западе Афганистана во II — начале I тысячелетия до н. э. Более того, в настоящее время

¹ Dales G. Early Human Contacts from the Persian Gulf Through Baluchistan and Southern Afghanistan. — In: Food, Fiber and the Arid Lands. Arizona, 1971, p. 158.

² Ghirshman R. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. — «Revue des Arts Asiatiques», 1939, t. XIII, N 1, pl. IV. О новых результатах см.: Dales G. Prehistoric recherche in Southern Afghan Seistan. — «Afghanistan», 1972, v. XXIV, N 4, p. 14—27.

³ Ghirshman R. Fouilles de Nad-i-Ali..., pl. IV, N 75.

есть основания предполагать, что близкие события наблюдаются в это время и на севере страны, свидетельством чего в первую очередь являются материалы, полученные в ходе раскопок поселения Тилля-Тепе⁴. Этот небольшой холм (площадью около 1 га, высотой около 4 м) расположен в окрестностях г. Шиберган. С целью изучения общей свиты культурных напластований на памятнике было заложено четыре шурфа и раскоп. Шурф 1 прорезал в центре холма почти 5-метровую толщу слоев, но до материка доведен не был; шурф 2 у основания холма прорезал почти 8-метровую свиту наслоений, но также не достиг материка. Шурф 3 выявил остатки, возможно, монументального здания, которое было выстроено на верху высокой кирпичной платформы. Наконец, шурф 4, заложженный на северной окраине памятника, у подошвы холма, прорезал почти 8-метровую толщу слоев и вышел на материк.

Раскоп на верху холма выявил два строительных горизонта. Стены второго (сверху) строительного горизонта сложены из стандартного сырцового кирпича размером 42(40) × 22(20) × 12(10) см и обмазаны глиняной штукатуркой. Полы, как правило, представлены глиняными промазками; лишь в редких случаях отмечены кирпичные вымостки. Раскоп выявил несколько взаимосвязанных помещений от многокомнатного дома, ограниченного с одной стороны глухой стеной, и внутренний двор. От первого (сверху) строительного уровня («верхний слой») сохранились лишь фрагменты стен с материалом, более типичным для ахеменидского времени.

Таковы в общей форме результаты раскопок поселения Тилля-Тепе. Стратиграфические наблюдения по строительным горизонтам, получающие подтверждение со стороны большого керамического материала, позволяют наметить основные этапы в сложении исследуемого памятника. С самого начала для основания поселения был выбран естественный, видимо, аллювиального происхождения холм. В центральной, наиболее возвышенной части холма возводится, судя по кладке кирпича, округлая в плане платформа 6-метровой высоты. На ее верху строится небольшое монументального типа сооружение, остатки которого зафиксированы в ярусах IX—XIII (первый строительный горизонт). На это указывает вскрытая часть обширного помещения, напоминающая планировку дворцового сооружения на цитадели поселения Яз-Тепе в Южном Туркменистане⁵.

Судя по данным шурфа 2 и особенно шурфа 4, практически одновременно складывается и все поселение Тилля-Тепе, причем строения этого времени располагаются на уровне основания платформы и лишь ограниченные размеры шурфов препятствуют точному определению соответствующих строительных горизонтов.

К следующему, второму строительному горизонту относятся помещения, вскрытые на раскопе, которым соответствуют стена, выявленная в останце шурфа 3, и III—VIII ярусы шурфа 1 в центральной части поселения. На северной окраине поселка архитектура второго строительного горизонта выявлена в ярусах IX—XIII шурфа 2 и ярусах X—XIII шурфа 4. Соответствующие различия в абсолютных отметках центральной части Тилля-Тепе сравнительно с окраиной объясняются в первую очередь наличием вышеотмеченной платформы цитадели. Не исключено, что на памятнике имелся еще один строительный горизонт («верхний слой двора»), однако к моменту раскопок соответствующая планировка практически оказалась развеянной процессами естественной дефляции. С другой стороны, материал, соответствующий «верхнему слою двора», отсутствовал в верхних ярусах шурфа 2. Все сказанное дает право предполагать существование двух основных строительных горизонтов на Тилля-Тепе, причем вероятнее всего в центральной части имелся третий, почти не сохранившийся строительный горизонт.

Вся керамика Тилля-Тепе может быть подразделена на две основные группы: лепную и гончарную. Первую и наиболее многочисленную группу составляет посуда ручного изготовления, распадающаяся на три типа: расписную, чернополированную и кухонную. Расписная посуда в основном представлена небольшими полусферическими чашами с плоским дном, округлым корпусом и слегка отогнутым наружу венчиком; в меньшей степени встречаются горшковидные сосуды, «салатницы», сосуды с носиками. Глина их имеет большую примесь толченой керамики или мелкорубленых растений. Как правило, черепок слегка пористый, кремоватого, реже (в середине) — черного цвета. Сосуды с обеих сторон покрыты красочной облицовкой светлых тонов, по которой и наносилась роспись.

Орнаменты выполнены коричневой или красноватой (много реже — зеленоватой) краской по внешней поверхности; в единичных случаях отмечена роспись изнутри. Рисунки почти исключительно геометрические, преимущественно нанесены по верхней части сосудов в виде фризов. Основные мотивы: треугольники, квадраты, лесенки, ромбы, заштрихованные в косую сетку, реже — сплошь залитые краской. Отмечены комбинации из основных фигур, образую-

⁴ Сарияниди В. И. Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. М., 1972.

⁵ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73, рис. 24.

щих достаточно сложные фризы. В целом же как орнаменты, так и формы лепной расписной посуды довольно однотипны и на протяжении всей многометровой толщи Тилля-Тепе существенно не отличаются. В этом плане показательны характерные по формам «салатницы», встреченные как в верхних, так и в самых нижних слоях памятника. Среди индивидуальных рисунков можно отметить шестилучевую розетку и возможное изображение дерева или колося; отмечается наличие расписных орнаментов на единичных гончарных сосудах.

Второй тип лепной посуды составляет характерная чернополированная керамика в виде небольших (реже — средних размеров) сосудов с округлым, слегка расширяющимся книзу туловом и отогнутым наружу венчиком. Глина плотная, с примесью толченой керамики или кварца, внешняя поверхность заполирована до блеска. Хотя имеются ничем не украшенные образцы, большая же их часть опоясана ниже венчика заостренными в разрезе рельефными кольцевыми полосами в несколько рядов. На одном фрагменте имеется частично сохранившийся подковообразный налп, на другом — наоборот, прорезной орнамент; в единичных экземплярах отмечен вдавленный орнамент.

О разнообразии форм можно судить по крупному фрагменту, на котором от венчика отходит широкая ручка с продольным желобком. Судя по отдельным обломкам, ручки имелись и у более мелких сосудов, и в таких случаях они напоминают кружки. Донца, как правило, плоские, но с поверхности поселения происходит и ножка на высоком кольцевом поддоне. К этому же типу относится сероглиняная лощеная керамика в виде открытых мисок, иногда с горизонтальной ручкой по венчику. Судя по всему, чернополированная керамика является импортом, а сероглиняная, в подражание ей, изготавливалась на месте.

Третий тип лепной керамики составляет многочисленная кухонная посуда, часто грубого изготовления, с большой примесью мелкотолченой керамики. Это котлы округлой формы с простыми непрофилированными венчиками. Наряду с вертикально поставленными петельками-ручками встречены налепные подковообразные и простые выступы. В единичных случаях котлы сохранили налепные орнаменты в виде витого жгута, но чаще в виде коротких косых полосок или кольцевого налепного пояса по плечу, от которого вниз спускается вертикальная, налепная же, полоска. Сюда же относятся плоские жаровни с невысоким бортиком и следами копоти внутри, хумы и хумчи, иногда с прочерченным орнаментом, горшки, крышки.

Вторую группу керамики составляют сосуды, изготовленные на гончарном круге. Глина крас-

ного цвета, плотная, без видимых примесей, прекрасного обжига. Хотя гончарная посуда сохранилась преимущественно в обломках, в тех случаях, когда это можно проследить, верхняя треть сосудов покрыта белым ангобом, в то время как нижняя часть неангобирована. Основные формы гончарной керамики — глубокие миски с вертикально поставленными бортиками, горшки с округлым туловом и резко отогнутым венчиком, чаши, хумы и хумчи. В противоположность лепной гончарная керамика обнаруживает некоторые изменения по вертикальной стратиграфии. Так, с самых нижних слоев и вплоть до первого строительного горизонта во всех вскрытых шурфах гончарная посуда имеет преимущественно треугольные в разрезе венчики (реже округлые) и характерный признак — кольцевые процарапанные полосы по плечикам. В вышележащем, втором строительном горизонте наряду с такими же формами появляются единичные фрагменты, плечики которых опоясаны рельефно кольцевыми «воротничками». Но особенное распространение гончарная керамика с «воротничками» получает в «верхнем слое двора», где она становится ведущей. Эти два характерных признака, безусловно, имеют временное значение.

Фактические данные, полученные в ходе раскопок Тилля-Тепе, дают возможность наметить основные периоды в истории существования этого памятника. К наиболее раннему, первому периоду (Тилля-1) относятся культурные наслоения, соответствующие первому строительному горизонту. Керамический комплекс характеризуется совместным существованием лепной, в том числе расписной посуды и гончарной, изредка украшенной процарапанным орнаментом. Ко второму периоду (Тилля-2) относятся соответствующие строения, обозначенные как «второй строительный горизонт». Лепная посуда не обнаруживает каких-либо видимых изменений. Среди гончарной керамики появляются сосуды, украшенные по плечикам рельефными «воротничками». К этим двум типам (генетически продолжающимся из первого периода) добавляется чернополированная посуда, не имеющая местных прототипов.

В предполагаемом третьем периоде (Тилля-3) строительные остатки не зафиксированы. Ему соответствует «верхний слой двора», отмеченный лишь в центральной, наиболее возвышенной части холма. Керамический комплекс обнаруживает большие изменения: резко уменьшается лепная расписная и чернополированная посуда, зато широко распространяется гончарная, украшенная «воротничками». Отмечены цилиндрикоконические банки ахеменидского времени, которые и датируют верхний комплекс серединой I тысячелетия до н. э.

Как уже отмечалось, лепная расписная и гончарная посуда появляется с самых нижних слоев памятника, причем в периодах Тилля-1 и Тилля-2 подсчет по венчикам дает в среднем соотношение 1:2 в пользу лепной керамики. Посуда Тилля-3 слишком немногочисленна для статистического подсчета, однако гончарная керамика уже значительно преобладает над лепной.

Как видно, керамический комплекс Тилля-1 появляется в готовом виде с выработанным репертуаром расписных орнаментов лепной посуды и устойчивыми формами гончарной керамики. Закрывая обзор материальной культуры Тилля-Тепе, следует отметить, что, помимо керамики, здесь встречены каменные пестики и зернотерки, единичные металлические изделия. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие изделий прикладного искусства и особенно мелкой терракотовой пластики. Не встречены древние захоронения в пределах поселения, что особенно показательно, если учесть большой объем вынудой земли. В целом же Тилля-Тепе выступает как оседло-земледельческое поселение, что не исключает и скотоводческого направления хозяйства.

Труднее определить хронологические рамки существования памятника. Правда, период Тилля-3 полностью соответствует ахеменидскому комплексу и с достаточной определенностью может быть отнесен к середине I тысячелетия до н. э. Бронзовые двуперые наконечники стрел периода Тилля-2 относятся к архаическому типу и датируются первыми веками I тысячелетия до н. э. Все это дает основание в предварительном порядке отнести время существования Тилля-2 к раннежелезному веку⁶. Соответственно период Тилля-1 падает на эпоху поздней бронзы. Впредь до получения радиоуглеродных дат можно предложить следующие хронологические рамки периодов: Тилля-1 (1000—800); Тилля-2 (800—600); Тилля-3 (600—500).

В Шиберганском оазисе известны еще два пункта со сходной расписной керамикой. Так, фрагмент лепного расписного сосуда встречен на античном памятнике Емши-Тепе, куда он мог попасть с рядом расположенного Тилля-Тепе. Однако другой расписной фрагмент происходит с поверхности средневекового города Имам-Сахиб, расположенного к югу от г. Шибергана, по дороге на Сари-Пуль. Не исключено, что на этом памятнике находится древний культурный слой, позднее перекрытый многометровыми средневековыми наслоениями. В этой связи отметим, что процессы естественной аккумуляции в Шиберганском оазисе протекали столь интенсивно, что, например, культурные

слои Тилля-Тепе оказались погруженными на много метров ниже современного уровня окружающей поверхности. Очевидно, что аналогичную картину можно допустить и для огромных средневековых городов, расположенных сейчас в южной части Шиберганского оазиса и, в частности, по дороге на Сари-Пуль.

Хотя имеющиеся сведения еще весьма отрывочны и недостаточны для окончательного решения вопроса в целом, трудно представить, что Тилля-Тепе являлось единственным древнеземледельческим памятником рассматриваемого района. Это тем более так, если учесть, что река Сари-Пуль, спускаясь с предгорий Гиндукуша, уже с древних времен щедро орошала Шиберганский оазис, создавая благоприятные условия для занятия земледелием. И недаром вплоть до настоящих дней исследуемый оазис является одной из основных житниц Северного Афганистана.

Как бы то ни было, второй пункт со сходным археологическим материалом открыт далеко к западу от Тилля-Тепе. Это Набабадский оазис, расположенный на полпути между Мазари-Шариф и г. Ташкурганом. Здесь выявлено несколько поселений, керамика которых представлена как гончарной, так и лепной, в том числе расписной, посудой. Пока еще трудно судить о конкретном характере сложения Набабадского оазиса, однако в целом полученный материал ближе всего соответствует комплексу позднего Тилля-2 и отчасти Тилля-3.

Сразу же отметим, что древние оазисы близко соответствуют современным ирригационным системам, так что, например, между Мазари-Шарифским оазисом и Набабадским, где нет ни одной речки, на протяжении многих километров тянется пустынная равнина без каких-либо археологических памятников.

Набабадский оазис состоит из двух последовательно хронологических групп памятников. Меньшая включает поселения, на поверхности которых имеется расписная керамика, относящаяся к доахеменидскому времени; большую часть оазиса составляют памятники ахеменидского времени.

Первая и наиболее ранняя группа включает четыре поселения, из которых центральным является Набабад-1. Его размеры 450×300 м при высоте около 3 м. На поверхности имеется как гончарная, так и лепная расписная посуда, точно соответствующая комплексу типа позднего Тилля-Тепе. Много встречено каменных зернотерок ладьевидной формы, крупных ступок, пестиков. Выделяются каменные ядра биконической формы. Наряду с единичными бронзовыми и железными изделиями в большом количестве встречены кремневые орудия в виде крупных пластин, нередко ретуширо-

⁶ Уголь из X яруса шурфа 3 дал дату 860±60 до н. э.

ванных. Об их местном производстве свидетельствуют нуклеусы, найденные на поверхности Набабад-1.

Следующее поселение Набабад-2 состоит из двух холмов общей площадью 200×100 м, высотой в 1,2 и 2,4 м, соединенных пониженной седловиной. Памятник вытянут по оси восток — запад. На поверхности среди основной массы гончарной керамики встречены единичные лепные фрагменты и два обломка со следами росписи; много каменных зернотерок, пестиков, ступок. Достаточно полно представлены кремневые отщепы и орудия в виде крупных пластин, иногда с ретушью.

Поселение Набабад-3 представляет собой небольшой бугор общей высотой около 1,5 м. Наряду с гончарной керамикой имеется лепная, в том числе расписная. Выделяется обломок сосуда, изготовленного на текстильном шаблоне. На поверхности холма много кремневых отщепов и орудий типа крупных пластин; выделяются каменные зернотерки, пестики, ступки; найден кусочек лазурита.

Поселение Набабад-4. Это вытянутый холм размером 50×30 м, высотой не превышающий 1 м. Поверхностный материал — типичный для вышеописанных памятников. Много кремневых орудий, среди керамики преобладает гончарная посуда, лишь единичные фрагменты сохранили роспись. Отмечено развешенное погребение, причем костяк имел скорченную позу. Выделяется находка керамического амулета-печатки, на котором имеется рисунок, близко напоминающий аналогичный на печатке с Нади-Али⁷.

Набабадская группа памятников, судя по наличию расписной керамики, относится к тому же культурному кругу, что и поселение типа Тилля-Тепе в Шибеганском оазисе. Вместе с тем, судя по небольшой толще культурного слоя, да и самому характеру материала, набабадские поселения относятся к позднему этапу существования расписной культуры Афганистана. Не исключено, что набабадская группа памятников отражает процесс дальнейшего расселения племен — носителей культуры расписной керамики — в восточном направлении. В таком случае один из возможных центров предполагаемого расселения мог находиться в районе Шибегана, косвенное свидетельство чему дает многометровая толща культурных напластований Тилля-Тепе.

К юго-востоку от вышеотмеченных памятников Набабад-1, 2, 3, 4 располагаются 12 поселений, на поверхности которых преобладает керамика ахеменидского времени, где широко представлены сосуды средних и более мелких

форм, характерным признаком которых являются подкошенные придонные части. Кроме того, почти на всех этих поселениях имеются ножки от ваз, близко напоминающие аналогии эпохи поздней бронзы Дашлинского оазиса, а также в небольшом количестве — кремневые орудия и отщепы, бронзовые трехперые наконечники стрел. Все эти памятники представляют собой неукрепленные поселения в виде небольших всхолмлений, вокруг которых на многие десятки, а то и сотни метров идут россыпи керамики на такыре. Исключение составляет памятник Набабад-8 (Тепе-Суфи) — небольшая, прямоугольной формы крепость (100×80 м) с крутыми оборонительными стенами высотой около 5 м.

Но, бесспорно, столичным памятником всего этого оазиса ахеменидского времени является Набабад-16 (Буре-Тепе), представляющий собой укрепленное поселение размером 105×90 м, оборонительные стены которого возвышаются на 4,5 м и усилены башнями. Внутри стен имеется возвышение, по-видимому цитадель; вокруг укрепления на расстоянии до 300 м идут россыпи керамики, причем к северу от крепости сохранилось небольшое возвышение размером 130×70 м при высоте 1,5 м. Очевидно, что россыпи керамики фиксируют общую обжитую площадь, культурный слой которой практически полностью развешен. В таком случае Буре-Тепе выступает как небольшой периферийный городок, неукрепленный пригород которого во много раз превышал его центральную, укрепленную часть.

В целом вырисовывается следующая картина истории существования Набабадского оазиса. Первые колонисты, появившиеся здесь во второй четверти I тысячелетия до н. э., основывают несколько поселений типа Набабад-1, 2, 3, 4. Позднее, примерно в VI—V вв. до н. э., происходит перемещение оазиса в юго-восточном направлении и вместе с тем его наиболее интенсивное обживание. Не исключено, что оба этих процесса были связаны, во-первых, с миграцией русла древней реки Набабад в юго-восточном направлении и возможным притоком нового населения из более северных пунктов типа Акчинского оазиса.

Очевидно, что культура расписной керамики простирается от Шибеганского оазиса (Тилля-Тепе) до Набабадского. Есть основания предполагать, что именно в таком направлении и шло расселение племен, носителей расписной керамики рубежа II—I тысячелетий до н. э. Отметим также наличие единичных расписных черепков на кумлийских поселениях Фарукабадского оазиса.

Как видно, территория распространения исследуемой культуры достаточно обширна,

⁷ Ghirshman R. Fouilles de Nad-i-Ali..., pl. IV.

однако в Северном Афганистане до сих пор не отмечены более ранние памятники, могущие осветить вопрос о ее генезисе. Если обратиться к синхронным памятникам юга страны, то некоторые черты сходства обнаруживает расписная керамика Мундигак-V и особенно Мундигак-VI⁸, а также Нади-Али.

Хотя материалы Тилля-Тепе в системе Северного Афганистана выглядят несколько изолированно, они обнаруживают вполне четкие аналогии в памятниках южных областей Средней Азии. Это особенно касается Туркменистана, где соответствующие материалы были выделены как комплекс Анау-IV⁹, позднее прослеженные на многих других памятниках подгорной полосы Копет-Дага (Елькен-Тепе, Улуг-Тепе и др.), а также в древней дельте р. Мургаб (Яз-Тепе, Аравали-Тепе). В результате широких раскопок установлено, что в эпоху раннего железа здесь распространяется новая культура с характерной лепной расписной керамикой (Елькен-II, Яз-Тепе-I), причем на стилизованных памятниках возводятся высокие кирпичные платформы, на верху которых располагаются монументальные сооружения¹⁰. В последние годы близкие материалы открыты и в Южном Узбекистане (Кучук-Тепе, Миршаде)¹¹.

Если теперь сравнить североафганские материалы с вышеотмеченными памятниками из Средней Азии, то налицо чрезвычайная близость, проявляющаяся в сходных формах гончарной посуды и особенно в мотивах росписей лепной керамики¹². В последнем случае сходство прослеживается в фактуре черепков, цветовой гамме орнаментов, а также в приемах орнаментации кухонных котлов и формах сероглиняной посуды. Намечающиеся параллели, доходящие в ряде случаев до тождества, дополняются сходными типами поселений с кирпичными платформами-цитаделями и монументальными сооружениями. В свете имеющихся фактов есть все основания предполагать прямую генетическую связь между ними.

⁸ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. I. М., 1964, с. 43; Masson V., Sarianidi V. Afghanistan in the Ancient East.— «Afghanistan», 1969, v. XXII, N 2, p. 18.

⁹ Schmidt E. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv.— In: Exploration in Turkestan, v. I. Washington, 1908.

¹⁰ Марущенко А. А. Елькен-Тепе.— ТИИАЭ, 1959, т. V; Массон В. М. Древнеземледельческая культура...

¹¹ Пузаченкова Г. А. Новый памятник древнебактрийской культуры.— В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972, с. 47—49; Альбаум Л. И. Поселение Кучук-Тепе в Узбекистане.— Материалы археолого-этнографической сессии 1964 г. Баку, 1965, с. 59—60.

¹² Сарияниди В. И. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане.— КСИА, вып. 132, 1972.

Казалось бы, установленный факт вполне очевидной близости двух конкретных археологических комплексов дает реальные основания к решению вопроса о их происхождении. Однако, подобно комплексу Тилля-Тепе, комплекс типа Яз-I не находит достаточно убедительного происхождения в пределах Средней Азии. Уже Е. Шмидт, основываясь на том факте, что лепная расписная посуда Анау-IV как бы прерывает местную линию развития гончарной посуды эпохи поздней бронзы, выдвинул гипотезу об общем упадке местной культуры в связи с вторжением из среднеазиатских степей варварских кочевых племен (эпоха варварской оккупации — ЭВО). Это предположение было поддержано А. А. Марущенко, усматривавшего пору глубокого регресса, связанную с приходом варварских скотоводческих племен¹³, а также С. П. Толстовым и М. А. Итиной, предполагавших сложение исследуемого комплекса под решающим влиянием культур срубно-андроновского типа¹⁴.

В более осторожной форме о влиянии резной орнаментации посуды степных племен на сложение части расписных узоров керамики Яз-I писал В. М. Массон¹⁵, но оговаривал, что по основным культурным и хозяйственным достижениям время Яз-I — это период дальнейшего развития местной культуры¹⁶. Наконец, генезис комплекса ЭВО предполагают либо в более южных областях, либо в северных районах Средней Азии (вплоть до Восточного Туркестана)¹⁷.

В свете нового археологического материала из Северного Афганистана имеется возможность выдвинуть иное предположение о формировании «культуры ЭВО»¹⁸. В пользу подобного допущения может свидетельствовать разная толща культурных наслоений (даже без учета высот цитаделей). На Тилля-Тепе она выше 8 м, в то время как в Южном Туркменистане соответствующие слои не превышают 3 м, в дельте р. Мургаб — около 2 м, а в низовьях — не более 0,5 м (р-н Тахирбая)¹⁹. Кстати отметим, что даже в пределах Туркменистана разница соответствующих слоев указывает на динамику освоения плодородных оазисов, идущего из подгорной полосы в сторо-

¹³ Марущенко А. А. Елькен-Тепе, с. 70—72.

¹⁴ Толстов С. П., Итина М. А. Проблема суярганской культуры.— СА, 1960, № 1, с. 31—35.

¹⁵ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., с. 313.

¹⁶ Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 189.

¹⁷ Кузьмина Е. Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии.— ВДИ, 1972, № 1, с. 138.

¹⁸ Сарияниди В. И. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-Тепе.— АО, 1970 г. М., 1971, с. 434.

¹⁹ Материалы автора полевого сезона 1972 г.

ну Мургабского оазиса. На это же указывает сам археологический материал: на предгорных поселениях (Элькен-Тепе, Улут-Тепе и др.) репертуар орнаментальных мотивов много разнообразнее и богаче сравнительно с Мургабским оазисом. Словом, имеются достаточно веские основания предполагать, что освоение плодородных оазисов началось с северных предгорий Копет-Дага, где пришлые племена частично осваивали старые поселения (Анау, Элькен-Тепе, Улут-Тепе) и наряду с этим основывали новые поселки (Яссы-Тепе)²⁰. Несколько позднее, видимо из-за нехватки пригодных для земледелия земель, осваивается дельта р. Мургаб.

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношении соответствующих североафганских и южнотуркменистанских комплексов, есть основание синхронизировать комплекс типа Яз-1 с комплексом Тилля-2. Как отмечалось выше, период Тилля-2 фиксируется появлением чернополированной и сероглиняной посуды характерных форм и техники выделки (налепные валики, спускающиеся вниз «усики»), а также орнаментацией гончарной керамики «воротничками». И именно такая посуда широко представлена в керамическом комплексе начиная с самых низов на Яз-Тепе²¹ и, что особенно важно, с Элькен-Тепе²², где соответствующий материал подстилается слоями эпохи бронзы.

Приведенные наблюдения фиксируют хронологический приоритет североафганских комплексов сравнительно с южнотуркменистанскими, что еще не обязательно свидетельствует о прямом переселении, хотя такое допущение и не исключается. В настоящее время представляется наиболее обоснованной гипотеза о сложении рассматриваемых комплексов под влиянием, идущим из одного общего центра, скорее всего из (или через) Иранского Хорасана. В этом отношении показателен материал с поселений, расположенных между городами Кучан и Ширван, в Атрекской долине. Даже беглое ознакомление с ними выявило наличие здесь по крайней мере двух керамических групп: гончарной, характерного красноглиняного черепка, среди которой имеются цилиндрикоконические банки «ахеменидского» типа, и лепной, в том числе расписной.

Особый интерес представляет последняя группа: глина красная, в середине почти черного обжига, с примесью керамической крошки; снаружи и изнутри сохранилась роспись темно-бурого цвета. К сожалению, раскопки кучанских памятников не производились, и в

настоящее время трудно судить о толще культурных слоев с расписной посудой, однако сам факт их наличия имеет для нашей темы первостепенное значение. Очевидно, что исследуемая культура охватывала и районы Северо-Восточного Ирана, во всяком случае, вплоть до Кучанского оазиса. Иранский аспект косвенно документируется и вышеотмеченной чернополированной посудой периода Тилля-2. В настоящее время наиболее близкие соответствия она обнаруживает на территории древнего Ирана (Хурвин — Чавдар), хотя и здесь происходит с поверхностных сборов²³.

Как видно, почти неизученная в археологическом отношении область Северо-Восточного Ирана²⁴ таит в себе древние памятники, материальная культура которых до определенной степени перекликается с соответствующими североафганскими и среднеазиатскими комплексами эпохи поздней бронзы и раннего железа. В свете сказанного закономерно поставить вопрос: не находятся ли истоки этих комплексов где-то в малоисследованных районах Восточного Ирана? Такому предположению не хватает еще многих доказательств, однако на современном уровне наших знаний приведенные наблюдения дают право предполагать, что соответствующие среднеазиатские и афганские комплексы являются двумя ответвлениями одного общего корня, находившегося в Иранском Хорасане, а, возможно, еще далее на запад.

Представляется, что где-то во второй половине II тысячелетия до н. э. племена с расписной керамикой передвигаются в восточном направлении и, минуя непригодные для земледелия гористые районы, оседают в плодородных оазисах типа Шибеганского. Позднее происходит освоение новых районов, пригодных для ведения земледельческого хозяйства. В пределах Северного Афганистана это Набабадский и, возможно, Фарукабадский оазисы; на территории Узбекистана — памятники типа Кучук-Тепе и Миршаде.

Вторая волна, идущая из предполагаемого восточноиранского центра, связана с освоением предгорий Копет-Дага в Южном Туркменистане и относится к рубежу II—I тысячелетий до н. э. (комплекс ЭВО). Раскопки на Улут-Тепе показали, что лепные расписные фрагменты в единичных образцах появляются здесь еще в слое эпохи поздней бронзы²⁵, что, возможно, указывает на постепенное освоение северных

²⁰ Гутылев Г. Г. Раскопки поселения раннежелезного века. — АО 1971 гг. М., 1972, с. 532—533.

²¹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., табл. XXI—XXIX.

²² Марущенко А. А. Элькен-Тепе, табл. XVII.

²³ Young T. C. A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500—500 B.C. — «Iran», 1965, v. III, fig. 9, N 3 и особенно № 2.

²⁴ Поселения с расписной керамикой типа Тилля-Тепе обнаружены в 1976 г. итальянской экспедицией в Иранском Хорасане.

²⁵ Сариниди В. И. Исследование..., с. 433.

предгорий Копет-Дага пришлому населению. Несколько позднее происходит заселение древней дельты р. Мургаб.

Если предложенная историческая интерпретация археологического материала верна, то следует полностью отказаться от старой гипотезы, связывающей генезис культуры расписной керамики типа Анау-IV с прямым влиянием степных скотоводческих племен. В таком случае неприемлем и сам термин «эпоха варварской оккупации», до сих пор бытующий в литературе. Учитывая историко-географический ареал, динамику распространения и близкое культурное родство, представляется более целесообразным обозначить все исследуемые комплексы как принадлежащие единой восточнохорасанской культуре с ее локальными вариантами. Область ее распространения захватывает Восточный Иран, Северный Афганистан и южные области Средней Азии. Время существования падает на последние века II — первые века I тысячелетия до н. э.

Характерные черты восточнохорасанской культуры документируются следующими признаками. Экономическую основу общества составляет орошаемое земледелие и, вероятно, скотоводство; охота играет подсобную роль. Существуют два типа памятников: центральные поселения имеют цитадели, мелкие, «сельского» типа — без цитаделей. На ранних этапах преимущественно распространены медно-бронзовые изделия, постепенно замещаемые железными. Керамическое производство характеризуется широким бытованием лепной, в том числе расписной посуды, в меньшей степени распространена гончарная. Изготовление лепной расписной керамики не является показателем низкого уровня технологии керамического производства, а является этнографическим признаком носителей рассматриваемой культуры. Менее ясны идеологические представления. Отсутствие антропоморфной пластики и практики погребения умерших в пределах поселков²⁶, скорее всего, является отражением древних верований. В этом отношении восточнохорасанская культура резко отличается от многих известных культур Древнего Востока.

Период распространения и существования восточнохорасанской культуры в Афганистане знаменует пору дальнейшего прогресса в истории существования местных племен. Яркое доказательство тому — усложнение общественного строя, отражением чего являются специально возводимые цитадели с монументальными сооружениями.

Это — резиденции местных правителей, все более обособляющихся от рядовой массы общинников. Одним словом, восточнохорасанская культура знаменует дальнейшее развитие местного общества, стоящего уже на пороге раннеклассовых образований. Все сказанное относится к периодам Яз-I, Элькен-II и Тилля-1—2. Последующие периоды, например Яз-II—III, Элькен-III и Тилля-3, связаны с иными культурно-историческими процессами и в настоящей работе не рассматриваются.

Преимущественные аналогии восточнохорасанского археологического комплекса с соответствующими среднеазиатскими не должны заслонять от нас и отмеченные параллели с Мундигаком и Нади-Али. Уже Ж. Касаль предлагал связывать упадническую культуру Мундигака-V, относящуюся ко II тысячелетию до н. э., с чустской культурой Ферганы²⁷, что в общей форме было поддержано советскими исследователями²⁸, однако до сих пор нет никаких данных, которые бы подтвердили гипотезу о вторжении чустских племен в Кандагарский оазис. Наоборот, имеющиеся данные скорее указывают на продвижение всех отмеченных комплексов расписной культуры далее в восточном направлении.

Если учесть вышеотмеченные сходные признаки восточнохорасанской культуры и Мундигака-V—VII — Нади-Али-II, проявляющиеся в близких типах поселений с «цитаделями» на платформе, а также широкое распространение лепной расписной посуды, полное отсутствие антропоморфной пластики, как и практики захоронения умерших в пределах поселения, то станет очевидным и определенное сходство в общем облике этих конкретных комплексов. Следует отметить, что в целом керамика Тилля-Тепе больше соответствует материалу Мундигака-VI—VII, чем Мундигака-V, где в росписи керамики еще живо ощущаются местные традиции. Это особенно явно прослеживается на примере типично белуджистанских рисунков животных, но выполненных уже предельно схематизированно²⁹. Много больше взаимных параллелей обнаруживает посуда Мундигака-VI—VII и Тилля-Тепе, что документируется не только близкими мотивами орнаментов³⁰, но, что важнее, сходными

²⁶ Существование скорченных захоронений в пределах поселков (Кузьмина Е. Е. К вопросу..., с. 138) пока не подтверждается фактическими данными.

²⁷ Casal J. M. Fouilles de Mundigak.— MDAFA, 1961, t. XVII, v. I, p. 104, 119.

²⁸ Maccon B. M. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, с. 296.

²⁹ Card B. de. Excavations at Bampur. A Third Millennium Settlement in Persian Baluchistan, 1966. New York, 1970, fig. 28, N 269; fig. 29, N 300; fig. 43, N 479.

³⁰ Casal J. M. Fouilles de Mundigak, fig. 118, N 622; fig. 119, N 623; fig. 122, N 653—655.

формами самих сосудов, в том числе нерасписных³¹. В этом плане показательны сосуды с характерным подтреугольным разрезом венчика и нацарапанным волнистым орнаментом, точная аналогия которым имеется среди гончарной посуды Тилля-Тепе и Гирдай-Тепе³². Не менее выразительны «воротники» на керамике как Южного, так и Северного Афганистана³³, что в совокупности исключает элемент случайного совпадения.

Вышеприведенные сопоставления синхронизируют между собой керамические комплексы Мундигак-VI—VII и Тилля-Тепе, что может указывать на их общий источник происхождения. В таком случае не исключено, что «внезапное» появление расписной культуры сначала на юге (Мундигак-V), а несколько позднее — на севере (комплекс Тилля-Тепе) Афганистана отражает несколько волн передвижения в целом родственных племен из одного общего очага. Предполагаемые инвазии постулируются еще лишь в самой общей форме, но бесспорно, что не миновали они и южных областей Средней Азии.

Если продолжить линию сопоставлений, то, с одной стороны следует отметить преимущественное сходство чустской культуры Ферганы с комплексом типа Анау-IV—Яз-I в Южном Туркменистане³⁴, а с другой — вышеотмеченную связь Мундигака и Чуста. Более того, Ю. А. Заднепровским высказано мнение о сходстве расписной керамики чустской культуры с расписной же посудой ряда памятников Центральной Индии (например, Навдатоли, Неваса, Наздик, Джорве)³⁵, которое было поддержано позднее С. Антонини³⁶. На основании приведенных сопоставлений выдвинута гипотеза о взаимной связи всех этих археологических комплексов в результате расселения индоевропейских племен³⁷.

Фергана составляет наиболее северный пункт распространения культур расписной керамики конца II—начала I тысячелетия до н. э.³⁸, но и сюда доходили достижения пере-

довых центров Древнего Востока, свидетельством чего является импорт в виде замечательного Хакского клада³⁹ и не менее великолепное каменное изваяние змей из кишлака Сох⁴⁰. Независимо от окончательного решения проблемы в целом очевидно, что в эпоху поздней бронзы и раннего железа на территории Афганистана и южных областей Средней Азии наблюдается приход нового населения со сходными палеоэтнографическими признаками и общностью происхождения. Судя по косвенным данным, можно предполагать, что Иранский Хорасан если и не был исходным пунктом, то являлся промежуточной территорией, откуда шло дальнейшее расселение в восточном направлении. Применительно к Афганистану отмечаются два пути племенных передвижений — северный и южный, которые разделяет естественный барьер в виде хребтов Сафедкох и Сиахкох.

На севере Афганистана соответствующие следы пока в виде лишь отдельных островков фиксируются на Бактрийской равнине, а на юге — от Афганского Сеистана вплоть до Кандагарского оазиса.

Заключительный этап в существовании восточнохорасанской культуры, помимо материалов типа позднего Тилля-Тепе и наibaбадских памятников, документируется соответствующими памятниками Фарукабадского оазиса. Как отмечалось выше, первые поселения здесь возникают еще в эпоху финальной бронзы (памятники типа Фарукабад-1, 2), а запустение оазиса падает на ахеменидское время, когда здесь складываются в большом количестве новые поселения с центральным, столичным городом Алтын-Дилар. Однако между этими двумя категориями памятников имеются поселения промежуточной стадии типа Кумли-1, 2, 3 и др., материальная культура которых отражает сочетание двух традиций: бактрийско-маргианской и восточнохорасанской. Последнее обстоятельство документируется находкой лепной, в том числе расписной, керамики на этих памятниках.

Кроме того, на поселении Кумли-1 выявлена кирпичная платформа. Не исключено, что на верху этой платформы (своеобразной цитадели) находилась резиденция местного правителя, в то время как само поселение располагалось у подножия, напоминая до определенной

берг Б. И. Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме. — АО 1971 г. М., 1972, с. 530—531).

³⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура..., с. 52—55.

⁴⁰ Воронец М. Э. Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской обл. — КСИМК, 1956, вып. 61, с. 48—55.

³¹ Там же, рис. 119, № 630—633.

³² Там же, рис. 120, № 640; Саруаниди В. И. Раскопки Тилля-Тепе..., рис. 24, 5—7 и др.

³³ Casal J. M. Fouilles de Mundigak, fig. 121, N 643; Саруаниди В. И. Раскопки Тилля-Тепе..., рис. 15, 4—6.

³⁴ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, № 118, с. 66—67; Кузьмина Е. Е. К вопросу..., с. 136.

³⁵ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура..., с. 102—106.

³⁶ Antonini S. Swat and Central Asia. — «East and West», 1969, v. 19, N 1—2, p. 104.

³⁷ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура..., с. 106.

³⁸ Возможно, еще более северную периферию фиксируют памятники куйсайской культуры. (См.: Вайн-

степени структуру такого памятника, как Тилля-Тепе.

Особого интереса заслуживает керамика из шурфов Кумли-1. В первом ярусе встречается как гончарная, так и лепная расписная посуда. Гончарная керамика решительно преобладает над лепной и представлена сосудами цилиндрических форм, венчики которых сильно уплощены, снаружи нередко процарапаны концентрические линии. Имеются глубокие чаши и единичные обломки ножек от ваз; вся гончарная посуда покрыта снаружи светлым, почти белым ангобом. Встречены также единичные фрагменты лепной посуды в виде глубоких полусферических чаш, в глине которых большая примесь керамической крошки; как правило, с обеих сторон нанесен ангоб светлых тонов. На одном таком фрагменте частично сохранился рисунок треугольника, выполненный красной краской.

Во втором ярусе шурфа также представлены обе группы керамики: гончарная и лепная. Среди гончарной выделяются фрагменты, украшенные нацарапанным волнистым орнаментом, а также треугольниками, заштрихованными внутри горизонтальными линиями. Выделяется верхняя часть кубка, покрытая с обеих сторон красной краской. Лепная расписная посуда опять-таки представлена единичными фрагментами⁴¹. В третьем ярусе шурфа встречается лишь гончарная посуда, по существу того же типа, что и в вышележащих ярусах.

При всей ограниченности имеющегося материала следует отметить его исключительную значимость для выделения доахеменидского (кумлийского) керамического комплекса Бактрии. Поскольку гончарная посуда имеет здесь глубоко местные корни, то очевидно, что появление лепной расписной керамики отражает путь расселения племен восточнохорасанской культуры далее на северо-восток.

Все это дает основание выделить кумлийский период как занимающий промежуточное место между эпохой бронзы и ахеменидским временем. Хотя в материальной культуре этого комплекса как бы сочетаются две различные культурные традиции, решительно преобладают местные «дашлинские», восходящие еще к эпохе бронзы. Время существования кумлийского периода ориентировочно падает на VII—VI вв. до н. э., так что заполняется то недостающее звено (соответствующее раннежелезному веку), которое соединяет эпоху поздней бронзы и ахеменидский период, демонстрируя единую линию развития в истории Бактрии начала I тысячелетия до н. э.

⁴¹ Следует отметить находку двух расписных сосудов на близлежащем памятнике Кутлуг-Тепе.

В свете имеющихся данных можно предположить, что раннежелезный век в коренных землях Бактрии знаменуется широким распространением поселений с цитаделями, которые находят свое окончательное оформление в типах памятников ахеменидского периода. С другой стороны, при смещении двух керамических традиций лепная, в том числе расписная, посуда практически полностью исчезает и замещается гончарной, что в совокупности и характеризует кумлийскую стадию в истории существования местных племен.

Полученный кумлийский керамический комплекс приобретает принципиальное значение в плане установления происхождения керамического комплекса второй половины I тысячелетия до н. э. Дело в том, что в это время в традиционно земледельческих оазисах юга Средней Азии и Бактрии распространяется в целом однотипная керамика ахеменидского периода, происхождение которой связывали то с возрождением утраченных традиций культуры Намазга-VI⁴², то с ростом технических возможностей вследствие хозяйственно-экономического развития местных племен⁴³. В последние годы было высказано предположение о происхождении ахеменидского керамического комплекса от бактрийского варианта культуры Намазга-VI, что в целом ближе всего соответствует имеющимся данным⁴⁴.

В самом деле, фактические материалы Бактрии и особенно кумлийской стадии демонстрируют преемственную эволюционную линию развития керамики от эпохи поздней бронзы вплоть до ахеменидского времени. Не останавливаясь здесь на всей проблеме взаимоотношений этих двух конкретных комплексов (восточнохорасанского и бактрийско-маргианского), отметим, что и в Бактрии, и в южных областях Средней Азии с начала и до конца они сосуществуют. Постепенно смешиваясь и адаптируясь, восточнохорасанская культура все более утрачивает свои былые палеоэтнографические признаки, и в результате складывается тот комплекс материальной культуры, который застаем на этой территории в ахеменидский период.

§ 2. Монументальная архитектура ахеменидской Бактрии

Несмотря на чрезвычайно большое количество памятников середины I тысячелетия до н. э. на территории Афганистана, материальная культура этого периода изучена еще весьма

⁴² Марущенко А. А. Елькен-Тепе, с. 68—69.

⁴³ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., с. 39.

⁴⁴ Кузьмина Е. Е. К вопросу..., с. 146.

слабо. Если не считать раскопок Мундигака и Нади-Али, то, по существу, еще ни одно поселение этого времени не раскопано в должной степени, так что и структура, и планировка их до сих пор остаются неизвестными.

Правда, в последние годы в Бактрии были открыты и раскопаны памятники монументальной архитектуры, имевшие не бытовое, а особое назначение. Это первые свидетельства, указывающие на наличие монументальной архитектуры, что в сочетании с вышеописанными архитектурными комплексами эпохи бронзы на Дашлы-3 дает право судить о тысячелетней традиции монументального зодчества Бактрии.

Одним из таких памятников является Кутлуг-Тепе, расположенный в Фарукабадском оазисе и представляющий собой сильно вытянутое почти на километр поселение, частично занесенное надувным песком. Поверхностный материал представлен керамикой ахеменидского времени, причем россыпи керамики на севере и востоке почти смыкаются со шлейфами поселений Фарукабад-1 и 2. На восточной окраине поселения наряду с гончарной керамикой встречена лепная, причем один лепной сосуд сохранил расписной геометрический орнамент в виде фриза из треугольников, характерный для керамического комплекса восточнохорасанской культуры. На южной окраине поселения возвышается холм с примерными размерами 40×40 м, при высоте около 4 м. Раскопки выявили небольшое, но оригинальное по плану и особое по назначению монументальное сооружение.

В древности на этом месте располагалось небольшое естественное возвышение, состоявшее из такыровидного сутлика и тонких глинистых прослоек желтоватого цвета. На этом естественном всхолмлении и было возведено основное здание, сохранившее по поверхности форму круга. В результате раскопок отмечено два строительных периода в истории существования всего комплекса, причем во второй период внутрь здания были встроены обычные жилые помещения. Думается, что последние обитатели были рядовыми общинниками, приспособившими заброшенную былую монументальную постройку под обычные жилые и хозяйственные помещения. Следствием интенсивного обживания второго периода являются многочисленные хозяйственные ямы, прорезавшие основные полы и впущенные в материк. Кроме того, внутренняя планировка претерпела большие изменения, так что, по-видимому, отдельные стены вообще не сохранились к моменту раскопок.

К первому, или основному, периоду относятся кольцевые стены, образующие две галереи «А» и «Б» с необычно толстыми стенами и

заклученную внутри них круглую площадь с длинными стенами. Внешняя из них, галерея «А», имеет стены, сложенные из пахсовых блоков со средними размерами 90×60×45 см и 90×28×45 см.

На высоте около 150 см от пола галереи глинобитные блоки поставлены по горизонтали на расстоянии 20—25 см друг от друга и перекрыты сверху рядами кирпичей, поставленных на ребро. В результате этого строительного приема образована серия сквозных отверстий со средними размерами 50×25 см, являющихся специальными световыми амбразурами⁴⁵. Последние устроены в обеих стенах галереи напротив друг друга так, что свет снаружи попадал сначала в галерею «А», а затем пропикал через световые люки и освещал галерею «Б». Судя по косвенным данным, галереи, по-видимому, имели сводчатое перекрытие, так что внутри они освещались лишь через вышеупомянутые амбразуры.

В западной части галерей устроено три пилона, видимо, выполнявших роль контрфорсов для укрепления этого участка стены. Галерея внутри не застроена и, скорее всего, являлась обводным коридором с проходом в северной части. Именно здесь располагаются в обеих галереях друг против друга проходы, причем, возможно, имелся проход и во внешней стене, однако плохая сохранность самой стены в этом месте препятствует точному определению.

Из галереи «А» в галерею «Б» можно было попасть лишь через своеобразный вестибюль, который ведет и в центральную часть всего сооружения. Судя по стратиграфии слоев, в основной период галерея «Б» также была не застроена и лишь во второй период внутри ее возводятся поперечные стены, образующие анфиладу помещений, расположенных по кругу.

Из вестибюля, повернув в западную сторону через специальный дверной проем, частично сохранивший арочное перекрытие, можно было попасть в помещение, на полу которого к моменту раскопок находились вкопанные в пол хумы, но относящиеся к последующему, второму периоду обживания. Дверной проем из этого помещения ведет в смежное с центральным столбом и световыми амбразурами. Все остальные помещения галереи «Б», судя по стратиграфии, также были построены позднее.

Обе галереи как бы заключают внутри себя круглый в плане двор, явно имевший цент-

⁴⁵ Ср. аналогичные амбразуры на Годи-Тепе. См.: Levin L. The Iran Age Revealed.— «Expedition», 1971, v. 13, N 3—4, p. 42.

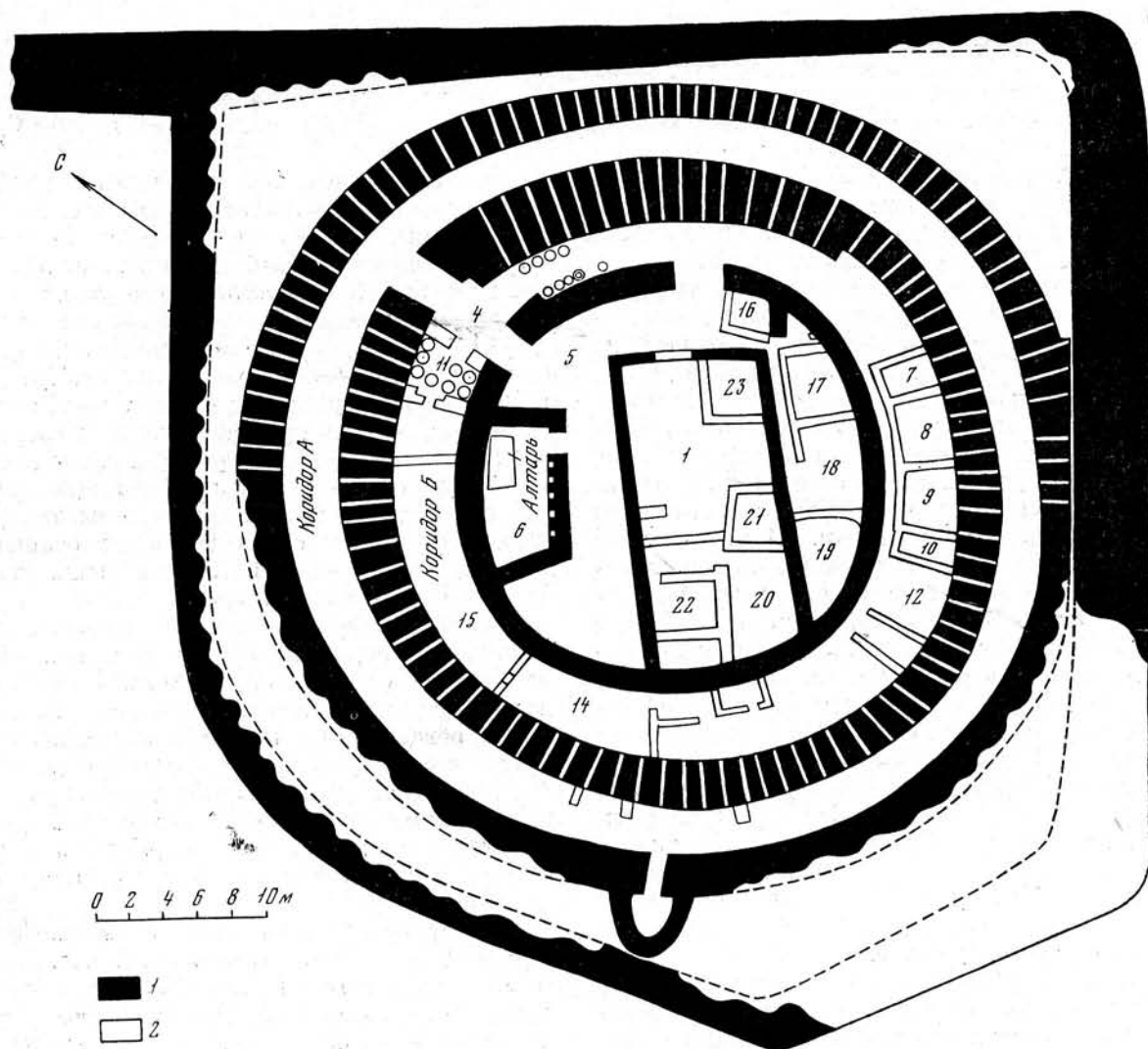

Рис. 55. Кутлуг-Тепе. Общий план раскопок

ральное значение в системе всего комплекса. В середине его сохранилось длинное прямоугольное сооружение, внутренняя часть которого позднее оказалась перегороденной дополнительными стенками, образовавшими серию небольших комнатшек. Стенки их сложены весьма небрежно, а основания покоятся на уже образовавшихся мусорных наслоениях. Вследствие этого сейчас трудно судить, были ли внутри этого огромного прямоугольного помещения какие-либо другие сооружения: если и были, то они оказались полностью уничтоженными в последний, второй период обживания.

В северной части располагается помещение 6, пол которого местами сохранил белую обмазку и остатки прямоугольного «алтаря»; в южной стене этого помещения устроено пять ниш.

Круглое сооружение по внешнему фасу было заключено в многогранник мощных стен с единственным въездом в северном углу, а между ними располагался глубокий и широкий ров.

Раскопки Кутлуг-Тепе дали рядовой материал и в первую очередь большое количество керамики, представленной такими ведущими формами, как банки с подкошенным дном, хумы и особенно хумчи с уплощенными в разрезе венчиками; глина плотная, без примесей, красного цвета, обжиг ровный, ангоб белый, как правило, нанесен снаружи, до перегиба к дну. Среди керамических изделий выделяются крупные сосуды типа воронок со сквозным отверстием на дне, назначение которых неясно.

Кроме керамики обнаружены и каменные изделия, среди которых выделяется «блюдо» на ножках, выточенное из черного диорита; найдены обломки от других диоритовых сосу-

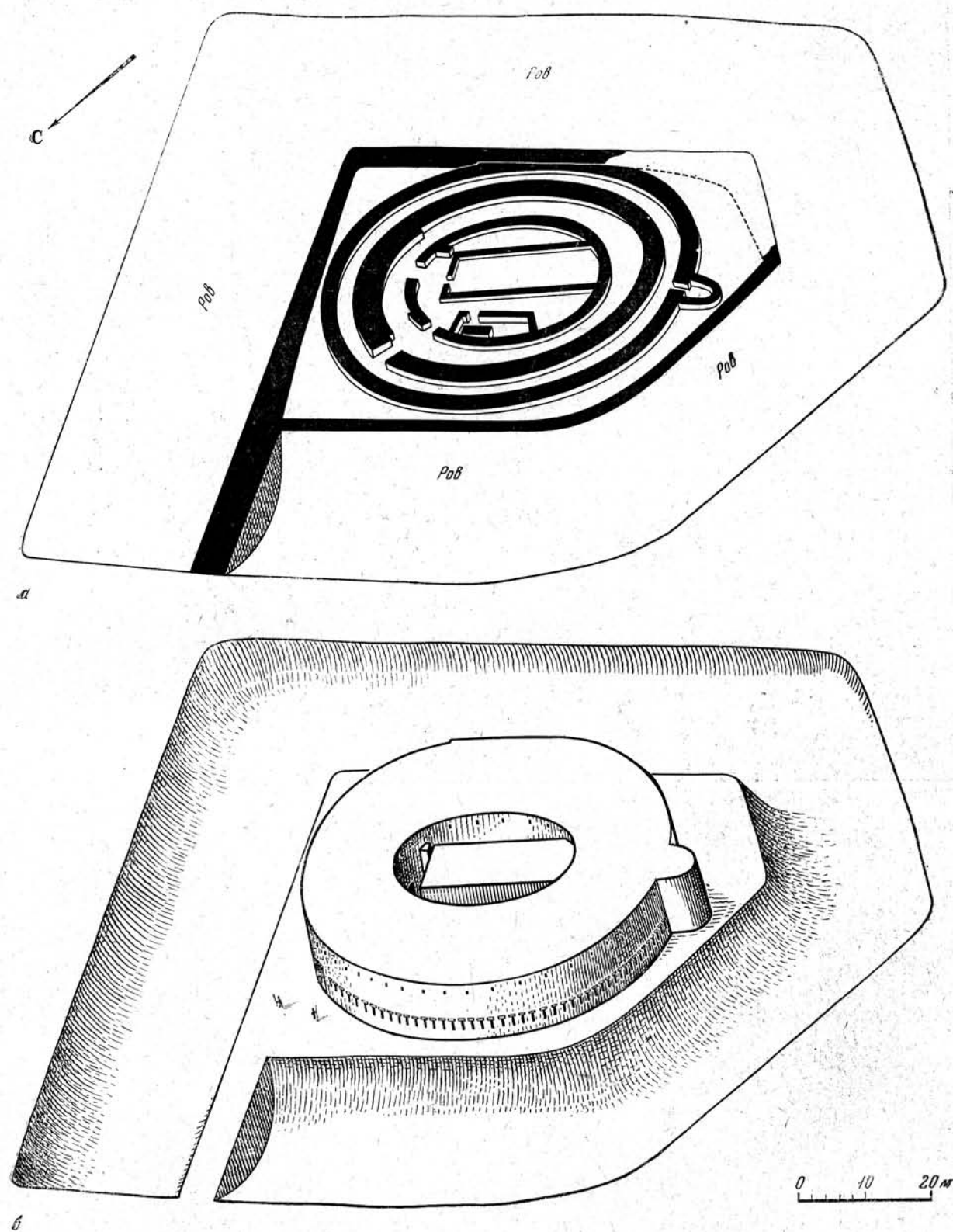

Рис. 56. Кутлуг-Тепе. Аксонометрия (а) и реконструкция (б)

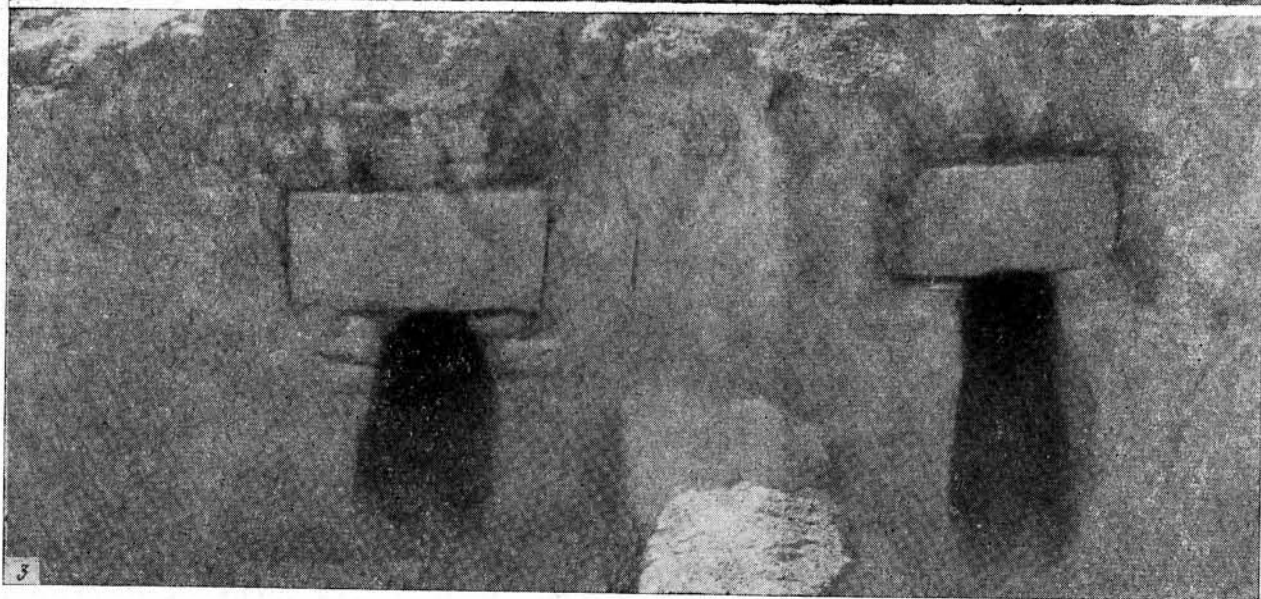
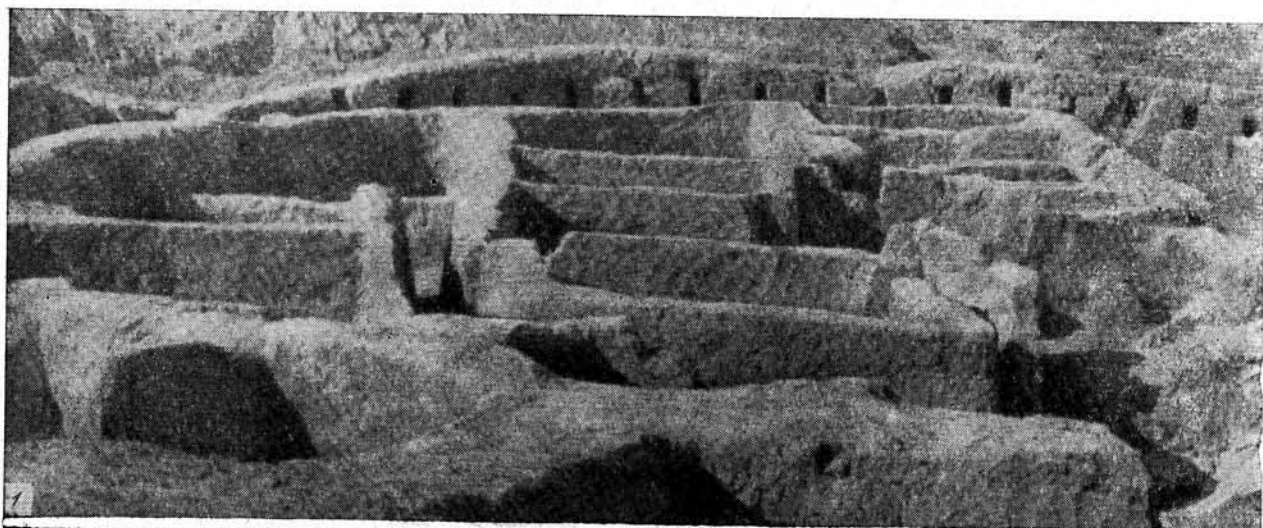

Рис. 57. Кутлуг-Тепе. Общий вид (1), обводная галерея (2), световые амбразуры (3)

Рис. 58. Кутлуг-Тепе. Керамика

дов, точильный камень с отверстием для шнура, две небольшие прямоугольные плитки, поверхность которых слегка вогнута и несет следы красной краски, а также бронзовые наконечники стрел. Все они двухперые, лавролистной, ромбической и треугольной форм, черешковые и втульчатые. Как видно, почти все находки (исключая, возможно, диоритовый стилик) представляют собой обычный материал, характерный для рядовых обитателей и относящийся ко второму периоду.

Нетрудно заметить, что общий план Кутлуг-Тепе в своей основе достаточно близко перекликается с планом круглого храма с Дашлы-3. На это в первую очередь указывает сам планировочный принцип кольцевых коридоров, заключающих внутри себя прямоугольные помещения, в том числе особого назначения. Характерна и такая деталь: основные входы в обоих сооружениях устроены по северному фасаду, что, видимо, не случайно. Вместе с тем сооружение на Кутлуг-Тепе сравнительно с Дашлы-3 отличается большей простотой, здесь нет (или не сохранилось) никаких декоративных украшений интерьеров, которые бы выделяли наиболее значимые помещения. Вместе с тем Кутлуг-Тепе явно продолжает архитектурные традиции, заложенные еще в эпоху бронзы, примером чего является Дашлы-3, который демонстрирует генетическую линию развития бактрийской монументальной архитектуры.

Близкую планировку демонстрируют памятники Ат-Чап-1 и 2 в Дашлинском оазисе, также относящиеся к ахеменидскому времени. С другой стороны, уже отмечалось общее сходство памятников типа круглого храма и Кой-Крылган-Кала в Хорезме⁴⁶.

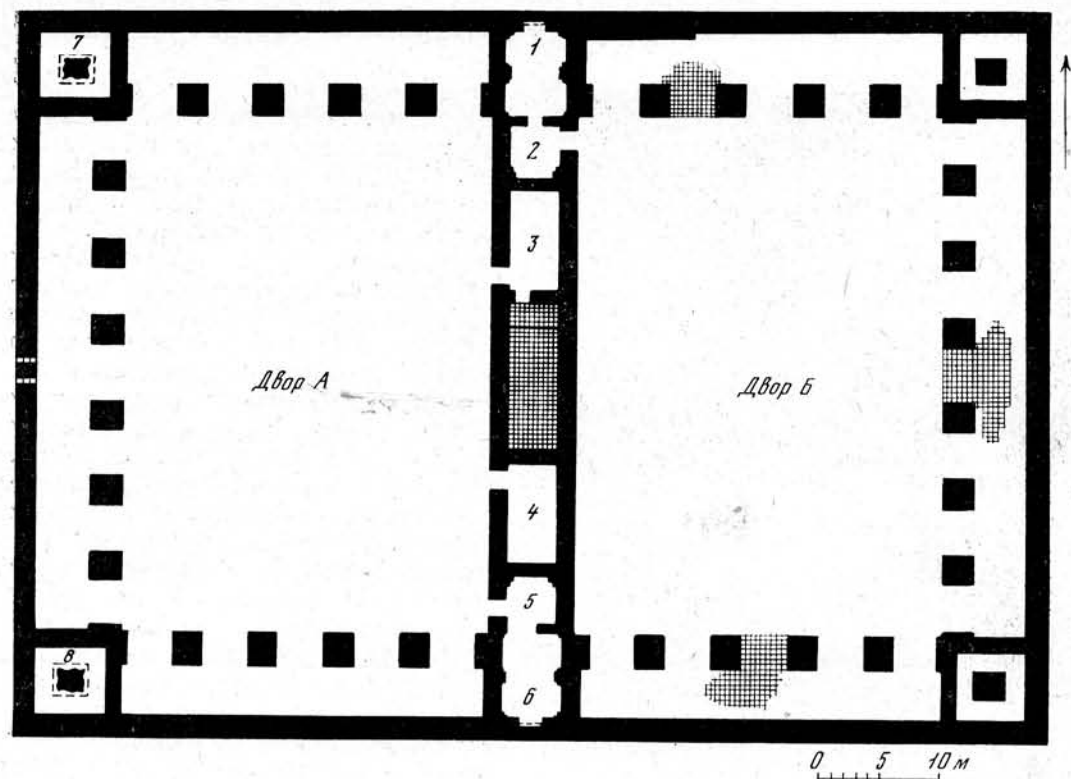
Планировка Кутлуг-Тепе и Ат-Чап обнаруживает сходство с обоими этими памятниками и заполняет существовавший ранее хронологический разрыв. Не исключено, что дальнейшие археологические открытия на смежной территории позволят конкретизировать это наблюдение на новом фактическом материале.

В связи с открытием Кутлуг-Тепе возникает еще один аспект исследования, связанный с вхождением Бактрии в ахеменидское государство. До самого последнего времени ряд ученых придерживается того мнения, что при Дарии I и Ксерксе в ахеменидской державе был распространен исключительно зороастризм, а все местные культы были запрещены. Однако М. А. Дандамаев убедительно доказал, что наряду с поклонением Ахура-Мазде иранское население чтит и более древние, глубоко местные божества. Ахеменидские цари терпимо относились к религиям покоренных народов⁴⁷, что как будто находит свое подтверждение и на бактрийском материале, где прослеживается устойчивая традиция существования местного культа, материальным отражением чего является сходная планировка круглых зданий от Дашлы-3 до Кутлуг-Тепе и Ат-Чап. Правда, мы не знаем с точностью, какие формы религиозных верований были распространены в Бактрии на протяжении всего этого многовекового периода; судя по устойчивому сохранению культа огня, эти верования могли быть близки той официальной религии, которая была распространена в ахеменидской державе в середине I тысячелетия до н. э.

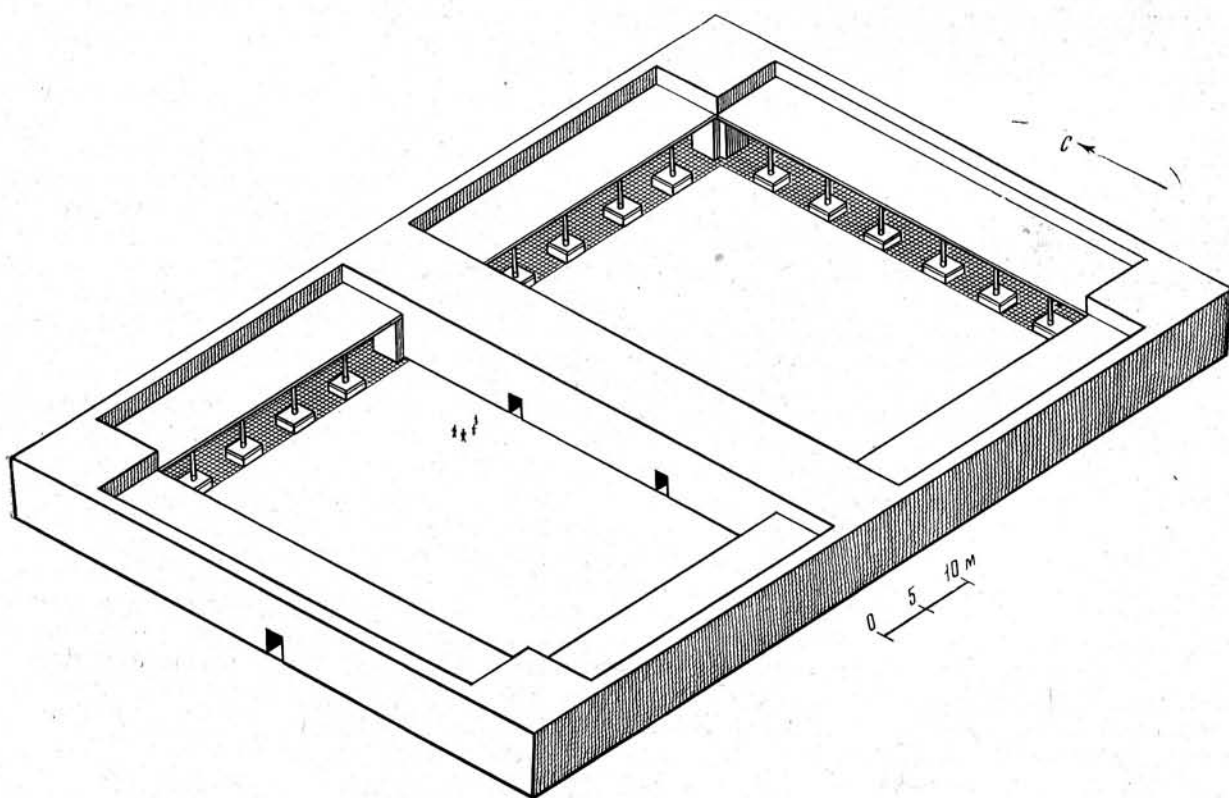
Следующий монументальный комплекс. Алтын-10, находится в Дашлинском оазисе и состоит из нескольких самостоятельных объектов, расположенных на окраине полуразвееянного поселения эпохи поздней бронзы. Один из них (объект 1) представляет собой прямоугольное здание размером 80×55 м, строго вытянутое по оси восток — запад. По всем четырем углам располагается по одному квадратному помещению с опорным столбом в центре; внешние углы помещений оформлены широкими пилястрами. Все здание делится по середине серией вытянутых в цепочку помещений, образующих вместе два обширных двора, офор-

⁴⁶ Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Древняя Бактрия в свете новых раскопок..., с. 157.

⁴⁷ Дандамаев М. А. Новые данные о религии в Персии на рубеже VI—V тысячелетий до н. э. — ВДИ, 1973, № 2, с. 28—31.

а

б

Рис. 59. Алтын-10. Объект I. Общий план раскопок (а), реконструкция (б)

мленных с трех сторон кирпичными колоннами, так что вдоль стен внутри каждого двора имеется по 14 колонн, образующих своеобразный колоннадный портик или айван. Представляется наиболее вероятным предположение о том, что колонны поддерживали деревянную кровлю, которая таким образом охватывала крытым айваном оба двора со всех трех сторон. Полы между колоннами местами сохранили вымостку из регулярной кладки кирпича; центральные части дворов имеют полы в виде глиняных промазок с большой примесью самана.

Вышеупомянутая анфилада помещений (разделяющая между собой два двора) состоит из центральной, прямоугольной формы платформы, на которую ведет лестенка, по обе стороны от которой располагаются еще по два вытянутых помещения. Особый интерес имеют два крайних помещения, с точностью копирующие друг друга. Это прямоугольно вытянутые комнаты, разделенные внутри стеночкой так, что образуется небольшой своеобразный вестибюль с двумя проходами, ведущими в большее помещение.

Если оба вестибюля ничем не украшены внутри, то интерьеры смежных с ними помещений имеют ниши, углы которых декорированы фигурными выступами.

Центральное место между обеими парами комнат занимает прямоугольное помещение, аккуратно заложенное внутри регулярной кладкой кирпича. Стены внутри сохранили штукатурку, так что сама кирпичная закладка четко отделяется от плоскости стен. В северной части располагается небольшое помещение с широким проходом, ведущим в восточный двор. В свою очередь, в северной части расположено три ступени от лестницы, ведущей на верх кирпичной закладки. Поскольку общий план здания отличается поразительная симметрия, можно предполагать, что аналогичное помещение со ступеньками находилось и в южной части, однако расчистка кирпичной закладки этого участка подобной лесенки здесь не обнаружила. Не исключено, что кирпичная закладка являлась своего рода платформой — возвышением, которое доминировало над всем зданием в целом. В таком случае на вершине высокой кирпичной платформы могло находиться тронное место в виде кирпичного сиденья, как это установлено для синхронного здания на Годин-Тепе в Иране⁴⁸.

Показательно также, что два помещения, располагающиеся к северу от тронного места, проходами сообщаются с обоими дворами, в то

время как пара комнат к югу соединяется лишь с западным двором, что, возможно, связано с последующими перестройками всего комплекса.

Остается добавить, что внешние стены раскопанного здания имеют толщину 1,5 м, а сами помещения — 1 м. Основные стены сложены из квадратного кирпича размером $35 \times 35 \times 10$ см; в редких случаях встречен кирпич размером $42 \times 42 \times 12$ см, возможно, имеющий вторичное использование. Характерной особенностью вскрытого здания являются следы воздействия сильного огня, отмеченные внутри многих помещений и особенно вдоль портика-айвана, что свидетельствует о пожаре⁴⁹. Вместе с тем на стенах отдельных комнат сохранились краснообожженные пятна (но без следов копоти), скорее всего происходящие от раскаленных углей переносных жаровен.

Касаясь вопроса о возможной гибели всего здания от пожара, нужно отметить, что следы сильного воздействия огня имеются почти на всех колоннах, исключая плоскости, обращенные внутрь дворов. Очевидно, что мощный горелый слой вдоль стен двора образовался в результате обрушившейся из-за пожара кровли.

Что касается назначения раскопанного здания, то, видимо, это был дворец летнего типа. На это указывает минимальное количество помещений в сочетании с обширными открытыми дворами, оформленными по трем сторонам крытыми айванами. Не исключено, что вышеупомянутая кирпичная платформа с лестницей, ведущей на ее верх, служила своеобразным тронным возвышением для церемониальных приемов. Исходя из имеющихся наблюдений, представляется наиболее вероятным относить существование памятника к ахеменидскому времени.

Следующий, полностью раскопанный объект II располагается рядом с вышеописанным и представляет собой небольшой холм, круто понижающийся с востока на запад. В результате западная часть сооружения сохранилась всего на высоту 1—1,5 ряда кирпича, так что вопрос о возможных проходах бывших помещений этой части здания остается открытым.

Раскопки выявили здесь квадратное здание размером 36×36 м. По четырем углам его располагаются обширные помещения, из которых комнаты 8 и 30 прямоугольной конфигурации, с двумя опорными столбами внутри, поддерживавшими кровлю. Два других угловых помещения (15 и 23) почти квадратные, но

⁴⁸ Young T. C., Weiss H. The Godin Project: Godin-Tepe. — «Iran», 1974, v. XII, p. 210.

⁴⁹ Уголь из помещения 1, по определению Г. Н. Лисицыной, происходит от тополя, можжевельника, ивы, ясеня, вяза, тамариска, указывающих на наличие постоянных водотоков.

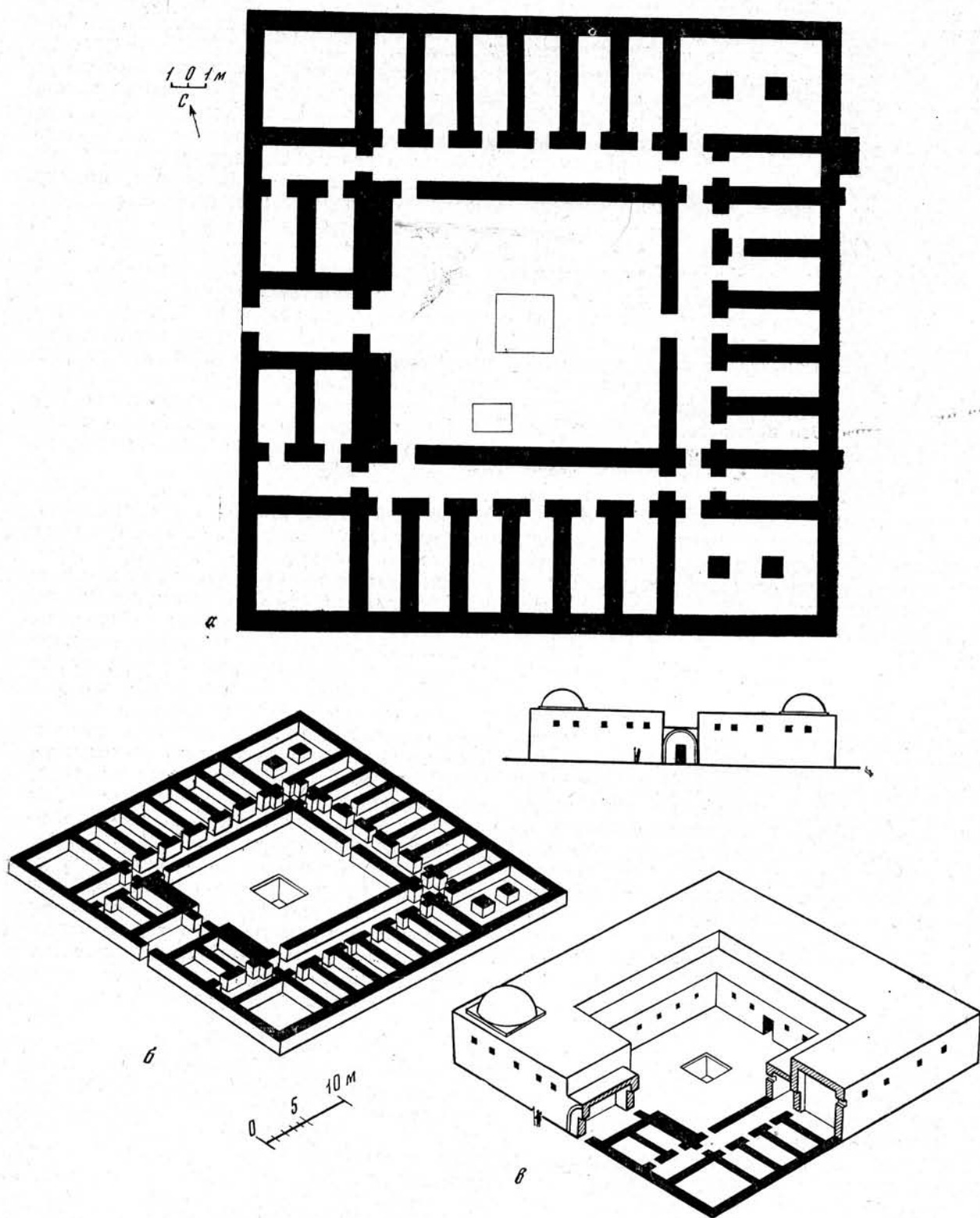

Рис. 60. Алтын-10. Объект II. Общий план раскопок (а), аксонометрия (б), реконструкция (в)

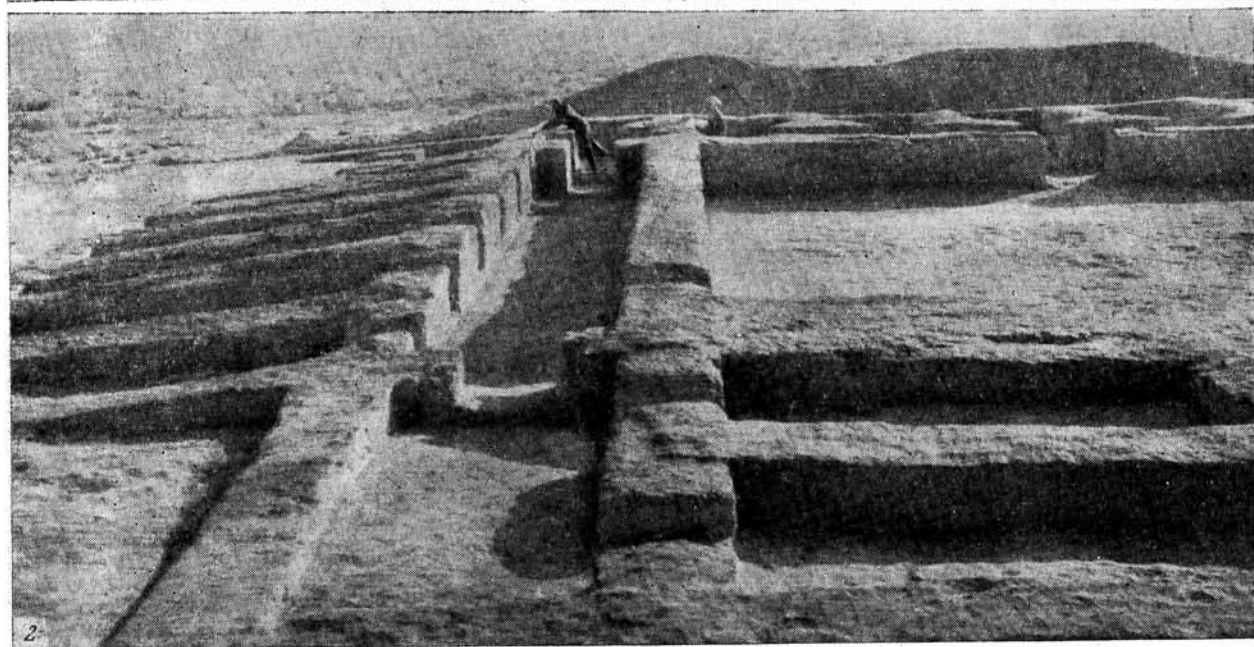
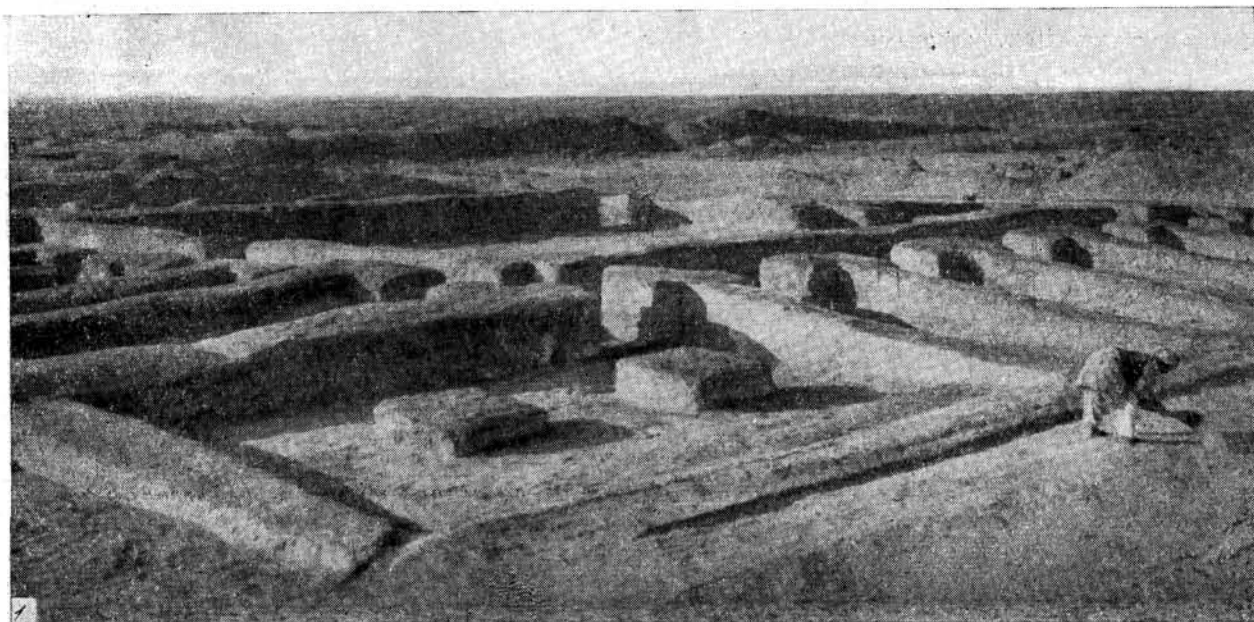

Рис. 61. Алтын-10. Объект II. Общий вид (1), детали раскопа (2)

меньших размеров. К сожалению, сохранность стен западной части настолько плоха, что входы в оба эти помещения с точностью не установлены. Однако ряд косвенных наблюдений дает право предполагать проходы, некогда соединявшие помещения 15 и 23 с прилегающими коридорами. В этом смысле показательны бесспорные проходы, расчищенные в помещениях 8 и 30, ведущих в обводной коридор.

Между угловыми комнатами располагаются длинные узкие помещения, входы которых ведут соответственно в северный, восточный и южный обводные коридоры. Вдоль северного и южного фаса располагается по шесть таких узких помещений, по восточному — семь. Если общая планировка вдоль упомянутых трех сторон комплекса поразительно однообразна, то оформление западного фаса отлично. Здесь в середине внешней стены имеется вход, ведущий в вестибюль 19 и затем во внутренний двор. По обе стороны от вестибюля распола-

гаются по три взаимосвязанных узких помещения (16, 17, 18, и 20, 21, 22), возможно, сообщавшихся общими проходами с угловыми помещениями 15 и 23.

Как уже отмечалось, все помещения исследуемого памятника имеют проходы, ведущие в обводной коридор, который в свою очередь охватывает с трех сторон обширный внутренний двор. Обводной коридор соединяется с внутренним двором тремя проходами, один из которых расположен в центре восточного коридора, а два других — в западных углах северного и южного коридора. Строго в центре внутреннего двора устроено квадратной формы углубление размером 3,5×3,5 м, скорее всего бассейн; около южного коридора имеется второе прямоугольное углубление, но, по-видимому, несколько более позднего времени. Здание было сложено из квадратного сырцового кирпича размером 43(42) × 43(42) × 12(13) см.

Все помещения, исключая дворы, внутри имеют алебастровую обмазку разной степени сохранности, причем в угловом помещении 30 отмечаются два слоя такой обмазки. Техника нанесения обмазки такова, что на кирпичную плоскость нанесена сначала глиняная штукатурка толщиной до 1,5 см, поверх которой уже идет белая алебастровая обмазка до 2 мм толщиной. Затем на эту алебастровую плоскость опять нанесена глиняная штукатурка и поверх нее снова идет алебастровое покрытие. В ряде помещений такие ремонтные обмазки делались до трех раз.

В системе раскопанного здания выделяется угловое помещение 8, культурное наполнение которого резко отлично от всех остальных. Здесь на самом полу идет слой золы толщиной до 8—10 см, а прилегающая часть стены поверх алебастровой обмазки сильно закончена. Выше, до самой дневной поверхности, обнаружен сплошной завал глиняных «кесонов» или «алтарей», представляющих собой квадратные в основании (32×32 см) трехступенчатые пирамидки, изготовленные из тонкоотмученной глины с примесью самана; поверхность их сплошь покрыта тонким слоем белого алебастра.

В общем виде исследуемое сооружение реконструируется как небольшое здание, организующим центром которого является внутренний двор с бассейном. Анфилада поразительно однотипных помещений, идущих вдоль всех трех сторон, ограничена со стороны двора обводным коридором. Свет в эти помещения попадал со стороны внешней стены, где могли быть устроены окна; обводной коридор мог освещаться световыми люками со стороны двора. Вход, располагавшийся с восточного фасада, имел по обе стороны предвратные комнаты; уг-

ловые помещения этого же фасада без опорных столбов могли иметь купольные перекрытия. В целом по аналогии с рядом расположенных летних резиденций это были здания типа зимнего дворца, где пребывал местный правитель небольшого укрепленного городка Алтын-1, расположенного в 2 км к югу от Алтын-10. Преимущественно светское назначение комплекса на Алтын-10 не исключает и культового аспекта, когда отдельные помещения могли использоваться в качестве домашних святилищ, косвенным свидетельством чему могут являться ступенчатые «алтарики».

Касаясь найденного материала, следует отметить, что находки крайне бедны и ограничиваются исключительно керамикой, преимущественно изготовленной на гончарном круге. Вся керамика хорошего качества, глина красная, плотная, белый или светло-зеленый ангоб обычно нанесен на внешнюю часть сосудов. Основные формы: цилиндрические хумы с уплощенными венчиками и подкошенной придонной частью, сосуды средних размеров с отогнутыми венчиками, мелкие чашки и миски. Вместе с тем показательно почти полное отсутствие цилиндроконических банок, этой наиболее типичной и распространенной формы посуды ахеменидского времени.

От следующего сооружения (объект III), расположенного в нескольких метрах к югу от объекта I, сохранились лишь следы трех обширных помещений; остальная часть полностью развеевна процессами дефляции. Наконец, к западу от объекта II находилось еще какое-то сооружение, от которого сохранились лишь фрагменты стен в виде чрезвычайно длинной стены, от которой в обе стороны отходят короткие поперечные стеночки.

Как видно, в пункте Алтын-10 находился комплекс особых по назначению сооружений, занимающих определенное место в развитии монументальной архитектуры Передней Азии. Если сравнить общую планировку объекта II Алтын-10 с дворцово-культовым сооружением Дашлы-3, то нетрудно отметить вполне очевидные линии связей. В первую очередь это проявляется в самом планировочном принципе, когда организующим центром является почти квадратный двор, сообщаемый проходами с обводным коридором. Роднит их и строгая симметрия общего плана, построенная на пересечении прямых линий с четко выдержанными пропорциями. Вместе с тем налицо и повсюду, отражающиеся в полном отказе от пилястр как декоративного элемента — на Алтын-10 ровные плоскости стен становятся господствующими в общей композиции здания. Ритм и симметрия — вот что теперь становится характерным для бактрийского зодчества.

Еще больше новшеств демонстрирует летний дворец с Алтын-10, что проявляется как в плане, так и в устройстве колоннадных портиков-айванов. Но и здесь все еще живо чувствуются свои, глубоко местные традиции бактрийского зодчества, что наглядно видно на примере оформления интерьеров ряда комнат фигурными нишами, прямо напоминающими аналогичные приемы декорировки особых помещений зданий Дашлы-3.

Установленный факт почти тысячелетней преемственности в развитии монументальной архитектуры Бактрии не следует рассматривать как локальное явление. Напротив, в середине I тысячелетия до н. э. архитектура Бактрии демонстрирует все большую близость с сооружениями ахеменидского Ирана и в первую очередь с монументальными зданиями Дахани-Гуламан в Иранском Сеистане.

Как установили раскопки, здесь в древней Дрангиане на краю города (предположительно Зарин ахеменидских надписей) располагался комплекс сооружения, как считают, религиозного, социального и гражданского назначения⁵⁰.

Если сопоставить между собой соответствующие архитектурные комплексы Дахани-Гуламан и Алтын-10, то нетрудно отметить определенную переключку в планировке отдельных зданий. В этом отношении особенно показательно «священное» здание (объект III), почти квадратное в плане (53, 20 × 54, 30 м), с единственным входом в середине южного фаса. Центр здания занимает обширный двор, окаймленный с четырех сторон колоннадным портиком; по углам располагается по одному обширному квадратному помещению. В центре двора находятся три прямоугольной формы «алтари», вытянутые цепочкой и как бы разделяющие двор на две равные половины. Сами «алтари» сложены из кирпичей, внутри полые, со следами воздействия пламени.

Руководитель раскопок У. Ширатто, основываясь на наличии трех алтарей (триада Ахура-Мазда — Митра — Анахита), склонен рассматривать все здание как храм огня, отмечая вместе с тем, что подобного рода здания неизвестны ни раньше, ни позже на территории Ирана⁵¹.

В свою очередь К. Шиппман, оговаривая уникальность этого здания, предлагает три варианта решения: 1) это не храм огня; 2) храм огня, но не зороастрийский; 3) наряду с

культом огня могли существовать и другие культы⁵².

Независимо от подлинного назначения отметим общую близость планировочных решений здания 3 Дахани-Гуламан и объекта-I с Алтын-Тепе. В обоих случаях налицо обширные дворы с колоннадными портиками и угловыми помещениями и разделение двора на две части: в Дахани-Гуламан — алтарями, на Алтын-10 — поперечным сооружением, состоящим из комнат и платформы. Наряду со сходными признаками имеются и отличия, что особенно четко видно на примере усложненного плана Дахани-Гуламан⁵³.

Среди других сооружений Дахани-Гуламан наибольший интерес представляет здание 15, публикация которого пока отсутствует, но имеется схематический план. Судя по всему, это было почти квадратное здание размером 50 × 50 м. В центре его находился обширный двор, образованный симметрично расположенными, очень узкими помещениями, по семь с каждой стороны; наконец, по всем четырем углам располагалось по одному угловому помещению. Хотя и в упрощенном виде, но планировка здания 15 достаточно близко, вплоть до количества помещений, выходящих в центральный двор⁵⁴, перекликается с объектом II на Алтын-10. Это сходство усиливается находкой в другом здании (дом 6) трехступенчатого алтаря, с точностью копирующего вышеописанные алтари или кесоны из помещения 8 объекта II с Алтын-10. Небольшое отличие заключается лишь в углублении на верхней плоскости сеистанского экземпляра. Не исключено, что и в Бактрии подобные изделия являлись не архитектурными кесонами, а небольшими алтарями, которые применительно к объекту II могли быть перенесены из других помещений и свалены в кучу в комнате 8.

Как бы то ни было, налицо очевидная переключка сооружений особого назначения Бактрии и Дрангианы. Вместе с тем нет никаких оснований усматривать прямую связь между этими конкретными комплексами. В самом деле, уже отмечена определенная планиметрическая переключка здания 3 с Дахани-Гуламан и ахеменидскими сооружениями Фарса и в особенности Персеполя⁵⁵. Ападана Дария в Персеполе, так же как акрополь в Сузах (с обширными колоннадными дворами и особенно угловыми

⁵² Schippman K. Die Iranischen Feuerheiligtümer. Berlin, 1971, S. 55.

⁵³ Кстати, отметим, что хорошая сохранность колонн позволила установить арочные перекрытия портика здания 3 (Scerrato U. Excavations..., fig. 11), что дает основание предполагать существование аналогичной конструкции для колонн объекта 1 на Алтын-10.

⁵⁴ Scerrato U. Excavations..., fig. 2.

⁵⁵ Там же.

⁵⁰ Scerrato U. Excavations at Dahan-i-Ghulaman (Seistan-Iran), First Preliminary Report (1962—1963). — «East and West», 1966, v. 16, N 1—2, p. 9—30.

⁵¹ Scerrato U. Excavations..., p. 16—17.

залами), близко напоминает планировочные решения как Дрангианы, так и Бактрии⁵⁶. Как видно, налицо достаточно широкое распространение в целом однотипных зданий «официального» назначения, что в первую очередь связано с вхождением Дрангианы и Бактрии в состав Ахеменидского государства.

Конечно, периферийные здания далеко уступали по всем другим параметрам столичному Персеполю, но их планировочная близость выделяет их в однопорядковые по своей значимости сооружения «официального» назначения. При всем том, истоки ахеменидского зодчества уходят в глубокую древность, к памятникам типа дворца Дашлы-3 и другим, еще неоткрытым, но подобным сооружениям, в том числе и на территории древнего Ирана. Все сказанное не исключает, а, наоборот, предполагает местные, региональные традиции, что применительно к Бактрии документируется существованием круглых зданий типа Кутлуг-Тепе и оформлением интерьеров фигурными нишами (например, летнего дворца с Алтын-10). Существовали свои локальные традиции и в других регионах, в частности в Иранском Сеистане, что подтверждается наличием сводчатых перекрытий в Дахани-Гуламан⁵⁷.

Но бесспорно, особого значения заслуживает (независимо от уточнения их назначения) общественно-социальный аспект подобных соору-

жений. Расположенные далеко от Персеполя, на окраине ахеменидской империи, комплексы сооружений типа Дахани-Гуламан и Алтын-10 открывают новую главу в истории изучения периферийных сатрапий. И недаром У. Ширатто предлагает идентифицировать город с исследованным комплексом с Зарином, упоминаемым в письменных источниках.

Очевидно, что политическим и административным центром являлся комплекс сооружений на Алтын-10, который вместе с рядом расположенным укрепленным городком Алтын-1 составлял центр всего Алтынского оазиса ахеменидского периода. Именно на это время падает наивысший расцвет, когда здесь возникают все новые поселения, как правило неукрепленные. Наряду с небольшими имеются огромные поселения, простирающиеся на многие сотни метров, а в ряде случаев — и на несколько километров, сохранившиеся к настоящему времени в виде россыпей керамики на такырах с центральными буграми. Часть их, по-видимому, имела узкоспециализированное назначение, как, например, Алтын-3, где прямо на дневной поверхности прослеживаются остатки свыше 25 округлых в плане керамических печей и рядом — отвалы от гончарного производства.

На фоне этих рядовых памятников резко выделяется небольшое, но максимально укрепленное поселение Алтын-1 с высокой, на платформе, цитаделью и оборонительной стеной, усиленной башнями. Шурф у основания цитадели установил, что площадь внутри оборонительных стен практически не содержит культурного слоя, так что обжитой частью являлась лишь цитадель — резиденция местного владельца. Все приведенные наблюдения выделяют Алтын-1 и Алтын-10 в административно-политический центр всего оазиса.

⁵⁶ У. Ширатто усматривает близость здания 3 с Персеполем, а не с Пасаргадами в первую очередь из-за квадратного, а не прямоугольного общего плана, однако в Алтын-10 имеются оба типа сооружений.

⁵⁷ Scerrato U. Excavations... p. 16. В настоящее время ложносводчатые перекрытия (по крайней мере узких коридоров) известны для мидийского времени (Нуши-Джав) и эпохи бронзы (дворец Дашлы-3).

АФГАНИСТАН НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

§ 1. Палеоэкономика и палеодемография

Вышеприведенный обзор археологических материалов и наблюдений дает возможность наметить историческое место Афганистана в системе Древнего Востока. Имеющиеся материалы, хотя далеко не полные, позволяют оценить материальную культуру и определить общие контуры исторических процессов, протекавших в Афганистане во II — начале I тысячелетия до н. э. Думается, что и при современном состоянии изучения прошлого страны уже можно поставить и частично решить вопросы палеоэкономики, палеодемографии, общественного строя, сложения городской цивилизации, а также истории этноса и языковой принадлежности. Естественно, что даже для частичного решения многих из этих вопросов чисто археологических материалов и наблюдений явно недостаточно, поэтому привлекаются, с одной стороны, сравнительные материалы Месопотамии, а с другой — этнографические параллели. Подобная методика исследования оправдана тем, что Афганистан находился в тесных связях со смежными областями (в первую очередь Туркменистаном и Ираком) и в целом со всем древневосточным миром, что определяет необходимость привлечения археологических материалов с этих территорий.

Палеоэкономика и палеодемография могут быть рассмотрены в основном на материалах Северного Афганистана и в первую очередь Дашлинского оазиса. Именно этот конкретный микрорайон позволяет хотя и с относительной степенью достоверности, но поставить проблему во всем ее многообразии. Наличие отдельных групп разновременных памятников свидетельствует не только о перемещении орошаемых земель, но и о динамике жизни изучаемого конкретного региона в целом.

Древний ландшафт этого оазиса может быть реконструирован на основе палеоботанических данных и в первую очередь определения углей

с разновременных памятников. В этом отношении показательны древесные остатки, происходящие с поселений от эпохи поздней бронзы до ахеменидского времени, где устойчиво обнаруживаются следующие породы: тополь, можжевельник, ива, ясень, вяз, тамариск и в меньшей степени — саксаул. Налицо типично тугайная растительность, характерная для постоянных водотоков, в особенности для дельтовых протоков; наличие саксаула вместе с тем указывает на существование в ближайшем окружении песков. Как видно, первые колонисты застали здесь достаточно благоприятные экологические условия для ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства.

В этом плане показательна схема древней оросительной системы, предположительно реконструируемой по данным микрорельефа и топографии памятников Дашлинского оазиса. Судя по этим наблюдениям, основные водотоки шли с юго-востока на северо-запад, заканчиваясь небольшими дельтовыми веерами, на которых располагались древние поселения. Одно такое русло четко прослеживается на участке между поселениями Дашлы-19 и Дашлы-21, а заложенная поперечная траншея позволила установить, что ширина русла местами доходила до 22 м, при максимальной глубине около 2 м.

Линза русла оказалась заполненной сплошным надувным песком, ниже которого идут ровные горизонтальные прослои тонкоотмученной глины явно аллювиального характера. Материк, в котором древнее русло разработало свое ложе, представляет собой сильно спрессованный и частично отакыренный песок. Судя по большим размерам ширины ложа и отлогим берегам, думается, что траншея выявила не древний канал, а русло реки, возможно один из основных отводов р. Балхаб. Все это не исключает наличия небольших каналов, которые могли отводить воду из таких русел на близлежащие поля. Осталось заметить, что вдоль правого берега этого участка бывлой реки располагается огромный могиль-

ник поселения Дашлы-19, который свидетельствует о постепенном затухании русла к последним столетиям II тысячелетия до н. э.

Основными злаками были ячмень и пшеница; зерна карликовой пшеницы встречены на Дашлы-3, а также на юге Афганистана — в Мундигаке¹, являясь вместе с тем характерным видом пшениц для ирано-афганского центра вообще².

Основным пахотным орудием, скорее всего, являлась соха, однако в подобных целях могли

ношения встреченных при раскопках костей животных, можно утверждать, что мелкий рогатый скот, видимо, составлял основу скотоводства. (На это же могут указывать вышеотмеченные ритуальные захоронения баранов.) Вместе с тем нет основания полностью исключать охоту (о чем свидетельствуют черепа диких кабанов), а также рыболовство — кости рыб также встречены при раскопках, что и неудивительно, если вспомнить тугайный ландшафт, окружавший древних жителей.

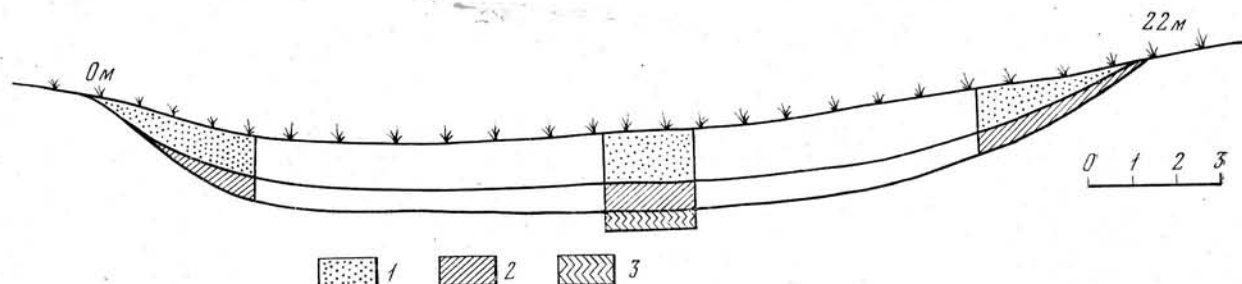

Рис. 62. Разрез древнего русла у поселения Дашлы-19
1 — надувной песок; 2 — глинистые прослои от аллювиальных патеков; 3 — материк

использоваться наконечники, изготовленные из рогов оленя и во множестве встреченные при раскопках всех дашлинских поселений; соединенные с деревянной рукояткой, такие орудия с успехом могли использоваться для мотыжной обработки земли. Хотя нет прямых фактов, указывающих на использование тягловой силы, общий уровень развития культуры настолько высок, что может вполне предполагать участие в пахотных работах быка, запряженного деревянной сохой³. Уборка урожая, кстати, самая трудоемкая из всего цикла сельскохозяйственных работ, производилась преимущественно бронзовыми зубчатыми серпами, закрепленными в деревянные ручки. Собранные колосья обмолачивались, видимо, тем же способом, что и сейчас, при помощи быков, которых прогоняют множество раз по току; обмолоченное таким способом зерно провеивают затем по ветру. Большое количество массивных каменных ступок и терок не оставляет сомнения в способе получения муки из зерна.

Хотя остеологическое определение костных остатков не проведено, однако, исходя из соот-

В настоящее время работами советских и зарубежных исследователей сделана попытка палеодемографической реконструкции древних обществ на материалах Передней и Средней Азии. При всей условности определения количественного состава населения отдельных поселков и даже групп поселений опыт подобного исследования представляется весьма перспективным, так как позволяет от абстрактных рассуждений перейти на почву реальных фактов, хотя и ориентировочных.

В отечественной литературе такая работа была проделана Г. Н. Лисицыной⁴ и В. М. Массоном⁵ на материалах Южного Туркменистана эпохи энеолита. В качестве объекта был выбран Геоксюрский оазис площадью около 400 км², составлявший в древности достаточно изолированную и экономически обособленную группу, состоявшую из девяти поселений. Опираясь одними и теми же объектами исследования, оба автора приходят к достаточно разным результатам. Так, для столичного памятника Геоксюр-I при площади в 8 га Г. Н. Лисицына предполагает население в пределах 1000—1200 человек; для этого же памятника, но площадью 12 га В. М. Массон допускает много большее население, порядка 2000—3000 человек. Разница в подсчетах объясняется тем, что в одном случае в среднем на гектаре предполагается проживание 120—150

¹ Casal J. M. Fouilles de Mundigak.— MDAFA, 1961, t. XVII, v. I, p. 260.

² Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений.— «Труды по прикладной ботанике и селекции», т. XVI, вып. 2, М., 1925, с. 25—30.

³ Косвенным свидетельством может служить сцена пахоты на быках, изображенная на одном серебряном сосуде, происходящем из разграбленных могил Бактрии.

⁴ Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении.— МИА, 1965, № 128, с. 129, 141.

⁵ Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, с. 319; он же. Поселение Джейтун.— МИА, 1971, № 180, с. 140—142.

человек, а в другом случае — 200—250 человек. Если принять во внимание последние цифры, то все население Геоксюрского оазиса в пору наибольшего расцвета составляло 4000—5000 человек, т. е. в среднем 1000—1200 человек на 100 км².

На переднеазиатских материалах вопроса палеодемографии занимается целый ряд исследователей, среди которых Р. Брейдвуд, Ч. Рид, Р. Адамс.

Опираясь на большой и разносторонний материал, Р. Брейдвуд и Ч. Рид⁶ для долины р. Чемчел в Иранском Курдистане предполагают население в 100 человек на 100 км², что близко совпадает с цифрами, предложенными для Геоксюрского оазиса. Поскольку отмеченные авторы независимым путем пришли к близким выводам относительно плотности населения отдельных микрорайонов, то очевидно, что эти данные являются в настоящее время наиболее приемлемыми и могут быть использованы для демографических подсчетов других регионов Ближнего Востока, и в частности Бактрии.

Общая площадь Дашлинского оазиса эпохи бронзы составляла около 100 км², что предполагает население в 1000—1200 человек. Однако не следует забывать, что имеющиеся данные предпочтительно указывают не на одновременное, а, скорее, последовательное обживание оазиса, когда во второй период жизнь перемещается на юго-восток, где центральными становятся поселения Дашлы-7 и 8, около которых располагается огромная россыпь керамики на такырах, фиксирующая основную обжитую часть оазиса эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Для нашей темы особого интереса заслуживают исследования Р. Адамса, касающиеся групп памятников, расположенных в окрестностях Урука. Используя в качестве эталона современное арабское поселение или, точнее, городок Мадан, автор допускает плотность 200 человек на га, отмечая, однако, что обжитая его площадь разбросана вдоль водных магистралей, а сам городок сильно вытянут по горизонтали, так что при достаточно обширной общей границе отмечается довольно низкая плотность обживания⁷.

Учитывая сезонный характер проживания части жителей, а также «нежилую» площадь в системе городка, которую занимают различные общественные здания, автор приходит к выводу, что средняя плотность обживания

древних поселков должна составлять 100 человек на 1 га. Р. Адамс специально оговаривает, что и в таком случае это не более как грубое приближение, так как и в древности в городе и деревне существовала разная плотность застройки. В этой связи отметим, что Г. Франкфорт, исходя из средней плотности 160 человек на акр таких современных городов, как Алеппо и Дамаск, приходит к выводу, что в Уре, Телл-Асмаре и Хафадже плотность населения составляла 120—200 человек на один акр⁸, что, однако, было справедливо поставлено под сомнение И. М. Дьяконовым⁹ и Р. Адамсом¹⁰.

Если суммировать предлагаемые разными исследователями нормы плотности населения (чел. на 1 га) древних памятников Передней и Средней Азии, то они будут выглядеть так:

Г. Франкфорт	240—400	Г. Н. Лиспцы-на	120—150
В. М. Массон	200—250	Р. Адамс	100

Думается, что наиболее приемлемой является цифра в 150—200 человек на га, каковая и используется нами в последующем изложении применительно к афганским памятникам эпохи бронзы.

Как было показано выше, полностью раскопанным памятником здесь пока является небольшое поселение на Дашлы-3, сложившееся на руинах бывшего дворца. Особенно показательна планировка верхнего горизонта (площадью около 1600 м²), разделенная улочкой на две неравные части. Здесь нет ни общественных зданий, ни обширных площадей, так что все строения могут квалифицироваться как жилые и хозяйственные. Если исходить из средней плотности в 150—200 человек на 1 га, то на этом участке (строго ограниченном квадратом внешних стен) могли проживать 25—33 человека. Однако думается, что эта цифра должна быть несколько увеличена (до 40—45 человек) за счет установленного факта вторичного использования под хозяйственные нужды части бывших помещений внешних фасов дворца, что было отмечено выше.

Исходя из общего количества обитателей поселка, можно установить, сколько семей проживало на этой площади. По данным И. М. Дьяконова, в современных странах Востока средняя семья состоит из 4—5 человек, причем в целом аналогичный состав (в среднем 5,03 человека) семьи существовал и в Шумере¹¹, так

⁸ Frankfort H. Kingship and the Gods. Chicago, 1949, p. 396.

⁹ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, с. 21.

¹⁰ Adams R. Land Behind Baghdad. Chicago, 1965, p. 123—125.

¹¹ Дьяконов И. М. Общественный..., с. 18—20.

⁶ Работа этих авторов осталась мне недоступной. Сужу по: Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 141.

⁷ Adams R., Nissen H. The Uruk Countryside the Natural Setting of Urban Societies. Chicago, 1972, p. 28—30.

что на рассматриваемом поселении Дашлинского оазиса могло проживать 8—9 семей. Поскольку земледелие занимало основное место в хозяйстве местных племен, имеется возможность определить общую обрабатываемую площадь земель и потребность в зерне. По Р. Адамсу, на каждого общинника в среднем приходилось 1,5 га пахотной земли¹², по несколько га на каждую семью предполагает И. М. Дьяконов¹³, что указывает на близкое совпадение расчетов.

Думается, что в конкретных условиях Дашлинского оазиса на человека в среднем приходилось менее 1 га земли, так что обрабатываемая площадь составляла 40—45 га. Считается, что урожай ячменя составлял 20—22 центнера с га, что в пересчете на общую площадь пахотных земель рассматриваемого поселка дает цифру около 80 тонн зерна. Делая поправку на разную урожайность, учитывая необходимость оставлять зерно для посевного фонда, а также что растительная пища составляла основной рацион, приходим к выводу, что и при этом получаемого зерна было вполне достаточно для местных общинников. Для сравнения привлечем данные норм потребления зерна для Шумера конца III—начала II тысячелетия до н. э. Имеется в виду система довольствия персонала царских и храмовых хозяйств Шумера, документально засвидетельствованная записями в табличках¹⁴. Обычная норма выдачи зерна в месяц составляла 60 сил для мужчин и 30 сил для женщин (соответственно 36 и 18 кг), что квалифицируется недостаточным¹⁵. Поскольку обитатели Дашлинского оазиса в массе оставались еще свободными общинниками, можно увеличить приведенные шумерийские нормы вдвое, из расчета потребления около тонны зерна в год на каждого человека, что было вполне достаточно.

Хотя все эти статистические выкладки не более как материалы для будущих исследований, тем не менее они весьма показательны для истории существования конкретного микрорайона. Уже отмечалось, что Дашлинский оазис на протяжении всего своего существования демонстрирует перемещение орошаемых земель в юго-восточном направлении. Если учесть, что поселок на Дашлы-3, скорее всего, фиксирует наиболее поздний этап обживания этой части оазиса, когда уже был заброшен

«круглый храм» и, возможно, Дашлы-1 и 2, то станет очевидным, что к этому времени воды здесь хватало для орошения не более 50—100 га. Учитывая вышеприведенные статистические данные, можно видеть, что для этой ранней группы оазиса водный дебет был уже явно недостаточен, вследствие чего центр жизни перемещается далее на юго-восток. Правда, эта, теперь уже краевая часть оазиса, частично была обжита и в последующее время вплоть до ахеменидского времени, однако количество памятников резко сокращается, а памятники середины I тысячелетия до н. э. обнаруживают ремесленную направленность, что особенно наглядно видно по Алтын-2 и 3, где гончарные печи занимают едва ли не большую часть памятников.

§ 2. Семья и общество

Семья и общество представляют едва ли не самый сложный объект исследования археологии. Не является в этом отношении исключением и Афганистан, где пока не найдены какие-либо письменные документы, которые могли бы внести ясность в эту проблему. Как правило, такие вопросы реконструируются на анализе планировок отдельных поселений, древних захоронений и некоторых других косвенных наблюдений, сделанных в ходе раскопок. Применительно к Афганистану имеются дополнительные свидетельства и в первую очередь памятники монументальной архитектуры, свидетельствующие об уровне развития местного общества во II тысячелетии до н. э. В этом плане заслуживают внимания раскопки монументального комплекса на Дашлы-3 и в особенности круглого здания, определяемого в качестве храма. Установление его общих размеров, планировки, внутренней архитектуры дает право сопоставить его с месопотамскими храмами, освещенными письменными данными хозяйственных табличек. Все это позволяет сравнить месопотамские и бактрийские храмовые общины, что до определенной степени помогает реконструировать социально-религиозную структуру последних.

Второй вид косвенных источников составляют этнографические параллели. К сожалению, этнография Афганистана исследована еще недостаточно полно, что заставляет обратиться к материалам смежных территорий, в особенности нагорной Грузии, что уже с успехом было сделано применительно к исследованию храмовых общин Малой Азии и Армении. Наконец, эволюция древней архитектуры VI—II тысячелетий до н. э., установленная для Южного Туркменистана, служит надежной базой для реконструкции семьи и общества других

¹² Adams R., Nissen H. The Uruk..., p. 32. Г. Франкфорт допускает, что для одного человека и даже небольшой семьи достаточно было 0,5 га См.: Frankfort H. Kingship..., p. 221.

¹³ Дьяконов И. М. Общественный..., с. 83.

¹⁴ Тюменев А. И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М.—Л., 1956, с. 401.

¹⁵ Там же, с. 103, 413.

областей, населенных древнеземледельческими племенами.

В этом плане показательна структура рассматриваемых поселков и в первую очередь маленького поселения на Дашлы-3, где по обе стороны от улочки располагаются взаимосвязанные помещения, составляющие два достаточно изолированных, компактных жилых комплекса. Многокомнатная планировка обоих комплексов не является случайной, что находит свое частичное подтверждение на материалах раскопок Дашлы-1. Налицо закономерность, прослеживаемая на ряде памятников оазиса¹⁶, которые в конечном счете отражают характер семьи и общества исследуемых племен.

Прежде чем обратиться к североафганским материалам, отметим, что крупнейшей заслугой советских археологов является изучение памятников на широких площадях, что особенно четко прослеживается на примере исследования древних жилищ различных периодов памятников Южного Туркменистана. Многолетние планомерные раскопки здесь позволили наметить эволюцию домостроения в связи с развитием самого общества, так что в этом отношении крайний юго-запад Средней Азии изучен несравненно лучше, чем любой другой регион в системе всего Ближнего Востока.

Именно поэтому в качестве сравнительного материала нами привлекаются данные, полученные для древнеземледельческих поселений Южного Туркменистана, где начиная с неолитического времени основу каждого поселка составляют однокомнатные дома¹⁷. Эта стандартная планировка четко повторяется на каждом из раскопанных памятников джейтунской культуры, демонстрируя закономерную линию развития древнейшей оседло-земледельческой архитектуры. Высказано вполне обоснованное предположение, что однокомнатные дома были населены парными семьями, включавшими 5—6 человек, так что именно индивидуальная семья составляла основу общества неолитического времени. Аналогичное явление происходит и в последующее энеолитическое время (в особенности в Геоксюрском оазисе), так что лишь на поздних этапах этого периода наблюдается смена однокомнатных домов многокомнатными домами-массивами (Геоксюр, Кара-Тепе).

В. М. Массону принадлежит большая заслуга в деле установления аналогичной закономерности смены однокомнатных домов многокомнатными в ряде областей Древнего Востока. Как оказалось, и здесь период однокомнатных домов (Хаджилар, Чатал-Гуюк, Хассу-

на, Гавра и др.) сменяется периодом многокомнатных домов (Таши-Бакун А, Силалк и др.). На основании всех этих данных делается вывод, что у раннеземледельческих племен Древнего Востока в IV—III тысячелетиях до н. э. типичными были поселки, состоявшие из многокомнатных домов, в которых обитали большие общины, ведущие общее хозяйство¹⁸.

Судя по среднеазиатским материалам, тип многокомнатного дома, сложившись в эпоху позднего энеолита, устойчиво продолжается и в последующий период — вплоть до эпохи раннего железа. Так, по материалам Алтын-Тепе как будто бы удалось установить, что многокомнатные массивы распадалась на отдельные «квартиры», состоявшие в свою очередь из двух жилых и двух-трех хозяйственных помещений с примыкающим двориком. На этом основании делается вывод, что это уже могли быть жилища индивидуальных семей, «состоявшихся главной ячейкой общества, хотя и объединенных в дома-массивы, что является внешней пережиточной чертой большесемейных общин»¹⁹.

Алтын-Тепе, безусловно, столичный памятник, где процессы дифференциации древнего общества сравнительно с периферийными поселениями могли шагнуть далеко вперед²⁰, однако и в последующее время, вплоть до античности, все известные поселения Средней Азии демонстрируют существование больших семей, что является отличительным признаком развития общества на большей части Древнего Востока.

Исследование коллективных захоронений эпохи позднего энеолита в Геоксюрском оазисе позволило обосновать тезис о существовании больших семей на антропологическом материале. Так, половозрастные характеристики погребенных в толосах указывают на назначение их в качестве семейных склепов. Документально установленный факт существования больших, в ряде случаев кровнородственных семей также представляет особый интерес для реконструкции семейно-брачных отношений не только Туркменистана, но и большей части Передней Азии III—II тысячелетий до н. э.²¹

¹⁸ Массон В. М. Средняя Азия..., с. 339.

¹⁹ Массон В. М. Эволюция первобытных поселений Средней Азии.— УСА, 1972, вып. 1, с. 9. Показательно, однако, что и в это время продолжают существовать коллективные гробницы, содержащие до 14 скелетов.

²⁰ Имеются сведения о наличии на этом памятнике отдельных домов знати площадью около 100 м² (См.: Массон В. М. Изучение слоев энеолита и бронзы на Алтын-Тепе.— АО 1974 г. М., 1975, с. 52).

²¹ Сариганди В. И. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен.— УСА, 1972, вып. 1, с. 22—25.

¹⁶ Судя по микрорельефу, аналогичная застройка многокомнатными домами имела на Дашлы-4 и 9.

¹⁷ Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 104—105.

Как видно, закономерность, проявляющаяся в застройке поселков многокомнатными домами, прослеживаемая на Ближнем Востоке, отмечается и в Афганистане, где уже строения Мундигак-III представлены многокомнатными массивами, группирующимися вокруг внутренних дворов²².

Не менее показательна многокомнатная сплошная планировка поселений Бактрии (Дашлы-1, 3), в том числе ее северной части, как это наглядно видно на примере раскопок Сапалли-Тепе.

Эволюция от однокомнатных к многокомнатным домам демонстрирует и соответствующие изменения семейных ячеек — от индивидуально парной семьи к большим семьям. Уже Л. Морган отметил, что «состояние общества и семьи отражено в жилищной архитектуре»²³, что дает право, используя этот принцип, попытаться реконструировать и общество Афганистана эпохи бронзы. В этом плане наиболее перспективные наблюдения предоставляет планировка поселения, возникшего на руинах дворца Дашлы-3, где на уровне второго строительного горизонта складывается группа взаимосвязанных помещений жилого и хозяйственного назначения. Судя по раскопанному плану, это остатки строений двух больших семей. Со временем увеличение численности населения приводит к сложению следующего (не раннего) строительного горизонта, где планировка достаточно четко делится улицей на два многокомнатных дома. Думается, что каждый такой дом являлся местом проживания больших семей, состоявших в свою очередь из нескольких малых семей. В целом же здесь могли обитать две большие семьи, составлявшие вместе большесемейную общину, определяемую И. М. Дьяконовым как «коллектив, связанный общностью происхождения по отцовской линии, общностью хозяйственной жизни и земельного владения и включающий более чем одну семейно-брачную ячейку»²⁴.

Помимо шумерских табличек, существование подобного типа поселков документируется и большим этнографическим материалом. Так, например, у горных таджиков, сохранивших сильные пережитки родового строя, до недавнего времени существовали поселения, состоявшие из 7—8 домов, жители которых являлись кровными родственниками, проживавшими под одной крышей²⁵.

²² Casal J. M. Fouilles de Mundigak, v. II, fig. 14—15. Близкий тип застройки дает и Саид-Кала.

²³ Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, с. 45.

²⁴ Дьяконов И. М. Общественный..., с. 66.

²⁵ Кисляков Н. А. Жилища горных таджиков бассейна реки Хингоу. — СЭ, 1933, вып. II, с. 151—153; Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у

Каждая такая большая семья включала в себя отпочковывающиеся малые семьи, не еще живущие вместе и продолжающие вести на первых порах совместное хозяйство²⁶. Как видно, большесемейная община, засвидетельствованная этнографией Средней Азии, уходит своими корнями в глубокую древность, что подтверждается данными раскопок поселений вплоть до эпохи позднего энеолита²⁷.

Большая семья (иначе большесемейная община, иногда домовая община) является основной хозяйственной единицей, начиная с периода разложения родового строя. Она еще слишком слаба, чтобы существовать и полнокровно функционировать в одиночку, и, как показывают письменные данные, обычно такая община входит в состав более крупного объединения составляя нередко соседскую общину.

Традиционно считалось, что большесемейную общину сменяет соседская (иначе сельская, территориальная и др.), однако работами советских исследователей установлено, что в странах Древнего Востока они не обязательно взаимоисключали, а, напротив, нередко сосуществовали друг с другом²⁸.

Думается, что близкую картину рисуют и материалы Северного Афганистана, где крохотные поселения, состоящие из 8—10 малых семей, сосуществуют с огромными по площади городищами, включающими в свой состав десятки и даже сотни таких семей. Очевидно, что во втором случае это преимущественно соседские общины, которые, если привлекать данные шумерской письменности, управляются уже не главой

горных таджиков Вахно-боло. М.—Л., 1936, с. 99—100.

²⁶ Бурхан-уд-дин-хан-и-Кушнеки. Каттаган и Бадахман. Ташкент, 1926, с. 140; Кисляков Н. А. История Каратегина, Дарваза и Бадахшана. — В кн.: Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Душанбе, 1945, с. 73; Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин. — «Военный сборник», 1883, № 12, с. 303; Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940, с. 13.

²⁷ Саруаниди В. И. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений геоксюрского оазиса. — КСИА, 1962, вып. 91, с. 22—29; В. М. Массон относит появление большесемейных общин в Месопотамии к VI — началу V тысячелетия до н. э. (См.: Массон В. М. Средняя Азия..., с. 334).

²⁸ Дьяконов И. М. Общественный..., с. 81; Янковская Н. Б. Землевладение большесемейных родовых общин в клинописных источниках. — ВДИ, 1959, № 1, с. 48—50. И. М. Дьяконов допускает, что домашняя община являлась частью территориальной. (См.: Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. — ВДИ, 1968, № 3, с. 7. В других случаях отдельные семейно-общинные поселения сосуществовали с территориально-общинными поселениями. (Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973, с. 33).

рода, а собранием глав семей, составляющих общинное самоуправление. На чисто археологическом материале трудно определить с точностью, домовая или сельская община обитала на том или ином раскопанном поселении. Да это и не столь важно, если учесть, что они могли существовать. Суммируя имеющиеся факты и в первую очередь существование огромных по площади поселений в сочетании с дворцово-культовыми комплексами, думается, что на первый план выступают уже соседские общины.

Соседская община, для которой типично сочетание индивидуальной и общинной собственности, — вот тот дуализм частного и общинного начала, который приводит к дальнейшему расхождению древнего общества, что видимо, было характерно и для Афганистана эпохи бронзы.

В этой связи уместно вспомнить индийскую готру — «совокупность лиц, ведущих свое происхождение по прямой линии от общего мужского предка», подробно рассмотренную А. Г. Периханян²⁹. По ее данным, индийская готра являлась общиной агнатов (включавшей до сотни и более больших семей), близких и дальних, связанных общностью занимаемой территории, культов и обрядов, организационным единством. Наряду с малыми могла существовать и большая готра, представляющая по сути дела крупную гражданскую общину³⁰. Установлена большая близость между иранским и индийским обществом в отношении сословного деления, что до определенной степени соотносится с вышеприведенными археологическими наблюдениями Бактрии эпохи бронзы.

В плане выяснения форм общественной жизни особое значение имеют монументальные сооружения Мундигака и Дашлы-3. Они демонстрируют высокий уровень общественного развития, что иллюстрируется материалами раскопанных зданий на Дашлы-3 и в особенности круглого храма.

В настоящее время лучше всего изучены храмы Месопотамии, где руины былых зданий, выявленные археологами, освещены письменными табличками, найденными внутри таких сооружений. Анализ табличек в совокупности с данными археологии позволил выявить общую линию сложения и развития храмов и храмового хозяйства³¹, что представляет исключительный интерес и для нашей темы.

В Месопотамии первые опыты кооперации коллективного труда общинников, как предполагают, были связаны в основном с ирригационными работами. Проведение каналов и устройство ирригационных систем вначале осуще-

ствлялось трудом свободных общинников, но затем, по мере разложения первобытнообщинного строя, постепенно вменялось как общественная повинность³². Все это обуславливало приоритет общины и общинной собственности на орошенные земли. Номинальным собственником земли становится главное божество общины. Вообще же не было земли без бога и все земли общин считались собственностью божества (или отдельных богов местного пантеона)³³.

Это верховное право божества на землю создавало предпосылки для возникновения крупных организованных хозяйств, предназначавшихся для обслуживания храма божества и состоявшего при нем персонала. Предполагается, что уже вскоре вокруг сложившихся храмовых хозяйств группируется местная верхушка, которая использует приоритет общины для своих целей. Каждое храмовое хозяйство, помимо земли, владело рабочим скотом, инвентарем и другими средствами производства. Храмовые земли, особенно на первых порах, обрабатывались свободными общинниками, что не исключало сезонные повинности в пользу храма и со стороны других общинников, остававшихся вне храмовых хозяйств. По существу это была социально религиозная организация, где формально царил дух демократии (все члены храмового хозяйства были равны перед божеством)³⁴, но уже выделяется храмовая администрация, все более закабалявшая и эксплуатировавшая общинников, что в конце концов и приводит к становлению здесь государства³⁵.

Но первоначальной формой общинного хозяйства было храмовое хозяйство, администрация которого выступала в роли своего рода управляющего бога и на этом основании приписывала всю исполнительную власть. Земля, являвшаяся собственностью общины, делилась на три части. Первую часть составляла земля (kur), поделенная как источник существования между членами общины (храмового персонала), которые ее и обрабатывали. В отдельных документах иногда такие земли имеют более точное обозначение как земли бога Наннар (gan Nannar) главного бога — покровителя общины Ура, эти земли сдавались в обработку. Из этого факта А. И. Тюменев делает вывод, что непосредственно обработкой земли сами храмы не занимались — принадлежащие им земли сдавались в наем общинникам, за что получали с них плату зерном³⁶.

³² Там же, с. 32.

³³ Струве В. В. Община, храм, дворец. — ВДИ, 1963, № 3, с. 32—34.

³⁴ Frankfort H. Kingship..., p. 221.

³⁵ Тюменев А. И. Государственное хозяйство..., с. 33.

³⁶ Там же, с. с. 77—78.

²⁹ Периханян А. Г. Агнатические группы в Древнем Иране. — ВДИ, 1968, № 3, с. 28—40.

³⁰ Там же, с. 31—32.

³¹ Тюменев А. И. Государственное хозяйство...

Вторая часть (*nigenna*), нередко составлявшая четверть всей земли, принадлежала богу, так что весь урожай поступал исключительно в пользу храма и считался собственностью храма. Третью часть (*ugulal*) составляла земля, сдававшаяся в аренду индивидуальным лицам. Помимо того, ремесленники всех видов (профессиональные кузнецы, каменщики, садовники, пастухи и т. д.) были обязаны отработать положенное время для храма³⁷.

Во главе храмового сословия стоял жрец-сангу, причем уже для архива раннего Ура имеется табличка с упоминанием термина «лугаль-сангу», но не в смысле «царь», «а большой человек», «господин»³⁸. Судя по контексту документа, в нем идет речь о распределении большого количества ячменя, обозначенного как «зерно лугаля-сангу», так что звание сангу в основном связано с центральным управлением храмового хозяйства. Помимо него, имелись и другие должностные лица, в том числе нубанд и угула, возглавлявшие отдельные отрасли храмового хозяйства.

Из собственно храмового персонала в документах Ура упоминаются низшие жреческие должности — гадатели, заклинатели; кроме того, нередко встречается и рабочий персонал — земледельцы, садовники, виноградари, пастухи. Весь урожай поступал в распоряжение храмовой администрации во главе с сангу и распределялся для следующего посева, содержания рабочих быков и т. д.

Как видно, храмовое хозяйство играет ведущую роль в социальной и экономической жизни древнего общества. Налицо сложившийся административный аппарат, занимающий господствующее место в системе всего храмового хозяйства. Хотя процесс становления классового общества был близок к завершению, органы родового строя сохранили еще известное значение, и окончательное сложение государственной власти наступит в следующий, энсильный (царский) период истории древней Месопотамии.

Работами советских исследователей последних лет установлено, что ни в ранний период, ни в позднее время государство никогда не обладало собственностью на всю землю. Все ближневосточные общества III—II тысячелетий имели два отдельных сектора: храмовый (государственный) и общинный, частный, хотя в отдельных конкретных случаях количественное и качественное соотношение могло быть различно³⁹. По справедливому мнению И. М.

Дьяконова, существование «частного» сектора не означает «индивидуальный», так как в это время всякое частное хозяйство может существовать только в кооперации с себе подобными хозяйствами. Большие патриархальные семьи объединены в домашние общины и группируются в территориальные общины с коллективными органами управления (совет старейшин) — вот социальная структура частного сектора III—II тысячелетий до н. э. на Ближнем Востоке⁴⁰.

Оценивая место храмовых комплексов Афганистана и в особенности круглого храма на Дашлы-3, думается, что они больше всего соответствуют доэнсильному периоду храмовых хозяйств Месопотамии. Используя терминологию табличек, можно считать, что афганские храмы II тысячелетия до н. э. более всего соответствуют тому типу, когда вождь-жрец и его приближенные создают храмовое хозяйство, в котором еще работают в основном свободные общинники. Судя по месопотамским материалам, постепенно вождь-жрец (эн) уступает место главе государства со жреческими функциями (энси) и храмы становятся достоянием царя⁴¹, что, по-видимому, еще не произошло в Афганистане в рассматриваемое время.

Не доказано документально, но вероятно, что в дашлинском микрорегионе в эпоху бронзы и раннего железа происходило перемещение орошаемых земель, что само по себе исключает существование каких-либо крупных ирригационных сооружений⁴². Картографирование памятников также показывает, что они располагались, скорее всего, на окраинной, дельтовой части реки, что не требовало сложной ирригации, и орошение земель ограничивалось небольшими выводными арыками. Одним словом, нет веских оснований считать, что сооружения типа круглого храма складываются в Бактрии изначально в силу тех причин, которые постулируются для ранних месопотамских храмов. Кажется более вероятным предполагать, что первые обитатели оазиса принесли с собой (наряду с другими навыками) и традиции храмовых общин, существовавших на их бывшей родине.

Однако было бы неверно сводить все к простой традиции. Естественно думать, что обитатели оазиса принесли с собой и ту соци-

³⁷ Frankfort H. Kingship..., p. 221.

³⁸ Тюменев А. И. Государственное хозяйство..., с. 67—68.

³⁹ Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности.— ВДИ, 1973, № 4, с. 4—8.

⁴⁰ Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества.— В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 14.

⁴¹ Дьяконов И. М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей.— СА, 1963, № 1.

⁴² Выше отмечалось, что взаимное расположение памятников от эпохи бронзы до античности с бесспорностью указывает на перемещение орошаемых земель.

ально-религиозную систему, которая предполагала, в частности, устройство храмов. Ярким доказательством тому служат дворец и храм на Дашлы-3, не случайно расположенные рядом. Налицо безусловные свидетельства высокого уровня общественного развития местного населения, стоявшего на пороге сложения классового общества. Не исключено, что такое взаимное расположение указывает на тот этап развития, когда функции жреца и вождя совмещаются в одном лице (или группе лиц). В таком случае дворец мог являться светской резиденцией, а рядом расположенный храм — тем культовым центром, вокруг которого группировалась тесно связанная с ним община. Как бы то ни было, одно представляется несомненным, что и храм и дворец существовали за счет храмовых общинников, дома которых кольцом окружали центральную, культовую часть комплекса.

Показательно, что рассматривая проблему храмовых общин Малой Азии античного периода, А. Г. Периханян приходит к твердому убеждению, что и в это время святилища являлись не только культовым, но и организационно-административным центром общины, причем решениям совета нередко придавался характер божественного волеизъявления⁴³.

Опираясь на материал, освещенный письменными данными, и широко используя свидетельства античных источников, автор считает не только возможным, но и оправданным привлечение этнографических данных (в частности, храмов Грузии), что позволяет уяснить проблему в общем виде⁴⁴. Действительно материалы, собранные В. В. Бардавелидзе, представляют неоценимую помощь для реконструкции конкретного характера и внутренней организации храмовых общин дописьменного периода. Имеются в виду этнографические наблюдения, происходящие из нагорной части Восточной Грузии, где до самого последнего времени пережиточно сохранились храмовые общины, в которых организационный и культовый центры совпадали. Так, отмечается, что характерной чертой хевсурских общин было то, что в центре каждой находилось джвари — культовые и хозяйственные сооружения общинного божества, служившие центром светской и духовной власти⁴⁵. Эти древнегрузинские храмы обладали довольно богатым имуществом и землями, а обитатели их составляли своеоб-

разную территориальную общину, называемую саклю⁴⁶.

Характерным признаком таких храмовых общин являлось наличие священной площади, вход куда был строго ограничен (вспомним замкнутую, как бы изолированную от внешнего мира центральную часть круглого храма на Дашлы-3). Вся земля считалась собственностью божества, воплощавшего единство общины; в свою очередь, земля (как в древнем Шумере!) делилась на собственно общинную и общинного божества. Поскольку собственником земли являлось божество, община выступает в качестве владелицы ее и выполняет определенные обязанности по отношению к общинному божеству⁴⁷.

Пахотные земли обрабатывались коллективно всеми членами общины-саклю, а урожай с определенных участков поступал исключительно для ритуальных церемоний; остальная часть зерна делилась поровну. Отдельные наделы земель отдавались в пользование в порядке очередности последовательно всем членам саклю; помимо того, практиковалась также сдача земли в наймы малоземельным членам общины. Интересно отметить, что в Картлии арендная плата в виде зерна сдавалась в святилище и затем употреблялась либо на приобретение инвентаря, либо (в большинстве случаев) шла на устройство общественных трапез⁴⁸.

Каждая община состояла из эрисганни — полноправных и активных членов, составлявших вооруженное население, и джавариони — пожизненных и временных жителей святилища, олицетворявших теократическую власть общины. Старейшина общины являлся в то же время и главным жрецом (вождь-жрец шумерских данных). Помимо него имелись простые жрецы.

В крупных общинах существовало несколько старейшин, но лишь один считался главным; власть его была практически неограниченной, но с санкции созываемого совета (дарбази). В качестве главного жреца он совершал все важные священные обряды и жертвоприношения. В его функцию входило наблюдение за сохранностью имущества, за сельскохозяйственными работами, обеспечение поступления податей⁴⁹.

Атрибутом власти был посох, а отличительным знаком — шейные серебряные украшения и нагрудный крест; особое место в храмовой

⁴³ Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959, с. 173.

⁴⁴ Там же, с. 83.

⁴⁵ Бардавелидзе В. В. Хевсурская община. — «Сообщения АН Груз.ССР», 1952, т. XIII, № 8, с. 497. Автор прямо указывает, что хевсурские общины представляли собой тип древневосточных общин.

⁴⁶ Бардавелидзе В. В. Земельные владения древнегрузинских святилищ. — СЭ, 1949, № 1, с. 92.

⁴⁷ Бардавелидзе В. В. Система управления хевсурской общины. — «Сообщения АН Груз.ССР», т. XIII, № 10, 1952, с. 624. Автор отмечает, что хевсурские общины сближаются с древневосточными обществами по формам землевладения и хозяйственной жизни.

⁴⁸ Бардавелидзе В. В. Земельные владения..., с. 106.

⁴⁹ Бардавелидзе В. В. Система управления..., с. 627.

иерархии занимают прорицатели, которые предсказывают погоду, урожай и т. д. на особом лексиконе — языке богов. Кроме того, у главного старейшины имелись грозные помощники, следившие за работой общинников в поле, за поведением их дома, т. е. стоявшие на страже интересов храма, так что нерадивые или неблагодарные члены общины могли подвергаться наказанию вплоть до умерщвления.

Если суммировать письменные данные Месопотамии III—II тысячелетий до н. э., Малой Азии и Армении поры развитой античности и, наконец, пережиточные этнографические наблюдения нагорной Грузии, то нетрудно заметить принципиальное сходство в главных признаках, характеризующих храмовые общины. Думается, что в общем виде не составляли исключения и храмы Афганистана эпохи бронзы, выступающие как социально-религиозные центры определенных микрорегионов. Вместе с тем ни в Мундигаке, ни в Дашлы-3 не найдены какие-либо хозяйственные документы отчетного характера, что не позволяет слишком усложнять социальную структуру исследуемого общества. Не исключено, конечно, что существовавшая отчетность осуществлялась за счет большого количества всякого рода надсмотрщиков и учетчиков, следивших за ведением храмового хозяйства в целом.

Если правильны вышеприведенные палеодемографические расчеты, то на всей площади круглого храма могло проживать 150—200 человек, преимущественно занятых земледелием⁵⁰, что, безусловно, требовало организации труда храмовых общинников. В этой связи можно вспомнить перегородчатые печати, отчасти, возможно, использовавшиеся для учета выданного и принятого инвентаря, зерна, словом, всего того, для чего в Месопотамии производились записи на глиняных табличках. И, может быть, не случайно мы встречаем по несколько оттисков на одной глиняной пробке (Шахри-Сохте): возможно, это метки разного ранга учетчиков одной и той же общины. Все сказанное отнюдь не исключает назначения печатей в качестве оберегов, знаков собственности большесемейных общинников, не связанных непосредственно с храмами. Точно так же печати с мифологическими изображениями (например, крылатые божества) могли являться знаками различного жреческого достоинства, наподобие

шейных украшений у вышеотмеченных старейшин хевсурских общин.

Суммируя весь комплекс имеющихся фактов и наблюдений, попробуем реконструировать социально-экономический уровень местного общества в эпоху бронзы. Как теперь становится очевидным, Афганистан входил в зону, не знавшую крупномасштабной речной ирригации, а напротив, состоявшую из «оазисной» системы (изолированные оазисы речных или межгорных долин). Наряду с городками (Мундигаке, Шахри-Сохте) существовали мелкие сельские поселения. Оба типа поселений, независимо от размеров, состояли из многокомнатных домов — места обитания больших патриархальных семей. Каждая такая семья состояла из нескольких малых семей, по преимуществу связанных кровным родством, но основу структуры общества составляли большие семьи, которые в зависимости от типа поселения («городской» и «сельской») могли выступать то в виде большесемейных, то соседских общин.

В каждом «оазисе» общины-поселения образовывали достаточно обособленную автаркичную группу, концентрирующуюся вокруг культово-административного центра. Последнее обстоятельство предполагает два сектора землепользования: частный и храмовый, причем в той или иной форме к работам на храмовом хозяйстве привлекались все общинники конкретного оазиса. Выделившаяся административно-культурная верхушка, вождь-жрец и его аппарат вели как светскими, так и религиозными вопросами: регулировали систему водопользования (отчисти и землепользования), поддерживали внутриобщинный порядок, организовывали религиозно-культовые празднества, словом, регламентировали каждодневный быт обитателей оазиса.

Вместе с тем есть все основания предполагать, что эта власть не была абсолютной, а в определенной степени контролировалась советом старейшин, состоявшим из глав-патриархов большесемейных общин. Думается, что существенным препятствием к сложению господствующей верхушки являлось отсутствие крупных рек, не дававших возможности образования достаточно большого прибавочного продукта. Вспомним, что, например, в Дашлинском оазисе поселки разбросаны по всему вееру древней дельты, не образуя ни одного крупного городка, что как будто исключает существование развитой ирригационной системы. С другой стороны, структура поселка на Дашлы-3 демонстрирует пример ведения независимого натурального хозяйства: обитатели его, помимо земледельцев, имели своих гончаров, металлургов и кузнецов, полностью обеспечивая себя всем необходимым. Очевидно, что подобная экономическая незави-

⁵⁰ О возможном существовании профессиональных ремесленников можно судить (помимо гончарного производства) по наличию на южной окраине круглого храма чрезвычайно большого количества великолепно ретушированных кремневых наконечников стрел. Все они происходят из одного места и, возможно, фиксируют мастерскую по изготовлению наконечников стрел для всех членов храмовой общины.

симость не могла не привести к определенной самостоятельности самих общин, что находило выражение в существовании народных собраний. В этом отношении показательна одна шумерская поэма о Гильгамеше, возможно, имевшая реальную подоснову, в которой повествуется о вызове жителей г. Урука на ирригационные работы. Прежде чем ответить, Гильгамеш спрашивает мнение членов совета старейшин и собрания мужей. Налицо ограничение власти вождя, возможно даже царя, со стороны народного собрания.

Итак, ассоциация большесемейных общин-поселений под ограниченным контролем вождя-жреца и служилой знати составляла социально-религиозную структуру общества Афганистана эпохи бронзы. Храмовое хозяйство в основном существовало за счет собственно общины, наряду с чем имелась свободная масса общинников, но привлекавшаяся в той или иной форме к участию в делах храмового хозяйства. Одним словом, Афганистан в эту пору переживал стадию разложения первобытнообщинного строя, когда государственная власть еще только формировалась. В этом отношении Афганистан напоминает Месопотамию урукского времени, когда еще нет деспотической власти царя, но храмовое жречество уже становится фактическим собственником значительной части общинных земель.

§ 3. Палеоантропология и история этноса

Палеоантропология Афганистана пока еще изучена весьма слабо, так что в настоящее время, помимо Мундигака, антропологической обработке был подвергнут лишь мужской череп с Дашлы-3. По определению Т. А. Трофимовой, череп европеоидный, относящийся к одному из вариантов восточносредиземноморского типа, причем наиболее ярко выраженной формой этого варианта является серия черепов из Южного Таджикистана, относящаяся ко II тысячелетию до н. э. По данным Т. А. Трофимовой, «череп из поселения Дашлы-3 отличается некоторыми специфическими особенностями в ряде признаков, которые позволяют его сближать скорее с черепами из Тигровой Балки-I, чем с южно-туркменистанскими черепами из Алтын-Тепе»⁵¹.

Как бы ни были минимальны наши сведения, касающиеся древнего населения Северного Афганистана, показательна, что антропологи находят возможным сближать этот материал предпочтительнее с южными областями Средней Азии, чем Южного Афганистана. Все это

определяет необходимость раздельного рассмотрения палеоантропологических данных Северного и Южного Афганистана в связи с историей этноса древних племен смежных областей.

Для Северного Афганистана особое значение имеет установленный факт историко-культурного единства Бактрии и южных областей Средней Азии в целом, что заставляет несколько подробнее остановиться на характеристике расового состава этого обширного региона.

В настоящее время в пределах юга Средней Азии наиболее древние палеоантропологические материалы происходят из Южного Туркменистана, которые, кстати, и полнее всего изучены⁵². Уже в V тысячелетии до н. э. здесь предполагаются два антропологических типа: массивный, кроманьоноподобный, сходный с краниологическими данными пещеры Хоту (Иран), и экваториальный, возможно, связанный с Индией. В IV — III тысячелетиях до н. э. на крайнем юго-западе Средней Азии обитали люди средиземноморской расы, в том числе восточносредиземноморский подтип.

Переходя к эпохе ранней бронзы, нельзя не отметить скудность фактических данных. По существу лишь черепа с Хапуз-Тепе, среди которых имеются как восточносредиземноморские, так и кроманьоноподобные подтипы, до какой-то степени восполняют этот досадный пробел. В недостаточной степени исследованы и краниологические материалы эпохи развитой и поздней бронзы. Так, несколько черепов с Намазга-Тепе, относящихся ко II тысячелетию до н. э., определены как европеоидные длинноголовые⁵³.

Захороненные из могильника Янги-Каля также принадлежат европеоидному долихокефальному типу с очень узким и высоким лицом и сильно выступающим горизонтальным профилем⁵⁴. На поселении Тахирбай-3 (Мургаб) выявлены два долихокраних европеоидных черепа и один долихомезокраний (средиземноморский).

Долихокраних европеоидные черепа отмечены для чустской культуры в Фергане⁵⁵, причем предполагается, что дальверзинская серия

⁵² Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

⁵³ Ошанин Л. В. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. — ИАН ТССР, 1952, № 4, с. 27—33; Зезенкова В. Я. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. — В кн.: Ошанин Л. В., Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953, с. 98.

⁵⁴ Ошанин Л. В. Антропологические материалы..., с. 27—33.

⁵⁵ Зезенкова В. Я. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста. — СА, 1958, № 3, с. 91—95.

⁵¹ Письменное заключение Т. А. Трофимовой.

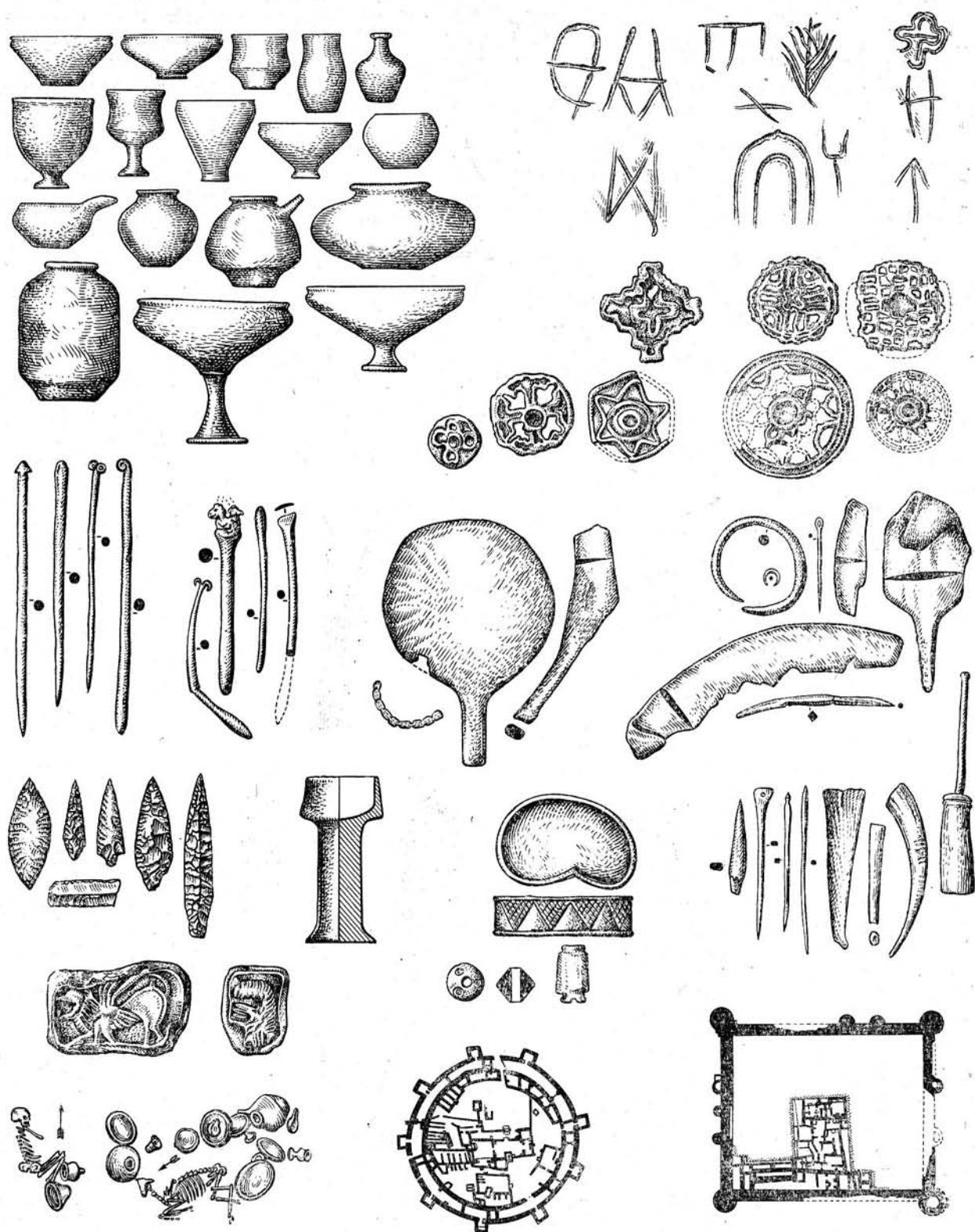

Рис. 63. Дашлинский археологический комплекс

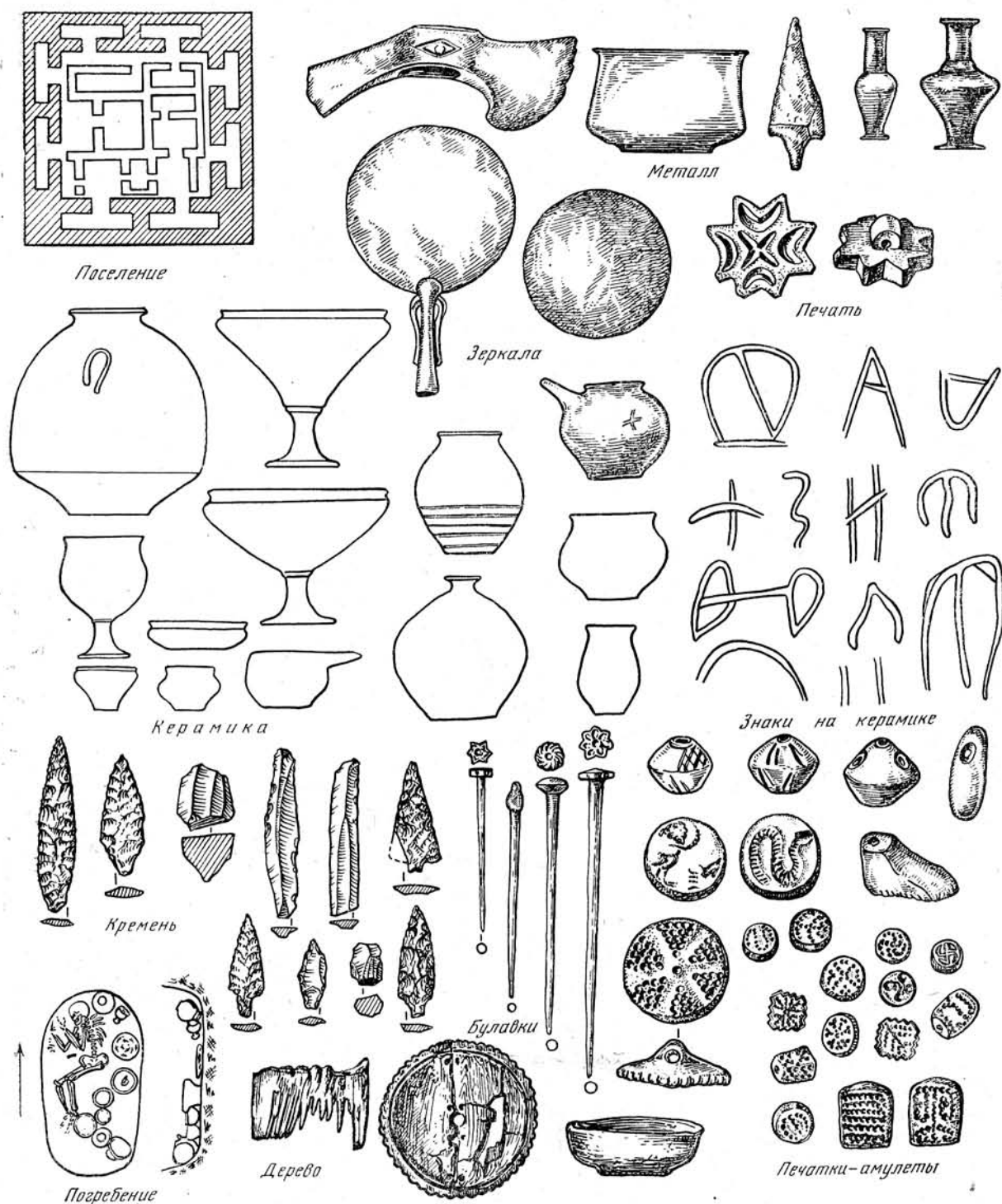

Рис. 64. Сапаллийский археологический комплекс

Рис. 65. Мургабский археологический комплекс

почти идентична черепам из Южной Туркмении⁵⁶.

Особого интереса заслуживают могильники Северной Бактрии второй половины II тысячелетия до н. э. и в первую очередь — Южного Таджикистана, где большой краниологический материал исследован Т. П. Кияткиной⁵⁷. Имеются в виду курганные могильники в долине р. Кафирниган (Тулхарский), правобережья Амударьи, у заповедника Тигровая Балка (Тигровая Балка-I, II, III, IV) и низовий Кизил-Су (Макони-Мор). Большой краниологический материал приводит автора к выводу, что, хотя в целом вся серия однотипна и относится к южным протосредиземноморским формам, внутри нее намечаются две различные группы. Антропологический тип погребенных Тулхарского могильника совершенно иной, чем в Тигровой Балке, и между ними нет ни морфологической близости, ни племенной общности — это два совершенно самостоятельных антропологических типа⁵⁸. По данным Т. А. Трофимовой, черепа из могильника Тигровая Балка-I могут быть выделены в отдельный вариант, до определенной степени сходный с одновременными черепами с Алтыш-Тепе, но эти две серии не являются идентичными. Хотя большая антропологическая серия с Сапалли-Тепе, обработанная Т. Ходжайовым, еще не опубликована, предварительная интерпретация материала представляет особый интерес⁵⁹. В общем виде выводы автора сводятся к следующему: погребенные в Сапалли-Тепе относятся к восточносредиземноморской расе, возможно к особому варианту. В целом же сапаллинцы ближе всего соответствуют составу населения Гиссар-III, Тигровой Балки, Макони-Мор (к чему теперь можно добавить былых обитателей Дашлинского оазиса), резко отличаясь вместе с тем от погребенных Тулхарского могильника, Сялка и Южной Месопотамии.

В результате имеющихся данных вырисовывается ареал существования определенного варианта восточносредиземноморской расы, включающей Северо-Восточный Иран, Бактрию, более чем вероятно, Маргиану и частично Парфию. В этом отношении показательно, что, хотя Южная Туркмения с древнейших времен входила в зону обитания восточносредиземноморской расы, антропологи не находят четких ге-

нетических связей с населением Бактрии рассматриваемого времени. Самую западную точку очерченного ареала составляет Северо-Восточный Иран, в то время как Бактрия фиксирует наиболее восточные его пределы. Очевидно, что магистральная линия инфильтрации племен носителей бактрийско-маргианского археологического комплекса шла минуя густонаселенные оазисы Южного Туркменистана, что не только не исключает, но предполагает частичное заселение традиционно земледельческих центров предгорий Копет-Дага и сплошное освоение Мургаба.

Не исключено, что дальнейшая история этих племен не была замкнута границами собственно Бактрии, а распространялась дальше вплоть до Северо-Западной Индии. В этом плане особый интерес имеют краниологические материалы могильника Тимаргарха, находящие определенные черты сходства с черепами из Тулхарского могильника⁶⁰ и Тигровой Балки⁶¹. В другом могильнике (Буткара-II) зафиксирован средиземноморский расовый тип, образованный, как полагают, за счет миграции древнего населения из Ирана или района между Каспийским и Аральским морями.

Как видно, вся сумма новых археологических и антропологических данных с бесспорностью указывает на этно-культурную общность Иранского Хорасана и Бактрии, предполагающую взаимное генетическое родство.

Обратимся теперь к характеристике древнего населения Южного Афганистана. Изучение костных остатков из могильников Мундигака дало основание сформулировать следующие заключения. В целом черепа не отличимы от некоторых долихокраних из Мохенджо-Даро, Сялка и отчасти от черепов современных жителей Индии. Они не составляют гетерогенную (единую по происхождению) группу и в целом могут быть отнесены к индо-афганскому типу — наиболее восточной ветви средиземноморской группы⁶².

Здесь будет уместно кратко остановиться на антропологических исследованиях материалов из могильников долины Инда и в первую очередь Хараппы. Общее заключение сводится к следующему: в погребениях Хараппы были захоронены люди двух типов — длинноголовый (тип А) и круглоголовый (тип В). Первый тип в основном представлен черепами наиболее раннего могильника R-37. Здесь выделяются два

⁵⁶ Гинзбург В. В. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы. — В кн.: *Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.* — МИА, 1962, № 118, с. 214.

⁵⁷ Кияткина Т. П. Краниологические материалы эпохи поздней бронзы из Южного Таджикистана. — В кн.: *Проблемы этнической антропологии и морфологии человека.* Л., 1974, с. 24.

⁵⁸ Кияткина Т. П. Краниологические..., с. 34.

⁵⁹ Доклад Т. Ходжайова, прочитанный на отчетной сессии в г. Киеве в апреле 1975 г.

⁶⁰ Bernard W. Human Skeletal Remains from the Cemetery of Timargarha. — *«Ancient Pakistan»*, 1967, v. III, p. 376.

⁶¹ Кияткина Т. П. Краниологические..., с. 34.

⁶² Mendrez C. Etude anthropologique des Squelettes Mundigak. — *«Bulletin de L'Ecole Francaise d'Extrême-Orient»*, 1966, t. LIII, fasc. 4, p. 115.

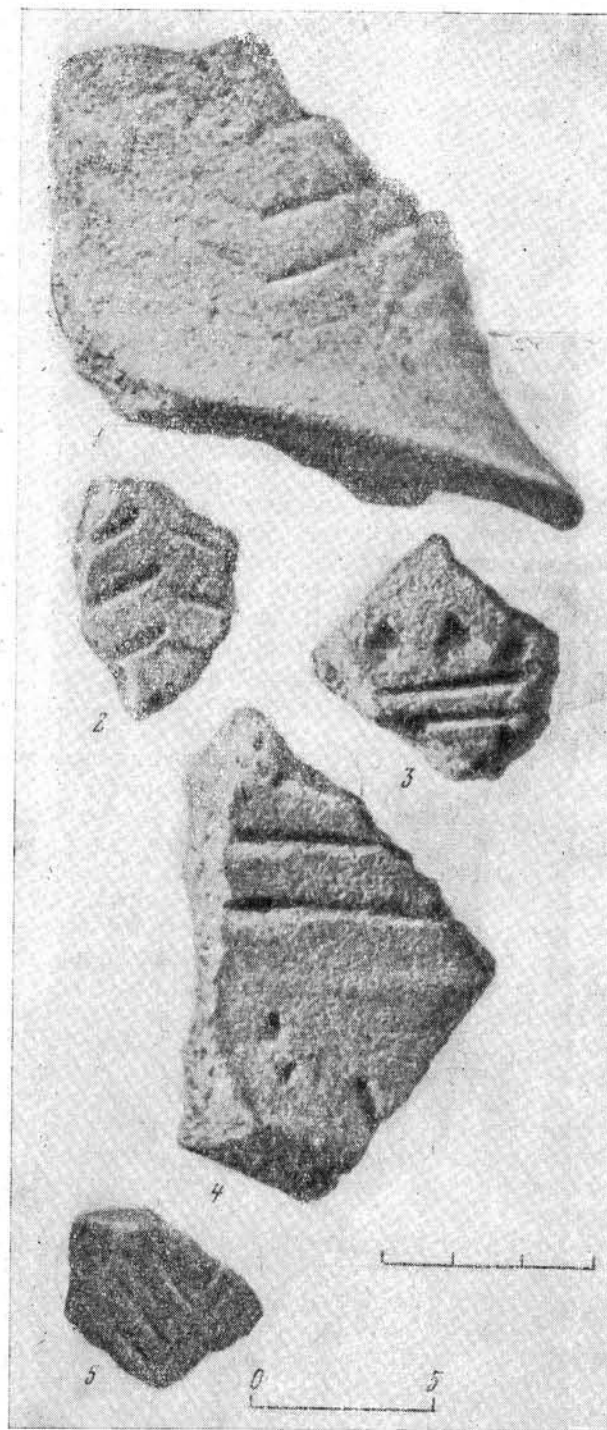

Рис. 66. Керамика степной бронзы левобережья Амударьи

подтипа: более высокорослые, с резко выраженными надбровными дугами, скошенным лбом и широким носом (типа А) и низкорослые и грациальные (тип А-1). В типе А выделяются пять

черепов, сближающихся с «протонордическим» типом Гиссара или «каспийским» (по Диксону); территория распространения которых частично заходит в пределы юго-запада Средней Азии⁶³.

В могильнике «Н» наряду с типами А и А-1 встречаются также круглоголовые черепа. В целом авторы приходят к выводу, что захороненные в могильнике R-37 отражают более однородный антропологический тип, чем в могильнике «Н». Вместе с тем они оставляют открытым вопрос о возможности генетической преемственности захоронений обеих групп могильников⁶⁴.

С другой стороны, афганский тип предполагается в Месопотамии, причем Л. Бакстон и Д. Райс выдвигают предположение о евроафриканском субстрате, с древнейших времен составлявшем основной этномассив от Индии до Южной Месопотамии, который позднее был разорван проникновением брахикранного «арменоидного» типа⁶⁵. Еще более определенно высказывается К. Кун, считающий, что долихокранные раннешумерийцы Киша и Ура, подобно обитателям иранского плато, относились к «афганской» расе⁶⁶.

Как можно судить даже по этим, далеко не полным данным, Южный Афганистан более входил в ареал распространения индо-афганского типа, протянувшегося от индийского субконтинента вплоть до нижней Месопотамии. И возможно, не случайны выводы, к которым независимым путем пришли антропологи (Т. Трофимова, К. Мендере), предполагающие наибольшую близость кветто-мундигак-геоксюрского населения с индо-афганским типом. Как видно, входя в восточносредиземноморскую расу, население Северного Афганистана обнаруживает предпочтительное генетическое родство с древним населением Северо-Восточного Ирана и юга Средней Азии, в то время как население юга страны находит большее соответствие с индо-афганским типом.

Имеющиеся данные, хотя и далеки от исчерпывающей полноты, тем не менее дают представление о начальных этапах истории этноса афганского народа. Можно считать установленным, что древнейшее население по крайней мере III тысячелетия до н. э. принадлежало долихокранной европеоидной расе, близкой к населению Южного Туркменистана и Северо-Запад-

⁶³ Gupta P., Dutta P., Basu A. Human Remains from Harrappa.— «Anthropological Survey of India». Memoires, N 9, 1962, p. 57—59.

⁶⁴ Gupta P., Dutta P., Basu A. Human..., p. 179.

⁶⁵ Buxton L., Rice D. Report on the Human Remains Found at Kish.— «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», 1931, v. 61, p. 67.

⁶⁶ Goon C. S. The Races of Europe. New York, 1939, p. 87.

ной Индии. Этот субстрат и послужил той основой, на которой к середине II тысячелетия до н. э. складывается в целом однородная популяция грациальных долихоцефалов, распространенная в пределах всего исследованного Афганистана.

Как будет показано ниже, начиная с этого времени как на юге, так и севере страны население говорит, вероятнее всего, на восточноиранском языке, к которому, кстати сказать, относится и современный язык афганцев (пушту). Естественно предполагать, что нарисованная картина не более чем схема, закладывающая, однако, предварительный фундамент к изучению этногенеза, но не отдельных изолированных областей, а применительно к истории этноса всего современного Афганистана.

Приведенный обзор палеоантропологического состава Афганистана дает возможность в предварительном порядке сопоставить его с языковой принадлежностью, как она рисуется лингвистами, а также с данными археологии. По данным лингвистов, до начала II тысячелетия до н. э. существовала арийская языковая общность, т. е. перасчлененное единство иранских и индийских языков, причем «из всех индоевропейских языков иранские ближе всего к индийским, вместе с которыми образуют индоиранскую (или арийскую) ветвь индоевропейских языков»⁶⁷.

По вопросу о месте обитания индоиранских племен (до их разделения) существуют различные мнения⁶⁸, но преобладает теория, согласно которой это были обширные, преимущественно степные районы Средней Азии и, возможно, некоторые сопредельные области. Предполагается далее, что постепенное расселение этих племен привело к возникновению диалектных различий в первоначально едином языке. В результате этого процесса произошло разделение иранского языка на две основные группы: западноиранскую и восточноиранскую, условной границей между которыми принимается пустыня Дешти-Кевир. К восточноиранским языкам относятся хорезмский, согдийский, бактрийский, скифские (сакские) языки⁶⁹. Есть основание предполагать, что языковые различия вначале были не очень велики, так как, например, согласно Эратосфену (см. Strab., XI, 2, 8), жители Персии, Мидии, Бактрии и Согдианы «почти одноязычны», а по данным Чжан-Цзяня (II в. до н. э.) «от Давани (Фергана) на запад до

государства Аньси (Парфия) хотя есть большая разность в наречиях, но язык весьма сходен и в разговорах понимают друг друга»⁷⁰.

Для нашей темы особый интерес имеет включение Бактрии в зону распространения восточноиранских языков. До последнего времени упоминаемый античными авторами бактрийский язык был неизвестен, однако древнейшая из обнаруженных надписей из Сурх-Котала подкрепляет это допущение фактическими данными⁷¹, так как составлена она на одном из восточноиранских диалектов, определяемом как бактрийский язык⁷².

Есть веские основания считать, что бактрийский язык был распространен весьма широко: до Бамина, Каписа (долина р. Кабул) и Шугнана (припамирская область), по крайней мере вплоть до VII—VIII вв.⁷³ Это обстоятельство имеет принципиально важное значение, если учесть, что бактрийский язык по историко-фонетическим признакам занимает промежуточное место между согдийским, хорезмским и современным афганским⁷⁴.

Однако все еще спорным остается вопрос о конкретных путях распространения восточноиранского языка на территории Афганистана, и в частности в его северной части. Выше уже отмечалось, что, по мнению большинства специалистов, в том числе советских (А. Н. Бернштам, С. П. Толстов, М. А. Итина, А. М. Мандельштам, Ю. А. Заднепровский, Е. Е. Кузьмина и др.), ариями или иранцами считаются степные племена андроновской культуры, переселение восточной ветви которых приводит к распространению восточноиранских языков.

Не исключая гипотезу об ираноязычной принадлежности андроновских племен, отметим правомерность существования и иной точки зрения, находящей определенные основания в свете новых археологических материалов.

Не входя здесь в рассмотрение индоиранской проблемы в целом, отметим, что применительно к Бактрии старая концепция противоречит имеющимся прямым археологическим фактам. Свидетельством тому служит все изложенное в этой работе: не в Бактрию проникали племена из Средней Азии, а, напротив, отсюда шло рас-

⁶⁷ Оранский И. М. Иранские языки. М., 1963, с. 32.

⁶⁸ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 10—65; он же. О распространении иранских племен на территории Ирана. — В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 286—320.

⁶⁹ Оранский И. М. Иранские языки..., с. 36—37.

⁷⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, с. 161.

⁷¹ Schlumberger D. The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India. — «Proceeding of the British Academy», 1961, v. XLVII, 1961, p. 77—94.

⁷² Henning W. B. The Bactrian inscription. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», v. XXIII. 1960, part 1, p. 47—55.

⁷³ Ср.: Оранский И. М. Иранские языки..., с. 97—98.

⁷⁴ Массон В. М., Ромодина В. А. История Афганистана, т. I. М., 1964, с. 21.

селение племен, по крайней мере в сторону южных областей современных Таджикистана и Узбекистана. И уж, во всяком случае, в пределах Бактрийской равнины нет ни одного свидетельства проникновения степных скотоводческих племен андроновского круга⁷⁵.

С другой стороны, неоднократное расселение племен (восточнохорасанская культура, бактрийско-маргианский археологический комплекс), скорее всего из (и уж, во всяком случае, через) Иранского Хорасана, может отражать распространение и восточноиранских языков. Отсутствие письменных данных делает такое допущение во многом гипотетичным, но по существу малодоказуемой до сих пор остается и теория иранской принадлежности андроновских племен. Установленный факт распространения в Северном Афганистане восточноиранского языка в античное время предполагает и начальную стадию, что по археологическим данным ближе всего связывается с расселением племен из (а скорее через) Иранского Хорасана, где индоевропейское население могло существовать задолго до начала II тысячелетия до н. э., как это допускает, например, Ж. Дейе, основываясь на новых материалах с Тюренг-Тепе.

Еще более сложен вопрос о языковой принадлежности населения Южного Афганистана, которое до II тысячелетия до н. э. могло говорить на языках дравидской группы, а со II тысячелетия до н. э. здесь уже предполагается распространение индоиранских языков. В этой связи высказано мнение, что бактрийский язык был близок диалектам Арахосии и Дрангианы, «если только жителей этих областей не следует именовать бактрийцами в широком смысле этого слова»⁷⁶.

Как можно судить по материалам Афганского Сеистана и Кандагарского оазиса конца II — начала I тысячелетия до н. э., материальная культура их близко перекликается с бактрийской, свидетельствуя о приходе населения, говорящего на близком, если не родственном, восточноиранском языке. Показательно также, что при отмечаемой взаимной общности материальная культура Афганистана этого времени практически не находит никаких соответствий со степными культурами Средней Азии.

Поскольку Афганистан все чаще упоминается в связи с теорией арийского завоевания⁷⁷, постольку представляется правомерным сопоставление письменных данных с новыми археологическими материалами, памятуя, однако,

что в настоящее время теорий подобного рода больше, чем самих авторов, нередко эволюционирующих в своих научных взглядах на диаметрально противоположные позиции. Не входя в рассмотрение арийской проблемы в целом, мы лишь сопоставим данные лингвистов с новыми археологическими материалами, могущими быть соотнесенными с этим кругом вопросов.

Итак, по одной из гипотез индоиранские племена (по археологической номенклатуре, племена андроновской культуры), обитавшие в степях Средней Азии, двигаются на соседние территории, что приводит к разделению арийских племен на иранские и индоарийские. В результате иранские племена проникают на территорию собственно Ирана и затем выходят в Переднюю Азию⁷⁸.

Индоарийская ветвь через Северный Белуджистан и Афганистан в XIII—XII вв. до н. э. в конечном счете также проникает в Индию⁷⁹, с чем многие исследователи связывают упадок хараппской цивилизации. Посмотрим, как же согласуются эти гипотезы (построенные в основном лингвистами на сравнительно-языковом материале) с данными археологии и в первую очередь Бактрии. В настоящее время археологи для доказательства арийского продвижения через земледельческие оазисы Средней Азии обычно приводят вышеупомянутые могильники Южного Таджикистана.

А. М. Мандельштам первый высказал гипотезу, согласно которой степные племена из южной полосы Европы, появившиеся в Средней Азии, принесли с собой свои погребальные обряды (зафиксированные Тулхарским могильником), заимствовав керамику и металлические изделия у местных племен, в том числе земледельческих⁸⁰. По его мнению, могильники бишкентской культуры (сформировавшиеся на основе андроновской и заманбабинской) обнаруживают большую близость с погребальными ритуалами, приведенными в Ригведе, так что носители бишкентской культуры могут считаться родственниками ведических ариев.

Позднее эта теория была развита на сравнительных материалах могильников Южного Таджикистана и Северо-Западной Индии⁸¹,

⁷⁵ Сариганиди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане. — СА, 1975, № 2, с. 26—27. Единичные обломки керамики «степной» бронзы в песках левобережья Амударьи не противоречат такому общему заключению.

⁷⁶ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана..., с. 21.

⁷⁷ Allchin R. and B. The Birth of Indian Civilization. Baltimore, 1968, p. 154—155.

⁷⁸ Высказано предположение, что далее Ирана арии не проникли (см. об этом подробнее: Дьяконов И. М. Ариицы на Ближнем Востоке. Конец мифа. — ВДИ, 1970, № 7), что, однако, требует дополнительных доказательств.

⁷⁹ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969, с. 125, 128.

⁸⁰ Более подробно см.: Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — МИА, 1968, № 145.

⁸¹ Литвинский Б. А. Археологические открытия в Тад-

причем особую разработку эта проблема получила в работах Е. Е. Кузьминой⁸², которая предполагает большую близость в комплексе признаков: от погребальных сооружений и обрядов до погребального инвентаря включительно, что, однако, было поставлено под сомнение С. Антонини и Г. Стакул⁸³. Итальянские археологи решительно возражают против прямой связи бишкентской культуры с синхронной культурой Свата, усматривая предпочтительную близость с Северо-Восточным Ираном и Южной Бактрией, что представляется более обоснованным⁸⁴.

Суммируя имеющиеся наблюдения, можно считать установленным, что могильники Вахшской долины принадлежали разному населению, что находит отражение со стороны антропологического материала: тулхарские черепа отличны от черепов Тигровой Балки и Сапалли-Тепе. Однако разный этнический состав не исключает взаимного схождения в погребальных сооружениях и приношениях, что в конечном счете связано с обитанием рассматриваемого населения в сходной, контактной зоне степных и традиционно земледельческих культур.

Если учесть, что среди большого краниологического материала Южного Таджикистана полностью отсутствует не только андроновский антропологический тип, но и вообще тип, который можно было бы связывать с протоевропеоидными формами⁸⁵, то станет очевидной необходимость дальнейшего, более углубленного исследования вопроса о приходе арийских племен на индийский субконтинент из среднеазиатских степей.

В связи с затронутой проблемой следует остановиться на гипотезе, высказанной Б. А. Литвинским относительно происхождения могильников Южного Таджикистана. Вкратце она сводится к следующему: в эпоху поздней бронзы (период Намазга-VI) из восточной оконечности ареала анауских земледельческих

культур происходит расселение племен на восток. Часть этих племен занимает речные бассейны Пянджа и Амударьи (свидетельством чего являются упомянутые могильники), другие же уходят на юг, в Афганистан⁸⁶.

Поскольку в то время, когда была сформулирована эта гипотеза, оседло-земледельческие памятники Бактрии известны еще не были, то такое допущение не только не противоречило, но полностью соответствовало состоянию изученности вопроса в целом. Однако после открытий в Южной Бактрии соответствующих памятников эпохи бронзы автор не только не пересмотрел свою прежнюю точку зрения в свете нового материала, но, напротив, считает, что данные раскопок подтвердили его гипотезу, внося в нее лишь некоторые коррективы. В частности, уточняется, что приход восточноанауских племен следует относить не к периоду Намазга-VI, а к Намазга-V или даже к концу Намазга-IV⁸⁷.

Гипотеза Б. А. Литвинского, на наш взгляд, противоречит всей сумме имеющихся фактов. В настоящее время нет никаких прямых археологических данных, которые бы указывали на освоение Бактрии земледельческими племенами до периода Намазга-VI, а тем более Намазга V и IV. Действительно, в Южном Туркменистане в период позднего Намазга-V происходит запустение ряда крупных памятников типа Алтын-Тепе и Намазга-Тепе, однако бывшее население преимущественно уходит в соседнюю Маргиану, где в настоящее время открыто много новых памятников этого времени. Если же автор имеет в виду племена типа «мургабского варианта», или, иначе, «восточной оконечности позднеанауского ареала», то они относятся к времени не ранее Намазга-VI. Думается, что новые комплексные археолого-антропологические материалы заставляют более дифференцированно подходить к культурно-исторической оценке племен «степной» бронзы, оставивших могильники крайнего юго-запада Таджикистана.

Представляется, что могильники Вахшской долины демонстрируют крайние северные пределы распространения оседло-земледельческих племен Бактрии, происхождение которых уходит вплоть до древнего Ирана. Думается, что могильники Южного Таджикистана (исключая Тулхарский) оставлены выходцами из земледельческих оазисов Южной Бактрии, двигавшимися далее на северо-восток в поисках новых земель. Оторвавшись от своей метрополии, они утрачивают отдельные традиционные навыки, так что наблюдается некоторая «варваризация»

жикистане в 1962—1970 гг.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане. М., 1973. В этой работе автор усматривает не столько взаимную связь, сколько общие истоки.

⁸² Кузьмина Е. Е. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией.— КСИА, 1972, вып. 132, с. 116—121; она же. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии.— ВДИ, 1972, № 1, с. 131—149. Здесь же приведена полная библиография раскопок итальянских и пакистанских археологов в Свате.

⁸³ Antonini C. S. More about Swat and Central Asia.— «East and West», 1973, v. 23, N 3—4, p. 235—244; Stacul G. New Archaeological Evidence on North-West Indo-Pakistan.— «East and West», 1974, v. 24, N 3—4, p. 240—243.

⁸⁴ Сариниди В. И. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане.— КСИА, 1972, вып. 132, с. 16—22.

⁸⁵ Кияткина Т. П. Краниологические материалы..., с. 35.

⁸⁶ Литвинский Б. А. Археологические открытия..., с. 121. Здесь же приведена исчерпывающая литература вопроса.

⁸⁷ Литвинский Б. А. Археологические открытия..., с. 11.

культуры, что находит отражение в ухудшении качества посуды, которая теперь в массе своей изготавливается вручную, составляя 80% от всей учтенной⁸⁸.

Многое еще остается неясным в генезисе вахшской культуры, но не следует и преувеличивать влияние культур «степной» бронзы. До сих пор ни в одном из могильников не встречена посуда андроновского облика, а захоронения «катакомбного» типа были искони присущи иммигрантам на их бывшей родине, что документируется грунтовыми могильниками Дашлинского оазиса.

В свете приведенных данных не исключено, что бишкентская и вахшская культура не только не являются вариантами одной общей культуры, а, напротив, принадлежат, как это можно судить по данным антропологии, разным этническим группам. В то же время определенное сходство материальной культуры (точнее, погребального инвентаря) может в определенной степени объясняться обитанием этих племен в контактной зоне степных и традиционно земледельческих областей Средней Азии.

Анализ вышеприведенных фактов приводит к выводу, что могильники Южного Таджикистана свидетельствуют не о продвижении среднеазиатских индоариев на их пути в Индию, а, наоборот, о расселении традиционных земледельческих племен далее, на северо-восточную периферию от своей метрополии. Более того, если признать, вслед за пакистанскими археологами, что арии могли прийти на индийский субконтинент только через Северо-Восточную Индию, то скорее этому отвечает древняя культура коренной Бактрии, что, конечно, также не решает проблемы в целом. Было бы неверно усматривать между ними прямую связь, но некоторые черты культуры Бактрии перекликаются с данными Авесты и Ригведы, хотя другие находятся в противоречии.

Вкратце остановимся на этих предварительных наблюдениях, как они рисуются в свете новых археологических материалов. Известно, что предки индоарийских и иранских племен вели земледельческо-скотоводческое хозяйство, однако на первом месте стоит скотоводство, которое является мерилом богатства и процветания. В Гатах особое внимание уделяется скотоводству: «Славословить Ахура-Мазду и давать корм скоту — это мы считаем самым лучшим»⁸⁹.

В параллель этому указанию нетрудно вспомнить ритуальные захоронения баранов Бактрии — ярчайшее свидетельство особой роли

скотоводства, нигде более не выраженной в такой четкой форме. В этой связи нелишне вспомнить изображения верблюда и священного дерева с птицами на одном бактрийском амулете, что, как отмечалось выше, находит аналогии в данных Авесты.

С другой стороны, общеизвестный факт применения индоиранцами боевых колесниц и широкого развития коневодства если и не противоречит⁹⁰, то и не находит пока доказательств на материалах Бактрии. Правда, в одной из разграбленных могил Дашлы-19 отмечено погребение лошади, а из другой происходит бронзовое навершие в виде протомы лошади.

Известно, какое большое значение в верованиях индоиранцев занимал культ огня (воплощавший символ божественной справедливости), с чем нельзя не сопоставить храм огня с Дашлы-3 — единственное и наиболее показательное пока культовое сооружение коренной Бактрии.

Сложные социальные отношения документируются тем фактом, что наряду со свободным Авеста и Ригведа упоминают неполноправное и зависимое население. Полноправное, свободное население состояло из трех основных групп: жречество, военная знать и свободные общинники, причем все они в основном существовали за счет собственного производительного труда⁹¹.

Если вспомнить схему общественной жизни Бактрии, реконструируемую на археологических материалах, то существование двух из этих групп (жречество и общинники) не требует особых доказательств. Точно так же наличие в той или иной форме зависимого населения, по крайней мере в системе храмового хозяйства, подтверждается материалами Дашлы-3.

Общество Авесты⁹² строится по четырехступенчатой системе: это, во-первых, дом-семья, причем как вариант имелись более крупные объединения, связанные по отцовской линии и составившие агнатические группы⁹³. Несколько агнатных общин составляли второе подразделение или род (нередко — родовое поселение), который возглавлял глава рода, но ограниченный родовым советом, состоявшим из глав агнатических общин.

⁹⁰ Нелишне вспомнить бактрийскую золотую модель колесницы из амударьинского клада, хотя и более позднего, ахеменидского времени.

⁹¹ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 349. У иранцев существовала четвертая группа — «ремесленники», возможно, зависимые.

⁹² Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., 1956, с. 180—189; Benveniste E. Les classes sociales dans la tradition avestique. — «Journal Asiatique», 1932, N 4, p. 117—134; Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972, с. 54—56.

⁹³ Подробнее см.: Периханян А. Г. Агнатические группы...

⁸⁸ Литвинский Б. А. Археологические открытия..., с. 10.

⁸⁹ Цит. по: Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра. — In: Monografie Archivi Orientalního, d. I. Praha, XXIV, 1956, S. 23—56.

Следующим, третьим подразделением являлась область, населенная племенем, и, наконец, «страна», т. е. высшая форма объединения, но не обязательно предполагающая государство. Можно почти не сомневаться, что общественная номенклатура Авесты в общем виде может быть полностью приложима к Бактрии. Добавим, что в Авесте нет терминов, обозначающих город, что многие исследователи склонны объяснять более поздним временем существования городов сравнительно с ранней редакцией Авесты. Не исключено, однако, что это были безцитадельные крепости типа Дашли, Сапалли или Аучин, к которым еще был не приложим термин «город». В этом отношении справедливо мнение В. А. Лифшица: «...не следует, однако, сомневаться в том, что были крепости, служившие не только резиденцией главы рода, но и местом укрытия жителей во время военных столкновений»⁹⁴.

Наконец, при всей спорности вопроса о месте сложения Авесты⁹⁵ предпочтительной считается теория о восточном центре, не исключая и Бактрии, где, как предполагал Ктесий, жил Заратустра⁹⁶. Точно так же, хотя нет единого мнения о времени создания Авесты, некоторые исследователи относят это событие к доахеменидскому периоду в пределах 1000—600 гг. до н. э. Эти и другие соображения приводят Б. Г. Гафурова к выводу, что Бактрия, которая характеризуется в Авесте страной «с высоко поднятыми знаменами», была если не первой, то одной из стран, где раньше всего распространился зороастризм⁹⁷, что представляется вполне вероятным.

Подведем некоторые итоги. Далеко не все положения Авесты и Ригведы находят соответствие в культуре Бактрии; более того, и в этом случае они, хотя и в ограниченной степени, приложимы к земледельческо-скотоводческим культурам юго-запада Средней Азии⁹⁸. Вместе с тем отдельные указания, содержащиеся в Авесте, пока находят археологическое обоснование предпочтительно на бактрийских материалах, например, культовые захоронения молодых баранов, прямоугольные безцитадельные крепости, храмы огня, возможная трех-четырёхчленная структура общества.

⁹⁴ История таджикского народа, т. I. М., 1963, с. 145.
⁹⁵ Последнюю сводку см.: Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса).— В кн.: История Иранского государства и культуры.

⁹⁶ Пьянков И. В. Ктесий о Зороастре.— В кн.: Материальная культура Таджикистана, вып. 1. Душанбе, 1968.

⁹⁷ Гафуров Б. Г. Таджики, с. 53.

⁹⁸ Ср.: Мандельштам А. М. Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 254—258.

Не только не доказано, что носители степных культур Средней Азии (и в первую очередь андроновцы) были индоиранцами, но нет этому подтверждения и на новом археологическом материале. Противоречат этому и известные в настоящее время уточненные палеоантропологические определения краниологических материалов контактной зоны южных областей Средней Азии и Северо-Западной Индии.

С другой стороны, совокупность имеющихся фактов более свидетельствует в пользу теории, выдвинутой С. П. Толстовым и конкретизированной В. М. Массоном, что индоиранские племена обитали в Хорасане по крайней мере со времени Намазга-V—VI, т. е. начиная с рубежа III—II тысячелетий до н. э.⁹⁹ Это положение было развито И. М. Дьяконовым, согласно которому индоиранские племена обитали в Хорасане по крайней мере с начала II тысячелетия до н. э., откуда они затем могли проникать на юго-запад и юго-восток¹⁰⁰, что, однако, вызвало решительное возражение со стороны части исследователей¹⁰¹, преимущественно лингвистов, хотя, например, В. А. Лифшиц не склонен столь категорично отвергать и такую гипотезу¹⁰².

Нельзя не сопоставить с этим факт происхождения бактрийско-маргианского комплекса из областей Иранского Хорасана, к чему следует добавить включение и, по-видимому, смешение племен — носителей восточнохорасанской культуры. Кумлийский этап с бесспорностью свидетельствует об ассимиляции второго компонента, что не могло не сказаться в дальнейшем на сложении общего этнолингвистического субстрата этого обширного региона в системе Юго-Западной Азии.

Не входя в рассмотрение всей затронутой и чрезвычайно сложной проблемы, отметим лишь, что, видимо, не случайно географический горизонт Авесты охватывает наряду со степными и традиционно земледельческие области: от Герата и гор Парапамиза до Маргианы. Действительно, земледельческо-скотоводческие племена Восточного Ирана, Северного Афганистана и крайнего юго-запада Средней Азии составляли на протяжении II тысячелетия до н. э. во многом родственный в историко-культурном отношении регион. Общий облик культуры относительно близок к данным Авесты, причем в некотором отношении здесь обнаруживаются со-

⁹⁹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., с. 118—119.

¹⁰⁰ Дьяконов И. М. [рец. на кн.:] Древнеземледельческая культура Маргианы.— ВДИ, 1960, № 9, с. 199. По автору, андроновские племена были иранскими, по крайней мере по языку.

¹⁰¹ Грантовский Э. А. Ранняя история..., с. 339—367; Гафуров Б. Г. Таджики, с. 36—37.

¹⁰² История таджикского народа, т. I, с. 130—131.

ответствия, дополняющие древнебактрийские. Так, если в Бактрии пока нет прямых свидетельств о развитии коневодстве и колесницах, то, хотя и в косвенной форме, такие данные имеются в Южном Туркменистане, где среди мелкой терракотовой пластики наряду со статуэтками верблюдов и быков, впряженных в повозки, появляются фигурки лошадей, предназначенных для боевых или церемониальных колесниц¹⁰³. Но и в таком случае нет никаких оснований предполагать, что колесницы, запряженные лошадьми, появились на юго-западе Средней Азии в результате расселения индоиранских племен из степных областей Средней Азии¹⁰⁴. Может быть, наоборот, они могли попасть сюда из городских центров Передней Азии¹⁰⁵.

Культурно-историческое единство, наблюдаемое в очерченном регионе с рубежа III—II тысячелетий до н. э., усиливается с середины II тысячелетия до н. э., когда здесь распространяются некоторые специфические типы изделий. Расширяется и географический ареал, когда в эту зону частично включаются Южный Иран и Южный Афганистан вплоть до долины Инда. Практически одновременно появляются на этих территориях каменные биконические «шраслица» с кружковым орнаментом, некоторые виды металлических изделий (булавки со специфическими навершиями, кубковидные сосуды), керамические и фаянсовые печати. В этом плане показательны материалы долины Инда, свидетельствующие о том, что все эти новшества появляются не в хараппский, а в постхараппский период, выделяемый в культуру Джукхар. Это обстоятельство с несомненностью указывает, что бактрийско-маргианский комплекс в целом синхронизируется с культурой Джукхар (и, возможно, с позднехараппским периодом), а применительно к Южному Туркменистану — с периодом Намазга-VI. К вышеприведенным аналогиям добавим, что в Чанху-Даро имеются вазы, ножки которых в верхней части имеют шаровидное утолщение¹⁰⁶, что отмечено и для поздних керамических комплексов Бактрии. Еще более показательна гончарная керамика с нацарапанным орнаментом, являющаяся поздним признаком для соответствующей посуды всего очерченного региона, причем южнотуркменистанские — североафганские и джукхарские соответствия выглядят наиболее убедительно. Специально отметим, что эта кате-

гория керамики в долине Инда¹⁰⁷ резко отличается от предшествующей и не имеет местной линии развития.

Наконец, этот период практически для всего выделенного региона характеризуется почти полным исчезновением мелкой терракотовой пластики и в особенности антропоморфной. Если для Бактрии это обстоятельство не столь показательно, то для юго-запада Средней Азии и долины Инда предшествующего времени существование антропоморфной пластики является характерным признаком развития местных культур вообще. Думается, что приведенный комплекс наблюдений свидетельствует в пользу племенных передвижений с запада на восток.

Начиная с М. Уилера, в науке появляется теория, согласно которой хараппская культура гибнет в результате арийского нашествия¹⁰⁸, что, однако, не является единственным решением этого сложного вопроса¹⁰⁹.

Вместе с тем показательным, что не только сторонники арийской принадлежности джукхарской культуры¹¹⁰, но и исследователи, признающие ее местную линию сложения, — все согласны с тем, что вышеперечисленные элементы культуры (некоторые виды керамики, украшения, печати, орудия и др.) обязаны своим происхождением более западным областям. Хотя нет прямых данных, свидетельствующих об арийской принадлежности вышеприведенного археологического комплекса, показателен широкий набор специфических изделий, практически одновременно распространяющихся в этой части Юго-Западной Азии. В этой связи можно лишь вспомнить слова Г. Ф. Дебеца о том, «что такое арийское распространение — распространение культуры или языка?», свидетельствующее о слабой разработанности проблемы в ее общем виде. Пока лишь можно предполагать, что распространение исследуемого археологического комплекса может отражать и расселение племен, возможно, говоривших на сходных диалектах восточноиранского языка. Их этническая принадлежность неясна, но изучение ее тесно связано с изучением самой арийской проблемы в целом.

¹⁰³ Сарияниди В. И. Статуэтка лошади с Алтын-Тепе. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1972, с. 113—116.

¹⁰⁴ Дьяконов И. М. История Мидии..., с. 124—125.

¹⁰⁵ Сарияниди В. И. Статуэтка лошади..., с. 116.

¹⁰⁶ Mackay E. Chanchi-Daro..., pl. XLI, N 22.

¹⁰⁷ Mackay E. Chanchi-Daro..., p. 108, pl. XLVIII, особенно № 8, 15, 25.

¹⁰⁸ Wheeler M. Iran and India in Pre-Islamic Times. — «Ancient India», 1947—1948, N 4, p. 92—100.

¹⁰⁹ См. подробнее: Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. История Индии..., с. 125—130.

¹¹⁰ Wheeler M. Five Thousand Years of Pakistan. London, 1950, p. 32—33; Heine-Geldern R. The Coming of the Aryans and the end of the Harappa Civilization. — «MAN», 1956, v. LVI, p. 138.

§ 4. Становление городской цивилизации Бактрии

Зарождение и становление городских цивилизаций мира — это чрезвычайно длительный, сложный, а главное, многообразный процесс, соответствующий последней фазе существования первобытнообщинного строя. Где бы ни происходил этот процесс, при единой социально-экономической формации конкретные формы проявления могли существенно отличаться. Это зависело от разных факторов, среди которых далеко не последнюю роль играл географический. Считается даже, что некоторые общества древней Европы имели больше сходства с азиатскими, чем с другими европейскими, и что существовали различные пути развития однотипной экономики, характерной для всей древности¹¹¹.

Применительно к Ближнему Востоку можно говорить о двух основных путях или формах развития цивилизации: месопотамском и западноазиатском. Месопотамский путь — это цивилизация крупных рек (Египет, Месопотамия, частично индийский субконтинент), западноазиатский путь характеризуется цивилизацией малых рек (большая часть Ирана, Афганистан, южные области Средней Азии). Однако и внутри этих двух магистральных линий становления городских цивилизаций намечаются различные варианты, обусловленные разным экологическим фоном и предшествующим социально-экономическим развитием самого общества.

Для нашей темы первостепенное значение имеет западноазиатский путь развития, точнее бактрийская форма становления городской цивилизации. Коренные земли древней Бактрии, затерянной в глубинных районах Азии, представляют особый интерес, так как в последние годы здесь удалось получить много новых фактических данных, касающихся не только уточнения и конкретизации бактрийского государства античного периода, но и позволяющих наметить начальные этапы становления этого процесса.

Как было доказано выше, во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. на территории Афганистана сосуществовали два археологических комплекса со своими собственными культурными традициями, на основе которых в конечном счете складывается городская цивилизация. Рассмотрим сначала, какие могут быть сделаны заключения социологического порядка из вышеприведенных данных бактрийско-маргианского археологического комплекса.

Можно считать бесспорным, что исследуемые племена в своем развитии уже давно про-

шли стадию первого крупного разделения труда — отделения земледелия от скотоводства. Более того, думается, что их материальная культура указывает и на отделение ремесла от земледелия. В самом деле, большие по размерам, двухъярусные по конструкции керамические горны и сама высококачественная керамическая продукция изящных, порой вычурных форм, изготовленная на гончарном круге, — все указывает на высокую степень профессионализма. Технологические особенности производства предопределяют выделение мастеров-профессионалов гончарного производства. Сами керамические горны, как правило, вынесены на окраины поселений, где они концентрируются в одном месте, как бы демонстрируя зарождение «кварталов керамистов». И, наконец, продукция гончаров встречается на памятниках иной культурной принадлежности, свидетельствуя об обмене (вплоть до меновой торговли); однако думается, что выделение «класса купцов»-профессионалов, занимающихся торговлей, еще не произошло.

Исходя из специфики археологического материала, мы можем говорить лишь о керамическом ремесле; однако имеющиеся данные намекают, что в еще большей степени признаки выделившегося ремесла относятся и к древним металлургии и металлообработке. В этом отношении показательны типы металлических изделий, точно копирующие аналогичные прототипы Восточного Ирана, и юго-запада Средней Азии. Как известно, само включение той или иной области в орбиту определенной металлургической технологии «подразумевает распространение производственных навыков и организацию широкой торговли металлами»¹¹².

Местная металлургия и металлообработка документируются не только полуфабрикатами, но и специальными местами выплавки металла в сопровождении сложного инструментария. Представляется, что Бактрия в рассматриваемое время переживала пору интенсивного развития ремесел, в массе своей уже отделившихся от земледелия. Выделяются не только профессионалы-ремесленники, но и древние металлурги и кузнецы, лишь эпизодически принимающие участие в земледельческих работах.

Не менее важной предпосылкой становления раннеклассового общества является и наличие монументальной архитектуры, так что дворцово-культовый комплекс на Дашлы-3 является в этом плане ярчайшим признаком новых социальных изменений. Возведение монументальных сооружений требовало колоссальной по тому времени затраты коллективного труда всех обитателей конкретного микрорегиона. В этом

¹¹¹ Дьяконов И. М. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. — ВДИ, 1968, № 4, с. 30.

¹¹² Кларк Д. Доисторическая Европа. М., 1953, с. 257.

отношении показателен сам дворец, на необычно массивные стены которого было использовано несколько тысяч кирпичей, что было возможным только при использовании принудительного труда. В еще большей степени на это указывает существование храмового хозяйства, в орбите влияния которого находилась вся масса юридически свободных общинников. Все сказанное с неоспоримостью указывает на факт внеэкономического принуждения рядовой массы общинников выделившейся светской знатью и жречеством.

С другой стороны, то обстоятельство, что дворец и храм расположены рядом, в одном месте, может отражать известный этап в развитии иерархической структуры общества, когда светские и культовые функции персонифицируются в одном лице — вождя-жреца. Вместе с тем показательно, что среди массы выявленных погребений нет ни одного, которое бы выделялось способом захоронения, погребальным устройством, объемом и богатством заупокойных приношений. Точно так же, ни одно поселение этого времени ни по структуре, ни по размерам не может претендовать на роль городского центра, где концентрировалась бы политическая и социальная власть господствующего класса. Скорее всего, существовала общинная и, возможно, служившая знать, резиденция которой располагалась в дворцово-культовых центрах.

Письменность и наличие городских центров многие специалисты считают непременным условием сложения городских цивилизаций. Письменность в Бактрии этого периода неизвестна, что же касается городских центров, то уже сейчас имеются факты, рисующие общую линию зарождения и становления здесь городской жизни.

Несмотря на прогресс в развитии археологической науки в целом, все еще нет общепризнанной формулировки в определении древнего города. Существует мнение, что определяющим признаком является наличие оборонительных стен. Оборонительные стены теперь известны на таких древнейших памятниках, как например, Иерихон (VII—VI тысячелетия до н. э.), Хаджилар (VI—V тысячелетия до н. э.), геокюрская группа (IV тысячелетие до н. э.) в Южном Туркменистане, так что некоторые специалисты поспешно возвели их в ранг городов. Однако укрепленные стены таких поселений призваны были оградить жителей от возможной внешней опасности, и в этом смысле они принципиально отличны от стен первых городов Древнего Востока. И, наоборот, в период становления городских центров не всегда такие памятники имеют внешние стены, но почти всегда внутри них располагаются отдельные строительные комплексы, зачастую монументаль-

ного характера, которые обносятся мощными обводными стенами.

Как кажется, в этом и заключается принципиальная разница подобных оградительных стен: в первом случае основная идея их заключается в стремлении оградить *всех*, а во втором — лишь *часть* жителей от возможной опасности. Налицо качественно новая, социальная направленность подобных оборонительных стен, призванных не столько оградить от внешней опасности, сколько от основной массы рядовых общинников, и в таком случае они являются ярчайшим свидетельством социальной дифференциации общества¹¹³.

Оценивая с таких позиций поселение Бактрии эпохи поздней бронзы, следует признать, что они демонстрируют второй, более сложный тип, характерный для общества с имущественной и, что главное, социальной дифференциацией, когда выделявшаяся знать обитает в мощных крепостях, дворцах и храмах, за внешними стенами которых располагаются неукрепленные поселки рядовых общинников.

Таким образом, если суммировать наши знания о характере и социальной структуре древней Бактрии (по материалам Дашлинского оазиса), мы можем сделать несколько выводов. Бактрия этого времени переживала эпоху классового образования — бесспорно, уже обособилась прослойка лиц, профессионально занятая религиозно-идеологическими функциями; выделялась общинная и служившая знать, причем на первых порах еще нет четкого разграничения между ними; религиозные и светские функции могли совмещаться в одном лице, группе лиц. Менее ясен вопрос о конкретном характере военной функции. Судя по некоторым могилам, в погребальном инвентаре которых выделяются великолепно ретушированные кремневые наконечники стрел, а также по наличию боевых топоров и массивных копий, можно предполагать выделение военной дружины, однако вопрос этот требует дальнейшего уточнения на новом археологическом материале. Как бы то ни было, уже сейчас с большей долей вероятности можно предполагать широко известное троичное деление общества применительно к Бактрии эпохи поздней бронзы.

Совершенно очевидно, что становление цивилизации требует длительного периода, истоки которого уходят в недра первобытнообщинного строя. Напротив, оформление цивилизации — сравнительно более короткий процесс. Это положение можно проиллюстрировать на примере становления и оформления городской цивилиза-

¹¹³ Сарияниди В. И. Становление городской жизни в Южной Бактрии. — В кн.: Древний город Средней Азии. Л., 1973, с. 6—9.

ции Бактрии, на что потребовалось около тысячи лет.

Для доказательства обратимся к типам поселений восточнорасанской культуры, где, как известно, решительно преобладают памятники, организующим ядром которых являются многометровые кирпичные платформы с цитаделями. Можно предполагать, что такие цитадели являлись резиденцией местного правителя, вокруг которой располагалось неукрепленное поселение рядовых обитателей. Представляется, что крепости типа Дашлы-1 и цитадели типа Тилля-Тепе являются однопорядковыми памятниками (в смысле их социальной значимости), хотя и выраженными в разных конструктивно-фортификационных принципах, восходящих к разным традициям. И, видимо, не случайно памятники Бактрии начала I тысячелетия до н. э. демонстрируют соединение этих двух традиций.

В этом отношении показательно обширное по площади поселение Кумли, в северной части которого возвышается многометровая платформа-цитадель. Материальная культура памятника сочетает как традиции бактрийско-маргианского археологического комплекса, так, хотя и в меньшей степени, традиции восточно-хорасанской культуры. Можно отметить тот факт, что в эпоху поздней бронзы на смену мелким поселениям приходят крупные, где концентрируется практически все население бывшего оазиса (Фарукбад-1). Дальнейший процесс становления городских центров демонстрируют памятники Южной Бактрии второй четверти — середины I тысячелетия до н. э., как бы соединяющие в себе обе строительные традиции, нашедшие отражение в общем планировочном решении.

Для Дашлинского оазиса — это небольшой памятник Алтын-1, состоящий из четкого прямоугольника оборонительных стен, усиленных по углам и периметру округлыми башнями; в северном углу возвышается многометровая цитадель с остатками строений наверху. В высшей степени показательно, что внутренняя площадь между обводной стеной и заключенной внутри нее цитаделью не имеет никаких строений. Очевидно, что оборонительная стена в первую очередь была призвана оградить цитадель и ее обитателей от опасности извне, так что налицо сложение укреплённой цитадели или цитадели-крепости.

Вокруг крепости с цитаделью на многие сотни метров тянутся россыпи керамики, общая площадь которых во много раз превышает размеры самой крепости с цитаделью. Алтын-1, по-видимому, возник в доахеменидское время, но продолжал существовать и в ахеменидский период. Вокруг него располагаются синхронные памятники в виде небольших бугров с россыпью

керамики на прилегающих такырах. Хотя раскопки их не производились, судя по микро-рельефу, в массе своей это были неукрепленные поселения.

Принципиально тот же, но более сложный тип поселения отражает памятник Алтын-Дилар. Он расположен в северной части Фарукбадского оазиса, причем вокруг располагаются синхронные поселения, но по преимуществу без каких-либо оборонительных сооружений. Хотя этот памятник далеко превосходит по размерам Алтын-1 (последний по площади почти равен цитадели Дилар-Тепе), общая планировка их тождественна. Высокая цитадель Дилар-Тепе имеет собственную мощную оборонительную стену с выносными башнями; на небольшом расстоянии от нее кольцом тянется внешняя крепостная стена, также усиленная количеством боевых башен.

Известные материалы позволяют наметить общую линию сложения городов Бактрии в следующем виде. Так, приведенные наблюдения в совокупности дают основание отнести памятники эпохи поздней бронзы Бактрии к разряду поселений городского типа¹¹⁴, организующим ядром которых являлись небольшие крепости с тяготеющими к ним неукрепленными поселениями. Жители этих поселений продолжают вести преимущественно аграрное хозяйство, но уже ремесленное и металлическое производства выделяются в самостоятельную отрасль. Как кажется, именно аграрная направленность поселков городского типа объясняет тот факт, что в Бактрии они сравнительно невелики, но многочисленны, что, видимо, связано с необходимостью устраивать поля и пашни в непосредственной близости от домов и водных магистралей.

К сожалению, памятники ахеменидского времени здесь практически не раскапывались, однако даже визуальное обследование их указывает на сложение подлинных городов. О выделенном ремесленном производстве свидетельствуют поселения типа Алтын-3, где сложные по конструкции керамические горны, располагаясь рядом друг с другом, исчисляются десятками, так что продукция их бесспорно была рассчитана на торговлю, в том числе со степным населением. Важно отметить, что концентрация ремесленного производства отмечается не внутри крепостей-цитаделей, как Алтын-1 и Дилар-

¹¹⁴ В. М. Массон определяет эти памятники как принадлежащие урбанизированной культуре. (См.: Массон В. М. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии. — В кн.: Древний город Средней Азии, 1973, с. 4). Б. А. Литвинский называет их древнейшими городскими поселениями (Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля, с. 104—106). Налицо терминологический разнобой в оценке дефиниций раннего города.

Тепе, а за пределами их внешних стен. Таким образом, бактрийский город ахеменидского времени состоит из крепости с цитаделью (место сосредоточения господствующего класса) и огромного неукрепленного поселения, где концентрируются ремесленники и торговцы.

В настоящее время общепризнанным считается определение города, сформулированное И. М. Дьяконовым, согласно которому городом является «населенный пункт, представляющий собой центр тяготеющей к нему сельскохозяйственной округи и одновременный центр специализированного (т. е. не чисто домашнего) ремесла и, соответственно, товарного и иного обмена, а также накоплений»¹¹⁵. Думается, что это определение приложимо и к Бактрии эпохи раннего железа. Характерными признаками первых городов Бактрии является непременное наличие цитадели на платформе, защищенной оборонительной стеной, иногда — двумя такими рядами стен.

Окружающая цитадель-крепость площадь (как правило, превосходящая ее во много раз) не имеет внешних обводных или оборонительных стен. Вместе цитадель-крепость и неукрепленное поселение составляют собственно город. Цитадель-крепость является средоточием административных институтов вплоть до царских. В неукрепленной части или во внешнем городе обитает основная масса горожан, преимущественно занятая еще в сельском хозяйстве. Здесь же располагаются кварталы гончаров, металлургов, кузнецов, лавки купцов. Хотя аграрная направленность городов очевидна и ремесло не занимает еще основного места, важно, что тенденция к его развитию становится теперь определяющей¹¹⁶.

Мы проследили общую линию развития от поселков городского типа к собственно городам Бактрии, так что закономерно встает вопрос — каким путем распространяется здесь городская жизнь? Применительно к Юго-Западной Азии обычно предполагаются две основные модели: 1) инвазия, приход нового населения с его собственными традициями, в том числе с новой градостроительной культурой¹¹⁷; 2) диффузия

урбанистических идей¹¹⁸. В последнее время выдвинута третья модель, или теория «центрального места», согласно которой существовали центры, контролировавшие определенные виды продукции, торговавшие ею с соседними, подчас более передовыми странами. Так, Тепе-Яхья контролировал добычу и экспорт стеатита, Шахри-Сохте — лазурита, Тали-Иблис — металлургическое производство. Вступая в торговые связи с соседними странами и в первую очередь с Месопотамией, они тем самым создавали экономическую базу для сложения и развития городов типа Тепе-Яхья, Шахри-Сохте, Тали-Иблис и др.¹¹⁹ Думается, что сложение городской жизни Бактрии отражает первый путь, когда появившиеся здесь иммигранты приносят с собой свои собственные навыки в устройстве различного рода поселений, и в частности поселков городского типа.

Как было показано выше, соединение двух таких традиций приводит в конечном счете к сложению города ахеменидского времени, классическим примером чего является город Алтын-Дилар.

В связи с затронутой темой необходимо кратко остановиться на истории сложения городской цивилизации юга Средней Азии и в первую очередь — Южного Туркменистана. В. М. Массон первый из исследователей выдвинул и обосновал идею сложения здесь в конце III — первой половины II тысячелетия до н. э. протогородской цивилизации¹²⁰, которую сейчас можно считать общепризнанной. Еще трудно конкретизировать основные социально-экономические параметры, присущие протогороду, так что, по мнению Б. А. Литвинского, пока возможна лишь постановка вопроса о наличии протогородских поселений вообще¹²¹, с чем как будто согласен и В. М. Массон, определяющий Алтын-Тепе как складывающийся (а не сложившийся! — В. С.) город¹²². Но независимо от уточнения качественного содержания термина «протогород» очевидно, что поселения такого типа (Алтын-Тепе, Улуг-Тепе, Намазга-Тепе) не имеют сельской округи и в свете вышепри-

¹¹⁵ Дьяконов И. М. Проблемы города в Вавилонии II тыс. до н. э. — В кн.: Города и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э. Ереван, 1969, с. 12—13. Ср.: Массон В. М. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. — В кн.: Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966, с. 160—166.

¹¹⁶ Сайко Э. В. Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973, с. 17.

¹¹⁷ Ср.: Allchin R. and B. The Birth of Indian Civilization. Baltimore, 1968, p. 320; Gordon D. H. The Prehistoric Background of Indian Culture. Bombay, 1968, p. 36.

¹¹⁸ Wheeler M. The Indus Civilization. London, 1968, p. 23. Ср. также: Clarke D. L. Analytical Archaeology. London, 1968, p. 415—430.

¹¹⁹ Lamberg-Karlovsky C. C. Trade mechanisms in Indus-Mesopotamian interrelations. — «Journal of the American Oriental Society», 1972, N 92, p. 222—228; Lamberg-Karlovsky C. C. Urban Interaction on the Iranian Plateau: Excavations at Tepe-Jahja, 1967—1973. — «Proceeding of the British Academy», 1973, v. LIX, p. 17—21.

¹²⁰ Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3.

¹²¹ Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город, с. 103.

¹²² Массон В. М. Эволюция первобытных поселений Средней Азии, с. 10.

веденного определения города отражают своеобразный путь сложения городских центров¹²³.

Отличная картина наблюдается в середине — второй половине II тысячелетия до н. э., когда протогорода либо прекращают свое существование (Алтын-Тепе), либо резко уменьшаются в размерах (Намазга-Тепе), причины чего не установлены.

Если сопоставить с этим практически одновременное появление в Бактрии и Маргиане такого новшества, как поселения городского типа (небольшая подквадратная крепость и рядом — неукрепленное поселение), что не могло миновать большую часть будущей Парфии, то можно поставить вопрос об их взаимной связи. Кажется бесспорным, что тот или иной тип памятника определяется в конечном счете социально-экономическими факторами, которые могли распространяться здесь, подобно тому как это произошло в Маргиане.

В конце II — начале I тысячелетия до н. э. на крайнем юго-западе Туркмении, в Гиркании античных авторов, складывается другой тип по-

селений (Тангсыкылджа, Изат-Кули, Мадау)¹²⁴, состоящий из цитадели на высокой кирпичной платформе, но без крепостных оборонительных стен, что справедливо было сопоставлено с памятниками типа Яз-Тепе и Кучук-Тепе¹²⁵, к которым можно теперь добавить Тилля-Тепе и Кумли в Северном Афганистане, а также Нади-Али и Мундигак-VII на юге страны.

Итак, только для древнего Туркменистана намечаются три типа или три модели сложения раннегородских центров (гирканский, парфянский и маргианский), что лишний раз подчеркивает всю сложность проблемы становления городской цивилизации в ее конкретно-историческом аспекте.

Маргиана входила в состав Бактрии, что четко прослеживается на примере сходного пути сложения городских центров. Страной тысячи городов называют Бактрию античные, греко-римские авторы, и это неудивительно, если учесть, что крепостцы, и городские поселения, и городки были во множестве разбросаны по ее территории и в самом деле производили впечатление сплошных городских оазисов.

¹²³ Вряд ли можно согласиться с мнением, что, подобно Хузистану, городские центры вокруг Иранского плато и в том числе Южной Туркмении складываются вследствие влияния городской жизни Месопотамии, да еще в столь раннее время, как первая половина III тысячелетия до н. э. (Ср.: *Lamberg-Karlovsky C. C. Urban Interaction...*, p. 17).

¹²⁴ *Массон В. М.* Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. — ТЮТАКЭ, 1956, т. VII.

¹²⁵ *Литвинский Б. А.* Древний среднеазиатский город, с. 104.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеприведенные археологические материалы и наблюдения дают возможность уже сейчас наметить общие контуры исторических процессов, протекавших на территории современного Афганистана, начиная от эпохи камня и вплоть до событий, освещенных уже письменными данными греко-римских авторов.

В настоящее время можно утверждать, что по крайней мере начиная с мустьерского времени скальные гроты, навесы и пещеры северных отрогов Гиндукуша уже были обжиты людьми неандертальского типа. В этом отношении показательны следы обитания неандертальцев в Бадахшане и Южном Узбекистане (Мачай, Амир-Темир, Тешик-Таш), так что не исключено, что это была общая зона становления человека неандертальского типа. Главным занятием всех этих обитателей была охота на козлов и баранов, дополняемая собирательством.

Следующий, верхнепалеолитический период характеризуется не только расширением географического диапазона обживания, но и дальнейшими успехами во многих областях хозяйства и в первую очередь — в выработке специализированных орудий. О возможных начатках первобытного искусства можно судить по лицевому изображению на гальке из пещеры Гари-Асп. Основным объектом охоты являются горные бараны, к которым теперь добавляются олени и дикие лошади. Уже в это время можно предполагать определенные региональные различия, что в первую очередь выражается в технике изготовления орудий. Во всяком случае, в следующую, мезолитическую эпоху выявляются отличия, восходящие к разным верхнепалеолитическим традициям.

Люди этого времени (X—VIII тысячелетия до н. э.) все еще ведут охотничий образ жизни, причем объектами охоты являются как животные (газели, бараны, лисицы), так и птицы. В позднюю фазу люди, населявшие межгорные долины Северного Афганистана, постепенно осваивают технику примитивной обработки земли и жатвы злаков, а также приобретают

опыт одомашнивания мелкого рогатого скота (овцы, козы). Дальнейшие успехи на начальном пути становления производящего хозяйства остаются не совсем ясными из-за ограниченности фактических данных.

Вместе с тем можно почти не сомневаться, что если не все, то большая часть обитателей гротов и навесов постепенно спускается на аллювиальную Бактрийскую равнину, однако экологические условия здесь оказались неблагоприятными для ведения раннеземледельческого хозяйства. Зато прибрежные тугаи левобережья Амударьи представляли более подходящие условия для дальнейшего существования. Освоив бассейн р. Амударьи, племена неолитического периода занимаются охотой и рыболовством, что не исключало сезонного земледелия. Наличие кремневых вкладышей от серпов или жатвенных ножей плохо согласуется с предположением о преимущественно скотоводческом пути развития производящей экономики Северного Афганистана. Думается, что в силу вышеотмеченных причин производящий путь развития древней экономики не получил здесь своего развития. Такая картина наблюдается вплоть до II тысячелетия до н. э., когда на Бактрийскую равнину приходят люди, уже не только знакомые с техникой прогрессивного земледелия, но и имевшие навыки поливного земледелия, что позволило им с успехом освоить пустовавшие земли, заложив тем самым основу земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Продолжение процесса становления производящего хозяйства хорошо прослеживается по материалам Южного Афганистана и смежного Белуджистана, где по крайней мере в конце V — начале IV тысячелетия до н. э. возникают небольшие оседло-земледельческие поселки. Как и в передовых центрах Ближнего Востока, первые такие поселки основываются здесь в предгорной зоне, где экологические условия благоприятствовали занятию земледелием. Примером таких небольших поселков может служить Кили-Гхул-Мухаммад, где лю-

ди обитали уже в постоянных жилищах, собирали урожай жатвенными ножами или серпами с кремневыми вкладышами, разводили стада домашних овец и коз. Первые опыты в производстве посуды ограничивались тем, что плетеные корзины обмазывались снаружи глиной и затем обжигались на костре.

Прогресс во всех областях материальной культуры приводит к выработке новых, более передовых форм жизни. Дома теперь возводятся из сырцового кирпича на каменных фундаментах. Резко расширяется ассортимент кремневых орудий, в том числе специализированного назначения. Хотя бытует посуда ручной лепки, постепенно ее замещает керамика, изготовленная на гончарном круге, которая раскрашивается расписными орнаментами. Точно так же наряду с кремневыми и костяными изделиями постепенно появляются медные орудия и украшения.

Успехи в области земледельческого производства приводят к увеличению народонаселения и освоению новых земель. Подобно первым поселкам передовых центров Передней Азии, и здесь эти поселения еще весьма невелики в размерах: площадь их не превышает 0,5—1 га. Наиболее интенсивное обживание следует предполагать в Кветто-Пишинском нагорье, где до сих пор практикуются посевы по богару. Наряду с этим использовались воды предгорных ручьев и речушек, как это засвидетельствовано, например, для энеолитических поселений крайнего юго-запада Средней Азии. Таким образом, белуджистанский центр раннеземледельческих общинников все более выходит на арену становления оседло-земледельческой жизни Юго-Западной Азии. В результате уже в IV тысячелетии до н. э. здесь складываются новые поселки, примером чего являются памятники типа нижних слоев Анджиры.

В последних столетиях IV тысячелетия до н. э. появляются первые поселки раннеземледельческих общинников и на территории собственно Афганистана (Мундигак, по видимому, Саид-Кала). Есть все основания предполагать, что в IV—III тысячелетиях до н. э. на большей части Белуджистана и Южного Афганистана идет бурный процесс сложения оседло-земледельческого хозяйства на основе преимущественно местного этнокультурного субстрата. Но нет никаких оснований замыкать дальнейший исторический процесс становления оседло-земледельческой жизни рамками белуджистанского центра. Как можно судить по нижним слоям Мундигака, уже в это время местные племена входят в контакт с населением соседнего Ирана. Однако еще многие аспекты внешних связей остаются неясными, для чего достаточно вспомнить внезапное увеличе-

ние лепной посуды в поселке периода Мундигак-II, в то время как в предшествующее время местные гончары уже хорошо знали способ изготовления посуды на круге.

Вплоть до середины III тысячелетия до н. э. местные племена эволюционируют. Здесь появляются люди кветтской культуры, по-видимому, связанные с расселением восточно-анауских племен из Южного Туркменистана. Люди этой культуры основывают в Сеистане новые поселки, одним из которых является Шахри-Сохте, а также обживают старые поселения, например Мундигак, Саид-Кала. Ярким показателем прихода племен, помимо распространения нового керамического стиля и некоторых видов металлических изделий, является и ранее неизвестная здесь практика коллективных захоронений в склепах. Последнее обстоятельство косвенным образом свидетельствует о существовании больших семейных общин, как это устанавливается для южнотуркменистанских племен периода позднего энеолита.

В середине — второй половине III тысячелетия до н. э. на юге Афганистана наблюдается определенная унификация культуры, причем уже сейчас могут быть выделены три группы племен: кветтская, кандагарская и сеистанская. Общая культурная унификация прослеживается не только в керамическом искусстве, но и в антропоморфной пластике, металлических изделиях, и, что особенно важно, в близких погребальных обрядах. Все это может указывать на сложение определенной этнокультурной общности, явившейся субстратом в истории этноса Древнего Афганистана. Позднее, вместе с возвышением хараппской цивилизации происходит переориентация культурных связей, когда керамисты поселка периода Мундигак-IV расписывают свою продукцию такими типично индийскими орнаментами, как рисунками пипала. Воздействия этого же культурного круга прослеживаются и в области мелкой терракотовой пластики, доказательством чего служат статуэтки горбатых быков индийской породы.

Именно в это время (конец III — начало II тысячелетия до н. э.) культура южноафганских племен достигает своего высшего расцвета. Резко увеличиваются в размерах старые поселения и возникают новые: только в Сеистане основывается около 50 таких памятников. Но не только количественные изменения знаменуют наступление новой эпохи. Налицо качественные сдвиги, выражающиеся в первую очередь в сооружении монументальных зданий общественного назначения, местами обнесенных по периметру мощными обводными стенами. Керамика, изготовленная на гончарном

круге, бронзовые и каменные печати, скульптура — все это, по единодушному мнению специалистов, указывает на сложение городской цивилизации. В отличие от городских центров Месопотамии и Инда подобные городки предложено именовать городскими цивилизациями второго порядка или второго пояса.

Второе тысячелетие до н. э. знаменуется большими историческими событиями и в первую очередь тем обстоятельством, что теперь и на севере страны складываются древнеземледельческие поселки. К середине II тысячелетия до н. э. все пригодные для земледелия оазисы Северного Афганистана оказываются заселенными людьми — носителями бактрийско-маргианского археологического комплекса. Пока еще трудно точно установить, откуда приходят сюда иммигранты, однако районы Иранского Хорасана представляются наиболее вероятными. Есть все основания предполагать, что процесс расселения этих племен не ограничился лишь севером страны, а частично захватил и области Южного Афганистана. Более того, имеющиеся материалы показывают, что следы инвазии этого же культурного круга прослеживаются в предгорьях Южного Туркменистана и особенно четко — в бассейне древней дельты р. Мургаб.

О предполагаемом движении с запада на восток свидетельствуют поселения давлетабадской группы памятников и в первую очередь наиболее раннего — гирдайского этапа. В пределах Северного Афганистана самые восточные пункты фиксируются многочисленными памятниками Дашлинского и Фарукабадского оазисов, расположенных в непосредственной близости друг от друга. Дальнейшие следы расселения этих племен обнаруживаются в пределах Южного Узбекистана (Сапалли, Миршаде, Джар-Кутан) и, вероятно, Южного Таджикистана. Памятники, расположенные на крайних пределах этого ареала, относятся к более позднему времени, чем поселения, тяготеющие к правобережью Амударьи.

Носители бактрийско-маргианского археологического комплекса приносят с собой навыки, которые практиковались на их бывшей родине. Они осваивают дельтовые части древних рек и речушек, практикуя орошаемое земледелие, для чего устраивают простейшие ирригационные сооружения. Разбросанные вблизи к возделываемым полям поселения, как правило, не были укреплены; лишь отдельные, выделившиеся семьи обносят свои поселки мощными, почти квадратными крепостями, усиленными боевыми башнями. Иммигранты принесли свои навыки и в общественно-культурной сфере жизни, ярким свидетельством чему служат дворцы и храмы. В это время уже выделяется знать,

находящаяся, однако, под определенным контролем народных собраний.

Есть все основания предполагать, что близкая картина наблюдается в это время и на юге страны, так что в системе всего Афганистана отмечается определенная унификация древней культуры и лишь слабая изученность препятствует конкретизации подобного допущения. Как бы то ни было, начиная с этого времени период неравномерного развития страны заканчивается и Афганистан вступает в эпоху общих исторических закономерностей, присущих Древнему Востоку. Афганистан вступает на путь становления городских цивилизаций, включается в орбиту тех процессов, которые наблюдаются в это время в Юго-Западной Азии.

Ярчайшим свидетельством тому служат исторические события, все более реально поступающие в свете новых материалов, происходящих как с юга, так и севера страны и относящиеся к рубежу II—I тысячелетий до н. э. Это время, когда в Северном Афганистане распространяются новые племена, носители восточно-хорасанской культуры. Это также оседлые земледельцы и скотоводы, но в ряде отношений они отличаются от местных племен эпохи бронзы. Свои поселения они никогда не обносят оборонительными стенами, но почти всегда возводят высокие кирпичные платформы-цитадели. Наиболее показательным палеоэтнографическим признаком их является изготовление лепной расписной посуды, хотя не чужда им была и гончарная, точно копирующая местную эпохи бронзы.

На юге страны памятники этого круга лишь только намечаются. Тем не менее уже сейчас можно со всей определенностью отнести сюда такие поселения, как Нади-Али и Мундигак V—VI. Их сближает наличие лепной расписной посуды и устройство цитаделей на высоких кирпичных платформах, т. е. те же признаки, которые характерны для восточнохорасанской культуры. Даже если будущие исследования на юге страны не приведут к открытию других подобных памятников, то уже известных достаточно для того, чтобы предполагать сходный путь развития племен, населявших в это время Афганистан.

В свете имеющихся материалов следует отказаться от гипотезы, связывающей расписную культуру Южного Афганистана с распространением новых племен из Ферганы. Напротив, предполагается существование общего с восточнохорасанской культурой, но более западного очага. Сказанное не обязательно предполагает их одновременное распространение в системе всего Афганистана: не исключено, что было несколько волн расселения родствен-

ных племен, но из общего источника происхождения. Вместе с тем предполагаемое расселение этих племен не ограничивается лишь пределами Афганистана, а прослеживается и в Южном Туркменистане (комплекс Яз-I), и в Южном Узбекистане (Кучук-Тепе).

Налицо широкое племенное расселение, прослеживаемое на большей части южных областей Средней Азии и вплоть до южных пределов современного Афганистана. Показательно, что на всей этой территории культура расписной керамики закономерно прослеживается рядом с памятниками эпохи поздней бронзы. Так, в Южном Туркменистане комплекс Яз-I соседствует с археологическим комплексом Намазга-VI; в Северном Афганистане и Южном Узбекистане — это восточнохорасанская культура и бактрийско-маргианский комплекс; в Южном Афганистане, с одной стороны, — Мундигак-IV, с другой — Нади-Али и Мундигак-V — VI.

Создается впечатление, что племена расписной культуры в своем движении на юго-восток и северо-восток шли теми же путями, что и носители бактрийско-маргианского археологического комплекса. Хотя внутренний механизм предполагаемой взаимосвязи остается во многом неясным, думается, что в конечном счете он восходит к тем племенным передвижениям, которые отмечаются в Передней Азии в середине — второй половине II тысячелетия до н. э. Реальная историческая ситуация здесь была такова, что несколько волн последователь-

но выплескиваются далее на восток, так что плодородные земли Юго-Западной Азии становятся той ареной, где эти племена вновь встречаются уже в пору финальной бронзы. При всей загадочности предыстории этих племен до их расселения на восток можно все же почти наверняка утверждать, что они относились к разным историко-культурным центрам. Общий облик культуры бактрийско-маргианского комплекса достаточно убедительно локализует его в общем ирано-туркменистанском центре. Более западные истоки обнаруживает восточнохорасанская культура, которая, как бы заполняя образовавшийся вакуум, следует далее в восточном направлении.

На всей этой обширной территории племена обеих культур в целом достаточно мирно сосуществуют друг с другом, так что примерно в мидийское время наблюдается почти полная ассимиляция, наиболее четко документируемая материалами кумлийского этапа. Хотя мы точно не знаем, как протекал этот процесс на юге Афганистана, тот факт, что в ахеменидское время, по крайней мере с точки зрения керамического искусства, складывается единая, унифицированная культура в пределах всего Афганистана, с бесспорностью указывает на правомерность подобного предположения. Можно почти не сомневаться, что в это время в пределах Афганистана складывается в целом единый этнический субстрат, говоривший на одном из диалектов восточноиранского языка.

SUMMARY

PREFACE

Although no monuments from the Lower Palaeolithic of Afghanistan are yet known, the discoveries of corresponding materials in adjacent territories, mainly in Central Asia, give every reason to believe that modern Afghanistan was once in the formational zone of ancient man.

Isolated finds of flint tools and, to a less extent, scattered Stone Age camp-sites in the contact zone of sands and takyr have been discovered in an area stretching some 150 km, from Andkhoy along the Kelift to Tashkurgan. Among the most interesting finds geometrically shaped tools coming from the vicinity of Tashkurgan. They probably belong to the Late Mesolithic period.

Much interesting material has come from Siakh Rig, 15 km north-east of Tashkurgan, which includes some tools, such as retouched blades, points or piercers, and perhaps, drills and end scrapers. These materials are unusual since they were treated with befacial retouch, a method similar to the one used to treat the tools from the Tashguzar survey sites.

A scattered camp-site, also discovered here, besides a great number of flakes, includes over 60 tools made of high-quality brown flint: steep-retouched end scrapers, piercers, points and blades, many of them with befacial retouch. Although most of the tools look like big knives, some of the objects might have served as arrowheads.

The direct archaeological evidence available can be interpreted as follows. The Late Mesolithic hunters from rock shelters, caves and grottoes of the northern Hindu-kush spurs, having descended into the Amu Darya basin, found a rich fauna of riverside brushwood supplemented by fish resources of countless little lakes and creeks. The entire complex of flint industries suggests that the ancient economy was predominantly hunting and fishing, although there was some primitive seasonal farming. Small camp-sites might have consisted of light reed huts, perhaps slightly dug in. The newly discovered culture of the Amu Darya Neolithic coexisted, in its later phase, with settled-farming tribes of the Bronze and Early Iron Ages of the traditionally farming oases of the Bactrian Plain.

CHAPTER I.

THE FORMATION A FOOD-PRODUCING ECONOMY

The first settled-farming villages appeared in the foothill areas of Iraq, Western Iran, Syria, Palestine and Southern Turkey, where they date to 8000-6500 BC. Their inhabitants were already acquainted with mud-brick architecture, ceramics, basketry and the working of stone. Ideological concepts were sufficiently developed, as is documented by occurrence of cult sanctuaries and a special burial ritual. In the VIIth to Vth millen-

nia BC such settlements appeared in Central and Eastern Iran and in the extreme South-West of Central Asia (Jeitun culture). Somewhat later settled-farming villages spread throughout the rest of South-West Asia. Although scientists have differing opinions on the particular ways such early farming centres formed in the ancient East, it is more justified to assume the process was polycentric. One of the centres may have been in Northern Baluchistan, including Southern Afghanistan which was supposed by N. I. Vavilov to have been one of the centres of wild wheat domestication. There were especially favourable conditions for the formation of settled farming economies in the Quetta-Pishin Valley at the foot of the mountains.

CHAPTER II.

AFGHANISTAN IN THE BRONZE AGE

The second millennium BC is also significant because the first settled farming tribes appeared in Northern Afghanistan at that time. So far three oases suitable for farming have been discovered: Davletabad, Dashli and Farukabad Oases. Materials from the country's north that are beginning to circulate among specialists, constitute the basis of this chapter. However, well-known and established evidence of other territories, mainly Murgak are also included, though in a more generalized and summary form.

The Oasis of Davletabad is the westernmost site of Bronze Age monuments within Northern Afghanistan and comprises four monuments, viz. Tikar I, II, III and Tikar IV (Hirdai-Tepe), situated in a chain along the left bank of the Shirin Tagao River. Central in position was Hirdai-tepe, a nearly square settlement, 100 m by 95, surrounded by defensive walls and corner towers. The cultural layer is seven metres thick. The other three settlements are smaller and have no by-pass walls, their cultural deposits ranging from 2.5 to 3.5 m in thickness. The overall ceramic sequence constitutes a single genetic complex consisting, however, of two chronological stages. The earlier (Hirdai) stage marks the initial formational phase of the oasis. The ceramics are mainly wheel-made and plain and their main forms are small carinated storage pithos-shaped vessels, deep basins with vertical rims and sharply narrowed bottom portions, jar-like vessels with thin rim and, perhaps, vases on long legs.

Coinciding in part with the Hirdai phase but continuing to a later date, the Tikar phase is characterized mainly by the same forms of ceramics. However, there was greater use of long-legged vases and the appearance of ceramics decorated with incised wavy-lined ornament.

The inhabitants of this part of the country in the second millennium BC were farmers; cattle-breeding was supplemented by hunting wild boar and, perhaps, jarans. The small villages consisted of standard mud-

brick houses and the central settlements were fortified with outer defensive walls. On the whole the Davletabad Oasis seems to have been a peripheral, or perhaps, a fixed intermediate point used by the settling tribes moving easterly to ward the Oasis of Dashli and Farukabad.

The irrigation oasis of Farukabad is between the towns of Akcha and Balkh. The central settlement is Farukabad 1. It is 1100 m by 800 in area and contains a destroyed burial ground. Judging by the ceramics decorated with incised wavy ornament, Farukabad 1 belongs to the late Tikar phase. The other settlement, Farukabad 2, is much smaller (100 m by 70), it also contains remnants of a ransacked burial ground.

The Dashli Oasis is about 30 km north of Akcha which in ancient times was reached by the Balkhab delta. Archaeologists have uncovered 40 Bronze Age monuments there and some Early Iron Age and Achaemenid settlements lying to the south-east. These locations can be explained by changes in the position of the irrigated lands due to the migration of the ancient Balkhab delta. In addition to the settlements excavations have revealed two large burial grounds that have been destroyed by previous rapacious excavations.

TYPES OF MONUMENTS. Exploration of the three oases has shown that in Bronze Age Northern Afghanistan predominantly large unfortified settlements existed side by side with isolated but thoroughly fortified strongholds. An example of the latter type is Dashli 1 which consists of a fortress, 99 m by 85, surrounded along its outer edge by a thick brick wall, up to four metres wide, with rounded towers at the corners and along the perimeter of the rectangle. Situated near the fortress is the settlement proper without any traces of having been fortified. This type of rectangular fortress with corner towers is the first such fortification found to go back to such an early date, and is particularly interesting in the study of the history of ancient architecture of the entire Near East.

Every settlement consisted of separate multiroom houses separated by little streets. Each of the houses included living and housekeeping quarters often grouped around an inner courtyard.

MONUMENTAL ARCHITECTURE. Of exceptional importance is the discovery and exploration of the hitherto completely unknown monumental architecture of the Bronze Age in Bactria. A complex of such structures has been revealed at Dashli-3. One of them, tentatively called «the rotund building», consists of a central section clearly used for cult purposes, and surrounded by living and housekeeping quarters, each constituting a separate microcomplex. The entire structure was enclosed along its contour in a gigantic square of outer walls, 130—150 m each, at the foot of which there may have been a moat. The rotund building has rectangular quarters some of which exhibit clay-benches and interiors decorated with figured niches. Another distinctive feature of these quarters are elaborately designed fire-hearths mounted on high brick platforms, most likely altars.

The rotund building must have served some cult purposes, like a fire temple. This indicated by the altars mounted on the brick platforms. On the other hand, the numerous living and housekeeping quarters adjoining the rotund building make the structure look like a building typical of ordinary secular settlements. Because the monument is a combination of cult and secular architecture we are justified in comparing this complex with the temples typical of advanced centres in the ancient East. Thus, the monument may have been a temple community, which presupposes the existence of temple property, and in particular, lands yielding crops to satisfy the temple's needs. On the whole, however, this structure is most similar to the temples of

Mesopotamia, and mainly the «Oval Temple» in Khafajah, and the Shara Temple in Tell Agrab and Tepegawra.

Another monumental structure tentatively called a palace has been excavated at the same site, Dashli-3. The buildings overall size is 88 m by 84, with an inner courtyard of 40 m by 38. All four sides enclosing the courtyard have a common floor plan. In the middle of each of the faces is a long T-shaped corridor which has spacious halls on either side with additional quarters. All four faces are connected by passages to a by-pass corridor which once had a false-vaulted ceiling. The by-pass corridor embraces all four sides of the inner courtyard, and is the organizing nucleus of the entire building.

Inside the courtyard and nearer to the walls are small compact structures for particular usage. Thus, rather uniform but isolated microcomplexes lined the south and west walls, and each complex included three rooms connected by passages. The interiors were decorated with figured niches. The main rooms had clay benches and brick fire-hearths.

The building plan is unusual at the north wall of the courtyard, where long and narrow compartments have been preserved. These compartments are covered overhead with bricks, perhaps the remains of a heating system («tabakhana»). The living and gala rooms of the local ruler may have been above these compartments. In these rooms the excavators encountered some fragments of alabaster mosaic which may have decorated the interior panels. The structure as a whole might have been used as a palace and also for cult purposes. The inner courtyard was the heart of the complex. It contained some residential and cult buildings. It could have been the abode of the local administration as well as performed some religious functions.

A distinctive feature of the entire building is its walls richly decorated with pilasters. Some are stepped, especially the front ones. Characteristic is the strict linear rhythm of alternating niches and pilasters. They once produced a chiaroscuro effect that broke the monotony of the planes. The closed character of the entire layout is emphasized by the enclosed square of high blind walls. At the southern corner a powerful gate house was used for communications with the outside world. The same purpose was served by a moat at the foot of the outer walls, up to ten metres wide and three metres deep. Both the rotund temple and the palace must have existed at the same time, and fulfilled certain public and cult functions within the entire Dashli Oasis. The architectural complex revealed at Dashli-3 has no immediate analogies among recognized structures of the ancient East. However, some of the parallel lay-outs indicate ties with the monumental architecture of Mesopotamia. All this does not rule out the possibility of future discoveries of buildings similar in type and character in adjacent Iran as well.

ANCIENT BURIALS. These are known from both the Southern Afghanistan where they date back mainly to the Eneolithic and Early Bronze Age (Mundigak) and Northern Afghanistan. While in Mundigak the necropoleis are within the settlement, in the north one can encounter: (i) burials on the ruins of abandoned settlements, (ii) within the inhabited part of the monuments, and (iii) detached burial grounds. Materials from the Dashli-3 burial ground, indicate three funeral rituals: inhumation, partial, or fractional, burials, and cenotaphs. The burials on the ruins (about 60%) are in ordinary grave pits covered with bricks. As a rule the skeletons (with only a few exceptions) are buried in a bent position, laying on one side, their orientation being predominantly northerly. Some 60% of the recorded burials are fractional, known from Southern Iran (Khurab), Baluchistan (Sokhr Damb) and Pakistan (the Timargarkh

Cemetery). A partial burial means a secondary burial after the decomposition of the body outside the burial ground. The cenotaphs are fewer (about 10 %), they are pits filled with vessels.

The funeral inventory includes ceramic vessels, pins, daggers and temporal rings, and to a smaller extent, stone bottles, flint arrowheads and beads. There are, although rare, some ritual burials of rams, surrounded by a great number of vessels (Dashli-1).

Judging by the remains, the underground cemeteries were deep pits with niches at the bottom, and remotely resembled catacomb graves. This purely formal resemblance does not allow us to compare them with the catacomb burials of the steppe cultures of Eurasia. Some catacombs (Sumbar) and detached underground cemeteries are known from Southern Turkmenia (Yanghi kala), though only from the Namazga VI period. It is possible that both Bactria and South-Turkmenistani funeral rituals and structures in the Late Bronze Age originated on the territory of ancient Iran.

CERAMIC INDUSTRY. This is at a high level of development with some traits of handicraft industry, indicated by the elaborate forms of two-tired kilns, often found in large numbers at one place. Wheel-made pottery of complex, sometimes even elaborate forms, is predominant and also implies professional manufacture. The wares are predominantly thin-walled, covered with light shades. The vessels are rarely painted dark-red all over.

As a rule all the wares are plain, only at a later stage some of the vessels began to be decorated with incised wavy lines. The tentative typology of the main forms of wheel-made wares are as follows: long-legged vases, simple vases, legged beakers, simple beakers, saucers, cups, pots, basins, jars, carafes, kettles, big and small storage pithos-shaped vessels. Vessels from 50 burials of the Dashli-3 burial ground were used to obtain statistical data on the ceramic wares. The results are as follows: (i) by make: wheel-made ceramics — 94%, including those with light background — 66.5%, those with red background — 27.5% plastic pottery — 6%; (ii) by form: legged vases — 16%, simple vases — 23%, legged beakers — 8%, simple beakers — 3%, saucers — 1%, basins — 5%, kettles — 5%, jugs without handles — 1%, carafes — 1%, pots — 7%, small storage pithos-shaped vessels — 19%, bottles — 1%, cups — 1%, jugs — 1%, vessels of unrecognizable form — 8%.

The main forms of the plastic wares are: big and small storage pithos-shaped vessels, pots, cauldrons and braziers, i.e. predominantly household vessels. Finally some 3% of all recorded ceramics are burnished grey plastic wares decorated most often with netty ornament. They present hemispherical cups, wide-necked jugs, basins, kettles, little carafes and saucers. The most direct analogies can be drawn between the grey ware and the wares from North-Eastern Iran, and mainly Tepe-Hissar III. Thus, it is safe to assume that it has been imported from that area.

A comparison of ceramics suggests the existence in North-Eastern Iran and Southern Turkmenistan of a common ceramic province (with several centres) dating back to the second half of the third millennium BC. In the middle of the second millennium BC this ceramic complex in one of the centres of the above outlined province continued to spread in several directions: along the Turkmeno-Khorasan mountains, including Northern Afghanistan, and along the Iran-Afghanistan frontier zone as far as Southern Baluchistan.

GLYPTICS. The rich collection of ancient seals raises the question concerning the character of ancient Afghan glyptics in South-West Asia. Thus, white cylinder seals were common in Mesopotamia and adjacent Elam, and rectangular ones of the Harappan type in the Indus Valley, the vast territory around the Plateau of

Iran was the zone of compartmented seals. Seals of the latter type are represented most fully in Eastern Iran (between Hissar and Shahr-i-Sokhta), Southern Turkmenistan, and Afghanistan; to a less degree they are known in Baluchistan, as far as the Indus Valley.

It is now possible to outline the main stages in the development of glyptics within the outlined zone and, above all, in Afghanistan.

The first period is documented by stone amulet-seals decorated with engraved geometric patterns, and having a perforation for suspension by a cord (Mundigak III—IV, Shahr-i-Sokhta II). Period II (Mundigak IV, Shahr-i-Sokhta III) is characterized by a gradual replacement of stone seals by compartmented copper and bronze ones. A similar line of development can be observed in Southern Turkmenistan, North-Eastern Iran following this trend only in a later phase.

The seals of Northern Afghanistan fall into three main groups: metallic, stone and terracotta. Most widespread are compartmented metallic seals of several types. The first type are engraved anthropomorphic seals with figures standing out spectacularly against a transparent background. They have a common iconographical design: a seated nude human figure, half-face, with small-winged shoulders full face, arms apart. In one case the winged figure sits in state on a throne, in another, presumably on a dragon. These unique seals are quite similar to the winged genii of Syro-Hittite glyptics in which they are thought to reflect Egyptian influence. The North-Afghan examples seem to reflect a further diffusion of this mythological motif with eastern influences.

The second type are seals depicting birds, including eagles, in heraldic postures. Similar motifs have been found in Southern Turkmenistan, the Indus Valley and Susiana, but the most significant are the Syro-Hittite examples.

The third type are seals depicting scorpions. They come from ancient Iran and Southern Turkmenistan. Although it is common to associate the scorpion design with the concept of fertility, one cannot exclude the totemic aspect either as indicated by the Sumerian texts in which the scorpion is mentioned as a tribal or clan totem (I. M. D'yakonov).

The fourth type are theriomorphic seals. Most impressive among them is a seal depicting the figure of a humped ox standing in a boat. The boat is depicted as a coiling double-headed serpent or dragon. The ox in a boat design may have been brought to Bactria from Mesopotamia or the Indus Valley. Its semantics seem to have been connected with some concepts of after-life.

Only one example has been found of a seal depicting a monkey. This motif is extremely rare in Mesopotamian glyptics, and is unknown in the Indus Valley although it does occur on Syro-Hittite seals.

The sixth, most numerous type are seals decorated by geometric patterns based on various versions of a cross design.

The seventh type are seals based on multipetalled rosettes.

The second, quite scanty group consists of stone amulet-seals that usually have a perforation for suspension by a cord rather than a handle. The engraved designs are birds, a lion, and a scorpion. Besides there are cross and spiral patterns. They were probably used predominantly as apotropaia.

A unique amulet-seal is metallic and rhomb-shaped. It depicts a two-humped camel and a child holding it by the bridle on one side and a tree and two birds on the other. These two motives are similar to those mentioned in some texts in Avesta. The texts speak of a tree (containing seeds of all the world's plants) in the context of two birds; also a camel, the most highly honou-

red and powerful animal. In general the stone amulet-seals are quite similar to the Murghab and post-Harappan ones, and of the so-called Jukar culture, which outlines a sufficiently significant line of mutual relationships between distribution and synchronization.

Seals symbolized ownership, which is well documented by clay impressions. It is significant, however, that sometimes two or more different seal impressions appear on a single lump. They may symbolize family or public property, rather than personal. Some seals may have had other uses as well, marking the social and cult stratification of the local society. These considerations presuppose rather than exclude the religious-magic aspect of the seals.

METAL INDUSTRY. The Bronze Age is documented by both already known metal objects from the country's south (Mundigak) and by new evidence from northern Afghanistan. The laboratory of Scientific Research Methods has carried out a spectroscopic (E. N. Chernykh) and a metallographic (N. N. Terekhova) investigation of metal objects. And a chemical analysis has been made of copper ore. An examination of Afghanistan's metal industry from these aspects has made it possible to observe basic traits and mainly topological classification. Thus we see that Afghanistan belongs entirely in the Central-Asian zone, and constitutes a single metallurgical province. The first attempts to do such work have been based on the classification proposed by E. E. Kuz'mina for Central Asia and by J. Deshayes for the Near East.

Axes have five categories: (i) ground-stone, (ii) shaft-hole, (iii) adzes, (iv) hewing adzes, and (v) socketed axes.

Daggers have two categories: (i) rhombic with a straight haft sometimes curved at the end, and (ii) leaf-shaped, often with a twisted haft. The latter have so far been recognized only in Bactria. The knives are single-bladed, and slightly curved. The sickles are toothed, slightly curved; projecting hafts are curve-ended. The razors are straight-bladed with slightly bent hafts. So far only one example of slashers have been found. It is a massive tool with a sharp blade and slightly curved haft.

The awls and piercers are round, double-edged (type I) or square in cross-section (type II).

The adornments found are mostly mirrors and long pins.

The mirrors are round, either without handles (type I) or with a projecting handle (type II). The latter are divided into two subtypes: (i) straight-handled and (ii) handles in the shape of a female figure. The latter subtype is rather rare. Besides in Afghanistan such mirrors have been recorded in Baluchistan (the Mekhi burial ground) and Southern Uzbekistan (the Sapalli burial ground). Although it has been suggested (S. Piggott) that such mirrors may have come from Baluchistan, the new finds indicate that perhaps a common source existed. This supposition may be supported by discoveries of similar mirrors among Luristan bronze objects.

The miniature vessels are mainly bottles with a rounded body and long neck (type I). They come from graves, and many have long pins inside. Type II representing cylinder vessels is so far known only in Bactria. Type III, a rare one, consists of jar-shaped vessels with a carinated bottom portion.

The pins are quite numerous and include several types: (i) conicor pyramidal-headed, (ii) spade-headed, (iii) spiral-headed, (iv) bispiral-headed, subdivided into pins with inwardly or outwardly curved valutas, (v) rosette-headed, (vi) with a ribbed head, (vii) hemispheric-headed, and (viii) with a figured head. Unique examples of the last type have been discovered. One depicts the fronts of two seated rams and the other, a human-headed, bearded ox, very similar in style to the

designs on vessels from Northern Afghanistan (the Fal-lol Treasure) and Mesopotamia (the Ur Tombs).

There are 2 types of bracelets: (i) those with unclosed ends, and (ii) those with unclosed but overlapping ends. The temporal rings are either plain, with unclosed ends, or coiled one and a half times.

The available materials suggest the possible existence of at least two metallurgical centres within Afghanistan, in the south and north of the country accordingly, the North-Afghan centre constituting part of the Irano-Turkmenistani metallurgical province.

STONE, FLINT AND BONE OBJECTS. Of particular interest among the stone objects are steatite «Kidney» believed to have been connected with some ritual fortune-telling. The «miniature columns» of stone are distinctly analogous to those from Eastern Iran, Buluchistan and Southern Turkmenistan. The flint objects are arrowheads (rhombic, triangular-hafted and laurel-leaf-shaped) and javelin points, made according to the best traditions of the Neolithic period, and skillfully worked on both sides. Unlike the arrowheads, the other flint tools are rather roughly made, exhibiting signs of degradation, and indicating that they were giving way to bronze objects.

The bone objects are mainly antlers probably used as mattocks. Piercers and pins have also been found, although few. The bi-conical circle-ornamented beads of steatite are a characteristic trait of the material culture of the Late Bronze Age of Afghanistan. They were known concurrently in North-Eastern Iran, Southern Turkmenistan and the post-Harappan Jhukar culture. They spread simultaneously all over the territory. This is not accidental.

Anthropomorphic plastics are practically unknown. Theriomorphic plastics consists of unique terracotta figurines as well as by a painted alabaster figure of a dog and ram.

The North-Afghan material culture we have just examined has western origins in the assumed Irano-Turkmenistani centre. (Iran stands here primarily for Iranian Khorasan). About the middle of the second millennium BC a large group of related tribes spread farther east. Some penetrated into the foothill oasis of the Kopest-Dagh as far as the Murghab delta (the Namazga VI complex), another wave moved into Northern Afghanistan, some traces of the extreme point reached having been discovered in Bactria, including its north (Sapalli, Mirshadeh). All this warrants distinguishing a separate Bactrian-Margianan archaeological complex which (by radiocarbon) existed in the middle or second half of the 2nd millennium BC.

The main traits are: strongholds of standard lay-out and fortification, monumental architecture both of cult and secular character, burial grounds outside the inhabited settlements (including underground and catacomb ones), ram burials, and practically the complete absence of both theriomorphic and anthropomorphic plastics. The key monuments are: the Dashli ones in Southern Bactria, Sapalli, etc. in Southern Uzbekistan, and the Gonur and Togolok Oases in Margiana. The Bactrian-Margianan complex indicates that Margiana was part of Bactria as early as the Bronze Age, which for the Achaemenid period can be concluded from the Behistun inscription.

CHAPTER III. AFGHANISTAN IN THE EARLY IRON AGE

The end of the 2nd millennium BC in Afghanistan was marked by the spread of a new archaeological culture whose most characteristic trait was handmade painted pottery over wheel-made plain pottery, and also the emergence of settlements. The organizing centre of each

settlement was a high platform with a citadel upon it. In the country's south materials were found in the Mundigak V—VI layers and the early (II) complex of Nad-i-Ali. In Afghanistan's north this period is reflected most fully by the materials of Tillya-Tepe. The suite of the cultural layers of this monument is over ten metres thick. The overall data obtained during the excavations allow us to distinguish the main periods in the entire history of Tillya-Tepe.

The cultural deposits corresponding to the first building level date back to the earliest (I) period (Tillya I). The ceramic complex is characterized by the concurrent existence of plastic wares, some of them painted, and wheel-made ones, sometimes decorated by incised ornament.

Relevant structures designated as «the second building level» date back to the second period (Tillya II). The plastic wares do not reveal any apparent changes, and the wheel-made ceramics begin to include vessels decorated by little raised «collars» on their shoulders. Besides these two types (genetically continuations from the first period) there are black polished ware with no local prototypes.

No construction remains have been recorded in the third period (Tillya III). Corresponding to it is the «upper layer of the courtyard», identified only in the central, most prominent part of the mound. The ceramic complex indicates great changes. There is a sharp decrease in the number of painted plastic and black polished wares. Instead there is more wheel-made pottery, mostly decorated with «collars»; there are cylinderconical jars from Achaemenid times.

Painted plastic and wheel-made pottery appeared from the lowest layers upwards; rim counts taken for Tillya I and Tillya II have given a mean ratio of 1:2 in favour of plastic ceramics. The wares from Tillya III are too few to make statistics. Nevertheless, the wheel-made ceramics prevail decisively over the painted plastic pottery of which there are only isolated specimens.

The ceramic complex of Tillya I seems to have emerged in a ready form with a developed repertoire of ornaments for painted plastic pottery and established forms of wheel-made ceramics. In concluding the review of the material culture of Tillya-Tepe it should be noted that besides ceramics, the excavations have yielded metallic arrowheads, stone pestles and grain-rubbers as well as isolated metal objects (of bronze in the lower and of iron in the upper layers). There are almost no objects of applied art and especially small terracotta plastics. And no ancient cemeteries have been encountered either. In general Tillya-Tepe seems to have been a settled-farming village that might also have bred cattle.

It is more difficult to determine how long Tillya-Tepe existed. The Tillya III period coincides with the so-called Achaemenid complex and can be traced back, with sufficient certainty, to the middle of the first millennium BC. The bronze two-feathered arrowheads from Period II belong to the archaic type and date back to the first centuries of the first millennium BC, and the coal from layer X of trial trench 3 dates back to the 9th century BC (860±60 BC). Thus, we can date Period II tentatively to the early Iron Age and Period dates back accordingly to the final Bronze Age. Henceforth until new radiocarbon dates have been obtained, it is possible to suggest the following purely tentative chronological scheme for Tillya-Tepe: Tillya I (1000—800 BC), Tillya II (800—600 BC), and Tillya III (600—500 BC).

Another site with similar archaeological materials has been discovered farther west. It is the Naibabad Oasis where several settlements have been discovered with ceramic industries closely resembling those of late Tillya II and, in part, Tillya III.

The materials from Tillya-Tepe reveal quite clearly

analogies among the monuments of the southern regions of Central Asia. This is especially true of Turkmenistan where corresponding materials were distinguished as the Anau IV complex to be later traced to many other monuments of the Kopet-Dagh foothills (Elken-Tepe, Ulug-Tepe, etc.), as well as in the ancient Murghab delta (the Yaz-Depe I complex). Over the past few years similar materials have been discovered in Southern Uzbekistan (Kuchuk-Tepe, Mirshadeh).

If one compares the North-Afghan materials with the above-mentioned monuments from Central Asia, the similarities are striking in forms of both wheel-made and plastic ceramics and especially in the motifs of the paintings. Similarity can also be traced in the texture of the sherds, the colour spectrum of the ornaments as well as in the technique of decorating kitchen cauldrons and in the forms of grey wares. The emerging Afghan-Central Asian parallels, some of them even identical, are supplemented by similar types of settlements with brick citadel platforms and monumental structures. The painted plastic wares from Anau IV seem to interrupt the local line in the development of the late Bronze Age wheel-made pottery. Thus scientists have made a hypothesis on the general degradation of the local culture due to the invasion of barbarian nomadic tribes from the Central Asian steppes (the period of barbarian invasion). In light of the new evidence a different hypothesis could be put forward, that some tribes acquainted with painted ceramics moved from ancient Iran eastward, passed through the mountainous areas unsuitable for farming, and settled in the fertile oases of the Shiberghan type. Later on new areas suitable for farming would be inhabited, such as the Naibabad and, Farukhabad Oases in Northern Afghanistan, and monuments of the Kuchuk-tepe and Mirshadeh type in Uzbekistan. Another wave seems to have been connected with the peopling of the Kopet-Dagh foothills in Southern Turkmenistan at the turn of the second and first millennia BC.

If the proposed historical interpretation of the archaeological material is correct, the hypothesis relating the genesis of the painted ware culture of the Anau IV type to the direct influence of the steppe cattle-breeding tribes should be abandoned altogether. Thus, the term «period of barbarian invasion», still widely used in literature, will itself become unacceptable. Considering the history and geography of the zone, the dynamics of folk movements and close cultural affinity, it seems more advisable that all the complexes studied should be classified with the single East-Khorasan culture, and its local variants. The area of this culture covered Eastern Iran, Afghanistan and the southern regions of Central Asia; it existed in the last centuries of the second and the first centuries of the first millennium BC. The main and most characteristic traits of the East-Khorasan culture are as follows: the economy was based on irrigated farming and, probably, cattle-breeding. Hunting was auxiliary. There were two types of monuments: the central settlements had citadels on brick platforms, small «rural» — type settlements had no citadels. The ceramic industry consisted of various plastic wares, some of them painted, and a lesser number of wheel-made pottery. The manufacture of painted plastic ceramics does not signify a lower cultural level. It is primarily an ethnographic trait of the bearers of the culture in question. The absence of anthropomorphic plastics and the practice of burying the dead within the settlements apparently reflect some ancient beliefs. In this respect the East-Khorasan culture differs greatly from many well-known cultures of the ancient East.

The fact that the East-Khorasan archaeological complex is predominantly analogous to the those from Central Asia, should not overshadow its parallels with Mundigak and Nad-i-Ali mentioned above. J. Casal was the first to suggest some time ago that the degrading

culture of Mundigak V should be associated with the Chust culture of the Fergana Valley. However, there is no evidence to support the hypothesis about the Chust tribes, invasion of the Kandahar Oasis. On the contrary, the data available tend to point to the diffusion of all the above-mentioned complexes of the painted ware culture from Iran farther east. The similar traits of Tillya-Tepe, Mundigak V—VII and Nad-i-Ali II, indicate a common source of origin.

The concluding stage of the East-Khorasan culture is documented by the corresponding monuments from the Farukabad Oasis, of the Kumli I and II type, the material culture of which reflects a combination of two traditions, that of the Bactrian-Margianan complex and that of the East-Khorasan culture. For the first time a «pure» form has been established of a concurrent co-existence of predominantly wheel-made ceramics (of undoubtedly local genesis dating back to the Bronze Age) and scanty handmade painted pottery of the Tillya-Tepe type, which was completely assimilated. Although the material culture combined two different cultural traditions, one can observe a decisive domination of the local «Dashli» tradition going as far back as the Bronze Age. It is possible the Kumli period embraced the VIIth and VIth centuries BC. This would provide the missing link between the Bronze Age and Achaemenid periods thus demonstrating a single genetic line of development in the history of Bactria in the beginning of the first millennium BC. Judging by a similar archaeological complex found in Southern Afghanistan dating back to the middle of the first millennium BC, similar processes here were also underway at the time.

MONUMENTAL ARCHITECTURE OF ACHAEMENID BACTRIA. One piece of monumental architecture is Kutlug-Tepe, a 25 m by 25 structure, rotund in plan and consisting of two ring galleries with a great number of light embrasures for illuminating the galleries themselves. The northern part has a passage leading both to the galleries and the central courtyard the galleries enclose. Rectangular rooms are in the middle of the courtyard one of them still has blue niches, an alabaster floor and, presumably, an altar. There are grounds to believe that along its outer contour the rotund building was enclosed in a square brick case with a by-pass corridor inside.

The general plan of Kutlug-Tepe quite closely resembles that of the rotund temple at Dashli III, mainly in terms of the principle used to plan the ring corridors containing rectangular rooms, including some rooms used for cult practices. Although Kutlug-Tepe is much more simple than Dashli III, it is evident that it follows architectural traditions originating in the Bronze Age and thereby demonstrating the genetic line of development of Bactrian monumental architecture.

The next monumental complex (Altin 10) consists of three independent objects. Object I is a rectangular building, 80 m by 55 and was presumably a summer palace. At all the four corners there are square rooms with a support post in the centre, and pilasters decorating the outer corners. The entire building is divided in the middle by a chain of rooms along two spacious courtyards decorated on three sides by brick columns. Thus, 14 columns line the inner walls of each courtyard forming a kind of colonnade portico oraiwan. Stratigraphy indicates the building was destroyed by a fire.

The next (II) object is situated nearby and is a square building, 36 m by 36. Each of the four corners has a spacious rectangular room with support posts inside. Situated between the corner rooms are long narrow rooms whose entrances lead to a by-pass corridor that surrounds all the sides of a spacious inner courtyard. The by-pass corridor is connected to the inner courtyard by three passages. Right in the centre of the courtyard is a pond. The walls of all the rooms are covered with

alabaster. On the floor of one of the corner rooms one can see little three-stepped pyramids covered with a thin layer of white alabaster, presumably altars. In general outline, the structure was a small building the heart of which was an inner courtyard with a pond. The suite of the strikingly uniform rooms situated along the three sides is bounded on the side of the courtyard by a by-pass corridor. The entrance which led from the eastern side had a gate room on both sides. On the whole, judging by similarities with the nearby summer palace, it could have been a country winter palace, an abode of the local ruler. Although the Altin 10 complex was of predominantly secular character it also perhaps had cult aspect. Some of the rooms might have been used as home sanctuaries.

Judging by the material found, both buildings belong to the early Achaemenid period and date back to the 6th or 5th century BC.

Altin 10 it seems had a complex of structures of a special character. The general lay-out of Object II at Altin 10 and the secular and cult structures of Dashli III show quite evident relationships. The main similarity is the planning principle with a square courtyard at the heart of the structure and connecting passages with a by-pass corridor. Both structures have a strict symmetrical general plan based on crossed straight lines of well-controlled proportions. At the same time we can observe some innovations exhibited by the absence of pilasters as a decorative element, and even planes beginning to prevail in the general composition of the building at Altin 10. Rhythm and symmetry were now becoming a characteristic trait of Bactrian architecture.

Even more innovations are demonstrated by the summer palace from Altin 10, which is exhibited both by its plan and by the construction of the colonade iwan porticos. But here, too, one can easily feel as before the thoroughly local traditions of Bactrian architecture. This is vividly exemplified by the interiors of some of the rooms decorated with figured niches directly resembling similar techniques used to decorate the special premises of Dashli III.

The nearly 1000 years of the continual development of monumental architecture in Bactria was not just a local phenomenon. On the contrary, in the middle of the first millennium BC the architecture of Bactria demonstrated an increasing likeness to the structures of Achaemenid Iran (apadana in Persepolis, the acropolis in Susa) and, mainly, the monumental buildings of Dahani Ghulaman in Iranian Seistan. Situated a long way from Persepolis on the outskirts of the Achaemenid empire, the complexes of structures of the Dahani Ghulaman—Altin 10 type open a new page in historical studies of the culture of peripheral satrapies.

CHAPTER IV. AFGHANISTAN IN THE ANCIENT EAST

The above review of archaeological materials and observations makes it possible outline Afghanistan's history in terms of the ancient East. Even with the current knowledge of the country's past it is already possible to raise and partially solve the questions of palaeoeconomics, palaeodemography, social system, formation of urban civilization, ethnic history and language affinity of particular groups of the population. Purely archaeological materials and observations are clearly not enough to even partially solve many of these questions. In such cases, scientists make use of additional materials and written records from Mesopotamia, on the one hand, and ethnical parallels on the other.

PALAEOECONOMICS AND POLAEODEMOGRAPHY. These may be considered at present mainly based on the

material found in Northern Afghanistan, and mainly the Dashli Oasis. This particular microarea allows us to raise the problem with all its numerous aspects, though with relative certainty.

The most common cereals were barley and dwarf wheat. Most likely the farmers used antler points for ploughing. Joined to a wooden haft such tools might have matted the land quite well. Indirect observations suggest that to plough the land oxen drawing a primitive wooden plough may have been used. To harvest the crops the farmers must have used predominantly bronze toothed sickles fastened to wooden hafts. The gathered corn was probably threshed the same way it is now, by repeatedly driving oxen up and down the threshing floor. The great number of massive stone mortars and grain-rubbers leaves clearly indicates the method for making flour. It seems the people herded sheep and goats, but probably hunted and fished as well.

Recently explorers have attempted to reconstruct ancient societies using the materials from the North East and Central Asia. Summing up the population density ratios suggested by various investigators (H. Frankfort, R. Braidwood, R. Adams, G. N. Lisitsina, V. M. Masson) the most acceptable figure for the Bronze Age monuments of Afghanistan seems to be 150—200 people per hectare. It is however possible to determine the overall population of the Dashli Oasis. Thus, R. Braidwood and Ch. Reed have obtained a mean density rate of 1000 people per sq. km for the valley of the Chemchemel River in Iraqi Kurdistan. A similar figure has been suggested by V. M. Masson, quite independently, for the Geoksyur Oasis in Southern Turkmenistan. Considering that the total area of the cultural zone of the Dashli Oasis amounted to no less than 100 sq. km, it can be assumed during the Bronze Age the oasis was also inhabited by at least 1000 people.

FAMILY AND SOCIETY. A very complex, if not the most complex, object in the study of pre-literature archaeology is the reconstruction of the family and social forms of life in ancient society. As a rule such things are reconstructed based on analyses of lay-outs of individual settlements, ancient burials as well as some indirect observations made during excavations. There are additional data on life in Afghanistan, mainly the monumental architecture of the rotund temple type which are similar to the temple communities of Mesopotamia.

Soviet research has established the evolution from single to multi-room houses, which in most of the ancient East demonstrates at the same time corresponding changes in family units, a change from an individual-pair family to large families. This principle also makes it possible to reconstruct the Afghan society of the Bronze Age. In this respect the most promising observations are provided by the lay-out of a small peripheral settlement which sprang up on the ruins of the Dashli III palace. There a group of interconnected living and house-keeping quarters were forming. Judging by the excavated lay-out, these are remnants of structures that belonged to two large families. After some time the population increase led to the formation of the next building level consisting of two multiroom houses separated by a small street. Large families consisting of minor ones lived in each of these houses. The place might have been inhabited by two large families constituting together a large-family community defined by I. M. D'yakonov as «a collective of people joined together by common paternal descent, common economic life and land ownership and composed of two or more family-conjugal units». Considering that the settlement occupied 1600 m² and had a mean density rate of 150—200 people per hectare, it is possible that 25—33 people lived in the building. This figure can be increased to 40—45, however. If we estimate that each family consisted of

4 or 5 people, the building must have been inhabited by 8—9 minor families.

It was traditionally considered that the large-family community was replaced by the territorial community. Soviet explorers have established, however, that in the countries of the ancient East both kinds of communities often co-existed. This picture has been traced from the materials in Northern Afghanistan where tiny settlements consisting of eight or ten minor families, for example, co-existed with major towns that had dozens, or even hundreds of such families, living in cult and secular complexes. This already presupposes the existence of territorial communities as well.

The «rotund temple» plan suggests that there may well have been communities in Afghanistan, resembling to a certain extent those of Mesopotamia. It has been established that Near-Eastern societies of the third and second millennia BC had two separate sectors, a temple sector and a communal one, though their quantitative or qualitative relationships may have varied in each case.

Assigning a place to the Afghan temple complexes in general and to the «rotund temple» at Dashli III in particular, we would suggest that they might conform most closely to the pre-ensian period of temple communities in Mesopotamia. Using the terminology of Sumerian tablets it can be assumed that the Afghan temples of the second millennium BC conform most closely to the type where a chief-priest and his retinue headed the temple estate in which work was still done mostly by freemen. Judging by the Mesopotamian materials, the chief-priest (en) was gradually giving way to a head of state having some priestly functions (ensi) and the temples were passing into the hands of a king. This does not appear to be the case in Afghanistan at the time considered.

No economic tablets of any kind have been found either at Mundigak or Dashli III, so it is impossible to elaborate the social structure. It is possible, of course, that accounts were rendered to all kinds of overseers and «accounting clerks» who managed the temple's estate. The rotund temple could have housed 150—200 people, mostly farmers, so there is no doubt that it was necessary to organize the community's work. Here we should recall the compartmented seals. They might have been used to render accounts of outgoing and incoming inventory, grain and, everything else for which entries were made on clay tables in Mesopotamia.

It is now becoming evident that Afghanistan belonged to a zone unfamiliar with large-scale river irrigation but, on the contrary, consisted of a system of «oases». Side-by-side with small towns (Mundigak, Shahr-i-Sokhta) there were small, presumably rural, settlements. Settlements of both types, regardless of size, consisted of multiroom houses, the residences of large patriarchal families. Each of these families consisted of several minor ones, most of them consanguineous. But the society's structure was based on large families which, depending on the type of the settlement, could constitute large-family communities, as well as territorial communities.

The settled community of each «oasis» formed a quite isolated self-sufficient group concentrating around the cult-administrative centre. This last circumstance necessarily presupposes the existence of two sectors of land tenure, viz. private and temple sectors. All the people of a given oasis had one or another job on the temple estate. The emerged cult-administrative leadership, the chief-priest and his staff supervised both secular and religious matters: they regulated the system of water-supply distribution (and, in part, that of land tenure), the enforcement of intracommunal law and order, and they organized religious-cult festivals. In short they regulated the everyday life of the people inhabiting the

oasis. At the same time there is every reason to believe that this rule was not absolute and, to a certain extent, was controlled by the council of elders consisting of chief patriarchs of the large-family communities. It was an association of settled large-family communities under limited control of the chief-priest and administrative nobility that constituted the social and religious structure of Bronze Age Afghan society. At that time the primitive communal system of Afghanistan was degenerating, and state power was just beginning to form. In this respect the country was similar to Mesopotamia in Uruk times when there was no despotic rule yet, but the temple priests were already becoming the actual owners of large portions of common land.

PALAEoANTHROPOLOGY AND ETHNIC HISTORY.

At present apart from Mundigak there are craniological materials from the Dashli Oasis related to a variation of the east-Mediterranean type, the most pronounced form of this variant being a series of skulls from Southern Tajikistan, dating back to the second millennium BC. According to T. A. Trofimova:

«The skull from Dashli III possesses a number of peculiarities similar to the crania from Tigrovaya Balka I, rather than the South-Turkmenistani crania from Altin-Depe».

Of particular interest, in this connection, are the cemeteries of northern Bactria from the second half of the 2nd millennium BC, such as the Tulhar, Tigrovaya Balka I—IV and Makoni Mor cemeteries. According to T. P. Kiyatkina, the anthropological type of those buried in the Tulhar Cemetery is quite different from that of Tigrovaya Balka and there is neither morphological nor tribal affinity between them, each constituting an absolutely independent anthropological type. Although the data obtained by T. Khodjaiov from a large anthropological series from Sapalli-Tepe have not yet been published, a preliminary interpretation of this material is of indisputable interest. In general the author concluded that the skeletons found at Sapalli belong to the East-Mediterranean race, or perhaps, to a particular variation, and conform most closely to the people of Hissar III, Tigrovaya Balka, Makoni Mor and, probably, Dashli Oasis, while differing from skeletons in the Tulhar Cemetery, Sialka and Southern Mesopotamia.

The available data indicates a zone inhabited by a certain variation of the East-Mediterranean race which included North-Eastern Iran, Bactria and, probably, Margiana and part of Parthia.

Southern Afghanistan belonged to the zone of the so-called Indo-Afghan racial type which extended from the subcontinent of India as far as lower Mesopotamia. And perhaps the conclusions drawn independently by anthropologists (T. Trofimova, K. Mendree) are correct in assuming a close affinity between the Quetta—Mundigak—Geoksyur people and the Indo-Afghan type. As is clear from the available data, it can be assumed that the ancient population of Afghanistan may reveal genetic relationship with the ancient population of North-Eastern Iran and South Central Asia, whereas the population of Southern Afghanistan may correspond more closely to the so-called Indo-Afghan type.

The data available, though far from being complete, nevertheless warrant a tentative hypothesis that the most ancient population of this country belonged, in the third millennium BC at least, to the dolichocephalic European race, similar to the people of Southern Turkmenistan, on one hand, and those of North-Western India on the other. This substratum provides the basis for the formation by the middle of the second millennium BC of a more or less uniform population of Gracilis dolichocephalic found throughout the explored territory of Afghanistan.

Linguistic evidence up to the beginning of the second millennium BC points toward an Aryan language com-

munity, i. e. a single undivided group of Iranian and Indian languages. Apart from some hypotheses, it is assumed that the Indo-Iranian tribes inhabited the steppe areas of Central Asia and, perhaps, some adjacent regions. It is also assumed that a gradual settlement of these tribes has resulted in dialectal differences within this originally single language. This process has divided the Iranian language into two main groups, West-Iranian and East-Iranian, conventionally accepted to be separated by the Dashli-Kavir Desert. Until lately the Bactrian language was unknown, but the Surkh-Kotal inscription relates it beyond any possibility of doubt to the East-Iranian language.

At the same time doubts remain as to the particular ways East-Iranian languages spread on the territory of Afghanistan, its northern portion in particular. Many specialists, including Soviet scientists, believe the Aryans or Iranians are those steppe tribes of the Andronovo culture whose eastern branch, moving onwards, led to the spreading of East-Iranian languages. Without discussing the Indo-Iranian problem as a whole, it should be noted that the existing archaeological evidence, does not support this conception in relation to Bactria. Tribes from Central Asia did not penetrate into Bactria. On the contrary, it was from Bactria that tribes came to settle at least in the southern areas of modern Uzbekistan and Tajikistan.

On the other hand repeated settlements of the tribes (the East-Khorasan culture, the Bactrian-Margianan complex) most probably from Iranian Khorasan, may reflect the spreading of East-Iranian languages as well. The absence of written records makes this assumption highly hypothetical. The theory of the Iranian origin of the Andronovo tribes also remains essentially unproved. The established fact that East-Iranian was used in Northern Afghanistan in ancient times (Surkh Kotal) presupposes an initial phase too, which, according to archaeological evidence, was most closely connected with the settlement of tribes from Iranian Khorasan (Bactrian-Margianan complex) where the Indo-European population might have existed long before the beginning of the second millennium BC. Obviously this is just a preliminary hypothesis but it concurs better than any other with the new direct archaeological evidence.

Even more involved is the problem of the linguistic affinity of north-afghan population which, till the second millennium BC, may have spoken Dravidian languages. Then Indo-European languages, perhaps similar to Bactrian, are supposed to have spread there.

As ancient Afghanistan is more and more often mentioned in scientific literature in connection with the theory of the Aryan conquest, it seems possible to compare these data with new archaeological materials and observations.

A. M. Mandel'shtam was the first to advance the hypothesis that the steppe tribes migrating to Central Asia from the southern zone of Europe had brought along their funeral rituals (evidenced by the Tulhar Cemetery), but adopted the manufacture of ceramics and metal objects from the local tribes, including some farming implements. In his opinion, the cemeteries of the Bishkent culture (formed on the basis of the Andronovo and Zamanbaba cultures) reveal close similarities with the funeral ritual described in Rigveda. Thus, the bearers of the Bishkent culture were probably related to the Veda's Aryans. Later, this theory was developed and extended to include comparable material from the cemeteries of Southern Tajikistan and North-Western India (B. A. Litvinsky, E. E. Kuz'mina). Italian archaeologists (C. Silvi Antonini, G. Stakul) strongly objected.

Since the craniological material from Southern Tajikistan bears no resemblance not only to the Andronovo anthropological type but to any other type related to

the proto-Europeoid forms, it will become evident that the migration of the Aryan tribes to the Indian subcontinent from the central Asian steppes needs further, more profound investigation.

The cemeteries of southern Tajikistan (excluding Tulhar) were abandoned by the people from the farming oases of ancient Bactria moving north in search of new lands. Having left their home they lost some of their cultural traditions, and a general kind of «barbarization» became apparent.

Much remains vague in the genesis of the Bishkent (Vakhsh) culture but clearly one should not overestimate the influence of the steppe Bronze cultures. No Andronovo wares have been encountered yet in any of the cemeteries. The «catacomb burials» may have been practised by the immigrants when still in their former home, as indicated by the cemeteries of the Dashli Oasis. An analysis of the above facts leads to the conclusion that the cemeteries of Southern Tajikistan (excluding Tulhar) suggest settlement of traditional farming tribes farther away from their home in the north-western periphery, rather than any migration of Central Asian Indo-Aryans to India. B. A. Litvinsky was the first to put this view forward in a general form; he suggested, however, that the new tribes might have come from south-eastern Turkmenistan in the Namazga V (if not IV) period, rather than from southern Bactria. But this supposition requires additional evidence in light of new archaeological materials.

In conclusion, only some things mentioned in Avesta and Rigveda find parallels in the culture of Bactria. Moreover, even in this case most of them are equally applicable to other farming-cattlebreeding cultures of south-western Central Asia. At the same time some other things contained in Avesta have so far been correlated exclusively to the materials from Bactria (fire temples, rectangular fortresses, cult animal burials, camel designs, etc.).

It seems, however, that the evidence thus far accumulated supports the theory put forward long ago by S. P. Tolstov and detailed by V. M. Masson, that Indo-Iranian tribes may have inhabited Khorasan from at least the turn of the third and the second millennium BC. This thesis was further developed by I. M. D'yakov, but this was strongly opposed by other investigators, and mainly E. A. Grantovsky. This problem will continue to be sharply debated for many more years but from an archaeological point of view one cannot exclude even such a hypothesis which may cause a radical review of some traditional conceptions.

THE FORMATION OF URBAN CIVILIZATION IN BACTRIA. This process was based on two combined cultural traditions—unfortified citadeled settlements of the East-Khorasan culture and fortresses of the Bactrian-Margianan archaeological complex. These «urban-type settlements» led in the long run to the formation by the middle of the first millennium BC of the first Bactrian towns which consisted of a fortress with a citadel and a town proper many times larger than the fortress. The town concentrated on crafts and trade.

Although the agrarian character of towns is evident, crafts already occupied the main place and their tendency to develop became determinative. The Bactrian urban formation was characteristic of Margiana as well. At the same time, however, there were other models too, such as the Hirkanian and Parthian. The aggregate of data helps to form the schemata of the historical developments that took place on the territory of ancient Afghanistan. Much still remains vague in the scheme presented but it is indisputable that during the Bronze and Early Iron Ages Afghanistan entered the arena of the emerging civilization of the ancient East. A more concrete and precise definition of this process will depend on future archaeological explorations on that country's territory.

APPENDIX: SELECTED RADIO-CARBON DATES

Site	Laboratory Number	Affinity	Date
Girdai-Tepe	ΛE 1041	Pit N 1	3580 ± 40 (1630 ± 40 B. C.)
Dashli-1	ΛE 976	Room 18	3200 ± 45 (1250 ± 45 B. C.)
Dashli-1	ΛE 975	Room 24	3520 ± 45 (1570 ± 45 B. C.)
Dashli-2	ΛE 977	Pit	3340 ± 45 (1390 ± 45 B. C.)
Dashli-3	ΛE 978	Burial	3440 ± 50 (1490 ± 50 B. C.)
Dashli-3	ΛE 1175	Oval Temple Room 2	3066 ± 70 (1116 ± 70 B. C.)
Dashli-3	ΛE 1252	Palace	3670 ± 50 (1720 ± 50 B. C.)
Dashli-3	ΛE 1254	Palace	4230 ± 70 (2280 ± 70 B. C.)
Dashli-3	ΛE 1253	Palace Room 50	4060 ± 70 (2110 ± 70 B. C.)
Dashli-3	ΛE 1251	Palace Room 50	3250 ± 40 (1300 ± 40 B. C.)
Tillja-Tepe	ΛE 1039	Pit	2810 ± 60 (860 ± 60 B. C.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. М.	УСА	— Успехи Среднеазиатской археологии. М.—Л.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.	APAMNH	— Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. N. Y.
ИАН ТССР	— Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.	AMN	— American Museum Novitates, N. Y.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.—Л.	BASOR	— Bulletin of the American Schools of Oriental Research. New Haven.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.	JNES	— Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
СА	— Советская археология.	MASI	— Memoires of the Archaeological Survey of India. Calcutta.
САИ	— Свод археологических источников. М.	MDA en Iran	— Memoires de la Delegation Archaeologique en Iran. Paris.
СЭ	— Советская этнография.	MDAFA	— Memoires de la Delegation Archaeologique Française en Afghanistan. Paris.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.	OIP	— Oriental Institute Publications. Chicago.
ТИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад.	TAPS	— Transactions of the American Philosophical Society. Philadelphia.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3	Глава III. Афганистан в эпоху раннего железа	
Введение	7	§ 1. Восточнохорасанская культура	107
Глава I. Становление производящего типа хозяйства		§ 2. Монументальная архитектура ахеменидской Бактрии	116
§ 1. Раннеземледельческие общинники Южного Афганистана	12	Глава IV. Афганистан на Древнем Востоке	
§ 2. Расцвет земледельческих общин	15	§ 1. Палеоэкономика и палеодемография	129
§ 3. Становление городской цивилизации	19	§ 2. Семья и общество	132
Глава II. Афганистан в эпоху бронзы		§ 3. Палеоантропология и история этноса	139
§ 1. Памятники эпохи бронзы Давлетабадского оазиса	22	§ 4. Становление городской цивилизации Бактрии	151
§ 2. Памятники эпохи Фарукабадского оазиса	26	Заключение	156
§ 3. Памятники эпохи бронзы Дашлинского оазиса	28	Summary	160
§ 4. Типы памятников, жилищная архитектура	29	Preface	
§ 5. Монументальная архитектура	34	Chapter I. The Formation of a Food-Producing Economy	160
§ 6. Древние захоронения	50	Chapter II. Afghanistan in the Bronze Age	160
§ 7. Керамическое производство	60	Chapter III. Afghanistan in the Early Iron Age	163
§ 8. Металлическое производство	70	Chapter IV. Afghanistan in the Ancient East	165
§ 9. Глиптика	86	Appendix: Selected Radio-Carbon Dates	169
§ 10. Мелкие поделки	101	Список сокращений	170

Виктор Иванович Сарияниди

**ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ
АФГАНИСТАНА**

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства С. Н. Романова
Художник В. И. Венидиктов
Художественный редактор В. Г. Ефимов
Технический редактор С. Г. Тихомирова
Корректоры Л. А. Суханова, Л. И. Харитонова

Сдано в набор 17/V 1977 г.
Подписано к печати 28/VII 1977 г.
Формат 84×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1
Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 20,6
Тираж 1800. Т-08679. Тип. зак. 2469
Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, Профсоюзная ул., 94-а
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
88	сл. 2 сл.	Shahri-Sokhta	Shahr-i-Sokhta
91	сл. 5 сл.	1966,	1922,

Зак. 2469 В. И. Сарияниди. Древние земледельцы Афганистана.